

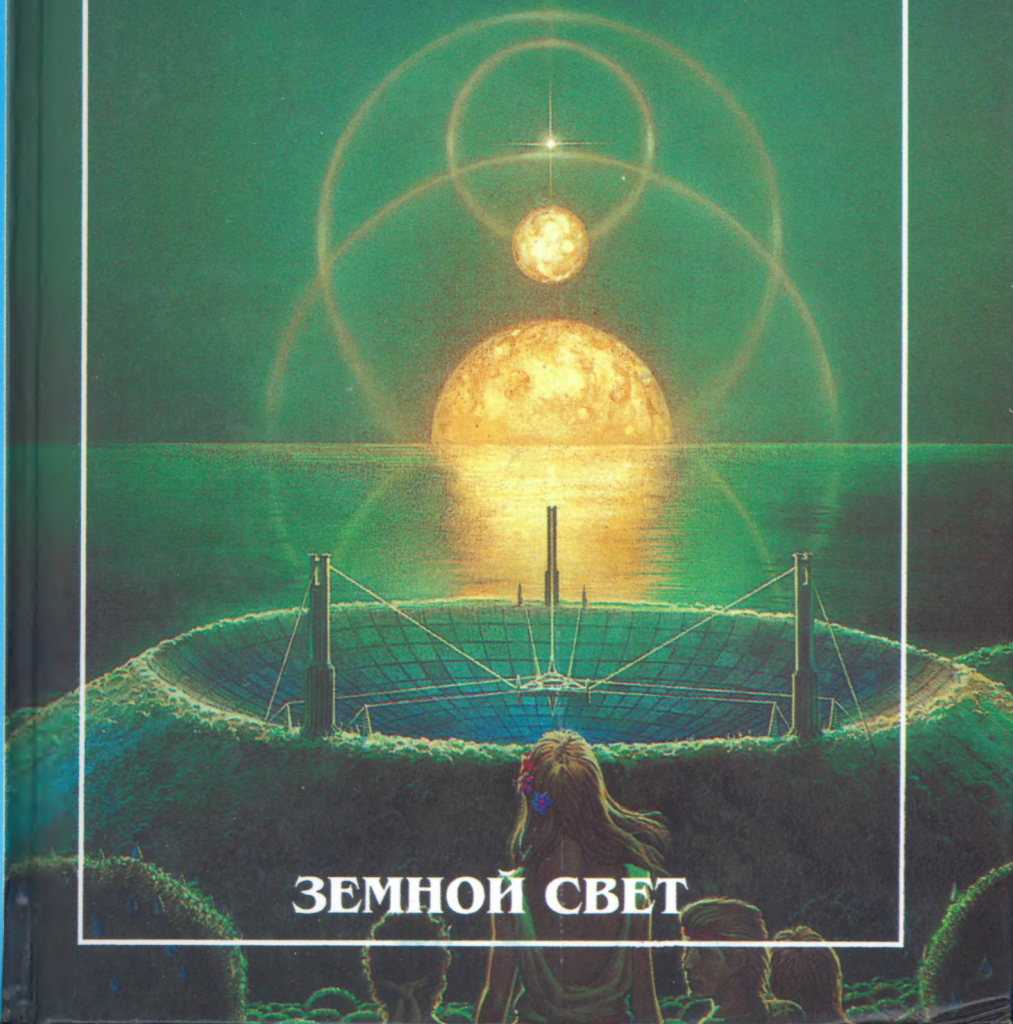
МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

ЗЕМНОЙ СВЕТ

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

ЗЕМНОЙ СВЕТ

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

**СОБРАНИЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998**

КОНЕЦ ДЕТСТВА ЗЕМНОЙ СВЕТ

РОМАНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998**

*Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»*

Миры Артура Кларка. Земной свет / Пер. с англ. —
Полярис, 1998. — 382 с.

Эту книгу составили два романа одного из фантастов «Большой тройки» мировой НФ — прославленный «Конец детства» и менее известный «Земной свет».

Произведения, опубликованные в данном издании, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчиков. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения художника Michael Whelan и его агентов: Glassonion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия).

Childhood's End

Copyright © 1953 by Arthur C. Clarke

Earthlight

Copyright © 1955 by Arthur C. Clarke

Конец детства

© Нора Галь, перевод, 1979

Земной свет

© М. Пчелинцев, перевод, 1998

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1998

ISBN 5-88132-353-X

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Открывается собрание сочинений последнего из живущих писателей «Большой Тройки», лучших и наиболее известных фантастов мира, ученого и популяризатора науки — Артура Кларка.

Это имя стоит не только в списке лучших фантастов мира. Оно возглавляет и список английских фантастов. Хотя вот уже более сорока лет он проживает (в последние годы почти безвыездно) на острове Шри-Ланка, Артур Чарльз Кларк остается британским подданным, и отпечаток доброй старой Англии лежит на всем его творчестве.

Как и многие другие фантасты, Артур Кларк рано заинтересовался этим жанром, войдя в ряды любителей НФ еще до второй мировой войны. Служба в Королевских ВВС (Артур Кларк был одним из первых в мире радаристов, и позднее даже написал о создании радара единственный свой нефантастический роман «Взлетная дорожка» (1963)) несколько задержала развитие его таланта. И в первый же послевоенный год, в возрасте 29 лет Артур Кларк продал свой первый рассказ — «Спасательный отряд». Продав, надо сказать, в Америке — полуразрушенной войной Британии было тогда не до фантастики.

Следующие полтора десятилетия стали для Артура Кларка наиболее продуктивными. Именно в этот период появились на свет многие лучшие его романы и в особенности рассказы. Технологический оптимизм, одинаково присущий всем членам «Большой тройки», но Кларку в особенности, оказал ключевое влияние на развитие жанра в послевоенные годы.

С переездом на Цейлон творческая активность Кларка начала переходить в другое русло. С середины 60-х он почти отошел от фантастики, посвятив себя популяризации науки (и был удостоен немалого числа премий). Единственным

исключением стала «Космическая одиссея 2001 года» (1968) — новеллизация одноименного фильма, и она же по иронии судьбы принесла Кларку наибольшую известность среди людей, к фантастике неприсяжных.

А затем, в 70-х, один за другим начали появляться монументальные романы, среди которых были и величайшие успехи Кларка — «Свидание с Рамой» (1973), «Фонтаны рая» (1979), — и один из самых больших провалов — «Земля имперская» (1975). С середины 80-х тяжелое прогрессирующее заболевание нервной системы лишило писателя возможности работать с прежней интенсивностью. С этого времени практически все его произведения, за редким исключением, написаны в соавторстве, а многие завершают уже начатые серии, пользуясь их коммерческой популярностью. И все же Артур Кларк продолжает творить, несмотря на болезнь.

Из «трех китов», на которых долгое время держалась мировая НФ — Азимова, Хайнлайна и Кларка, — имя последнего было известно в нашей стране лучше всего. Отчасти потому, что из всех троих Кларку были наиболее чужды вопросы идеологии, а там, где он все же высказывал свои взгляды на мир, они по большей части не противоречили официально принятой в Советском Союзе. Были, впрочем, и исключения — многим любителям фантастики памятна печальная история с последними главами «Космической одиссеи 2001 года», вырезанными бдительной цензурой, прикрывшейся другим прославленным именем — Ивана Антоновича Ефремова... Но в общем и целом с творчеством Артура Кларка российские читатели знакомы лучше, чем с творчеством Азимова, чья «Академия» пересекла «железный занавес» лишь с наступлением перестройки, и тем более Хайнлайна, ставшего после «Звездной пехоты» «проповедником оголтелого милитаризма» и персоной нон грата.

И тем не менее многое остается неизвестным нам даже в наследии ранних лет, когда были созданы одно за другим лучшие произведения писателя — «Конец детства», «Лунная пыль», «Город и звезды»...

КОНЕЦ ДЕТСТВА

*Гипотезы, положенные в основу этой книги,
принадлежат не автору.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗЕМЛЯ И СВЕРХПРАВИТЕЛИ

ГЛАВА 1

Вулкан, вознесший из глубин Тихого океана остров Таратуа, спал уже полмиллиона лет. Но очень скоро, подумал Рейнгольд, остров будет омыт пламенем куда более яростным, чем то, которое помогло ему родиться. Рейнгольд посмотрел в сторону стартовой площадки, запрокинул голову — иначе не оглядеть до самого верха пирамиду лесов, все еще окружающих «Колумб». Нос корабля возвышался на двести футов над землей, и на нем играли прощальные лучи закатного солнца. Настает одна из последних ночей, какие суждено видеть кораблю, скоро он уже выплывет в непреходящий солнечный свет космоса.

Здесь, под пальмами, высоко на скалистом хребте острова, тишина. Лишь изредка от строительства донесется вой компрессора или чуть слышный издали возглас рабочего. Рейнгольд успел полюбить эту пальмовую рощицу; почти каждый вечер он приходил сюда и сверху оглядывал свое маленькое царство. Но когда «Колумб» в бушующем пламени ринется к звездам, от рощи не останется даже пепла, и это грустно.

В миле за рифом на палубе «Джеймса Форрестала» вспыхнули прожекторы и пошли кружить, обшаривая темный океан. Солнце уже скрылось, с востока стремительно надвигалась тропическая ночь. Рейнгольд усмехнулся — неужели на авианосце всерьез думают обнаружить у самого берега русские подводные лодки!

Мысль о России, как всегда, вернула его к Конраду и к памяtnому утру переломной весны 1945-го. Больше тридцати лет прошло, но не тускнело воспоминание о тех последних днях, когда Третья империя рушилась под грозным

прибоем наступления с Востока и с Запада. Будто и сейчас перед ним усталые голубые глаза Конрада и рыжеватая щетина на подбородке — минута, когда они пожимали друг другу руки и расставались в той разрушенной прусской деревушке, а мимо нескончаемым потоком брели беженцы. Их прощание — символ всего, что с тех пор случилось с миром, символ раскола между Востоком и Западом. Потому что Конрад выбрал путь, ведущий в Москву. Тогда Рейнгольд считал его выбор глупостью, но теперь он в этом не столь уверен.

Тридцать лет он думал, что Конрада уже нет в живых. И только неделю назад полковник Технической разведки Сэндмайер сообщил ему новость. Не нравится ему Сэндмайер, и уж наверно это взаимно. Однако ни тот ни другой не допускают, чтобы взаимная неприязнь мешала делу.

— Мистер Хофман, — начал полковник самым официальным своим тоном, — я только что получил весьма тревожное сообщение из Вашингтона. Разумеется, это совершенно секретно, однако мы решили поставить технический персонал в известность, люди должны понять, что необходимо ускорить работу.

Он многозначительно помолчал, но на Рейнгольда это не произвело особого впечатления. Он уже знал, что сейчас услышит.

— Русские почти догнали нас. Они разработали какую-то систему атомной тяги, которая, возможно, даже превосходит нашу, и строят на берегу озера Байкал космический корабль. Мы не знаем, насколько они продвинулись, но Разведка полагает, что запуск может состояться уже в этом году. Сами понимаете, что это значит.

«Да, — подумал Рейнгольд, — понимаю. Идет гонка, и, возможно, ее выиграем не мы».

— А вы не знаете, кто там руководит работой? — спросил он, не слишком надеясь на ответ.

К его удивлению, полковник Сэндмайер подвинул ему через стол лист бумаги — первым в списке, отпечатанном на машинке, стояло имя: Конрад Шнайдер.

— Вы ведь знали многих ученых в Пенемюнде, так? — сказал полковник. — Может быть, это даст нам какое-то представление об их методах, Я хотел бы услышать от вас характеристики всех, кого вы помните, — их специальность,

блестящие идеи и прочее. Конечно, прошло много времени, а все-таки прошу вас припомнить.

— Важен один Конрад Шнайдер, остальные не в счет, — ответил Рейнгольд. — Это был настоящий талант, остальные — просто дельные инженеры. Бог весть чего он достиг за тридцать лет. Притом ему, вероятно, известны все результаты нашей работы, а мы о его работе ничего не знаем. Так что у него серьезное преимущество.

Он сказал это вовсе не в укор Разведке, однако полковник Сэндмайер, видно, готов был оскорбиться. Но только пожал плечами:

— Это, как вы сами говорили, палка о двух концах. Мы щедрее на информацию, потому продвигаемся быстрее, хотя и выдаем кое-какие секреты. В ведомстве русских, наверно, они и сами не всегда знают, как у них идут исследования. Мы им докажем, что Демократия первой достигнет Луны.

«Демократия... Экая чушь!» — подумал Рейнгольд, но не так он был глуп, чтобы сказать это вслух. Одному Конраду Шнайдеру цена больше, чем миллиону ваших избирателей. А чего достиг за это время Конрад, когда за ним стоит вся производственная мощь Советского Союза? Быть может, в эту самую минуту его корабль уже взлетел с Земли...

Солнце, что покинуло остров Таратуа, было еще высоко над Байкалом, когда Конрад Шнайдер и помощник комиссара по ядерным исследованиям медленно пошли прочь от испытательного стенда. В ушах еще отдавался оглушительный рев двигателя, хотя громовые отголоски его за озером смолкли десять минут назад.

— Отчего такое уныние на лице? — спросил вдруг Григоревич. — Вам бы радоваться. Через месяц мы полетим, и янки лопнут от злости.

— Вы, как всегда, оптимист, — сказал Шнайдер. — Двигатель, конечно, работает, но не так все просто. Правда, теперь я не вижу серьезных препятствий, но меня беспокоят известия с Таратуа. Я вам уже говорил, Хофман — умница, и за ним стоят миллиарды долларов. Фотоснимки его корабля не очень отчетливы, но, похоже, он почти закончен. А двигатель, как нам известно, он испытал еще пять недель назад.

— Не беспокойтесь, — засмеялся Григоревич. — Сюрприз поднесем мы им, а не они нам. Не забывайте, они о нас ничего не знают.

Шнайдер совсем не был в этом уверен, но предпочел умолчать о своих сомнениях. Не то, пожалуй, мысль Григоревича пойдет разными сложными путями, а если какие-нибудь секретные сведения просочились наружу, нелегко будет доказать, что ты ни при чем.

Он вернулся в здание администрации, часовой при входе отдал ему честь. Военных тут не меньше, чем техников, хмуро подумал Шнайдер. Но жаловаться нечего, так у русских принято, зато работать они ему не мешают — это главное. В целом, за немногими досадными исключениями, надежды его сбылись, и все идет хорошо. И только будущее покажет, чей выбор лучше — его или Рейнгольда.

Он уже составлял свой окончательный доклад, как вдруг послышались крики. Минуту-другую он еще сидел за столом, недоумевая, что могло нарушить строгую дисциплину космического центра. Потом подошел к окну — и впервые в жизни изведal настоящее отчаяние.

Рейнгольд спустился с холма, небо вокруг было уже усыпано звездами. Авианосец по-прежнему шарил по глади океана пальцами прожекторов, а подальше на берегу строительные леса вокруг «Колумба» засверкали огнями, будто рождественская елка. Лишь высоко взнесенный нос ракеты темнел, заслоняя звезды.

В жилом доме гремела по радио танцевальная музыка, и Рейнгольд невольно зашагал быстрее, в лад ей. Он почти уже дошел до узкой дорожки, проложенной вдоль пляжа, и вдруг то ли странное предчувствие, то ли едва уловимое краем глаза движение заставило его замереть на месте. Озадаченный, он обвел взглядом берег, море, снова берег; не сразу он догадался посмотреть на небо.

И тогда Рейнгольд Хофман понял, как понял в тот же самый миг и Конрад Шнайдер, что гонку он проиграл. Понял, что отстал не на недели и не на месяцы, как боялся, а на тысячелетия. Громадные тени неслышно скользили среди звезд, в такой вышине, что он не смел даже представить, сколько до них миль, и его маленький «Колумб» был перед ними все равно что перед самым «Колумбом» — долбленные

лодки времен палеолита. Нескончаемо долгую минуту Рейнгольд смотрел, и смотрели все люди на Земле, как величественно и грозно спускаются исполинские корабли, пока его слуха не достиг свист, с каким они рассекали разреженный воздух стратосферы.

Нет, он не пожалел о том, что труд всей его жизни пошел прахом. Он работал ради того, чтобы поднять людей к звездам, и в час, когда добился успеха, звезды — чуждые, равнодушные звезды — сами пришли к нему. В этот час история затаила дыхание и настоящее отломилось от прошлого, как отламывается айсберг от родных ледяных гор и одиноко, гордо выплывает в океан. Все, чего достигли минувшие века, отныне не в счет, лишь одна мысль опять и опять отдавалась в мозгу Рейнгольда:

Человечество больше не одиноко.

ГЛАВА 2

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, застыв у широкого, во всю стену, окна, смотрел вниз, на медлительный поток машин, заполняющих 43-ю улицу. Порой он спрашивал себя, хорошо ли человеку работать на такой высоте над братьями. Конечно, отстраненность помогает быть беспристрастным, но она легко может перейти в равнодушие. Или он просто пытается как-то объяснить свою нелюбовь к небоскрегам, которую так и не одолел за двадцать лет жизни в Нью-Йорке?

Позади отворилась дверь, он услышал шаги Питера ван Риберга, но не обернулся. Как всегда, короткое молчание: конечно же, Питер неодобрительно посмотрел на термостат, ведь это ходячая острота — генеральному секретарю нравится жить в холодильнике. Стормгрэн подождал, пока его заместитель подойдет к окну, и тогда только отвел взгляд от такой знакомой и все же завораживающей картины, что открывалась с высоты.

— Они опаздывают, — сказал он. — Уэйнрайт должен был явиться пять минут назад.

— Мне только что сообщили из полиции, он ведет за собой изрядную толпу, из-за этого шествия на улицах пробки. Он явится с минуты на минуту. — Ван Риберг чуть

помолчал, потом спросил почти резко: — Вы все еще полагаете, что это разумно — встретиться с ним?

— Боюсь, отменять встречу поздновато. Как-никак я на нее согласился, хотя, вспомните, это не моя затея.

Стормгрен уже отошел к письменному столу и вертел в руках свое знаменитое урановое пресс-папье. Не то чтобы он волновался, но был в нерешительности. Хорошо, что Уэйнрайт запаздывает, от этого в начале переговоров чувствуешь некоторое превосходство. Такие вот мелочи значат в наших делах куда больше, чем хотелось бы тем, кто слишком полагается на логику и рассудок.

— Вот они! — ван Рибберг чуть не ткнулся носом в стекло. — Подходят... пожалуй, добрых три тысячи.

Стормгрен, прихватив записную книжку, подошел к заместителю.

Примерно в полумиле от здания секретариата ООН видна была небольшая, но решительная процессия, она медленно приближалась. Над головами развевались полотнища, надписи издали нельзя было прочесть, но Стормгрен и так знал, чего они требуют. А вскоре, перекрывая шум уличного движения, до него донеслись и размеренные выкрики зловещего многоголосого хора. Стормгрена захлестнуло внезапное отвлечение. Право, человечество могло бы уже и отказаться от марширующих толп и яростных лозунгов!

Шествие поравнялось со зданием секретариата; наверно, участники понимали, что он стоит у окна: там и сям поднимались кулаки — впрочем, не очень уверенно. Вызов относился не к Стормгрону, хотя, конечно, кулак показывали ему. словно угроза пигмеев великану, гневные взмахи кулака обращались к небу, где на высоте полусотни километров сияло серебристое облако — флагманский корабль флота Сверхправителей.

И вполне возможно, что Кареллен смотрит на все это и безмерно забавляется, подумал Стормгрен, ведь этой встрече вовек не бывать бы, если б не наущение Попечителя.

Сегодня впервые Стормгрен встречается с главой Лиги освобождения. Он перестал спрашивать себя, разумный ли это шаг, — планы Кареллена зачастую чересчур сложны, человеку их не понять. Во всяком случае, серьезного вреда от этого не будет. А откажись он принять Уэйнрайта, Лига использовала бы отказ как оружие против него, Стормгрена.

Александр Уэйнрайт оказался рослым красивым мужчиной лет под пятьдесят. Стормгрен знал, что это человек безусловно честный, а потому вдвойне опасный. Но он явно искренен, вот почему трудно отнестись к нему неприязненно, как бы ни оценивать его убеждения, — а кстати, и некоторых его последователей.

Ван Рибберг коротко, довольно натянуто представил их друг другу, и Стормгрен, не теряя времени, приступил к делу.

— Я полагаю, — начал он, — главная цель вашего визита — заявить официальный протест против плана создания Всемирной федерации. Я не ошибаюсь?

Уэйнрайт серьезно кивнул:

— Это — главное, господин секретарь. Как вам известно, в последние пять лет мы пытались открыть человечеству глаза на стоящую перед ним опасность. Задача наша оказалась нелегкой, потому что в большинстве своем люди, похоже, охотно предоставляют Сверхправителям вертеть нашим миром, как тем заблагорассудится. И все же в разных странах нашу петицию подписало свыше пяти миллионов патриотов.

— Не так-то много — пять миллионов из двух с половиной миллиардов.

— Пять миллионов со счетов не сбросишь. Притом за каждым, кто подписался, стоит немало таких, которые отнюдь не уверены, будто замысел создать федерацию разумен, а тем более — будто он справедлив. Даже Попечитель Кареллен, при всем своем могуществе, не может одним росчерком пера отменить тысячелетнюю историю человечества.

— Что мы с вами знаем о могуществе Кареллена? — возразил Стормгрен. — Когда я был мальчишкой, Объединенная Европа была всего лишь мечтой, а когда я стал взрослым, мечта сбылась. И ведь это произошло еще до прибытия Сверхправителей. Кареллен лишь завершает работу, которую начали мы сами.

— Европа была и в культурном, и в географическом смысле едина. А весь наш мир не един — разница существенная.

— В глазах Сверхправителей, надо полагать, вся Земля несравненно меньше, чем нашим родителям казалась Европа, и я не могу не признать их взгляды более зрелыми, чем наши.

— Я не отвергаю наотрез федерацию как конечную цель, хотя многие мои сторонники, пожалуй, с этим не согласятся... Но объединение должно возникнуть внутри человечества, его не должны нам навязывать извне. Мы должны сами строить свою судьбу. Никто не должен больше вмешиваться в дела людей.

Стормгрен вздохнул. Все это он слышал уже тысячи раз... и может дать лишь все тот же ответ, с которым Лига освобождения не желает мириться. Он верит Кареллену, а Лига не верит. Тут они в корне расходятся, и ничего с этим не поделаешь. По счастью, Лига тоже не в силах что-либо сделать.

— Позвольте задать вам несколько вопросов, — сказал он. — Станете ли вы отрицать, что Сверхправители принесли человечеству безопасность, мир и процветание?

— Не спору. Но они отняли у нас свободу. Человек жив...

— ...не хлебом единым. Знаю, знаю, — но сейчас первые настало время, когда каждый человек уверен хотя бы в хлебе насущном. Да и какая свобода, утраченная нами, сравнится с тем, что впервые за всю историю человечества дали нам Сверхправители?

— Свобода распоряжаться нашей собственной жизнью, как велит нам Господь.

«Наконец-то мы добрались до сути, — подумал Стормгрен. — Корень разногласий — в религии, как бы это ни прикрывали. Уэйнрайт ни в коем случае не даст забыть, что он — священник. Хотя он теперь одет как мирянин, все равно кажется, будто на нем облачение пастыря».

— Месяц тому назад сто епископов, кардиналов и раввинов в совместной декларации заявили, что они поддерживают политику Попечителя. Верующие в нашем мире не с вами.

Уэйнрайт гневно затряс головой — конечно, не согласен.

— Многие духовные власти слепы, Сверхправители их сокрушили. Когда они осознают опасность, будет слишком поздно. Человечество утратит волю к действию и впадет в рабство.

Короткое молчание. Потом Стормгрен сказал:

— Через три дня я опять буду у Попечителя. Я разъясню ему ваши возражения, поскольку мой долг — представлять

все взгляды человечества. Но, поверьте, это ничего не изменит.

— Еще одно, — медленно сказал Уэйнрайт. — Для нас многое неприемлемо в Сверхправителях, но всего отвратительней их скрытность. Вы — единственный человек, который хотя бы говорил с Карелленом, но даже вы ни разу его не видели! Так разве удивительно, что мы ему не доверяем?

— Несмотря на все, что он сделал для человечества?

— Да, несмотря на это. Даже не знаю, что оскорбительнее — всемогущество Кареллена или его секреты. Если ему нечего скрывать, почему он нам не покажется? В следующий раз, когда будете говорить с Попечителем, господин Стормгрэн, спросите его об этом!

Стормгрэн промолчал. На это ему нечего было ответить — во всяком случае, ничего такого, что убедило бы собеседника. Порой он сомневался в том, что убедил самого себя.

Для Сверхправителей, конечно, то была пустячная операция, для Земли же — величайшее событие за всю ее историю. Исполинские корабли вынырнули из непостижимых глубин Вселенной без всякого предупреждения. В фантастике это описывали тысячи раз, но ни одна душа не верила, что такой день и вправду настанет. И вот свершилось: безмолвные громадины, которые поблескивают в небесах над всеми странами, — символ знания, какого человеку не достичь и через века. Шесть дней они недвижно парили над городами людей, никак не показывая, что им известно о самом существовании человека. Но никаких знаков и не требовалось: ясно же, что не случайно могучие корабли повисли с такой точностью как раз над Нью-Йорком, Лондоном и Парижем, над Москвой, Римом, Кейптауном, Токио и Канберрой...

Еще прежде чем истекли те леденящие душу шесть дней, некоторые люди угадали истину. Эти пришельцы явились не впервые, они уже когда-то пытались свести знакомство с человеком. И теперь в безмолвных, неподвижных кораблях мудрые психологи присматриваются — как поведут себя люди. Когда напряжение достигнет предела, пришельцы начнут действовать.

И на шестой день Кареллен, Попечитель Земли, объявил о себе человечеству, перекрыв все передачи на любых радиоволнах. Он безупречно говорил по-английски, уже одно это вызвало распрю, которая бушевала над Атлантическим океаном, пока не сменилось целое поколение. Но суть его речи потрясла слушателей куда сильнее, чем форма. По любым меркам такое мог породить только высочайший гений, сумевший глубоко и всесторонне разобраться во всех человеческих делах. Несомненно, мудрость и гибкость, колдовские мгновения, по которым догадываешься о еще неизвестных областях знания, — все это, искусно сплетенное воедино, должно было внушить человечеству, что перед ним разум неизмеримо более высокий. Когда Кареллен кончил, народы Земли поняли, что дни их зыбкой независимости миновали. В пределах государственных границ каждое правительство еще сохраняет свою власть, но в делах международных решающее слово отныне принадлежит не людям. Спорить, протестовать, доказывать — бесполезно.

Трудно было бы ожидать, что все государства мира безропотно подчинятся такому ограничению своей власти. Но как сопротивляться? Задача головоломная, ведь если даже удастся уничтожить корабли Сверхправителей, нависшие над крупнейшими городами, заодно погибнут и сами города. И все же одна мощная держава совершила такую попытку. Быть может, там кое-кто надеялся одним атомным ударом убить сразу двух зайцев, ибо метили в корабль, что парил над соседней и притом недружественной державой.

Должно быть, в минуту когда на телеэкране тайного контрольного поста возникло изображение исполинского корабля, кучку военных и специалистов раздирали самые противоречивые чувства. Если попытка увенчается успехом, чем ответят остальные корабли? Быть может, и их удастся уничтожить, и человечество вновь пойдет своей дорогой? Или Кареллен оплатит нападающим какой-нибудь страшной карой?

Ракета взорвалась, и экран померк, но тотчас же изображение корабля появилось снова: заработала камера, запущенная в воздух за многие мили отсюда. Пронеслась лишь доля секунды, однако уже пора бы вспыхнуть огненному шару и заполнить небеса пламенем, подобным солнцу.

Но ничего не произошло. Громадный корабль остался невредим и парил в недостижимой высоте, в ослепительных солнечных лучах. Атомная бомба его не коснулась, и никто даже не понял, что с ней случилось. Более того, Кареллен никак не наказал виновников, ничем не показал, что знает о нападении. Он презрительно промолчал, предоставил им в страхе ждать мести, которой так и не последовало. И это подействовало куда сильнее, вызвало больший разброд и упадок духа, чем любое наказание. В считанные недели, после яростных взаимных обвинений, незадачливое правительство пало.

Случались и попытки пассивного сопротивления политике Сверхправителей. Обычно Кареллен просто давал несогласным поступать как хотят, покуда они сами не убеждались, что, действуя по-своему, только вредят себе же. И лишь однажды он дал некоему упорствующему правительству почувствовать свое недовольство.

Больше ста лет Южно-Африканскую Республику раздирали внутренние распри. В обоих лагерях люди доброй воли пытались перекинуть мост через пропасть, но тщетно — страх и предрассудки укоренились слишком глубоко и отрезали путь к соглашению. Опять и опять сменялись правительства, но отличались они друг от друга только степенью нетерпимости; вся страна отравлена была ненавистью и последствиями гражданской войны.

Когда стало ясно, что тут даже не попытаются покончить с дискриминацией, Кареллен предостерег неугомонных. Всего лишь назвал день и час. В стране возникли смутные опасения, но не страх и, уж конечно, не паника — никто не верил, что Сверхправители допустят насилие или разрушения, от которых одинаково пострадали бы и виновные, и невинные.

Так оно и вышло. Просто, достигнув меридиана Кейптауна, погасло солнце. Остался лишь еле различимый глазом бледный лиловатый призрак, не дающий ни тепла, ни света. Неведомо как, высоко в космосе, скрестились два силовых поля и преградили путь солнечным лучам. Безукоризненно круглая тень покрыла пространство диаметром в пятьсот километров.

Наглядный урок длился полчаса. Этого хватило: на завтра южноафриканские власти объявили, что белое меньшинство полностью восстановлено в гражданских правах.

Если не считать вот таких отдельных случаев, человечество приняло Сверхправителей как неотъемлемую часть естественного порядка вещей. Удивительно быстро следы первого потрясения сгладились, и жизнь пошла своим чередом. Проснись внезапно новый Рип Ван Винкль, самой большой переменной, какую он бы заметил, оказалось бы затаенное ожидание, словно люди мысленно оглядывались, подстерегая миг, когда наконец Сверхправители выйдут из своих сверкающих кораблей и покажутся жителям Земли.

Пять лет спустя они все еще ждали. В этом и кроется причина всякой смуты, думал Стормгрен.

Когда машина Стормгрена подъехала к стартовой площадке, там уже, как обычно, собрались зеваки с фото- и киноаппаратами наготове. Генеральный секретарь обменялся напоследок несколькими словами со своим заместителем и прошел через кольцо любопытных.

Кареллен никогда не заставлял его долго ждать. Внезапно толпа ахнула — в вышине сверкнул и с потрясающей быстротой вырос серебряный шар. Стормгрена обдало порывом ветра, и кораблик замер в полусотне шагов от него, осторожно держась в нескольких сантиметрах над площадкой, будто боялся осквернить себя прикосновением к Земле. Стормгрен медленно пошел к нему, и прямо на глазах сплошной, без единого шва, металлический корпус знакомо зарябил, открывая вход, — все специалисты мира безуспешно пытались понять, как это происходит. Стормгрен шагнул внутрь, в заполненную мягким светом единственную кабину. Входное отверстие затянулось бесследно, звуки и краски внешнего мира исчезли.

Пять минут спустя отверстие появилось вновь. Стормгрен не ощутил движения, но знал, что его подняло на пятьдесят километров над Землей и теперь он находится в недрах Карелленова корабля. Он в мире Сверхправителей, повсюду вокруг они заняты своими таинственными делами. Он к ним ближе, чем кто-либо из людей, — и однако знает об их природе и облике не больше, чем миллионы людей там, внизу.

В небольшом кабинете, куда вел короткий переход, вся обстановка — единственный стул да стол перед экраном телевизора. По ней никак не представишь облик тех, кто все это устроил, — так оно и задумано. Экран телевизора,

как всегда, пуст. Порой Стормгрэн мечтал: вдруг однажды экран вспыхнет, оживет и раскроет наконец секрет, не дающий человечеству покоя. Но мечта не сбывалась, за темным прямоугольником по-прежнему таилось Неведомое. И еще за ним таились мощь и мудрость, глубочайшее, снисходительное понимание рода людского и, что всего удивительней, какая-то насмешливая нежность к букашкам, что кишат на планете далеко внизу.

Из решетки, должно быть, скрывающей динамик, зазвучал спокойный, неизменно неторопливый, хорошо знакомый голос — все люди, кроме Стормгрена, доньше слышали его лишь однажды. Глубина и звучность его — единственный ключ, позволяющий как-то предстать себе Кареллена: за ними ощущаешь что-то громадное. Кареллен очень большой, наверно, много больше человека. Правда, кое-кто из ученых, исследовав запись той памятной речи, предположил, что говорило не живое существо, а какая-то машина. Но Стормгрэну в это не верилось.

— Да, Рикки, я слышал вашу беседу. Итак, что вы думаете о мистере Уэйнрайте?

— Он честный человек, хотя о многих его последователях этого не скажешь. Как с ним поступить? Сама по себе Лига не опасна... но там есть экстремисты, они открыто призывают к насилию. Я даже подумывал, не поставить ли у своего дома охрану. Надеюсь, в этом все же нет нужды.

Кареллен словно и не слышал и, к досаде Стормгрена — так случалось не впервые, — заговорил о другом:

— Подробный план создания Всемирной федерации объявлен уже месяц назад. Много ли прибавилось к семи процентам несогласных со мною и к двенадцати процентам не имеющих определенного мнения?

— Пока немного. Но это неважно, меня беспокоит другое: даже ваши сторонники убеждены, что пора уже покончить с таинственностью.

Вздых Кареллена прозвучал совсем как настоящий, только вот искренности в нем не чувствовалось.

— И вы тоже так полагаете, а?

Вопрос чисто риторический, отвечать не стоит. И Стормгрэн продолжал горячо:

— Неужели вы не понимаете, до чего нынешнее положение вещей мешает мне исполнять мои обязанности?

— Мне оно тоже не помогает, — пожалуй, даже с чувством отозвался Кареллен. — Хотел бы я, чтобы люди перестали считать меня диктатором и помнили: я всего лишь администратор и пытаюсь проводить что-то вроде колониальной политики, которая разработана без моего участия.

Весьма приятное определение, подумал Стормгрен. Любопытно, насколько оно правдиво?

— Но, может быть, вы по крайней мере хоть как-то объясните эту скрытность? Нам непонятно, в чем ее причина, отсюда и недовольство, и всевозможные слухи.

Кареллен рассмеялся — как всегда, громко, раскатисто, слишком гулко, чтобы смех этот звучал совсем как человеческий.

— Ну а за кого меня сейчас принимают? Все еще преобладает теория робота? Пожалуй, мне приятнее выглядеть системой электронных ламп, чем какой-нибудь сороконожкой, — да-да, я видел карикатуру во вчерашнем номере «Чикаго таймс»! Мне даже захотелось попросить подлинник.

Стормгрен чопорно поджал губы. Право, иногда Кареллен относится к своим обязанностям слишком легкомысленно.

— Это вопрос серьезный, — сказал он с укоризной.

— Дорогой мой Рикки, — возразил Кареллен, — я не принимаю человечество всерьез, только это и позволяет мне сохранить остатки в прошлом незаурядных умственных способностей!

Стормгрен невольно улыбнулся:

— Но мне, согласитесь, от этого не легче. Я должен вернуться на Землю и убедить моих собратьев, что, хоть вы и не показываетесь им на глаза, скрывать вам нечего. Задача непростая. Любопытство — одно из основных свойств человеческой природы. Не можете вы до бесконечности им пренебрегать.

— Да, это самое сложное препятствие, с которым мы столкнулись на Земле, — признался Кареллен. — Но ведь вы поверили, что в остальном мы действуем разумно, так могли бы уж поверить и в этом!

— Я-то вам верю, — сказал Стормгрен. — Но ни Уэйнрайт, ни его сторонники не верят. И можно ли их осуждать, если ваше нежелание показаться людям они толкуют в дурную сторону?

Короткое молчание. Потом до Стормгрена донесся слабый звук (может быть, скрип?), словно бы Кареллен шевельнулся на стуле.

— Вы ведь понимаете, почему Уэйнрайт и ему подобные меня боятся, так? — спросил он. Голос его звучал теперь мрачно, будто раскатились под сводами собора звуки исплинского органа. — Такие люди есть в вашем мире среди поборников любой религии. Они понимают, что мы — носители разума и знания, и как они там ни преданы своим верованиям, а все-таки боятся, что мы свергнем их богов. Не обязательно с умыслом, нет, способом более тонким. Знание может погубить религию и не опровергая ее догматы, а попросту не придавая им значения. Как я понимаю, никто никогда не доказывал, что Зевс или Тор не существуют, однако им теперь почти никто и не поклоняется. Вот и разные уэйнрайты боятся, что нам известна правда о происхождении их веры. Они спрашивают себя: давно ли мы наблюдаем человечество? Видели ли мы, как Магомет бежал из Мекки и как Моисей провозгласил иудеям их законы? Быть может, мы знаем, сколько лжи в их священных историях?

— А вы и в самом деле это знаете? — чуть слышно, скорее себя, чем Кареллена, спросил Стормгрэн.

— Вот чего они страшатся, Рикки, хоть ни за что в этом не признаются. Право же, нам не доставляет удовольствия разрушать верования людей, но ведь не могут быть истинными все религии, все до единой, уэйнрайты это понимают. Рано или поздно человек неминуемо узнает правду; но время еще не пришло. А что мы не показываемся вам на глаза — да, согласен, это сильно осложняет нашу работу, но раскрыть секрет мы не вправе. Не меньше вашего я жалею о необходимости что-то скрывать, но на это есть веские причины. Все же я попытаюсь обратиться к... к тем, кто стоит выше меня, пожалуй, их ответ удовлетворит вас, а может быть, и успокоит Лигу. А теперь давайте вернемся к нашим текущим делам и возобновим запись.

— Ну как? — жадно спросил ван Рибберг. — Удалось вам чего-нибудь добиться?

— Сам не пойму, — устало сказал Стормгрэн, швырнул на стол пачку бумаг и почти упал в кресло. — Теперь

Кареллен совещается со своим начальством... Уж не знаю, кому и чему он там подчиняется. Мне он ничего не обещал.

— Послушайте, — вдруг сказал ван Рибберг. — Я сейчас подумал... Почему, собственно, мы должны верить, что над Карелленом кто-то стоит? Может, этих Сверхправителей, как мы их называем, больше нигде и нет, кроме тех, что тут над Землей, в кораблях? Может, им больше некуда деться, а они это от нас скрывают?

— Остроумно, — усмехнулся Стормгрен. — Только ваша теория отнюдь не согласуется с тем немногим, что я знаю — как будто все-таки знаю — о Кареллене.

— А что же вы о нем знаете?

— Ну, он не раз упоминал, что его обязанности здесь временные и мешают вернуться к его главной работе, она, по-моему, как-то связана с математикой. Однажды я привел ему слова историка Актона о том, что власть развращает, а власть безграничная и развращает безгранично. Хотел посмотреть, как он к этому отнесется. Он засмеялся — смех у него оглушительный — и сказал, что ему эта опасность не грозит. Во-первых, мол, чем раньше я закончу тут работу, тем скорее смогу вернуться домой — это за много световых лет отсюда. А во-вторых, моя власть отнюдь не безгранична. Я всего лишь... попечитель. Разумеется, — закончил Стормгрен, — он мог и нарочно сбивать меня с толку. Не знаю, можно ли ему верить.

— Он ведь, кажется, бессмертен?

— Да, по нашим меркам, хотя, похоже, что-то в будущем его пугает... Не представляю, чего он может опасаться. А больше я, в сущности, ничего не знаю.

— Все это не слишком убедительно. Я так думаю, их небольшая эскадра заблудилась в космосе и подыскивает себе пристанище. Этот Кареллен скрывает от нас, как мала его команда. Может быть, остальные корабли — автоматы и на них нет ни души. Просто нам пускают пыль в глаза.

— Вы начитались научной фантастики, — сказал Стормгрен.

Ван Рибберг не без смущения улыбнулся:

— «Вторжение из космоса» обернулось не совсем так, как мы ждали, правда? Но моя теория прекрасно объяс-

няет, почему Кареллен не показывается нам на глаза. Просто он скрывает, что никаких других Сверхправителей нет.

Стормгрен покачал головой — забавно, но все не то.

— Ваше толкование, как всегда, чересчур хитроумно, а потому неверно. За Попечителем, несомненно, стоит какая-то могучая цивилизация, хотя мы можем о ней только догадываться, и наверняка она давно знает о нас, людях. Сам Кареллен, несомненно, изучал человечество на протяжении столетий. Посмотрите, к примеру, как он владеет нашим языком, пословицами, поговорками. Не я его, а он меня учит образной речи!

— А замечали вы, что он хоть чего-нибудь не знает?

— Да, и нередко, но это всегда мелочи, пустяки. Думаю, у него необычайная, безотказная память, но он не все считает нужным узнавать. Вот, скажем, английский — единственный язык, которым он владеет в совершенстве, но за последние два года недурно изучил финский, просто чтобы меня подразнить. А финский труден, ему не скоро выучишься! Кареллен читает наизусть большие отрывки из «Калевалы», а я, стыдно сказать, помню всего несколько строк. И потом, он знает наперечет биографии всех нынешних государственных деятелей, а я далеко не всегда могу определить, на кого именно он ссылается. В истории и науке его познания всеобъемлющи — сами знаете, мы очень многому у него научились, И однако, если взять каждую область в отдельности, мне кажется, он не превосходит того, чего может достигнуть человеческий ум. Но ни одному человеку не под силу объять все, что знает Кареллен.

— Я и сам пришел примерно к тем же выводам, — согласился ван Рибберг. — Мы можем рассуждать о Кареллене хоть до скончания века, но неизменно возвращаемся к тому же: какого дьявола он нам не показывается? Покуда он прячется, я не перестану гадать да сочинять теории, а Лига освобождения не перестанет бушевать.

Он сердито покосился на потолок:

— Надеюсь, господин Попечитель, в одну прекрасную темную ночь какой-нибудь репортер возьмет ракету и с черного хода проберется с фотокамерой в ваш корабль. Вот будет шуму в газетах!

Если Кареллен и слышал этот дерзкий вызов, то никак на него не отозвался. Впрочем, он никогда ни на что не отзывался.

За первый год появление Сверхправителей внесло в жизнь человечества меньше перемен, чем можно было ожидать. Тень их ложилась на все, но то была совсем не навязчивая тень. Почти во всех крупнейших городах Земли, запрокинув голову, можно было увидеть сверкающие в вышине серебряные корабли, — но они скоро стали такими же привычными, как солнце, луна и облака. Наверно, в большинстве люди лишь смутно сознавали, что уровень их жизни неуклонно возрастает благодаря Сверхправителям. А если об этом изредка и задумывались, — что ж, безмолвные корабли впервые в истории принесли всему человечеству мир, и за это им, конечно, спасибо.

Нет нищеты, нет войн, но это блага, состоящие именно в отсутствии чего-то, не быющие на эффект, — их приняли как должное и вскоре о них забыли. А Сверхправители по-прежнему держались отчужденно и не показывались человечеству. Покуда Кареллен вел подобную политику, он мог ждать уважения и восхищения, но уж никак не более теплых чувств. Трудно ведь не досадовать на небожителей, которые изволят разговаривать с человеком только по телетайпу в штаб-квартире ООН. О чем беседуют Кареллен со Стормгреном, знали только они двое, и Стормгрен порой сам недоумевал, для чего Попечителю эти встречи. Возможно, ему все-таки нужно непосредственно общаться хотя бы с одним землянином? Или он понимает, что Стормгрен нуждается в такой прямой поддержке? Если так, генеральный секретарь за это очень признателен — и, пожалуйста, пусть Лига освобождения и дальше презрительно именует его «мальчиком на побегушках у Кареллена».

Сверхправители никогда не вступали в переговоры с отдельными государствами и правительствами: они приняли Организацию Объединенных Наций в том виде, как ее застали, объяснили, как установить необходимую радиосвязь — и все распоряжения передавали через генерального секретаря. Советский делегат не раз пространно и совершенно справедливо доказывал, что такой порядок идет вразрез с уставом ООН. Кареллена это, видно, ничуть не заботило.

Можно только изумляться тому, какое множество зол, безумий и несчастий уничтожили эти послания с неба. При Сверхправителях народы поняли, что им больше незачем опасаться друг друга, — и еще до неудачной попытки догадались, что все их созданное донныне оружие бессильно против тех, кто умеет странствовать среди звезд. Так рушилась главная преграда, которая мешала человечеству быть счастливым.

Сверхправителей, видно, мало трогало, какой где существует государственный строй, лишь бы не было угнетения и продажности. На Земле по-прежнему были демократические страны и монархии, безобидные диктатуры, коммунизм и капитализм. Этому не переставали изумляться многие простаки, твердо убежденные, что их образ жизни — единственно возможный. Другие полагали, что Кареллен только выжидает часа, чтобы ввести свою систему, которая разом уничтожит все нынешние формы общественного устройства, потому и не занимается пока мелкими политическими преобразованиями. Но все это, как и прочие рассуждения о Сверхправителях, было попросту гаданием на кофейной гуще. Никто не знал их замыслов и целей, никто не знал, какое грядущее уготовили они человечеству.

ГЛАВА 3

В последние ночи Стормгрёну не спалось, а почему — непонятно, ведь скоро он навсегда освободится от груза своих обязанностей. Уже сорок лет служит он человечеству, из них пять — его правителям, и редкий человек, оглядываясь назад, мог бы похвастать, что столь многого добился на своем веку. А может быть, в этом вся беда: когда он уйдет на покой, на короткие ли, на долгие ли годы у него не останется цели, жизнь потеряет вкус. С тех пор как умерла Марта, а дети выросли и сами обзавелись семьями, мало что привязывает его к миру. Быть может, в мыслях он почти уже не отделяет себя от Сверхправителей, а потому как-то отстранился от людей.

Вот и опять беспокойная ночь, мысль бесконечно коесит все по тому же кругу, будто механизм, у которого отказало управление. Стормгрён понимал — сколько себя

ни уговаривай, не уснешь, — и нехотя поднялся с постели. Накинул халат и вышел на крышу своего скромного жилища, где разбит был садик. Любой из его подчиненных жил куда роскошнее, но Стормгрёну вполне хватало и такого дома. Он достиг положения, когда ни имущество, ни почести уже не прибавляют человеку веса.

Ночь была теплая, почти душная, но небо ясное, низко на юго-западе сияла полная луна. В десяти километрах от Стормгрёна стояло на горизонте зарево — отраженные огни Нью-Йорка, словно там начинался было рассвет и замер, не разгораясь.

Стормгрён поднял глаза — выше спящего города, еще выше, к тем высям, где не раз бывал он, единственный из людей. Там, далеко-далеко, поблескивал в лунном свете корабль Кареллена. Любопытно, чем занят сейчас Попечитель, ведь Сверхправители, наверно, никогда не спят.

В вышине огненным копьем пронзил купол неба метеорит. Мгновение за ним еще виднелся слабо светящийся след — и померк, и опять в небе остались одни только звезды. Жестокое напоминание: через сотню лет Кареллен по-прежнему будет вести человечество к цели, известной только ему, но уже через четыре месяца генеральным секретарем ООН будет другой человек. Само по себе это Стормгрёна ничуть не огорчает, — но, значит, если он надеется все-таки узнать, что же скрыто за тем непроницаемым экраном, у него осталось совсем мало времени.

Только в самые последние дни он посмел себе признаться, что жаждет проникнуть в тайну Сверхправителей. До сих пор сомнения его не мучили, он верил Кареллену, а вот теперь (ехидная мысль), видно, и сам заразился мятежным духом Лиги освобождения. Правда, все эти разговоры, будто человечество поработщено, пустая болтовня. Мало кто всерьез в это верит и хотел бы повернуть историю вспять. Люди привыкли к ненавязчивому правлению Кареллена, но им не терпится узнать наконец, кто же ими правит. И можно ли осуждать их за это?

Лига освобождения — самая крупная, но не единственная организация, восстающая против Кареллена, а значит, и против людей, которые помогают Сверхправителям. Причины недовольства и образ действий тут самые разные: одни группы руководствуются религиозными соображениями, в

других просто говорит ощущение неполноценности. Они чувствуют себя — и вполне обоснованно — примерно как образованный индеец в девятнадцатом веке при владычестве Британии. Пришельцы из космоса принесли Земле мир и процветание, — но кто знает, какой ценой придется за это расплачиваться? История человечества не обнадеживает: даже самые мирные контакты между народами, стоящими на слишком разных уровнях развития, нередко несли гибель более отсталому обществу. Целая страна, как и отдельный человек, может пасть духом перед лицом неизмеримого превосходства, ибо не в силах ответить на вызов. А превосходство цивилизации Сверхправителей, хоть и окутанных тайной, — величайший вызов человечеству с начала времен.

За стеной слабо щелкнул телетайп, выбросил очередную ежечасную сводку Центрального агентства печати. Стормгрэн побрел в комнату, равнодушно перелистал пачку листов. В другом полушарии Лига освобождения подсказала агентству не слишком оригинальный заголовок. «ЧЕЛОВЕКОМ ПРАВЯТ ЧУДОВИЩА?» — вопрошала газета и затем цитировала: «Сегодня на митинге в Мадрасе доктор С. В. Кришнан, президент Восточного отдела Лиги освобождения, сказал: "Поведение Сверхправителей объясняется очень просто — их облик настолько чужд и отвратителен людям, что они не смеют нам показаться. Предлагаю Попечителю доказать, что это не так"».

Стормгрэн брезгливо отшвырнул листок. Даже если обвинение и справедливо, что за важность? Мысль эта, далеко не новая, никогда его не тревожила. В каком бы причудливом обличье ни явилась жизнь, едва ли он, Стормгрэн, не мог бы постепенно с ним примириться, а пожалуй, даже найти в странном существе красоту. Важно не тело, важен разум. Если б только убедить в этом Кареллена, Сверхправители, возможно, перестали бы скрываться. Уж конечно, они и вполтину не так безобразны, как измышления карикатуристов, которыми почти сразу после их прибытия запестрели газеты!

И однако Стормгрэн знал — не только ради своего премника он жаждет покончить с нынешним положением. Надо честно себе признаться, в последнем счете его мучит самое обыкновенное любопытство. Он давно уже знает

Кареллена как личность — и не успокоится, пока не откроет также, что это за существо.

Когда на другое утро Стормгрена в обычный час не оказалось на месте, Питер ван Рибберг удивился и даже подо­са­до­вал. Генеральный секретарь нередко, прежде чем по­я­виться у себя в кабинете, заезжал куда-нибудь по делам, но неизменно об этом предупреждал. Да еще, на беду, в это утро его ждало несколько спешных и важных сообщений. Ван Рибберг обзвонил полдюжины учреждений, пытаясь разыскать его, — и со злостью махнул рукой.

К полудню он встревожился всерьез и послал машину к Стормгрена домой. А через десять минут подскочил, испуганный воем сирены: по проспекту Рузвельта на бешеной скорости примчался полицейский патруль. Должно быть, в патруле у газетчиков нашлись приятели, потому что не успела еще машина остановиться, как радио возвестило ван Риббергу и всему миру, что он более не заместитель, а облеченный всеми полномочиями генеральный секретарь Организации Объединенных Наций.

Свалились на ван Рибберга меньше забот, ему любопытно было бы изучить отклики печати на исчезновение Стормгрена. За прошедший месяц все газеты мира разделились на два лагеря. Западная пресса в целом одобряла план Кареллена сделать всех людей на свете гражданами единого всемирного государства. А в странах Востока вспыхивали бурные, хотя зачастую искусственно подогретые, приступы национализма. Некоторые государства там обрели независимость лишь поколением раньше и теперь чувствовали, что у них обманом отнимают завоеванные права. Посыпались яростные нападки на Сверхправителей: сперва газеты были крайне осторожны, но быстро убедились, что самые резкие выпады против Кареллена проходят безнаказанно. И пресса изошлась, как никогда.

Почти все газетные атаки, весьма громогласные, вовсе не выражали мнения подавляющего большинства. На страже государственных границ, которые вскоре сотрутся навсегда, охрану удвоили, но солдаты, хотя еще и помалкивали, глядели друг на друга вполне дружелюбно. Политики и генералы могут рвать и метать сколько угодно, а безмолвные

миллионы чувствуют: долгая кровавая глава в истории человечества кончается — и давно пора.

И тут-то неведомо куда исчез Стормгрен. Страсти разом утихли: мир понял, что потерял единственный человек, через которого Сверхправители по каким-то своим загадочным соображениям говорили с Землей. Газеты и радиоккомментаторы словно лишились дара речи, в тишине раздавался только голос Лиги освобождения, она горячо заверяла, что ни в чем не повинна.

Стормгрен проснулся в непроглядной тьме. Спросонок он даже не сразу этому удивился. А потом мысли прояснились, он порывисто сел и протянул руку к выключателю возле кровати.

В темноте рука наткнулась на голую, холодную каменную стену. И Стормгрен замер, душа и тело оцепенели, ошеломленные неизвестностью. Потом, почти не веря своим ощущениям, он стал на колени на постели и начал осторожно, кончиками пальцев ощупывать до ужаса незнакомую стену.

Не прошло и минуты за этим занятием, как вдруг что-то щелкнуло и темнота в одном месте раздвинулась. В слабо освещенном прямоугольнике мелькнул чей-то силуэт, и тотчас дверь затворилась, опять стало темно. Все случилось мгновенно, и Стормгрен не успел разглядеть, где же он находится.

Еще миг — и его ослепил яркий луч электрического фонаря. Ненадолго остановился на его лице, потом скользнул ниже, на постель, и Стормгрен увидел, что это просто матрас, брошенный на неструганные доски.

В темноте раздался негромкий голос, по-английски говорили безукоризненно, но с акцентом, который Стормгрену сперва не удалось определить.

— Рад видеть, что вы проснулись, господин генеральный секретарь. Надеюсь, вы чувствуете себя вполне хорошо.

Что-то было в последних словах, отчего Стормгрен насторожился и гневные вопросы замерли у него на губах. Он вгляделся в темноту, сказал спокойно:

— Сколько же времени я был без сознания?

Собеседник усмехнулся:

— Несколько дней. Нам обещали, что вредных последствий не будет. Рад видеть, что это правда.

Чтобы выиграть время, а заодно проверить собственные ощущения, Стормгрэн спустил ноги на пол. Он по-прежнему был в пижаме, но она оказалась измятой и, похоже, изрядно запачкалась. От порывистого движения закружилась голова — не слишком сильно, но достаточно, чтобы понять: тут и впрямь не обошлось без наркотика.

Стормгрэн повернулся к свету. Спросил резко:

— Где я? Это все с ведома Уэйнрайта?

— Да вы не волнуйтесь, — ответил человек, неразличимый в темноте. — Не будем пока об этом говорить. Думаю, вы порядком проголодались. Одевайтесь-ка и пойдем обедать.

Кружок света от фонаря пробежал по комнате и впервые дал Стормгрэну понятие о ее размерах. В сущности, это даже не комната, голые стены — кое-как обтесанный камень. Очевидно, просто пещера и, наверно, очень глубоко под землей. И если он пробыл без памяти несколько дней, за это время его могли переправить в любую часть света.

Луч фонаря выхватил стопку одежды на чемодане.

— Придется вам обойтись этим, — сказал голос из темноты. — Со стиркой здесь довольно сложно, так что мы прихватили два ваших костюма и полдюжины рубашек.

— Очень любезно с вашей стороны, — вполне серьезно сказал Стормгрэн.

— Мебели и электричества нет, уж не взыщите. В некоторых отношениях здесь очень удобно, но комфорта мало.

— А для чего удобно? — спросил Стормгрэн, натягивая рубашку, прикосновение привычной ткани странно успокаивало.

— Ну... просто удобно, — был ответ. — Кстати, мы, наверно, довольно много будем вместе, так уж зовите меня Джо.

— Несмотря на ваше происхождение? Вы ведь поляк, правда? — заметил Стормгрэн. — Думаю, я сумел бы называть вас и настоящим именем. Едва ли его трудней выговорить, чем многие финские имена.

Короткое молчание, фонарь мигнул.

— Что ж, этого надо было ожидать, — покорно сказал Джо. — Наверно, у вас солидный опыт по этой части.

— При моей должности очень полезно для развлечения изучать языки. Мне кажется, воспитывались вы в Соединенных Штатах, но из Польши уехали не раньше...

— Ладно, хватит, — прервал Джо. — Вы, видно, кончили одеваться, так что прошу.

Дверь отворилась, и Стормгрэн вышел, в душе очень довольный своей маленькой победой. Страж посторонился, пропуская его, — любопытно, вооружен ли он, подумал Стормгрэн. Наверно, вооружен, и уж конечно, его друзья недалеко.

Коридор тускло освещали развешенные там и сям керосиновые лампы, и Стормгрэну впервые удалось разглядеть Джо. Это был человек лет пятидесяти, и весил он, должно быть, фунтов двести с изрядным хвостиком. Все в нем и на нем было огромно, начиная с покрытой пятнами военной формы Бог весть какой именно армии и кончая неслыханных размеров перстнем на левой руке. Детине такого роста и сложения оружие, надо думать, без надобности. Зато и разыскать его будет нетрудно, лишь бы отсюда выйти, подумал Стормгрэн. Но ведь и сам Джо, конечно, прекрасно это понимает — мысль не слишком утешительная.

Стены по сторонам — просто камень, лишь кое-где укреплены бетоном. Должно быть, это какая-то заброшенная шахта, — пожалуй, более надежной тюрьмы не придумаешь. До сих пор сознание, что его похитили, как-то не очень волновало Стормгрэна. Ему казалось — что бы ни произошло, уж наверно Сверхправители, при своем безмерном могуществе, сумеют разыскать его и вызволить. Теперь уверенности у него поубавилось. Ведь он здесь уже несколько дней, и никто его не выручает. Должно быть, даже всемогуществу Кареллена есть предел, — если пленника и впрямь держат в недрах какого-нибудь далекого материка, быть может, Сверхправители при всех своих познаниях бессильны найти его след.

В пустом полутемном помещении за столом сидели двое. Когда Стормгрэн вошел, они вскинули головы и поглядели на него с любопытством и с явным почтением. Один подвинул через стол горку сэндвичей, и Стормгрэн тотчас за них принялся. Хоть он и голоден как волк, не худо бы получить обед поаппетитнее, но, вероятно, его стражи и сами едят не лучше.

Он ел, а сам поглядывал на этих троих. Несомненно, Джо среди них самая примечательная личность, и выделяется он не только ростом и сложением. Другие двое — явно его помощники, с виду вполне заурядные, а откуда они родом, можно будет определить, когда они заговорят.

В стакане сомнительной чистоты появилось немного вина, и Стормгрэн запил последний кусок хлеба. Теперь он чувствовал себя уверенней.

— Итак, — ровным голосом произнес он, обращаясь к великану-поляку, — может быть, вы объясните мне, что все это значит и чего, собственно, вы надеетесь таким образом достичь.

Джо откашлялся:

— Одно хочу вам растолковать. Уэйнрайт тут ни при чем. Он тоже ничего такого не ждал.

Стормгрэн был почти готов к подобному ответу, хотя и удивился, с чего Джо так легко подтвердил его догадку. Он давно уже подозревал, что внутри Лиги — или рядом с нею — существует некое крайнее течение.

— А каким образом вы меня похитили? Спрашиваю из чистого любопытства.

Он не рассчитывал на ответ, но, к его изумлению, ответили охотно, будто только того и ждали.

— А мы это разыграли прямо как в голливудском детективе, — весело сказал Джо. — Мы ж не знали, вдруг Кареллен с вас глаз не спускает, ну и приняли кой-какие нужные меры. Пустили усыпляющий газ в кондиционер, это было не хитро. Потом перенесли вас в машину — и того проще. И все это, прямо скажу, проделали не наши люди. Для такой работенки мы наняли... э-э... специалистов. Кареллен может их поймать, наверно, и поймают, только ничего он от них не узнает. Машина ушла от вашего дома и скоро нырнула в длинный туннель, есть такой меньше чем за тысячу километров от Нью-Йорка. А через положенное время вынырнула с другого конца, и в ней был без памяти человек — вылитый генеральный секретарь ООН. А недолго спустя из другого конца выехал большущий грузовик с металлическими ящиками, покатил к одному аэропорту, и там ящики перегрузили в самолет, рейс был самый что ни на есть законный. Уж не сомневайтесь, владельцы померли бы со сграху, знай они, для чего нам пригодились эти ящики... Ну а та, настоящая

машина пошла кружить да петлять до самой канадской границы. Может, Кареллен ее уже и захватил — не знаю, да не велика важность. Как видите — надеюсь, вы оцените мою откровенность, — весь наш план построен на одном расчете. Мы уверены, Кареллен может видеть и слышать все, что происходит на поверхности Земли, но уж никак не под землей, разве что ему служит не только наука, но и колдовство. А стало быть, он не узнает о подмене в туннеле либо узнает слишком поздно. Понятно, мы рискуем, но приняты и еще кой-какие меры предосторожности, в это я сейчас вдаваться не стану. Лучше про них покуда помолчать — может, еще понадобятся.

Джо так явно упивался своим рассказом, что Стормгрен с трудом сдерживал улыбку. Но при этом он по-настоящему встревожился. Похитители весьма изобретательны, очень возможно, что Попечителя удалось провести. И ведь никак нельзя ручаться, что Кареллен хоть сколько-нибудь печется о безопасности генерального секретаря. Джо тоже явно в этом не уверен. Может быть, потому он и разоткровенничался — проверяет, как Стормгрен ко всему этому отнесется. Что ж, как ему ни тревожно, а надо прикинуться невозмутимым. И Стормгрен сказал презрительно:

— Вы все, видно, сущие остолопы. Неужели, по-вашему, Сверхправителей так легко обмануть? Да и чего вы надеетесь этим добиться?

Джо предложил ему сигарету, Стормгрен отказался, тогда он сам закурил и уселся было на край стола. Послышался зловеющий треск, и великан поспешно прыгнул на пол.

— Очень понятно, почему мы так действуем, — начал он. — Мы увидели, что уговаривать да убеждать толку нет, вот и пришлось действовать иначе. Подпольщики бывали на свете и до нас, и пускай у Кареллена сила большая, а все равно не так-то легко ему с нами справиться. Мы начинаем борьбу за независимость. Поймите меня правильно. Никакого насилия не будет — во всяком случае, поначалу, — но Сверхправителям, хочешь не хочешь, нужны помощники из людей, а этим помощникам мы можем доставить кучу неприятностей.

«И начинаете, видно, с меня, — подумал Стормгрен. — Пожалуй, Джо рассказал далеко не все. Неужели подпольщики всерьез вообразили, будто на Кареллена можно хоть

как-то повлиять гангстерскими приемами? Да, но ведь хорошо организованное движение сопротивления и вправду может сильно осложнить жизнь. Этот Джо нащупал единственное уязвимое место во власти Сверхправителей. В конечном счете все их распоряжения исполняются помощниками-людьми. Если этих людей запугать так, что они перестанут повиноваться, вся система рухнет. Впрочем, едва ли... нет, Кареллен наверняка быстро найдет какой-нибудь выход».

— Как же вы намерены со мной поступить? — спросил наконец Стормгрэн. — Я что, заложник?

— Не беспокойтесь, мы о вас позаботимся. На днях ждем кой-кого в гости, а пока постараемся, чтоб вы не скучали.

Он прибавил несколько слов на своем языке, и один из его сотоварищей выложил на стол нераспечатанную колоду карт.

— Нарочно для вас достали, — пояснил Джо. — Читал я в «Таймс», что вы здорово играете в покер. — Он вдруг заговорил очень серьезно, даже озабоченно: — Надеюсь, у вас полон бумажник наличными. Мы не сообразили поглядеть. Чеки нам, знаете ли, брать неудобно.

Ошарашенный Стормгрэн круглыми глазами уставился на своих тюремщиков. И наконец до него дошло — да это же все презабавно, и теперь он избавлен от своих обязанностей, хлопот и тревог. Отныне все это — забота ван Риберга. Что бы ни случилось, он, Стормгрэн, ровно ничего не может поделать — и вот, не угодно ли, эти невообразимые похитители жаждут поиграть с ним в покер!

Стормгрэн откинулся на стуле и захохотал, — так он не смеялся уже многие годы.

— Без сомнения, Уэйнрайт не лжет, — угрюмо размышлял ван Риберг. «Возможно, он и подозревает, что за люди похитили Стормгрэна, но точно ему это не известно. И выходку их он не одобряет». Очень похоже, что в последнее время экстремисты из Лиги всячески давили на Уэйнрайта, чтобы действовал решительней. А теперь вот начали действовать сами.

Спору нет, похищение организовано на славу; Стормгрэна могли упрятать в любом уголке земного шара, и едва ли удастся напасть на его след. Однако же надо что-то предпринять, да поскорее, решил ван Риберг. Хоть он нередко

отпускал шуточки по адресу Кареллена, но в душе перед ним трепетал. Страшно даже подумать, что надо прямо обратиться к Попечителю, но иного выхода нет.

Отдел связи занимал весь верхний этаж огромного здания. Вдоль зала тянулись ряды телетайпов — одни молчали, другие деловито пощелкивали. Через них нескончаемым потоком поступали статистические данные — объем производства, численность населения, исчерпывающие сведения обо всей мировой экономике. Должно быть, где-то в вышине, на корабле Кареллена есть нечто подобное этому залу, и ван Риберга мороз подирал по коже, когда он гадал, какие неведомые чудища бродят там от аппарата к аппарату, собирая отчеты, которые посылает Сверхправителям Земля.

Но сегодня его не интересовали ни эти аппараты, ни обыденные дела, которыми они были заняты. Он прошел в кабинетик, куда полагалось входить одному только Стормгрелну. По его распоряжению замок уже взломали, и в кабинете ждал начальник связи.

— Вот это обычный телетайп, — сказал он ван Рибергу, — клавиатура, как у стандартной пишущей машинки. И есть фотопередатчик, на случай, если надо послать какие-нибудь изображения или таблицы, но вы говорили, вам это сейчас не нужно.

Ван Риберг рассеянно кивнул:

— Да, спасибо. Вы свободны. Наверно, я не очень задержусь. Тогда опять запрете комнату и все ключи отдадите мне.

Он подождал, пока тот вышел, и подсел к аппарату. Он знал, этим видом связи пользовались редко, почти все вопросы Кареллен и Стормгрелн обсуждали каждую неделю при встрече. Но этот аппарат явно предназначен для экстренных случаев, и можно надеяться, что ответят немедленно.

Мгновение ван Риберг поколебался, потом начал неумело нажимать клавиши. Машина тихонько заурчала, на потемневшем экране коротко вспыхивали слово за словом. Он выпрямился в ожидании ответа.

Не прошло и минуты, как аппарат снова замурлыкал. Ван Риберг не впервые подумал — может быть, Кареллен никогда не спит?

Ответ был весьма краток и столь же неутешителен:

НИКАКИХ УКАЗАНИЙ. ДЕЙСТВУЙТЕ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ. К.

С горечью, без малейшего удовольствия ван Рибберг понял всю огромность взваленной на него ответственности.

За три дня Стормгрэн успел основательно изучить своих стражей. Что-то значит один Джо, другие двое не в счет — ничтожества, сброд, какой неизбежно прилипает к любому нелегальному движению. Идеалы Лиги освобождения для них пустой звук, у них одна забота — добыть кусок хлеба насущного без особых трудов.

Джо — тот куда сложнее, хотя порою кажется великовозрастным младенцем. Нескончаемые партии в покер то и дело прерывались бурными политическими спорами, и скоро Стормгрэну стало ясно, что великан никогда всерьез не задумывался — за что же он сражается. Им владели чувства и крайний консерватизм, где уж тут рассуждать трезво. Родина Джо слишком долго добивалась независимости, и это наложило на него неизгладимую печать: он все еще жил прошлым. Своего рода живописное ископаемое, один из тех, кто вовсе не нуждается в каком-либо упорядоченном образе жизни. Когда люди такого склада исчезнут, — если только это когда-либо случится, — наш мир станет безопаснее, но и скучнее.

Стормгрэн теперь почти не сомневался, что Кареллену не удалось напасть на его след. Он еще пытался убедить троих стражей в противном, но безуспешно. Ясное дело, его держали в плену, выжидая, вмешается ли Кареллен, а раз ничего не произошло, они могут действовать дальше.

И Стормгрэн ничуть не удивился, когда на четвертый день после похищения Джо его предупредил, чтобы ждал гостей. Пленник еще до того заметил, как час от часу стражи становятся беспокойнее, и догадался: руководители движения убедились, что путь свободен, и наконец-то явятся за ним.

Они уже ждали за шатким дощатым столом, когда Джо привел Стормгрэна и учтиво посторонился, давая пройти. Стормгрэна позабавило, что на боку у тюремщика впервые красовался, ко всеобщему сведению, большущий пистолет. Его подручные не показывались, да и сам Джо держался куда скромнее обычного. Стормгрэн сразу понял, что очу-

тился перед людьми куда более значительными. Те, что сидели сейчас перед ним, очень напоминали виденную когда-то фотографию — Ленин и его сподвижники в первые дни русской революции. В этих — их было шестеро — чувствовалась та же сила ума, железная воля и непреклонность. Джо и ему подобные не опасны, а вот здесь — те, чья мысль управляет подпольем.

Стормгрен коротко кивнул, прошел к единственному свободному стулу и сел, стараясь держаться хладнокровно и непринужденно. За каждым его движением следил немолодой коренастый человек, сидевший в дальнем конце стола, — он подался навстречу Стормгрелу и впился в него колючими серыми глазами. Под этим пронизывающим взглядом Стормгрелу стало не по себе, и он, сам того не желая, заговорил первым.

— Полагаю, вы пришли обсудить условия. Какой за меня назначен выкуп?

Тут он заметил, что поодаль кто-то стенографирует его слова. Обстановка самая деловая.

Отозвался главный, он говорил певуче, как уроженец Уэльса.

— Можете назвать это и так, господин генеральный секретарь. Но нам нужны не деньги, а сведения.

Вот оно что, подумалось Стормгрелу. Его допрашивают как военнопленного.

— Вы и сами знаете, чего мы добиваемся, — певуче продолжал уэльсец. — Если угодно, зовите нас движением сопротивления. Мы убеждены, что рано или поздно Земле не миновать борьбы за независимость, и мы понимаем — открытая война невозможна, остаются неповиновение, саботаж и тому подобное. Вас мы похитили отчасти затем, чтобы показать Кареллену, что мы хорошо организованы и действовать будем решительно, но главное, вы — единственный, от кого можно хоть что-то узнать о Сверхправителях. Вы разумный человек, мистер Стормгрен. Помогите нам, и мы вернем вам свободу.

— А что, собственно, вы хотите узнать? — осторожно спросил Стормгрен.

Казалось, удивительные глаза собеседника проникают в самые потаенные глубины сознания, никогда в жизни не встречал он такого взгляда. Но вдруг певучий голос ответил:

— Знаете ли вы, кто — или что такое — на самом деле эти Сверхправители?

Стормгрен едва удержался от улыбки.

— Поверьте, — сказал он, — я не меньше вашего желал бы раскрыть эту тайну.

— Значит, вы согласны отвечать на наши вопросы?

— Обещать не обещаю. Но, возможно, и отвечу.

Он услышал, как с облегчением вздохнул Джо, и все в комнате шелохнулись и замерли в ожидании.

— Мы примерно представляем себе, при каких обстоятельствах вы встречаетесь с Карелленом. Но, может быть, вы опишете это подробно, не упуская ничего сколько-нибудь существенного?

Что ж, просьба довольно безобидная, решил Стормгрен. Десятки раз он отвечал на подобные вопросы, и выглядеть это будет как готовность помочь. Перед ним люди умные, проницательные, может быть, им тут что-то и откроется. Если они способны извлечь из его рассказа какие-то новые сведения — тем лучше, лишь бы и с ним поделились. Во всяком случае, Кареллену это никак не повредит.

Стормгрен пошарил по карманам, достал карандаш и старый конверт. Наскоро набрасывая чертеж, стал объяснять:

— Вы, конечно, знаете, за мной раз в неделю прилетает такой аппаратик, ни мотора, ни какого-либо иного движителя у него не видно, и он переносит меня к кораблю Кареллена. И проникает внутрь — вы, конечно, видели, как это происходит, телескопических фильмов снято немало. Дверь — если это можно назвать дверью — опять открывается, и я вхожу в небольшую комнату, там только и есть, что стол, стул и телеэкран. Расстановка примерно такая.

Он подвинул конверт к старому уэльсцу, но тот не взглянул на чертеж. Станные глаза все так же неотрывно смотрят на Стормгрена, и ему чудится — что-то переменялось в их глубине. Настала мертвая тишина, и Стормгрен услышал — позади него у Джо вдруг перехватило дыхание.

Озадаченный, раздосадованный, Стормгрен отвечал взглядом в упор — и наконец-то понял. Смутился, смял конверт в тугой комок и швырнул на пол.

Так вот отчего ему было так не по себе под взглядом этих серых глаз. Человек, что сидит напротив, слеп.

Ван Рибберг больше не пробовал связаться с Карелленом. Во многом работа его ведомства шла и дальше по накатанной колее: отсылались статистические данные, выжимки из мировой прессы и прочее. В Париже юристы все еще препирались из-за каждого пункта будущей Всемирной Конституции, но это пока его не касалось. Попечителю окончательный проект надо представить только через две недели; если к тому времени текст не будет готов, Кареллен, несомненно, поступит, как сочтет нужным.

А о Стормгрене по-прежнему никаких известий.

Ван Рибберг говорил в диктофон, как вдруг зазвонил телефон срочной связи. Он схватил трубку и слушал, все больше недоумевая, потом швырнул ее на рычаг, бросился к окну, распахнул. Далеко внизу на улицах нарастает вопль изумления, замирают на месте машины.

Да, правда — небо пусто, корабль Кареллена, неизменный символ власти Сверхправителей, исчез. Ван Рибберг шарил взглядом в вышине, сколько хватал глаз — никакого следа. И вдруг будто средь бела дня надвинулась ночь. С севера низко, над самыми крышами нью-йоркских небоскребов, налетел исполинский корабль, в полумраке он чернел снизу, точно грозовая туча. Ван Рибберг невольно отшатнулся. Он всегда знал, что корабли Сверхправителей громадны, но когда громадина недвижно парит в недосягаемой вышине, это одно, и совсем другое — когда такое чудовище проносится у тебя над головой, словно туча, гонимая самим дьяволом.

В сумерках, будто при солнечном затмении, ван Рибберг следил за кораблем, пока тот вместе со своей чудовищной тенью не скрылся на юге. И не слышал ни звука, ни хотя бы шелеста в воздухе, значит, только показалось, что корабль так низко, — высота была не меньше километра. А потом все здание содрогнулось от удара воздушной волны и где-то со звоном посыпались на пол выбитые стекла.

За спиной разом заголосили все телефоны, но ван Рибберг не шевельнулся. Так и стоял, опершись на подоконник, и все смотрел туда, на юг, ошеломленный этой безмерной мощью.

Стормгрэн говорил, а мысль словно работала на двух уровнях сразу. Он пленник этих людей и старается дать им

отпор, а в то же время брезжит надежда — вдруг они помогут раскрыть секрет Кареллена? Опасная игра, но, как ни странно, она доставляет истинное наслаждение.

Больше всего вопросов задавал слепой. Просто поразительно, с какой быстротой этот живой ум перебирает все возможности, исследует и отбрасывает все теории, от которых Стормгрен давно уже отказался. И вот уэльсец со вздохом откинулся на спинку стула.

— Это все впустую, — покорно сказал он. — Нам нужно больше узнать, значит, нужно не рассуждать, а действовать.

Казалось, незрячие глаза в раздумье смотрят прямо на Стормгрена. Слепой беспокойно забарабанил пальцами по столу — признак нерешительности, это Стормгрен подметил у него впервые. Потом продолжал:

— Мне немного странно, господин генеральный секретарь, что вы никогда не пробовали разузнать о Сверхправителях побольше.

— А что я, по-вашему, мог сделать? — холодно спросил Стормгрен, стараясь казаться равнодушным. — Я же вам сказал: из комнаты, где я разговариваю с Карелленом, есть только один выход — и оттуда я прямиком попадаю на Землю.

— Вот если изобрести какие-то приборы, может, они нам что-нибудь да откроют, — вслух раздумывал тот. — Сам я не ученый, но, пожалуй, мы над этим поразмыслим. Если мы вас освободим, согласны вы помочь нам в этом деле?

— Поймите меня правильно раз и навсегда, — вспыхнул Стормгрен, — Кареллен стремится объединить человечество, и я палец о палец не ударю, чтобы помогать его врагам. Конечных его целей я не знаю, но верю, что ничего плохого не будет.

— Какие у вас доказательства?

— Да все его действия с тех самых пор, как впервые потонули корабли. Назовите мне хоть что-нибудь, что, если вдуматься поглубже, не пошло бы нам на благо? — Стормгрен помолчал, перебирая в памяти минувшие годы. Улыбнулся. — Если вам нужно ясное доказательство присущей Сверхправителям — как бы это назвать? — доброжелательности, вспомните ту историю, когда они запретили жестокое обращение с животными, еще месяца не прошло с их прилета. Если сначала я сомневался насчет Кареллена, тот за-

прет разогнал все сомнения, хоть и доставил мне больше хлопот, чем все другие его приказы.

«Пожалуй, я не преувеличиваю», — подумал Стормгрэн. Случай был из ряда вон, впервые обнаружилось, что Сверхправители не терпят жестокости. Эта их нетерпимость и еще страсть к справедливости и порядку — вот, кажется, преобладающие у них чувства, насколько можно судить по их действиям.

То был единственный случай, когда Кареллен дал знать, что разгневан, по крайней мере это походило на гнев. «Можете, если угодно, убивать друг друга, — заявил он, — это дело ваше и ваших законов. Но если, кроме как ради пищи или самозащиты, вы станете убивать животных, которые вместе с вами населяют ваш мир, вы мне за это ответите».

Сперва никто толком не понял, насколько широко надо понимать этот запрет и каким образом Кареллен заставит ему подчиниться. Долго ждать не пришлось.

Трибуны стадиона Плаза де Торо были набиты битком, начинался парад матадоров и их помощников. Казалось, все идет как всегда — под ярким солнцем ослепительно сверкают освященные обычаем костюмы, толпа зрителей приветствует своих любимцев, так бывало прежде тысячи раз. Но кое-где поднимались головы, зрители тревожно поглядывали на небо, на равнодушное чудище, серебрящееся в пятидесяти километрах над Мадридом.

Потом пикадоры разъехали по местам, и на арену с громким фырканием вырвался бык. Высвеченные ярким солнцем тощие лошади, храпя от ужаса, завертелись под седоками, а те пришпоривали их, гнали навстречу врагу. Мелькнуло первое копые... впилося в цель... и тут раздался звук, какого не слышали доньине на Земле.

Вопль боли вырвался у десяти тысяч раненых — но когда эти десять тысяч человек опомнились от потрясения, они не нашли на себе ни царапинки. Однако с боем быков было покончено — и не только в тот раз, но навсегда, ибо весть о случившемся распространилась быстро. Стоит упомянуть и о том, сколь потрясены были aficionados* — едва ли один из десяти потребовал деньги обратно; и еще лондонская «Дейли миррор» подсыпала соли на раны — предложила

* Любители, болельщики (исп.).

испанцам взамен исконного национального спорта заняться крикетом.

— Может быть, вы и правы, — сказал старый уэльсец. — Допустим, побуждения у Сверхправителей наилучшие... по их меркам, и эти мерки могут иногда совпадать с нашими. И все-таки они самовольно вмешались в нашу жизнь, мы их не звали, не просили перевернуть в нашем мире все вверх дном и порушить наши идеалы... да, идеалы, и государства, за чью независимость боролись и отстаивали ее многие поколения.

— Я родом из маленькой страны, которой тоже пришлось бороться за свою свободу, и однако я стою за Кареллена, — возразил Стормгрен. — Вы можете досадить ему, возможно даже, из-за вас он не так быстро достигнет своей цели, но в конечном счете ничего вы этим не измените. Не сомневаюсь, вы искренни в своих убеждениях; вы боитесь, что в будущем Всемирном государстве не сохранятся традиции и культура малых стран, я и это могу понять. Но в одном вы не правы — бесполезно цепляться за прошлое. Суверенное государство у нас на Земле отмирало еще до того, как явились Сверхправители. Они только ускорили его гибель; никому уже не спасти эту суверенность, — да и пытаться не следует.

Ответа не было, человек напротив Стормгрена не шелохнулся, не вымолвил ни слова. Сидит недвижимо, губы открыты, глаза теперь не просто незрячие, но безжизненные. И все остальные тоже застыли, окоченели в напряженных, неестественных позах. Стормгрен задохнулся от ужаса, встал, попятился к двери. И тут в тишину ворвался голос:

— Очень мило сказано, Рикки, благодарю. Теперь, пожалуй, мы можем уйти.

Стормгрен круто обернулся, уставился в полутьму коридора. Здесь вровень с его лицом плавал в воздухе маленький, совсем гладкий, без единой отметинки шар — несомненно, источник пущенной в ход Сверхправителями таинственной силы. И Стормгрен услышал, а может, ему просто почудилось тихое гудение, точно от улья в полный ленивой истомы летний день.

— Кареллен! Слава Богу! Но что вы с ними сделали?

— Успокойтесь, они живы и здоровы. Можете назвать это своего рода параличом, но тут все много сложнее. Их

жизнь сейчас течет в тысячи раз медленней обычного. Когда мы уйдем, они так и не поймут, что же случилось.

— Вы их так оставите до прихода полиции?

— Нет. У меня план получше. Я их отпускаю.

Стормгрен даже изумился, настолько легче стало на душе. Обвел прощальным взглядом подземную комнатку и всех, кто в ней застыл. Джо стоит на одной ноге, смотрит бессмысленно куда-то в пространство. Стормгрен вдруг рассмеялся, пошарил у себя в карманах.

— Спасибо за гостеприимство, Джо, — сказал он. — Пожалуй, я оставлю тебе кое-что на память.

Он порывлся в клочках бумаги и наконец подсчитал свои проигрыши. Потом на сравнительно чистом листке аккуратно написал:

В МАНХЭТТЕНСКИЙ БАНК

Прошу выплатить Джо сто тридцать пять долларов и пятьдесят центов (135.50).

Р. Стормгрен

Он положил записку возле поляка и услышал голос Кареллена:

— Что вы, собственно, делаете?

— В роду Стормгренов всегда платят долги. Те двое плутовали, но Джо играл честно. По крайней мере я ни разу не заметил, чтобы он смошенничал.

И пошел к двери, веселый, беззаботный, помолодевший на добрых сорок лет. Металлический шарик отплыл в сторону, пропуская его. Должно быть, это какой-то робот, теперь понятно, как удалось Кареллену добраться до пленника, скрытого под пластами камня Бог весть какой толщины.

— Сто метров пройдете прямо, — сказал шар голосом Кареллена. — Потом повернете налево, а тогда я дам дальнейшие указания.

И Стормгрен в нетерпении зашагал прямо, хотя и понимал, что торопиться нет нужды. Шар остался висеть позади, в коридоре, — надо думать, прикрывал отступление.

Через минуту Стормгрен подошел к другому такому же шару, тот ждал его на развилке коридора.

— Надо пройти еще полкилометра, — сказал шар. — Держите влево, пока не встретимся опять.

Шесть раз Стормгрэн встречался с шарами на пути к выходу. Сперва он недоумевал — может быть, робот как-то ухитрится его обгонять; потом догадался — наверно, эти приборы расположились цепочкой и через нее-то шла связь до самого дна шахты. У выхода на поверхность застыли неправдоподобной скульптурной группой нескольких часовых под надзором еще одного из вездесущих шаров. А чуть поодаль на косогоре лежал тот летательный аппаратик, что всегда доставлял генерального секретаря ООН к Кареллену.

Стормгрэн постоял немного, шурясь от солнца. Потом увидел вокруг ржавые, изломанные шахтные механизмы, за ними тянулась вниз по откосу заброшенная железнодорожная ветка. В нескольких километрах отсюда, к подножию горы подступал густой лес, а совсем уже в дальней дали поблескивало большое озеро. Пожалуй, он очутился где-то в Южной Америке, хотя трудно определить, откуда такое впечатление.

Забираясь в летательный аппарат, Стормгрэн окинул последним беглым взглядом зев шахты и застывших возле нее людей. И вот отверстие в серебристой стене затянулось за ним, и со вздохом облегчения он откинулся на знакомом сиденье.

Не сразу он отдышался настолько, что из глубины души вырвалось короткое:

— Итак?

— Сожалею, что не мог вас вызволить раньше. Но вы ведь понимаете, очень важно было дождаться, чтобы здесь собрались все руководители.

— Так вы... — захлебнулся Стормгрэн. — Вы что же, все время знали, где я? Если б я думал...

— Не торопитесь, — сказал Кареллен, — дайте мне хотя бы договорить.

— Прекрасно, я слушаю, — мрачно процедил Стормгрэн.

Он начал подозревать, что послужил всего-навсего при-
манкой в хитроумной западне.

— Некоторое время назад я пустил за вами... пожалуй, можно назвать это устройство «следопытом», — стал объяснять Кареллен. — Ваши недавние друзья справедливо полагали, что я не мог следовать за вами под землей, однако я сумел идти по следу до самой шахты. Подмена в туннеле — остроумная проделка, но, когда первая машина

перестала отвечать на сигналы, подлог обнаружился, и я вскоре опять вас отыскал. А потом просто надо было выждать. Я знал: как только они решат, что я потерял вас из виду, они явятся сюда и я изловлю всех сразу.

— Но вы же их отпускаете!

— До сих пор я не мог выяснить, кто именно из двух с половиной миллиардов людей на вашей планете — подлинные главари подполья. Теперь, когда они известны, я могу проследить каждый их шаг на Земле и, если понадобится, наблюдать за всеми их действиями до мелочей. Это куда лучше, чем посадить их под замок. Что бы они ни предприняли, они тем самым выдадут остальных. Они связаны по рукам и ногам и сами это понимают. Ваше исчезновение останется для них непостижимым, точно у них на глазах вы растаяли в воздухе.

И по крохотной кабине раскатился звучный смех.

— В каком-то смысле презабавная вышла история, но цель ее очень серьезна. Меня заботят не просто несколько десятков человек этой организации, мне надо еще думать о том, как все это скажется на настроении других подпольных групп, которые действуют в других местах.

Стормгрен помолчал. Услышанное не слишком утешает, но мысль Кареллена понятна, и гнев недавнего пленника поостыл.

— Печально, что надо на это пойти, когда мне остаются считанные недели до отставки, — сказал он не вдруг, — но теперь я вынужден буду завести у моего дома охрану. В следующий раз могут похитить Питера. Кстати, как он без меня справлялся?

— В последнюю неделю я внимательно следил за ним и нарочно ничем не помогал. В общем, он держался очень недурно, но такой человек не может вас заменить.

— Его счастье, — заметил Стормгрен все еще не без обиды. — А кстати, вы не получили хоть какого-то ответа? Вам все еще не разрешают нам показаться? Теперь я убежден, это — сильнейшее оружие ваших врагов. Мне опять и опять твердят: мы не станем доверять Сверхправителям, пока не увидим их.

Кареллен вздохнул:

— Нет. Я пока не получал никаких известий. Но знаю, что мне ответят.

И Стормгрен оставил этот разговор. Прежде он продолжал бы настаивать, но теперь в мыслях у него впервые забрезжил некий план. Вспомнились слова человека, который его допрашивал. Пожалуй, и правда можно изобрести какие-то приборы...

То, что он отказался выполнить под чьим-либо нажимом, он, возможно, попытается сделать по собственной воле.

ГЛАВА 4

Еще несколько дней назад Стормгрен просто не поверил бы, что способен всерьез обдумывать такое. Вероятно, мысли его приняли новый оборот главным образом из-за нелепой мелодрамы с похищением — теперь оно казалось чуть ли не плохоньким телевизионным спектаклем. Впервые за всю свою жизнь Стормгрен подвергся прямому насилию, это было слишком непохоже на словесные битвы в залах заседаний. Должно быть, жажда действия, точно вирус, проникла в кровь... или он попросту слишком быстро впадает в детство?

Им двигало еще и жгучее любопытство, да и за шутку, что с ним разыграли, он не прочь был отплатить. Ведь теперь уже совершенно ясно: Кареллен воспользовался им как приманкой, пускай с наилучшими намерениями, — все равно Стормгрен не склонен был так легко это простить.

Пьер Дюваль ничуть не удивился, когда Стормгрен, не предупредив заранее, явился к нему в кабинет. Они старые друзья, и генеральный секретарь ООН нередко навещает главу Бюро научных исследований. Уж конечно, Кареллену и этот визит не покажется странным, если ему или его подчиненному случится как раз сюда обратиться недреманное око своих приборов.

Сначала друзья потолковали о делах и обменялись политическими сплетнями; потом, не слишком уверенно, Стормгрен заговорил о том, ради чего пришел. Старый француз слушал, откинувшись на спинку кресла, и с каждой минутой брови его всползали все выше, так что под конец чуть не смешались с прядью волос, падающей на лоб. Раза два он, казалось, хотел было что-то сказать, но сдержался.

Когда Стормгрен умолк, ученый тревожно огляделся.

— А вы не думаете, что он нас слушает? — спросил он.

— Едва ли это возможно. У него есть, как он выражается, следопыт для моей охраны. Но это устройство под землей не действует, потому-то я и пришел сюда, в ваше подземелье. Предполагается, что это — убежище от всех видов радиации, так? Кареллен не кудесник. Он знает, где я сейчас, но не более того.

— Надеюсь, вы правы. И еще одно — если он узнает, что вы хотите проделать, разве это не опасно? А он наверняка узнает.

— Я рискну. Притом мы с ним неплохо понимаем друг друга.

Несколько минут физик, поигрывая карандашом, молча смотрел в одну точку.

— Задача не из легких. Мне это по душе, — сказал он просто. Нагнулся к какому-то ящику, извлек оттуда большой блокнот, Стормгрен таких громадин и не видывал.

— Вот так. — Он принялся стремительно, одержимо чиркать по бумаге, покрывая ее какими-то стенографическими значками, видимо, собственного изобретения. — Мне надо знать все в точности. Расскажите все, что знаете про комнату, где вы с ним разговариваете. Не упускайте ни единой мелочи, даже если это по-вашему пустяк.

— Тут почти нечего описывать. Стены металлические, комната около восьми квадратных метров, высота — метра четыре. Телеэкран размером примерно метр на метр, как раз под ним стол — давайте-ка я вам нарисую.

Стормгрен наскоро набросал чертеж хорошо знакомой комнаты и подвинул через стол Дювалю. И чуть вздрогнул — вспомнилось, как совсем недавно он проделал то же самое. Что-то случилось со слепым уэльсцем и его союзниками? Как отнеслись они к его внезапному исчезновению?

Француз, наморщив лоб, изучал чертеж.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Да.

Дюваль сердито фыркнул:

— А освещение? Вы что же, сидите в полной темноте? А какая там вентиляция, отопление...

Стормгрен улыбнулся: Дюваль верен себе, чуть что — и вспылит.

— Весь потолок — светящийся, а воздух, насколько я понимаю, идет из той же решетки, что и звук. Куда он уходит, не знаю, может быть, время от времени направление тяги меняется, но я этого не замечал. Батарей нет, никаких признаков отопления, но в комнате всегда нормальная температура.

— Иными словами, очевидно, замерзают только водяные пары, но не углекислый газ.

Стормгрен счел долгом улыбнуться старой общеизвестной шуточке.

— По-моему, я вам все сказал. Что до машинки, которая переносит меня на корабль Кареллена, она не примечательней кабины лифта. Только и разницы, что есть диван и стол.

Несколько минут оба молчали, физик старательно рисовывал свой блокнот крохотными закорючками. Стормгрен следил за его карандашом и спрашивал себя, почему этот человек — блестящий ум, до которого ему, Стормгрену, очень и очень далеко, — так и не стал подлинно выдающейся величиной в научном мире. Вспомнились злые и едва ли справедливые слова одного приятеля из американского Государственного департамента: «Французы поставляют лучших в мире работников второго сорта». Дюваль — один из примеров, что в словах этих есть доля правды.

Физик удовлетворенно покивал сам себе, наклонился к Стормгрену, нацелился в него карандашом:

— Рикки, а почему вы думаете, что этот Карелленов телевизор, как вы его называете, и вправду телевизор, а не одна видимость?

— Никогда в этом не сомневался: экран выглядит точно так же. А что еще это может быть?

— Вы говорите — выглядит? То есть это он с виду такой же, как у наших телевизоров?

— Ну конечно.

— Вот это мне и подозрительно. Вряд ли Сверхправители пользуются такой грубой техникой, у них скорей всего картинка образуется прямо в воздухе. Да и чего ради Кареллену прибегать к помощи телевизора? Простота — всегда наилучшее решение. Разве не правдоподобнее, что этот ваш телеэкран — всего-навсего поляризованное стекло?

Стормгрен так озлился на себя, что минуту-другую не отвечал и только рылся в памяти. С самого начала он ни

разу не усомнился в словах Кареллена — но, если вспомнить, разве Попечитель когда-либо говорил, будто пользуется телевизором? Стормгрэн сам ничего другого и не думал, его с легкостью провели, сыграли на естественном ходе человеческой мысли. Да, так, — если, разумеется, догадка Дюваля верна. Однако опять он спешит с выводами, ведь никто пока ничего не доказал.

— Если вы правы, — сказал он, — мне просто надо разбить стекло...

Дюваль вздохнул:

— Уж эти мне профаны в науке. Вы что же, воображаете, что такое стекло можно расколотить без взрывчатки? И даже если бы это удалось, по-вашему, Кареллен непременно дышит таким же воздухом, как мы? А если он благоденствует в хлорной атмосфере? То-то славно обернется дело для вас обоих.

Стормгрэн почувствовал себя дураком. Мог бы и сам сообразить.

— Хорошо, ну а вы что предлагаете? — спросил он с досадой.

— Мне надо все обдумать. Первым делом надо выяснить, верна ли моя теория и нельзя ли как-то определить, что там за стекло. Поручу кое-кому из моих этим заняться. Кстати, вы, когда навещаете Сверхправителя, наверно, берете с собой портфель? Не тот, что при вас сейчас?

— Он самый.

— Пожалуй, он достаточно большой. Незачем менять, это будет заметно, особенно если к этому Кареллен привык.

— А что я должен сделать? Пронести потайной рентгеновский аппарат?

Физик усмехнулся:

— Пока не знаю, но что-нибудь да придумаем. Недели через две дам вам знать.

Он коротко засмеялся:

— Знаете, о чем мне все это напоминает?

— Еще бы, — мигом отозвался Стормгрэн. — Времена нацистской оккупации, когда вы мастерили для подполья радиоприемники.

Дюваль не сумел скрыть разочарование.

— Правда, мне уже случалось об этом упоминать. Но вот что я вам еще скажу.

— Да?

— Если вы попадетесь, я знать не знал, зачем вам понадобилась такая машинка.

— Как? Не вы ли когда-то подняли такой шум насчет того, что ученый в ответе перед обществом за свои изобретения? Право слово, Пьер, мне за вас стыдно.

Стормгрен положил на стол толстую папку с отстуканными на машинке листами и облегченно вздохнул:

— Наконец-то все улажено. Странно думать, что в этих нескольких сотнях страниц заключено будущее человечества. Всемирное государство! Не надеялся я дожить и увидеть это своими глазами!

Он сунул бумаги в портфель — портфель стоял в каких-нибудь десяти сантиметрах от темного экрана, обращенный к нему тыльной стороной. Порою Стормгрен, сам того не замечая, беспокойно проводил пальцами по застежкам портфеля, но потайную кнопку он нажмет только в последнюю секунду, когда разговор закончится. Дюваль головой ручался, что Кареллен ничего не заметит, но мало ли — вдруг что-нибудь выйдет не так...

— Да, вы ведь сказали, что у вас есть для меня новости, — продолжал он, с трудом скрывая нетерпение. Это насчет?..

— Да, — сказал Кареллен. — Несколько часов назад мне сообщили решение.

«Что бы это значило?» — подивился Стормгрен. Не может же Попечитель переговариваться с далекой своей планетой, когда Бог весть сколько световых лет их разделяет. Разве что, по теории ван Рибберга, он просто советуется с какой-то гигантской ЭВМ, способной предсказать, к чему приведет любой политический шаг.

— Лига освобождения и компания будут, пожалуй, не совсем довольны, — продолжал Кареллен, — но обстановка несколько разрядится. Это, кстати, записывать не надо.

Вы часто говорили мне, Рикки, что, как бы мы ни выглядели, человечество быстро привыкнет к любому нашему облику. Это лишь доказывает, как мало у вас воображения. Вы-то сами, вероятно, и правда быстро бы освоились, но не забывайте, в большинстве люди еще недостаточно обра-

зованны, — чтобы искоренить их суеверия и предрассудки, понадобятся десятилетия.

Не сомневайтесь, нам кое-что известно о человеческой психологии. Мы отлично знаем, что будет, если мы покажемся вашему миру на нынешнем уровне его развития. Не стану вдаваться в подробности, даже с вами, так что уж поверьте мне на слово. Однако вот что мы твердо обещаем, и пусть вас это хоть в какой-то мере удовлетворит: через пятьдесят лет — когда у вас сменятся два поколения — мы выйдем из наших кораблей и люди наконец увидят нас такими, какие мы есть.

Стормгрэн немного помолчал, надо было освоиться с услышанным. Слова Попечителя не принесли удовлетворения, какое он ощутил бы раньше. Правда, частичный успех застал его немного врасплох и на миг пошатнул недавнюю решимость. Со временем истина выйдет наружу, исполнять задуманное нет нужды и вряд ли благоразумно. Разве только из чистого эгоизма, ведь ему-то, Стормгрэну, еще полвека не прожить.

Должно быть, заметив его растерянность, Кареллен прибавил:

— Сожалею, если вас разочаровал, но по крайней мере за политику ближайшего будущего вам уже не придется отвечать. Может быть, вам кажется, будто наши страхи напрасны, но поверьте, мы давно убедились, что всякий иной путь опасен.

Стормгрэн задохнулся, весь подался вперед:

— Так, значит, люди вас когда-то уже видели!

— Этого я не говорил, — мгновенно возразил Кареллен. — Ваша планета — не единственная, за которую мы отвечаем.

Но от Стормгрэна не так просто было отмахнуться.

— У нас есть немало преданий о том, что некогда на Землю спускались пришельцы с небес.

— Знаю, читал отчет Института древней истории. Судя по этому отчету, ваша Земля — перекресток всех дорог Вселенной.

— А может быть, о каких-то пришельцах вы не знаете, — упорствовал Стормгрэн. — Могло же так быть, даже если вы следите за нами уже тысячи лет, а это, по-моему, мало вероятно.

— По-моему, тоже, — уронил Кареллен.

Небрежный этот ответ ровно ничего не значил, и тут Стормгрен решился.

— Кареллен, — сказал он резковато, — я набросаю текст сообщения и передам вам, чтобы вы одобрили. Но оставляю за собой право и дальше к вам приставать, а если найду какую-то возможность, всеми силами постараюсь вывести ваш секрет.

— В этом я не сомневаюсь, — в ответе послышалась усмешка.

— И вы не против?

— Ничуть — до известного предела: не стоит прибегать к ядерному оружию, отравляющим газам и прочему, что может подпортить наши дружеские отношения.

Догадался ли Кареллен, спросил себя Стормгрен, и много ли угадал? Он поддразнивает, но за шуткой слышится понимание, а быть может — как знать? — даже поощрение.

— Рад это слышать, — сказал он, очень стараясь, чтобы не дрогнул голос. Поднялся и, поднимаясь, закрыл портфель. Пальцем легко провел по замку.

— Сейчас же составлю сообщение, — повторил он, — и еще сегодня передам вам по телетайпу.

Говоря это, он нажал потайную кнопку — и понял, что боялся напрасно. Восприятие Кареллена не тоньше, чем у человека. Конечно же, Попечитель ничего не заметил, ведь когда он попрощался и произнес те слова-шифр, которыми открывалась дверь, голос его прозвучал в точности как всегда.

И однако Стормгрен почувствовал себя воришкой, выходящим из магазина под зорким взглядом детектива, и когда стена сомкнулась за ним, не оставив никакого следа двери, у него вырвался вздох облегчения.

— Иные мои теории были не слишком удачны, согласен, — сказал ван Риберг. — А все-таки, что вы скажете теперь?

— Вам непременно надо знать? — вздохнул Стормгрен.

Питер словно не заметил вздоха.

— В сущности, это не моя мысль, — сказал он скромно. — Я наткнулся на нее в одном рассказе Честертона. Допустим, Сверхправители скрывают, что им вовсе нечего скрывать?

— Что-то очень сложно, не понял, — сказал Стормгрен, но в нем шевельнулось любопытство.

— Я вот что имею в виду, — с жаром продолжал ван Рибберг. — По-моему, физически они такие же люди, как мы. Они понимают, что мы еще терпим, если нами правят какие-то воображаемые существа... ну, то есть совсем иные, намного превосходящие нас разумом. Но человечество, такое как оно есть, не станет подчиняться себе подобным.

— Весьма изобретательно, как все ваши теории, — сказал Стормгрен. — Хорошо бы вам нумеровать свои опусы, как сочинения композитора, мне было бы легче уследить. На сей раз возразить можно...

И тут доложили о посетителе, и в кабинет вошел Александр Уэйнрайт.

Стормгрен спросил себя, что у того на уме. И еще — связан ли как-нибудь Уэйнрайт с теми похитителями. Нет, вряд ли: думается, Уэйнрайт совершенно искренне отвергает насилие. Крайнее крыло Лиги освобождения безнадежно опозорилось и не скоро посмеет вновь заявить о себе.

Главе Лиги прочитали текст сообщения, он внимательно выслушал. Стормгрен надеялся, что Уэйнрайт оценит такой знак внимания — мысль эту подсказал Кареллен. Только через двенадцать часов все остальные люди на Земле узнают, какое обещание дано их внукам.

— Пятьдесят лет, — задумчиво произнес Уэйнрайт. — Долго ждать.

— Для людей это, пожалуй, долгий срок, но не для Кареллена, — возразил Стормгрен. Только сейчас он начал понимать, как тонко рассчитали Сверхправители. Нынешнее решение дает им передышку, необходимую, по их мнению, отсрочку и притом выбивает почву из под ног Лиги освобождения. Конечно же, Лига не сложит оружие, но отныне ее позиция куда слабее. Разумеется, это понял и Уэйнрайт.

— За пятьдесят лет все будет загублено, — сказал он с горечью. — Никого из тех, кто еще помнит нашу независимость, не останется в живых; человечество утратит наследие предков.

«Слова, пустые слова, — подумал Стормгрен. — Слова, за которые прежде люди дрались и умирали, но никогда больше не станут за них ни умирать, ни драться. И от этого мир станет лучше».

«Сколько хлопот еще доставит Лига в ближайшие десятилетия?» — спросил себя Стормгрен, глядя вслед уходящему Уэйнрайту. И порадовался мысли, что это уже забота его преемника.

Есть недуги, которые может излечить только время. Злодеев можно уничтожить, но ничего не поделаешь с хорошими людьми, упорными в своих заблуждениях.

— Вот он, ваш портфель, как новенький, — сказал Дюваль.

— Спасибо, — Стормгрен все же придирчиво осмотрел портфель. — Теперь, может быть, вы мне объясните, что тут к чему и как мы будем поступать дальше.

Физик, видно, больше занят был своими мыслями.

— Одного не пойму, — сказал он, — почему нам так легко это сошло с рук? Будь я на месте Карел...

— Но вы не на его месте. Не отвлекайтесь, друг. Что мы все-таки открыли?

— Ох уж эти мне пылкие, нетерпеливые северяне! — вздохнул Дюваль. — Мы смастерили нечто вроде радара малой мощности. Помимо радиоволн очень высокой частоты он работает еще и на крайних инфракрасных, и на всех волнах, которых наверняка не увидит ни одно живое существо, как бы причудливо ни были устроены его глаза.

— А почему вы это знаете наверняка? — спросил Стормгрен, он и сам не ждал, что ему станет любопытна эта чисто техническая задача.

— Н-ну, совсем уж наверняка мы сказать не можем, — нехотя признался Дюваль. — Но ведь Кареллен видит вас при обычном освещении, так? Стало быть, его глаза схожи с нашими и воспринимают световые волны примерно в тех же пределах. Так или иначе, аппарат сработал. Мы убедились, что за этим вашим телеэкраном и впрямь находится большая комната. Толщина экрана около трех сантиметров, а помещение за ним не меньше десяти метров в глубину. Нам не удалось различить эхо от дальней стены, но этого и трудно было ждать при такой малой мощности, а на большую мы не решились. И однако вот что мы все же получили.

Он перебрал Стормгрену листок фотобумаги, по которому проходила единственная волнистая линия. В одном

месте она подскочила зубцом, будто оставило отметину небольшое землетрясение.

— Видите этот зубчик?

— Вижу, а что это?

— Всего лишь Кареллен.

— Боже правый! Вы уверены?

— Нетрудно догадаться. Он сидит, или стоит, или кто его знает, как он там располагается, по ту сторону экрана, примерно в двух метрах. Будь разрешающая способность аппарата чуть больше, мы бы даже высчитали его рост.

В смятении разглядывал Стормгрэн слабый изгиб следа, прочерченного на бумаге. До сих пор еще ничто не доказывало, что Кареллен — существо материальное. Доказательство и сейчас лишь косвенное, но Стормгрэн ни на миг не усомнился.

— Нам надо было еще и рассчитать, насколько этот экран пропускает обычный свет. Думаю, мы представили себе это довольно точно, хотя если и ошиблись на десятую долю, тоже неважно. Вы, конечно, понимаете, что нет такого поляризованного стекла, которое в одном направлении совсем не пропускало бы лучей. Вся суть в том, как размещены источники света. Кареллен сидит в затемненной комнате, а вы освещены, только и всего. — Дюваль усмехнулся: — Что ж, мы это переменим.

С видом фокусника, извлекающего невесть откуда целый выводок белых кроликов, он сунул руку в ящик стола и вынул что-то вроде электрического фонарика-переростка. На конце эта штука резко раздавалась вширь, будто большой револьвер или коротковолка с широким раструбом.

Дюваль ухмыльнулся:

— Не так страшно, как кажется. Вам только надо прижать дуло к экрану и нажать спусковой крючок. Ровно на десять секунд вспыхнет сильный прожектор, вы успеете обвести им ту комнату и хорошо ее разглядите. Весь пучок лучей пройдет сквозь экран и осветит вашего приятеля как миленького.

— А Кареллену это не повредит?

— Нет, если вы поведете луч снизу вверх. Тогда глаза его успеют освоиться — думаю, рефлексы у него сходны с нашими, и нам вовсе не нужно, чтобы он ослеп.

Стормгрен нерешительно оглядел оружие, взвесил на ладони. В последние недели его мучила совесть. Безусловно, несмотря на обидную подчас прямоту, Кареллен всегда обращался с ним по-дружески, и теперь, когда их встречам приходит конец, совсем не хочется чем-либо испортить эти добрые отношения. Но он ведь честно предупредил Попечителя — и уж наверно, будь сам Кареллен волен в выборе, он давно показался бы людям. Теперь решение принято за него: когда закончится их последняя беседа, Стормгрен посмотрит Кареллену в лицо.

Если только у Кареллена есть лицо.

Сперва Стормгрену было тревожно, но он быстро успокоился. Говорил почти все время Кареллен, сплетая свою речь, точно кружево, из мудреных и цветистых выражений, так с ним порой бывало. Когда-то Стормгрену это казалось самым поразительным и, уж конечно, самым неожиданным дарованием Кареллена. Теперь такое красноречие уже не казалось чудом, потому что он знал: как почти все способности Попечителя, это не какой-то редкостный талант, а всего лишь плод могучего ума.

Когда Кареллен замедлял ход своей мысли под стать человеческой речи, у него хватало времени на любые стилистические изыски.

— Ни вам, ни вашему преемнику нет нужды чрезмерно волноваться из-за Лиги освобождения, даже когда она опомнится от объявшего ее сейчас уныния. Уже месяц, как она тише воды, ниже травы, — и хотя еще воспрянет духом, в ближайшие годы не будет представлять опасности. Право же, поскольку всегда следует ценить сведения о том, что делает противник, Лига — чрезвычайно полезная организация. Если у нее когда-нибудь возникнут финансовые затруднения, мне, пожалуй, надо будет ссудить ее деньгами.

Зачастую нелегко понять, говорит Кареллен всерьез или шутит. И Стормгрен слушал, старательно сохраняя вид самый невозмутимый.

— Очень скоро Лига утратит еще один повод для нападок. До сих пор раздавалось много протестов, довольно ребяческих, против особой роли, какую вы играли в последние годы. В раннюю пору моего попечительства такое положение

представляло для меня большую ценность, но теперь, когда ваш мир идет по пути, который я наметил, можно от этого посредничества отказаться. Впредь я не стану поддерживать столь прямую связь с Землей, и обязанности генерального секретаря ООН в известной мере вновь обретут первоначальную форму.

В ближайшие пятьдесят лет разразится еще немало кризисов, но и это пройдет. Черты вашего будущего достаточно ясны, и настанет день, когда все нынешние сложности забудутся — даже при том, какая у земного человечества долгая память.

Последние слова прозвучали так странно, так значительно, что Стормгрэн весь похолодел. Несомненно, Кареллен не допустит оплошности, оговорки, каждое даже, казалось бы, неосторожное слово его всегда взвешено и рассчитано с микроскопической точностью. Но задавать вопросы, которые наверняка остались бы без ответа, было некогда, Попечитель еще раз переменял тему.

— Вы часто спрашивали меня о наших дальнейших планах. Разумеется, создание Всемирного государства — лишь первый шаг. Вы еще увидите, как оно возникнет, но перемена совершится так неуловимо, что мало кто ее заметит. Потом будет пора постепенного упрочения, а тем временем человечество станет готово нас принять. И тогда настанет день, и мы исполним то, что обещали. Мне жаль, что вас при этом уже не будет.

Стормгрэн смотрел не мигая, взгляд его устремился далеко за темную преграду экрана. Он загляделся в будущее и представлял себе день, которого ему уже не увидеть, — долгожданный день, когда громадные корабли Сверхправителей опустятся наконец на Землю и распахнутся перед взором человечества.

— В этот день, — продолжал Кареллен, — люди испытывают то, что иначе как шоком не назовешь. Но они быстро оправятся от потрясения: их психика станет к тому времени устойчивее, чем у их дедов. Мы станем привычной, неотъемлемой частью их существования, и когда они нас встретят, мы не покажемся им такими... странными... как показались бы вам.

Никогда еще Кареллен не предавался вот таким раздумьям вслух, но Стормгрэн не удивился. Он всегда был уверен,

что ему знакомы лишь немногие грани личности Попечителя; подлинный Кареллен человеку неведом, а быть может, и недоступен человеческому пониманию. И уже не впервые возникло чувство, что по-настоящему Кареллена занимает что-то совсем другое, а управлению Землей он отдает лишь малую долю своих мыслей, — с такой легкостью шахматист, чемпионы игры в трех измерениях, играл бы в шашки.

— А что будет дальше? — тихо спросил Стормгрен.

— Тогда для нас начнется настоящая работа.

— Я часто гадал, в чем же она состоит. Навести в нашем мире порядок, сделать людей культурнее и воспитаннее — только средство, а у вас, конечно, есть какая-то цель. Может быть, когда-нибудь мы выйдем в космос и даже сумеем помогать вам в ваших трудах?

— В каком-то смысле, пожалуй, да, — сказал Кареллен, и так явственно прозвучала в этом ответе необъяснимая печаль, что у Стормгрена странно сжалось сердце.

— Ну а если ваш опыт с человечеством не удастся? Такое случилось у нас в отношениях с отсталыми народами. Наверно, и вам не все удастся?

— Да, — сказал Кареллен совсем тихо, Стормгрен едва расслышал. — Не все удастся и нам.

— Как же вы тогда поступаете?

— Ждем... а потом пробуем еще раз.

Короткое молчание, какие-нибудь пять секунд. И когда Кареллен вновь заговорил, слова его застigli Стормгрена врасплох.

— Прощайте, Рикки!

Кареллен его провел... быть может, уже поздно! Стормгрен оцепенел, но лишь на миг. И тотчас быстро, ловко — недаром тренировался — он выхватил заветный фонарь и прижал к экрану.

Сосны подходили почти к самой воде, вдоль озера оставалась только неширокая, в несколько метров, полоска берега, поросшая травой. В теплую погоду Стормгрен, несмотря на свои девяносто лет, каждый вечер отправлялся на прогулку по берегу, до пристани, смотрел, как угасает на воде отражение заката, и возвращался домой прежде, чем дохнет из лесу холодный ночной ветер. Этот нехитрый обряд доставлял ему истинное удовольствие — пока есть силы, он от этого не откажется.

Издалека, с запада, что-то летело быстро и низко, над самым озером. Самолеты в этих краях появляются не часто, кроме рейсовых пассажирских на линиях, пересекающих полюс, — эти, должно быть, проходят на большой высоте каждый час, и днем и ночью. Но их не замечаешь, разве что изредка протянется след в синеве стратосферы — белая полоска пара. А тут откуда-то взялся маленький вертолет — и явно направляется сюда, к нему. Стормгрен окинул взглядом полосу берега и понял, что ему не сбежать и не спрятаться. Пожал плечами и опустил на деревянную скамью в конце причала.

Репортер был необыкновенно почтителен, Стормгрен даже удивился, Он почти забыл, что он не только старейший из государственных мужей, но, вне пределов своей родины, личность почти легендарная.

— Мистер Стормгрен, — начал непрощенный гость, — мне очень неловко вас беспокоить, но, может быть, вы согласитесь прокомментировать некое только что полученное сообщение о Сверхправителях?

Стормгрен чуть сдвинул брови. После стольких лет он все еще разделял нелюбовь Кареллена к этому слову.

— Вряд ли я могу много прибавить к тому, что было уже написано прежде.

Репортер впился в него до странности испытующим взглядом:

— А мне казалось, можете. Сейчас неожиданно всплыла престранная история. Вроде бы почти тридцать лет назад один работник Бюро научных исследований смастерил для вас какой-то замечательный прибор. Надеюсь, вы нам что-нибудь об этом расскажете.

Стормгрен помолчал, унеся мыслями в прошлое. Его не удивило, что тайну раскрыли. Напротив, удивительно, что так долго она оставалась тайной.

Он поднялся и пошел по пристани к берегу, репортер, приотстав на несколько шагов, — за ним.

— В этом слухе есть доля истины, — сказал Стормгрен. — Когда я в последний раз поднимался на корабль Кареллена, я прихватил с собой некий аппаратик, надеялся, что сумею увидеть Попечителя. Не очень-то умный был поступок, но... что ж, мне тогда было всего лишь шестьдесят. — Он тихонько

усмехнулся, потом закончил: — Не стоило вам ради этой пустячной истории лететь в такую даль — фокус, знаете ли, не удался.

— Вы ничего не увидели?

— Ровным счетом ничего. Боюсь, вам придется ждать... но, в конце концов, осталось только двадцать лет!

Двадцать лет. Да, Кареллен был прав. Тогда мир будет готов принять новость, как отнюдь не был готов тридцать лет назад, когда он, Стормгрен, вот так же солгал Дювалю.

Кареллен верил ему, и Стормгрен не обманул доверия. Никаких сомнений, Попечитель с самого начала знал, что он замышляет, предвидел и рассчитал все до последней секунды.

Иначе почему громадное кресло было уже пусто, когда на нем вспыхнул круг света! В страхе, что опоздал, Стормгрен вмиг повел лучом. Когда он заметил металлическую дверь, вдвое выше человеческого роста, она уже затворялась — быстро, очень быстро, и все же недостаточно быстро.

Да, Кареллен доверял ему, не хотел, чтобы на склоне лет он еще долго терзался неразрешимой загадкой. Кареллен не решился открыто нарушить запрет неведомых сил, которые стоят над ним (принадлежат ли и они к тому же племени?), — но он сделал все, что мог. Им не доказать, что то было прямое неповиновение. И Стормгрен знал: тем самым Кареллен доказал, что и вправду к нему привязан. Быть может, это всего лишь привязанность человека к преданной и умной собаке, но чувство это искреннее, и за свою жизнь Стормгрену не часто случалось испытать большее удовлетворение.

«Не все удастся и нам».

«Да, Кареллен, это верно — и уж не ты ли сам потерпел неудачу на заре истории рода людского? И какая жестокая была неудача, — думал Стормгрен, — если громовое эхо ее прокатилось через века и страхом перед ним одержимы были все народы Земли, пока не вышли из детства. В силах ли вы даже за полстолетия одолеть власть всех мифов и преданий нашего мира?»

И однако Стормгрен знал: второй неудачи не будет. Когда Сверхправители снова встретятся с людьми, они уже завоеуют доверие и дружбу человечества, и этого не разрушит

даже потрясение от встречи со знакомым обликом. Далее они пойдут бок о бок, и неведомая трагедия, которая, должно быть, омрачила прошлое, навсегда затеряется в сумраке доисторических времен.

И отрадно надеяться, что, когда Кареллен волен будет снова ступить на Землю, он побывает когда-нибудь здесь, в северных лесах, и постоит у могилы первого из людей, кто стал ему другом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗОЛОТОЙ ВЕК

ГЛАВА 5

«**Ч**ас настал!» — нашептывало радио на сотне языков. «Час настал!» — твердили тысячи газетных заголовков. «Час настал!» — опять и опять проверяя свои камеры, думали кинооператоры, они кольцом окружили просторное поле, где скоро опустится корабль Кареллена.

В небе оставался только один корабль, над Нью-Йорком. Только теперь мир узнал, что над другими городами никаких кораблей и не было. Накануне громадный флот Сверхправителей обратился в ничто, растаял, как туман, когда выпадает утренняя роса.

Рейсовые корабли, которые сновали взад и вперед, доставляя на Землю грузы из космических далей, были самые настоящие; а вот серебряные облака, что долгий срок — целую человеческую жизнь — недвижно парили почти над всеми столицами, оказались обманом зрения. Никто не мог понять, как это делалось, но, похоже, они все до единого были только отражением корабля Кареллена. Но не просто миражем, игрой света, ведь радары тоже обманывались и еще оставались живые свидетели, которые клялись, что своими ушами слышали, с каким шумом и свистом прорвал небеса этот воздушный флот.

Все это не имеет значения, важно одно: Кареллен больше не считает нужным выставить напоказ свою силу. Он отбросил психологическое оружие.

— Корабль двинулся! — весть мгновенно облетела планету. — Он идет на запад!

Медленно, не быстрее тысячи километров в час, опускался корабль из разреженных высот стратосферы на просторную равнину для второй встречи с историей Земли. И по-

слушно замер перед нетерпеливыми кинокамерами и тысячами зрителей, — в тесной толпе лишь немногим видно было все, что разглядели многие миллионы дома, у телевизора.

Казалось, земля содрогнется, треснет под неимоверной тяжестью, но корабль все еще удерживали неведомые силы, что направляли его полет среди звезд. И он опустился наземь легко, невесомо, как снежинка.

Выпуклая стена в двадцати метрах над полем замерцала, пошла зыбью, точно гладь озера: в ровной блестящей поверхности открылся большой проем. В нем ничего не различить даже пытливому глазу кинокамеры. Внутри тень, тьма, словно в пещере.

Из отверстия появился широкий блестящий трап и уверенно пошел вниз. Похоже, это цельная металлическая лента с перилами по бокам. Никаких ступенек, крутой гладкий спуск, будто горка для спортивных саней, и кажется, обычным способом по ней невозможно ни спуститься, ни подняться.

Весь мир не сводил глаз с темного портала, в котором все еще не заметно было ни малейшего движения. А потом из какого-то скрытого источника негромко зазвучал хоть и редко слышанный, но незабываемый голос Кареллена. И произнес он слова самые неожиданные:

— Внизу у трапа есть дети. Я хотел бы, чтобы двое из них поднялись сюда и познакомились со мной.

Мгновение тишины. Потом из толпы выбежали мальчик и девочка и, ничуть не смущаясь, направились к трапу, готовые войти в корабль — и в историю. Следом выбежали было другие, но остановились, когда Кареллен сказал со смешком:

— Довольно двоих.

Жадно предвкушая удивительное приключение, те двое — лет шести, не старше — прыгнули на металлический скат. И тут случилось первое чудо.

Весело махая руками толпе и встревоженным родителям, которые, пожалуй, поздновато вспомнили легенду о Крысолове, дети быстро поднимались по крутому склону. Но они не сделали ни шагу, и скоро стало видно, что они стоят не вертикально, а под прямым углом к странному трапу. Он

обладал собственной силой тяготения, независимой от притяжения Земли. Радуюсь чуду и не понимая, что же это поднимает их, дети скрылись в глубине корабля.

На двадцать секунд весь мир затих, замер, — после никому не верилось, что тишина была столь недолгой. А потом огромное отверстие словно бы приблизилось, и на солнечный свет выступил Кареллен. На левой руке у него сидел мальчик, на правой — девчурка. Оба поглощены были игрой, их так занимали крылья Кареллена, что они и не поглядели вниз, на толпу.

Да, Сверхправители — тонкие психологи — за долгие годы умело подготовили человечество к этому дню, и только очень немногие лишились чувств. Однако в мире еще меньше, наверно, было таких, у кого в душе на страшный миг не всколыхнулся извечный ужас, прежде чем разум изгнал его навсегда.

Все так, в точности. Кожистые крылья, короткие рожки, хвост с острым концом, будто наконечник стрелы, — все на месте. Ожило, вышло из неведомого прошлого самое страшное предание. Но вот оно улыбается, полное величия, в солнечных лучах сверкает огромное тело, будто выточенное из черного дерева, и к плечам его доверчиво прильнули два человеческих детеныша.

ГЛАВА 6

Пятьдесят лет — срок немалый, за эти годы можно изменить планету и ее жителей до неузнаваемости. Тут только и нужны знание законов общества, ясность цели — и могущество.

Всеим этим обладали Сверхправители. Хотя конечная цель их и оставалась тайной, но очевидны были и знания — и могущество.

Могущество принимало различные формы, и лишь немногие явственны были для людей, чьими судьбами ныне распоряжались Сверхправители. Каждый видел, какая мощь сокрыта в исполинских кораблях. Но за этой явной для всех дремлющей силой таилось иное, гораздо более утонченное оружие.

— Нет неразрешимых задач, — сказал когда-то Кареллен Стормгрену, — надо только правильно применить власть.

— Звучит довольно цинично, — усомнился Стормгрен. — Слишком напоминает известное изречение «Кто силен, тот и прав». У нас в прошлом те, кто пускал в ход силу, ровно ничего не сумели решить.

— Суть в том, чтобы применить ее правильно. У вас тут никогда не было ни настоящей силы, ни знаний, необходимых, чтобы ею пользоваться. Притом за любую задачу можно взяться с толком, а можно без толку. Допустим, к примеру, одно из ваших государств, во главе с каким-нибудь фанатиком, попробует восстать против меня. Весьма бес толково было бы ответить на подобную угрозу несколькими миллиардами лошадиных сил в виде атомной бомбы. Пусть я в ход достаточно бомб — и задача решена раз и навсегда. Но, как я уже сказал, решена без толку, не будь даже у этого решения других недостатков.

— А как решить ее с толком?

— Энергии для этого понадобится примерно как для небольшого радиопередатчика, — и примерно такое же умение, чтобы ею управлять. Ибо важно, не сколько энергии пустить в ход, важно — как ее применить. Долго ли, по-вашему, Гитлер оставался бы диктатором в Германии, если бы его на каждом шагу преследовал что-то неумолчно шепчущий голос? Или день и ночь звучала бы в ушах одна и та же нота, заглушала все другие звуки и не давала уснуть? Согласитесь, способ отнюдь не жестокий. И однако, в конечном счете, столь же неодолимый, как тритиевая бомба.

— Понимаю, — сказал Стормгрен. — И негде было бы укрыться?

— Нет такого места, куда я не мог бы, если очень захочу, послать мои... э-э... аппараты. Потому-то мне и незачем принимать крутые меры, чтобы поддерживать порядок.

Итак, исполинские корабли Сверхправителей оказались только символами, и теперь весь мир узнал, что лишь один из них был не призрак. Однако самим своим присутствием призраки эти изменили историю Земли. А теперь задача их выполнена, и память о том, что они совершили, останется в веках.

Кареллен рассчитал точно. Внезапный ужас и отвращение забылись быстро, хотя многие, кто с гордостью считал себя ничуть не суеверным, так никогда и не решились встретиться с кем-нибудь из Сверхправителей лицом к лицу.

Что-то здесь было странное, чего не объяснишь разумом и логикой. В эпоху средневековья люди верили в дьявола и боялись его. Но теперь уже двадцать первый век — так неужели все же существует какая-то наследственная, родовая память?

Разумеется, все так и понимали, что между Сверхправителями или родственными им существами и человечеством некогда, в глубокой древности, разыгралась жестокая битва. Должно быть, столкнулись они в бесконечно далеком прошлом, ибо в исторических источниках не сохранилось никаких следов той встречи. Вот еще одна загадка, и Кареллен не дает к ней ключа.

Хотя Сверхправители и показались людям, они редко покидали свой единственный корабль. Возможно, на Земле им было неудобно. Должно быть, там, откуда родом эти крылатые великаны, сила тяжести гораздо меньше. И всегда на них какие-то пояса, снабженные сложными механизмами, предполагается, что с их помощью Сверхправители управляют своим весом и общаются между собой. Яркое солнце они переносят с трудом и остаются на свету считанные секунды. А когда нужно пробыть под открытым небом подольше, надевают темные очки и выглядят в них престранно. Очевидно, они могут дышать земным воздухом, однако иногда носят с собой что-то вроде фляжки и порой освежаются глотком какого-то газа.

Возможно, их необщительность объясняется чисто физическими причинами. Мало кому доводилось встретить Сверхправителя во плоти, и можно только гадать, сколько их на борту у Кареллена. Никогда люди не видели сразу больше пятерых, но в исполинском корабле их, возможно, сотни и даже тысячи.

Во многих отношениях с выходом Сверхправителей на люди возникло больше новых загадок, чем разрешилось прежних. Все еще неизвестно, откуда они, счету нет теориям о том, что они собой представляют как биологический вид. На многие вопросы они отвечают охотно, а в некоторых случаях до крайности скрытны. Но все это заботит одних лишь ученых. А рядовой землянин если и не жаждет общаться со Сверхправителями, благодарен им за все, что они сделали для людей.

По меркам прошлого на Земле воцарилась Утопия. Не стало невежества, болезней, нищеты и страха. Память о войне растворилась в прошлом, как рассеивается на заре страшный сон: скоро среди живых людей не останется ни одного, кто испытал все это на себе.

Вся человеческая энергия обратилась на творчество — и облик Земли преобразился. Теперь это поистине новый мир. Большие города, которыми довольствовались прежние поколения, стали бесполезны — и их либо перестроили, либо покинули и превратили в музеи. Многие города уже давно заброшены, потому что вся система промышленности и торговли совершенно изменилась. Производство стало почти полностью автоматическим: заводы-роботы нескончаемым потоком дают все необходимое для повседневной жизни — и все это даром. Люди работают, только если им хочется каких-то предметов роскоши, — или не работают совсем.

Мир стал един. Былые названия старых стран сохранялись лишь для удобства почты. Не осталось на свете человека, который не говорил бы по-английски, не умел читать, не мог в любую минуту воспользоваться телевизионной связью или не больше чем за сутки перенестись в другое полушарие.

Исчезла преступность. Преступление стало и ненужным и невозможным. Когда никто ни в чем не нуждается, незачем воровать. Притом все, кто способен был бы на преступление, знали, что им не ускользнуть от бдительного ока Сверхправителей. Поначалу те весьма убедительно вмешивались в земные дела, поддерживая закон и порядок, — урок усвоен был прочно.

Еще совершаются преступления в порыве страсти, но и они большая редкость. Очень многие противоречия, что были мучительно неразрешимы, теперь устранены, а потому человечество стало душевно здоровее и не столь безрассудно. И то, что в былые времена именовалось пороком, теперь сочтут всего лишь чудачеством, в худшем случае — невоспитанностью.

И еще одна разительная перемена: не стало сумасшедшей спешки, которой отличался двадцатый век. Жизнь течет медленней, появился досуг, какого не знали несколько поколений людей. А потому немногие находят ее довольно пресной, зато большинству живется куда спокойнее. На Западе люди заново узнали то, о чем никогда не забывали все

остальные, — что в досуге нет греха, лишь бы он не выродился в праздность и лень.

Быть может, будущее и принесет новые заботы, но пока избыток свободного времени людям не в тягость. Они больше учатся, и познания их основательней, глубже. Мало кто кончает колледж раньше двадцати — и это лишь первая ступень образования, обычно человек по крайней мере года на три возвращается к учению в двадцать пять, когда путешествия и жизненный опыт уже расширили его кругозор. И даже после, пока жив, время от времени освежает свои познания в наиболее интересных для него областях.

Оттого что ученичество продлилось далеко за рубеж, когда юнец становится взрослым, многое изменилось в жизни общества. Иные перемены стали необходимы еще несколько поколений назад, но в былые времена их не осмеливались ввести либо притворялись, что и нужды в них нет. Так, изменились — изменились в корне — отношения между полами, если считать, что в этой области *mores** когда-либо строились по единому образцу. Все устои рассыпались в прах под ударами двух изобретений чисто человеческих — Сверхправители тут были ни при чем.

Первое изобретение — совершенно надежное противозачаточное средство: довольно проглотить таблетку; второе — столь же верный, как отпечатки пальцев, способ определить, кто отец ребенка, по очень подробному анализу крови. Действие этих двух новинок иначе как разрушительным не назовешь — последние остатки пуританской ограниченности сметены были с лица Земли.

И еще одна громадная перемена в образе жизни — необычайная подвижность. Воздушный транспорт достиг совершенства, и всякий в любую минуту волен лететь куда вздумается. Небеса много просторнее, чем какие-либо дорожки прошлого, и двадцать первый век с гораздо более широким размахом повторил знаменитое достижение Америки, когда целый народ оказался на колесах. Теперь все человечество получило крылья.

Впрочем, не буквально. У обычного флаера или аэромобиля, каким располагал каждый, не было ни крыльев, ни видимых глазу приборов. Исчезли и неуклюжие винты ста-

* Нравы (лат.).

ринных вертолетов. Но человек не открыл способа преодолеть земное притяжение — этим величайшим секретом владела только Сверхправители. В аэромобилях людей действовали силы попроще, их могли бы понять и братья Райт. Реактивный двигатель, работающий и непосредственно, и в более сложном режиме, с ограничением высоты, вел фляер вперед и поддерживал в воздухе, и эти вездесущие воздухоплетки стерли последние границы между различными человеческими племенами так быстро и так безвозвратно, как не стерли бы Сверхправители никакими законами и приказами.

Совершались и перемены более глубокие. Настал век безбожия. Из всех видов веры, какие существовали до прилета Сверхправителей, выжил лишь своего рода облагороженный буддизм — пожалуй, самая суровая из религий. Верования, основанные на чудесах и откровениях, рухнули раз и навсегда. Они и прежде постепенно развеивались, по мере того как люди становились образованнее, но поначалу Сверхправители в эти вопросы не вмешивались. Кареллена нередко спрашивали, как он относится к религии, но он только и отвечал, что вера — личное дело каждого человека, лишь бы он не посягал на свободу других.

Быть может, древние верования продержались бы еще у нескольких поколений, если б не вечное человеческое любопытство. Все знали, что Сверхправителям доступно прошлое, и не раз историки просили Кареллена разрешить какой-нибудь давний спор. Возможно, такие вопросы ему надоели, а скорее он прекрасно понимал, к чему поведет его великодушие...

Аппарат, который он передал Институту всемирной истории, представлял собою просто приемник, телевизор с обширной клавиатурой настройки на время и пространство. Должно быть, он был так или иначе связан с несравненно более сложной машиной на борту Карелленова корабля, а уж как она действует, никто и вообразить не мог. На Земле ученый просто нажимал нужные клавиши — и распахивалось окно в прошлое. Взгляду мгновенно открывалось едва ли не любое событие в истории человечества за последние пять тысяч лет. Глубже в прошлое аппарат не погружался, настроенный на более ранние века экран зиял непонятной пустотой. Возможно, на то была какая-то естественная

причина, а возможно, Сверхправители умышленно не позволяли узнать больше.

Конечно, всякому мыслящему человеку и прежде ясно было, что все верования не могут быть истинными, но удар оказался роковым. Вот оно, разоблачение, в котором не усомнишься, с которым не поспоришь; неведомое волшебство науки Сверхправителей открыло взорам людей, как на самом деле возникли в мире все великие религии. Почти все они начинались благородно и вдохновенно — но не более того. В несколько дней несчетные мессии рода людского перестали быть богами. Верования, которые долгие два тысячелетия служили опорой миллионам людей, растаяли, точно утренняя роса, в жестоком, бесстрастном свете истины. Все доброе и все злое, что они создали, разом отошло в прошлое и уже не могло тронуть ничью душу.

Человечество лишилось древних богов — и уже настолько повзрослело, что не нуждалось в новых.

Пока мало кто понимал, что наряду с крушением веры приходила в упадок наука. Процветали техника и технология, но наперечет были своеобычные умы, которые пытались раздвинуть границы человеческого знания. Оставалось любопытство, хватало досуга, чтобы его утолить, но пыл серьезного научного исследования угас. Что толку всю жизнь доискиваться тайн, наверняка открытых Сверхправителями много веков назад?

Этот упадок был не столь заметен, оттого что пышно расцвели науки описательные — зоология, ботаника, астрономические наблюдения. Никогда не бывало на свете столько любителей, собирающих научные данные для собственного удовольствия, но почти не осталось теоретиков, которые свели бы эти данные в единую систему.

А при том, что исчезла борьба, угасли раздоры и противоречия, пришел конец и творчеству, подлинному искусству. Исполнителей тьма — и любителей, и профессионалов, но за целое поколение не создано ничего нового, по-настоящему талантливого ни в литературе, ни в музыке, ни в живописи и скульптуре. Мир все еще жил былой славой, блистательными свершениями невозвратного прошлого.

И никого это не тревожило, если не считать немногих философов. Человечество слишком упивалось новообретенной свободой, радовалось сиюминутными радостями и даль-

ше не заглядывало. Наконец-то вот она, Утопия, Золотой век; его новизну еще не омрачил злейший враг всякой утопии — скука.

Быть может, у Сверхправителей было в запасе решение и этой задачи, решили же они столько других. Со дня их прилета минул долгий срок — целая человеческая жизнь, — но и сейчас, как тогда, никто не знал, зачем они явились. Человечество привыкло им верить и уже не задавалось вопросом, что за сверхчеловеческая самоотверженность так долго удерживает Кареллена и его спутников вдали от родины.

Если это и впрямь самоотверженность. Все-таки еще находились люди, которые спрашивали себя, вправду ли конечная цель Сверхправителей — благоденствие человечества.

ГЛАВА 7

Если подсчитать, какое расстояние предстояло одолеть всем, вместе взятым, кого пригласил в тот день Руперт Бойс, цифра получилась бы весьма внушительная. Только в первой дюжине гостей были Фостеры из Аделаиды, Шенбергеры с Гаити, Фарраны из Сталинграда, чета Моравия из Цинциннати, чета Иванко из Парижа и еще Салливены, живущие в общем-то по соседству с островом Пасхи, но на дне океана, на глубине четырех километров. И немало чести делает Руперту, что, хотя разослал он тридцать приглашений, гостей прибыло больше сорока, — примерно так он и рассчитывал. Подвели только Краусы — просто потому, что забыли, с какого меридиана идет международный отсчет времени, и опоздали ровно на двадцать четыре часа.

К полудню в парке собралась изрядная коллекция флаеров, и тем, кто явится последним, когда они найдут наконец, где приземлиться, придется еще немало пройти пешком. Во всяком случае, под безоблачным небом, когда по Фаренгейту сто десять, путь покажется долгим. Вокруг замерли аэромобили всевозможных марок, от одноместных «букашек» до семейных «кадиллаков», похожих уже не просто на средство передвижения по воздуху, а на летучие дворцы. Впрочем, теперь по марке машины никак нельзя судить о положении ее владельца в обществе.

— До чего уродливый дом, — сказала Джин Моррел, когда «метеор» по спирали начал снижаться. — Точно коробка, на которую кто-то наступил.

Джорджу Грегсону свойственна была старомодная неприязнь к автоматической посадке, и, прежде чем ответить, он подрегулировал скорость спуска.

— Под таким углом зрения едва ли можно судить о доме, — справедливо заметил он. — С земли он, наверно, выглядит совсем по-другому. О Господи!

— Что случилось?

— Фостеры тоже тут. Это сочетание цветов я где угодно узнаю.

— Ну так не разговаривай с ними, если не хочется. Вот чем хороши сборища у Руперта — всегда можно скрыться в толпе.

Джордж высмотрел свободное местечко и уверенно повел флаер вниз. Они плавно опустились между другим «метеором» и какой-то машиной совсем неизвестной обоим марки. На вид штука очень быстроходная и очень неудобная, подумала Джин. Наверно, кто-нибудь из Рупертовых приятелей, помешанных на технике, сам ее смастерил. А ведь это как будто по закону не полагается.

Они вышли из «метеора», и жара опалила их, точно пламя электросварки. Словно разом из тела испарилась вся влага, и Джорджу почудилось, что у него уже трескается пересохшая кожа. Конечно, отчасти сами виноваты. Три часа назад они вылетели с Аляски и не сообразили поменять температуру в кабине, чтоб переход был не такой резкий.

— Да разве можно тут жить! — Джин еле перевела дух. — Я думала, здешним климатом как-то управляют.

— Конечно, управляют, — сказал Джордж. — Когда-то здесь была пустыня, а теперь — сама видишь. Ну идем, в доме все будет как надо.

Тут их окликнул Руперт — весело, но как-то непривычно гулко. Хозяин дома стоял возле их «метеора», протягивал гостям по бокалу и с озорной улыбкой смотрел на них сверху вниз. Свысока он смотрел по той простой причине, что был примерно трех с половиной метров ростом; к тому же он оказался почти прозрачным. Сквозь него нетрудно было смотреть.

— Ну и шуточки ты шутишь со своими гостями! — воскликнул Джордж и попробовал ухватить бокалы, до которых только-только сумел дотянуться. Рука, разумеется, прошла насквозь. — Надеюсь, когда мы доберемся до твоего дома, для нас найдется что-нибудь более осязаемое.

— Не беспокойся! — засмеялся Руперт. — Давай заказывай, когда придете, все будет наготове.

— Две солидные порции пива, охлажденного в жидком воздухе, — мигом распорядился Джордж. — Мы сейчас же явимся.

Руперт кивнул, поставил один бокал на невидимый стол, нажал какую-то невидимую кнопку и исчез.

— Ну и ну! — сказала Джин. — Первый раз вижу, как действует такая машинка. Откуда Руперт ее раздобыл? Я думала, они есть только у Сверхправителей.

— А ты знаешь хоть один случай, когда Руперт не раздобыл бы, чего захотел? — возразил Джордж. — Для него это самая подходящая игрушка. Сиди уютно у себя в кабинете и при этом обойдешь пол-Африки. Ни жары, ни кусачих насекомых, ни усталости, и еще холодильник с пивом под рукой. Любопытно, что бы подумали Стенли и Ливингстон?

Под палящим солнцем больше говорить не хотелось. Когда они подошли к парадной двери, почти неразличимой в сплошном стекле фасада, она под пение фанфар автоматически распахнулась. «Наверно, к вечеру меня уже начнет тошнить от фанфар», — подумала Джин и не ошиблась.

В чудесной прохладе прихожей их приветливо встретила очередная миссис Бойс. По правде сказать, из-за нее-то и собралось такое множество гостей. Половина явилась бы все равно поглядеть на новое жилище Руперта; тех, кто сперва колебался, привлекли рассказы о его новой жене.

Потрясающая женщина. Поистине другого слова не подобрать. Даже теперь, в мире, где красотой никого не удивишь, мужчины оборачивались, едва она входила в комнату. Должно быть, у нее одна бабка или дед были негры, догадался Джордж; безукоризненно правильные античные черты; длинные волосы отливают вороненой сталью. Только смуглая кожа сочного оттенка, определяемого одним лишь затрепанным словом «шоколадный», выдает ее смешанное происхождение.

— Вы — Джин и Джордж, правда? — она протянула руку. — Очень рада с вами познакомиться. Руперт там что-то мудрит с коктейлями. Идемте, познакомьтесь со всеми.

От ее глубокого контральто по спине Джорджа пробежала дрожь, словно кто-то перебирал по ней пальцами, как на флейте. Он беспокойно покосился на Джин — та натянуто, через силу улыбнулась — и не сразу сумел ответить.

— Очень... очень приятно, — пролепетал он. — Мы так предвкушали нынешний прием.

— Руперт всегда устраивает очень милые приемы, — встала Джин.

«Всегда» прозвучало весьма недвусмысленно, это значило — каждый раз, когда он женится. Джордж немного покраснел, бросил на Джин укоризненный взгляд, но хозяйка словно и не заметила шпильки. Воплощенное дружелюбие, она приветливо ввела их в главную гостиную, где уже собралось пестрое общество многочисленных друзей-приятелей Руперта. Сам хозяин сидел у аппарата, похожего на пульт управления, — очевидно, через этот аппарат он и посылает свое изображение встречать гостей, понял Джордж. Руперт как раз и старался поразить этим еще двоих, чья машина только что совершила посадку, но на секунду отвлекся, поздоровался с Джин и Джорджем и попросил прощения: приготовленные для них коктейли он уже кому-то отдал.

— Вон там всякого питья полно, — договорил он и махнул рукой куда-то назад, не переставая другой нажимать клавиши аппарата. — Будьте как дома. Вы тут почти всех знаете, Майя вас познакомит с остальными. Спасибо, что приехали.

— Спасибо, что вы нас пригласили, — сказала Джин не очень уверенно.

Джордж уже шагал к стойке, Джин пошла следом, на ходу здоровалась, замечая знакомое лицо. На три четверти, как всегда у Руперта, тут собрались люди, которые никогда прежде друг друга не встречали.

— Давай пойдем на разведку, — сказала она Джорджу, когда они промочили горло и хотя бы помахали рукой всем знакомым. — Я хочу осмотреть дом.

Джордж, почти не скрываясь, оглянулся на Майю Бойс и пошел за Джин. Взгляд у него стал отрешенный, и это ей

совсем не понравилось. Беда, что мужчины по природе своей многоженцы. Впрочем, будь по-другому... Нет, пожалуй, так оно лучше.

Они принялись исследовать полную чудес новую обитель Руперта, и Джордж опять быстро стал самим собой. Дом казался чересчур велик для двоих, но иначе нельзя, ведь тут часто, как сегодня, будет полно посторонних. Он двух-этажный, верхний этаж много больше, так что выступает над нижним и дает ему тень. На каждом шагу автоматы, и кухня — не кухня, а рубка воздушного лайнера.

— Бедняжка Руби, ей бы здесь понравилось, — сказала Джин.

— Насколько я слышал, она вполне счастлива со своим дружком в Австралии, — возразил Джордж, он вовсе не питал нежных чувств к предыдущей миссис Бойс.

Спорить не приходилось — про Руби и австралийца было известно всем, и Джин переменяла разговор:

— Она ужасно хороша, правда?

У Джорджа хватило ума не попасться на удочку.

— Да, пожалуй, — равнодушно сказал он. — Конечно, если кому нравятся брюнетки.

— Тебе, как я понимаю, они не нравятся, — премило заметила Джин.

— Не надо ревновать, дорогая, — усмехнулся Джордж и погладил ее по очень светлым золотистым волосам. — Пойдем посмотрим библиотеку. По-твоему, где она может быть?

— Наверно, тут, наверху: внизу больше нет места. И вообще, похоже, так задумано: жить, есть, спать и прочее на первом этаже. А второй — для игр и развлечений... хотя, по-моему, нелепая затея — устроить плавательный бассейн на втором этаже.

— Ну какая-нибудь причина да есть, — Джордж наугад отворил еще одну дверь. — У Руперта наверняка были опытные советчики. Уж конечно, он сам не додумался бы до такой планировки.

— Это верно. Он бы построил дом с комнатами без дверей, а лестницы вели бы в пустоту. Да мне просто страшно было бы войти в дом, построенный по плану Руперта.

— Ну вот и пришли, — объявил Джордж, гордый, как штурман после образцовой посадки. — Прославленная

коллекция Бойса на новом месте. Хотел бы я знать, много ли он тут прочел.

Библиотека тянулась во всю ширину дома, но длиннейшие ряды книжных полок рассекали ее поперек на полдюжины комнат. Тут было, насколько помнил Джордж, около пятнадцати тысяч томов — едва ли не все существенное, что когда-либо печаталось по туманным вопросам магии, психологических исследований, ясновидения, телепатии и прочих неуловимых явлений, которых не объясняет обыкновенная физика. Престранное увлечение в век здравого смысла. Должно быть, для Руперта это просто особый способ бегства от действительности.

Еще с порога Джордж ощутил странный запах. Не сильный, но острый, не то чтобы неприятный, но какой-то ни на что не похожий. Джин тоже его заметила, попыталась разобраться, на лбу обозначилась морщинка. Вроде уксуса, подумал Джордж. Но примешивается что-то еще...

В дальнем конце библиотеки оказалось свободное от полок место, его только и хватало для стола, двух стульев и нескольких подушек. Вероятно, в этом-то уголке Руперт обычно и проводил время за чтением. И сейчас при странном тусклом свете тут тоже кто-то читал.

Джин тихонько ахнула и уцепилась за руку Джорджа. Пожалуй, ей простительно. Видеть изображение на экране телевизора — это одно, повстречаться в жизни — совсем другое. Джордж — тот опомнился мигом, его мало что могло застигнуть врасплох.

— Надеюсь, мы вас не беспокоили, сэр, — вежливо сказал он. — Мы понятия не имели, что тут кто-то есть. Руперт нам не говорил...

Сверхправитель опустил книгу, внимательно оглядел обоих и снова принялся за чтение. Это нельзя счесть неучтивым, если так ведет себя существо, способное одновременно читать, разговаривать и, наверно, заниматься еще несколькими делами сразу. Однако с человеческой точки зрения это выглядело дико и страшновато.

— Меня зовут Рашаверак, — любезно сказал Сверхправитель. — Боюсь, я не слишком общителен, но из библиотеки Руперта трудно выбраться незамеченным.

Джин не без труда сдержала нервический смехок. Неожиданный собеседник читает с невероятной быстротой,

заметила она: по странице за две секунды. И уже, конечно, впитывает каждое слово, а может быть, сумел бы читать одним глазом одну книгу, а другим другую. И еще он, наверно, может пользоваться азбукой Брайля — читать пальцами книги для слепых... Воображение нарисовало ей до того забавную картинку, что стало не по себе, и Джин поспешила спокойствия ради вступить в разговор. В конце концов, не каждый день выпадает случай поговорить с одним из повелителей Земли.

Джордж познакомил их и предоставил ей болтать, в надежде, что у нее не вырвется какая-нибудь бестактность. Как и Джин, он никогда еще не видел Сверхправителя во плоти. С государственными деятелями, с учеными, с людьми самыми разными Сверхправители постоянно встречались на деловой почве, но никогда Джордж не слышал, чтобы хоть один появился вот так, просто-напросто гостем на обыкновенной вечеринке. Но, пожалуй, в этом доме и сегодняшнем сборище все не так просто. Недаром же в распоряжении Руперта оказался и аппарат Сверхправителей, и Джорджа теперь уже не на шутку озадачило — да что же, в сущности, происходит? Надо будет поймать Руперта один на один и все из него выудить.

Стулья для Рашаверака малы, он сидит прямо на полу, — видно, ему и без подушек удобно, они валяются рядом. И так, голова его оказалась всего в двух метрах над полом, единственный в своем роде случай для Джорджа изучить внеземную биологию. На беду, он и в земной-то слабо разбирался, а потому не много узнал нового. Внове только этот особенный, но даже по-своему приятный острый запах. Еще вопрос, как, по мнению Сверхправителей, пахнут люди, подумалось Джорджу, — остается надеяться на лучшее.

На вид в Рашавераке нет ничего человеческого. Можно понять, что издали невежественным перепуганным дикарям Сверхправители показались крылатыми людьми, отсюда и возник привычный портрет Дьявола. Однако вблизи ясно, что сходства куда меньше. Рожки (любопытно, для чего они служат?) в точности такие, как на картинках, но в теле ничего общего с человеком или с любым земным существом. Порождение совсем иной эволюции, Сверхправители не принадлежат ни к млекопитающим, ни к насекомым, ни к рептилиям. Неясно даже, относятся ли они к позвоночным:

возможно, этот жесткий панцирь и есть их костяк, единственная опора туловища.

Крылья Рашаверака сложены, их толком не разглядеть, но хвост — точь-в-точь бронированный пожарный шланг — аккуратно свернут под ним. Знаменитое острие на конце напоминает не столько наконечник стрелы, как большой плоский алмаз. Сейчас уже никто не сомневается, что его назначение, подобно хвостовым перьям птицы, поддерживать равновесие при полете. Опираясь на немногие точные данные и на такие вот догадки, ученые полагают, что родина Сверхправителей — планета с малой силой тяжести и очень плотной атмосферой.

Внезапно из скрытого где-то динамика загремел голос Руперта:

— Джин! Джордж! Куда вы исчезли, черт возьми? Идите вниз и присоединяйтесь к компании. Люди уже сплетничают.

— Пожалуй, пойду и я, — сказал Рашаверак и положил книгу на полку.

Он легко проделал это, не вставая с пола, и Джордж впервые заметил, что на руке у него два больших пальца и еще пять пальцев между ними. Джордж от души порадовался, что не вынужден пользоваться арифметикой, основанной на числе четырнадцать.

Рашаверак поднялся на ноги — внушительное зрелище! Чтобы не удариться о потолок, ему пришлось сутулиться; ясное дело, даже если бы Сверхправители жаждали побольше общаться с людьми, это было бы не так-то легко,

За последние полчаса прилетело еще немало народу, и теперь гостиная была полна. С появлением Рашаверака стало совсем тесно: из смежных комнат все поспешили сюда посмотреть на него. Руперт явно наслаждался общим изумлением. Джин и Джорджу было не так уж приятно, что их никто не заметил. По правде сказать, за спиной великана их почти никто и не увидел.

— Идите сюда, Раши, я вас кое с кем познакомлю! — крикнул Руперт. — Садитесь на диван, тогда вам не придется царапать потолок.

Рашаверак, перекинув хвост через плечо, перешел комнату, будто ледокол, прокладываящий себе путь во льдах.

Когда он сел возле Руперта, комната словно опять стала просторнее, и Джордж вздохнул с облегчением.

— Пока он стоял, меня мучила клаустрофобия. Любопытно, каким образом Руперт его заполучил... Похоже, вечерок будет занятный.

— Надо же, как Руперт с ним разговаривает, да еще на людях. А ему, видно, все равно. Очень все это странно.

— Спорим, ему совсем не все равно! Беда, что Руперт такой хвастун и ужасно бестактный. Кстати, ты тоже милые вопросы задавала!

— То есть?

— Ну, к примеру, — а вы давно здесь? А как вы ладите с Попечителем Карелленом? А вам нравится на Земле? Знаешь ли, детка, со Сверхправителями так не разговаривают!

— А почему бы и нет? Пора уж кому-нибудь начать.

Поссориться они не успели — подошли Шенбергеры, и почти сразу пары распались. Женщины отошли в сторону и принялись обсуждать миссис Бойс; мужчины направились в противоположную сторону и стали разбирать тот же предмет, но под иным углом зрения. Оказалось, Бенни Шенбергер, старинный друг Джорджа, может многое сообщить по этому поводу.

— Ради Бога, никому не проболтайся, — сказал он, — Рут об этом не подозревает, но это я познакомил Руперта с Майей.

— По-моему, Руперт ее не стоит, — с завистью сказал Джордж. — Но это, конечно, не надолго. Он ей очень быстро надоест.

(Эта мысль его заметно подбодрила.)

— И не надейся! Она не только красавица, она чудесный человек. Давно пора кому-нибудь позаботиться о Руперте, и она для этого самая подходящая женщина.

Руперт и Майя теперь сидели подле Рашаверака и торжественно вели прием. На сборищах у Руперта гости редко стягивались к единому центру — обычно они распадалась на полдюжины кружков, поглощенных самыми разными интересами. Но сегодня всех как магнитом тянуло к одной точке. Джорджу стало жаль Майю. Ведь это должен был быть ее праздник, а Рашаверак ее почти затмил.

— Слушай, — сказал Джордж, куснув сэндвич, — как это Руперт ухитрился залучить к себе Сверхправителя? Я никогда

еще о таком не слышал, а он держится как ни в чем не бывало. Ни словечком про это не упомянул, когда нас приглашал.

Бенни усмехнулся:

— Ну, это же его страсть — чем-нибудь да удивить. Ты его сам спроси. Но, в конце концов, это ведь не первый случай. Кареллен бывал на приемах в Белом доме и в Букингемском дворце, и...

— Это совсем другое, черт подери! Руперт самый обыкновенный человек, ни чинов, ни постов.

— А может быть, Рашаверак — мелкота среди Сверхправителей. Ты лучше их сам спроси.

— И спрошу, — сказал Джордж. — Дай только поймаю Руперта без свидетелей.

— Ну, тебе придется долго ждать.

Бенни был прав, но прием становился все оживленнее и потерпеть было ничуть не скучно. Появление Рашаверака сперва сковало собравшихся, но они быстро опомнились. Немногие еще держались около Сверхправителя, остальные по обыкновению разбились на кружки, и все вели себя вполне естественно. Так, Салливен описывал увлеченным слушателям свой последний исследовательский поход на подводной лодке.

— Мы еще не знаем точно, каких размеров они достигают, — говорил он. — Неподалеку от нашей базы есть каньон, там гнездится один — настоящий гигант. Я раз мельком его видел, так вот, размах щупалец у него добрых тридцать метров. На той неделе за ним поохочусь. Кто желает завести в доме по-настоящему редкого ручного зверя?

Какая-то женщина даже взвизгнула от ужаса:

— Брр! От одной мысли мороз по коже! Вы, наверно, ужасно храбрый.

На лице Салливена отразилось искреннее удивление.

— Никогда об этом не думал, — сказал он. — Конечно, я действую осторожно, но серьезная опасность мне ни разу не грозила. Спруты понимают, что им меня не съесть, и не обращают на меня внимания, только не надо подходить к ним слишком близко. В большинстве морские твари вас не тронут, если вы их не заденете.

— Но рано или поздно вы уж наверняка столкнетесь с кем-нибудь, кто сочтет, что вы съедобны.

— Ну, изредка случается и такое, — беспечно отозвался Салливен. — Я стараюсь не навредить им, ведь больше всего мне хочется завязать с ними дружбу. Ну а если что, включая двигатели на полную мощность, и через минуту уже свободен. Если есть другие дела и мне играть недосуг, можно пощекотать спрута разрядом вольт на двести. Этого достаточно, больше уж он к вам не пристанет.

Да, занятных людей встречаешь у Руперта, подумал Джордж, переходя к другой компании. Литературные вкусы Руперта широтой не отличаются, зато друзья у него весьма разнообразные. Незачем даже озираться по сторонам — в поле зрения одновременно оказываются знаменитый кино-режиссер, второстепенный поэт, математик, два актера, инженер-атомщик, смотритель заповедника, издатель еженедельника, статистик из Всемирного банка, скрипач-виртуоз, профессор археологии и астрофизик. Коллег Джорджа — сценаристов телевидения — не видно ни одного, и слава Богу, ему вовсе не хочется разговаривать на профессиональные темы. Работу свою он любит — так ведь сейчас, впервые в истории человечества, никто не занимается нелюбимым делом. Но после рабочего дня он предпочитает и в мыслях захлопнуть за собой двери телестудии.

Наконец ему удалось поймать Руперта на кухне, где тот колдовал с напитками. И такой у него был при этом отрешенный взор — просто жаль возвращать человека на грешную землю... но Джордж, если надо, умел быть безжалостным.

— Послушай, Руперт, — начал он, усаживаясь на край ближайшего стола. — По-моему, ты обязан нам всем кое-что объяснить.

— М-м, — Руперт задумчиво просмаковал глоток. — Боюсь, чуточку перелил шотландского.

— Не увиливай и не прикидывайся пьяненьким, я же вижу, ты трезвый как стеклышко. С каких пор ты завел дружбу со Сверхправителем, и чем он тут занимается?

— А разве я тебе не говорил? Мне казалось, я уже всем объяснил. Наверно, тебя при этом не было — ну да, вы же сбежали в библиотеку. — Он довольно обидно усмехнулся: — Понимаешь, Рашаверак у меня именно из-за библиотеки.

— Вот так раз!

— Что тебя удивляет?

Джордж спохватился: надо поделикатнее, Руперт безмерно горд своим необыкновенным собранием книг.

— Н-ну... Сверхправители такие знатоки всех наук, с чего бы им интересоваться парапсихологией и всяким таким вздором.

— Вздор это или не вздор, но их интересует человеческая психология, и они многое могут почерпнуть из моих книг. Как раз перед моим переездом сюда со мной связался то ли помощник младшего Сверхправителя, то ли Сверхпомощник младшего правителя и попросил одолжить ему с полсотни самых редкостных экземпляров. Похоже, его направил ко мне кто-то из библиотекарей Британского музея. Ну, ты догадываешься, что я на это сказал.

— Понятия не имею.

— Так вот, я очень вежливо разъяснил, что собирал свою библиотеку двадцать лет. Если им угодно изучать мои книги, милости просим, но, черт возьми, пускай читает здесь, на месте. И тогда явился Раши и заглатывает по двадцать томов в день. Хотел бы я знать, что он из них извлекает.

Джордж подумал немного, презрительно пожал плечами:

— По правде сказать, я был о Сверхправителях лучшего мнения. По-моему, они могли бы тратить время на что-нибудь более путное.

— Так ведь ты неисправимый материалист, верно? Вряд ли Джин с тобой согласится. Но, даже если рассуждать по-твоему, сверхпрактическая личность, этот их интерес не лишен смысла. Ведь когда имеешь дело с дикарями, надо знать их суеверия!

— Да, пожалуй, — не слишком уверенно согласился Джордж.

Сидеть на жестком столе надоело, и он встал. Руперт наконец смешал коктейль по своему вкусу и направился в гостиную. Слышно было, что там уже возмущаются — куда пропал хозяин?

— Эй, погоди! — запротестовал Джордж. — Пока ты не сбежал, еще один вопрос. Как ты заполучил этот телевизор с передатчиком, которым хотел нас напугать?

— Маленькая сделка. Я объяснил, как полезна такая штука при моей работе, а Раши передал намек по начальству.

— Извини мою тупость, но что она такое, твоя новая работа? Очевидно, это как-то связано со зверьем?

— Правильно. Я сверхветеринар. В моем ведении примерно десять тысяч квадратных километров джунглей, мои пациенты сами ко мне не придут, вот и надо их выискивать.

— Наверно, вздохнуть некогда?

— Ну, о мелюзге хлопотать незначем. Моя забота — львы, слоны, носороги и прочее. Каждое утро настраиваю эту машинку на высоту сто метров, сажусь перед экраном и обзираю окрестности. Когда увижу зверя в беде, влетаю в свой флаер и надеюсь, что больной оценит мой врачебный такт. Бывают довольно заковыристые задачки. Со львом или тигром управиться несложно, а вот попробуй проткни носорогу шкуру с воздуха анестезирующей иглой — намучаешься.

— Руперт! — заорал кто-то за дверью.

— Что ты наделал! Я из-за тебя забыл про гостей. На вот, бери поднос. Эти — с вермутом, смотри не перепутай.

Перед самым заходом солнца Джордж поднялся на крышу. По многим веским причинам у него побаливала голова и захотелось улизнуть от шума и толчеи. Джин, танцующая гораздо лучше, еще наслаждалась всем этим и не пожелала уйти с ним наверх. А в Джордже спиртное подогрело нежные чувства — и, разочарованный ее отказом, он пошел втихомолку лелеять свою обиду под звездным небом.

Чтобы попасть на крышу, надо было подняться сперва эскалатором на второй этаж, потом по винтовой лестнице, огибающей трубу кондиционера. Лестенка выводила через люк на просторную плоскую крышу. В одном ее конце стоял флаер Руперта, посередине разбит был сад, уже заметно запущенный, а с другого конца, с открытой площадки, где стояли шезлонги, видно было далеко окрест. Джордж плюхнулся в шезлонг и величественно осмотрелся. Он чувствовал себя поистине владыкой всего окружающего.

Да, что и говорить, зрелище великолепное. Дом Руперта построен на краю громадной котловины, пологий склон спускается на восток, где, за пять километров отсюда, лежат болота и озера. А на западе все ровно, плоско, и джунгли подступают чуть ли не вплотную к заднему крыльцу. Но за джунглями, пожалуй, не меньше чем в полусотне километров, на север и на юг, сколько хватает глаз, стеной высится

горная цепь. Кое-где на вершинах сверкает снег, над вершинами пламенеют облака, через считанные минуты солнце закончит свой дневной путь. При виде этих далеких грозных бастионов Джордж разом протрезвел.

Звезды, что высыпали с какой-то прямо неприличной поспешностью, едва зашло солнце, оказались совсем незнакомыми. Джордж поискал глазами Южный Крест, но не нашел. Он мало смыслил в астрономии, узнавал лишь немногие созвездия, но без старых друзей стало неуютно и не по себе. Тревожно и от звуков, доносящихся из джунглей, уж чересчур они близко. «Хватит с меня свежего воздуха, — подумал Джордж. — Пойду-ка в гостиную, покуда вампир или еще какая-нибудь дрянь не прилетела отведать моей кровушки».

Он шагнул к лестнице, и тут из люка появился еще один гость. Уже слишком темно, не разглядеть, кто это

— А, привет! Тоже захотели отдохнуть от кутерьмы? — окликнул Джордж.

Тот, неразличимый в темноте, засмеялся:

— Руперт показывает свои фильмы. Я их все уже видел.

— Возьмите сигарету, — предложил Джордж.

— Спасибо.

Джордж, большой любитель старинных игрушек, щелкнул зажигалкой — и при свете ее огонька узнал пришедшего: этого поразительно красивого негра ему называли, но он тут же забыл имя, вместе с именами еще двух десятков гостей, которых сегодня увидел у Руперта впервые. Но в этом лице есть что-то знакомое... и вдруг Джорджа осенило:

— Мы как будто не знакомы, но вы ведь новый шурин Руперта?

— Правильно. Меня зовут Ян Родрикс. Все говорят, что мы с Майей очень похожи.

С благоприобретенным родичем Яна не поздравишь, можно скорее посочувствовать, подумал Джордж, но смолчал. Бедняга и сам разберется; а впрочем, мало ли — вдруг Руперт наконец остепенится.

— А я Джордж Грегсон. Вы еще не бывали на знаменитых Рупертовых сборищах?

— Нет, сегодня первый раз. Масса новых лиц.

— И не только человеческих, — заметил Джордж. — Я никогда еще не встречался вот так на вечеринках со Сверхправителями.

Собеседник чуть помедлил, и Джордж подумал — уж не задел ли ненароком какое-то больное место. Но в ответе Яна ничего такого не просквозило.

— Я тоже их не видал — кроме как по телевизору, конечно.

Разговор иссяк, немного погодя Джордж сообразил: Яну хочется побыть одному. Да и прохладно уже. Он простился и пошел вниз, к остальным.

В джунглях все стихло; Ян прислонился к округлой стенке воздуховода, теперь он только и слышал приглушенное дыхание дома, неустанную работу его механических легких. Одиночество, полное одиночество — этого Яну и хотелось. Но и горечь разочарования — а вот этого он совсем не жаждал.

ГЛАВА 8

Нет такого царства Утопии, где довольны и счастливы были бы все и всегда. Чем благополучнее условия жизни, тем выше становятся духовные запросы, и тебе уже мало всего, чем обладаешь и что можешь, хотя прежде о таком не смел бы и мечтать. Пусть окружающий мир дал все, что только мог, — не находят покоя пытливая мысль и тоскующее сердце.

Ян Родрикс — хотя он вовсе не считал, что ему повезло, — был бы еще меньше доволен жизнью, родился он веком раньше. Сто лет назад цвет его кожи стал бы для него тяжкой, пожалуй, просто безнадежной помехой. Теперь это не имело значения. Неизбежная реакция, которая в начале ХХI века породила у негров некоторое чувство собственного превосходства, миновала. Обиходное словечко «черный» уже не было под запретом в приличном обществе, но никого не смущало. В нем заключалось теперь не больше обидного, чем в ярлычках вроде «республиканец» или «методист», «консерватор» или «либерал».

Отец Яна, обаятельный, но беспечный шотландец приобрел известность как профессиональный фокусник. Его раннюю смерть — в возрасте всего сорока пяти лет — ускорило злоупотребление напитком, которым больше других своих плодов прославилась его родина. Правда, Ян никогда не

видел отца пьяным, но едва ли хоть раз видел его вполне трезвым.

Миссис Родрикс еще жила и здравствовала всю и даже читала в Эдинбургском университете лекции по усовершенствованной теории вероятности. Вполне в духе ХХІ века, столь чуждого оседлости, миссис Родрикс, чья кожа была черна как уголь, родилась в Шотландии, а ее светловолосый белокожий супруг рано покинул родину и почти всю жизнь провел на Гаити. У Майи и Яна никогда не было постоянного крова, они вечно сновали между семьями отца и матери, точно два маленьких челнока. Занятный образ жизни, но он отнюдь не помогал излечить неуравновешенность, которую оба унаследовали от папаша.

Яну минуло двадцать семь и предстояло еще несколько лет учения, прежде чем надо будет всерьез подумать о выборе профессии. Он без труда получил степень бакалавра, пройдя программу, которая столетием раньше показалась бы престранной. Занимался он в основном математикой и физикой, а дополнительно философией и музыкой. Даже по высоким меркам своего времени он стал первоклассным пианистом-любителем.

Через три года он защитит диссертацию и станет доктором физических наук, вторая его специальность — астрономия. Поработать придется изрядно, но работа его не пугает. Притом он — студент Кейптаунского университета, что приютился у подножия Столовой горы, — больше нигде во всем мире не получишь высшего образования в уголке такой красоты.

Нет у него и забот материальных, и однако он недоволен жизнью и не находит покоя. И ко всему, хоть он ничуть не завидует сестре, от счастья Майи еще ясней стало, в чем беда его, Яна.

Ибо его все еще мучит романтическая иллюзия, что породила столько страданий и столько поэзии, — будто каждому человеку дается в жизни только одна истинная любовь. В необычно позднем возрасте он впервые влюбился без памяти в особу, куда больше известную красотой, нежели постоянством. Розита Цзен гордилась — и не без оснований, — что в жилах ее течет кровь маньчжурских императоров, У нее и сейчас немало подданных, в том числе профессора и преподаватели Кейптаунского университета чуть

ли не в полном составе. Утонченная красота этого нежного цветка давно пленила Яна, отношения зашли достаточно далеко — тем острее боль от того, что все оборвалось. А почему оборвалось — не понять...

Ну конечно, он это одолеет. Переживали же другие такой вот крах — и раны затягивались, и потом человек даже способен был сказать: «Право, не мог же я любить эту женщину по-настоящему!». Но до такой отрешенности еще очень и очень далеко, а сейчас Ян в жестоком разладе с жизнью.

Другая его обида еще глубже и неизлечимей, ибо Сверхправители разрушили его честолюбивые мечты. Ян — романтик не только сердцем, но и умом. Подобно многим молодым ученым, с тех пор как покорен был воздух, он мечтами и воображением носился по неизведанному океану космоса.

Столетие назад человек поднялся на первую ступеньку лестницы, ведущей к звездам. И в тот же миг — неужели простое совпадение? — дверь, открывающую выход к планетам, захлопнули у него перед носом. Сверхправители почти не налагали запретов на какие-либо виды человеческой деятельности (пожалуй, важнейшее исключение — война), но исследованиям в области межпланетных полетов пришел конец. Слишком огромно оказалось научное превосходство Сверхправителей. У человечества — по крайней мере на время — опустились руки, и оно занялось другими делами. Что толку строить ракеты, когда у Сверхправителей есть двигатели несравненно более совершенные, а в чем тут секрет — они не обмолвились ни словом.

Несколько сот человек побывали на Луне и построили там обсерваторию, переправлялись они пассажирами на кораблике Сверхправителей, и кораблик был ракетный. Никаких сомнений — сколько ни изучай такое примитивное суденышко, мало что узнаешь, хотя Сверхправители и предоставили его в полное распоряжение любознательных земных ученых.

Итак, человек — все еще пленник своей планеты. И планета его теперь гораздо лучше, но и гораздо меньше, чем была сто лет назад. Уничтожив на ней войну, голод, болезни, Сверхправители заодно уничтожили отвагу и приключения.

Восходила луна, небо на востоке понемногу наливалось слабым молочно-белым сиянием. Ян знал — главная база Сверхправителей находится в бастионе кратера Плутон. Должно быть, грузовые корабли садились на Луне и взлетали с нее уже лет семьдесят с лишком, но только на памяти Яна Сверхправители перестали это скрывать, и теперь старт хорошо виден с Земли. В двухсотдюймовый телескоп нетрудно различить тени исполинских кораблей, под лучами восходящего или заходящего солнца они на миля протягиваются по лунным равнинам. Каждый шаг Сверхправителей вызывает у людей огромный интерес, а потому за прибытием и отправлением их кораблей тщательно наблюдают, и постепенно проясняется какой-то порядок, хотя чем он обусловлен, остается непонятно. Одна из этих исполинских теней исчезла несколько часов назад. Ян знает: это значит, что сейчас где-то по ту сторону Луны корабль Сверхправителей привычным, но загадочным для людей образом готовится в путь к своей далекой, неведомой родине.

Ян еще ни разу не видал, как уходит к звездам такой корабль. При ясном небе это видно на полмира, но Яну всегда не везло. Ведь не предугадаешь в точности, когда взлет, а Сверхправители об этом не сообщают. Ян решил подождать еще десять минут, потом он вернется в гостиную.

А это что? Всего лишь метеор скользнул по созвездию Эридана. Ян перевел дух, заметил, что сигарета погасла, закурил новую.

Он наполовину выкурил ее, и тогда-то в полумиллионе километров от него взлетел межзвездный корабль. Среди ширящегося бледного зарева восходящей луны вспыхнула крохотная искорка и стала подниматься в зенит. Сперва медленно, еле заметно, но с каждым мигом быстрее. Чем выше она поднималась, тем ярче сверкала — и вдруг померкла, скрылась с глаз. А через мгновение возникла вновь — еще ярче, еще стремительней. Так, то вспыхивая, то угасая в причудливом ритме, все ускоряя бег, она вздымалась в небо и оставляла среди звезд светящийся прерывистый след. Даже если не знать, как она далеко, дух захватит от такой скорости, но, когда знаешь, что уносящийся прочь корабль — где-то там, за Луной, голова идет кругом при мысли об этой невообразимой мощи и энергии.

Ян знал: сейчас он видит всего лишь незначительный побочный продукт этой мощи. Сам корабль невидим, он далеко опередил устремленную ввысь световую черту. Корабль Сверхправителей оставляет за собой этот светящийся след, как остается в стратосфере струя пара позади реактивного самолета. Общепринятая теория — судя по всему, справедливая — утверждает, что громадные ускорения звездолетов местами искажают пространство. И Ян знал: то, что он сейчас видит, — ни много ни мало, свет далеких звезд, собранный в пучок там, где проносящийся корабль создал для этого благоприятные условия. Вот оно, наглядное доказательство теории относительности — изгиб светового луча вблизи мощного поля тяготения.

Теперь кончик этой огромной, заостренной, точно карандаш, линзы словно бы движется медленней, но лишь потому, что изменилась перспектива. На самом деле корабль все еще набирает скорость; просто его след, устремленный вовне Солнечной системы, к звездам, укорочен углом зрения. Ян знал: сейчас на эту светящуюся черту направлено множество телескопов — ученые Земли силятся раскрыть тайну межзвездных полетов. Тайне этой уже посвящены десятки научных трудов; несомненно, Сверхправители читают их с величайшим интересом.

Призрачный свет понемногу бледнеет. Теперь это всего лишь тонкая ниточка, она тянется к сердцу созвездия Карина — это Ян предвидел. Всем известно, что родная планета Сверхправителей где-то в той стороне, но — которая, возле какого из тысячи светил, что находятся в этом секторе Пространства? И невозможно определить, как далека она от Солнечной системы.

Кончено. Хотя путь корабля еще только начат, человеческий глаз больше ничего не улавливает. Но в мыслях и в памяти Яна еще горит его след — и этот маяк не погаснет, пока сам он способен к чему-то стремиться и чего-то желать.

Прием закончился. За немногими исключениями, гости уже уносились по воздуху на все четыре стороны света. Но кое-кто остался.

Не улетел поэт Норман Додсворт, давно уже до безобразия пьяный, — у него хватило ума свалиться без памяти, прежде чем пришлось бы применить к нему силу. Его не

слишком бережно вытащили на лужайку в надежде, что какая-нибудь гиена без церемоний его разбудит. Итак, он не в счет.

Остались Джордж и Джин. Отнюдь не по воле Джорджа — он хотел вернуться домой. Ему совсем не нравилась дружба между Джин и Рупертом, и не просто из обыкновенной ревности. Джордж гордился тем, что он человек здравомыслящий и уравновешенный, и общее увлечение Джин и Руперта теперь, в век науки, на его взгляд, было не просто ребячеством, но какой-то болезненной манией. Непостижимо, как кто-то все еще может хоть на волос верить в сверхъестественное, и уважение Джорджа к Сверхправителям изрядно пошатнулось от того, что остался и Рашаверак.

Теперь ясно: Руперт хочет поразить оставшихся какой-то новой затеей, возможно, — в заговоре с Джин. Джордж угрюмо покорился — ладно, он стерпит какие угодно их дурацкие выходки.

— Чего я только не перепробовал, пока остановился вот на этом, — гордо заявил Руперт. — Самое главное — свети на нет трение, движению ничто не должно мешать. Старомодный полированный стол и вертящееся блюдо тоже недурны, но ими пользовались много веков, при современном уровне науки можно придумать что-нибудь получше. Ну и вот, сейчас увидите. Придвигайте стулья, подсаживайтесь... Раши, вы и правда не хотите присоединиться?

Долю секунды Сверхправитель, казалось, колебался. Потом покачал головой. («Уж не на Земле ли они этому учились?» — подумал Джордж.)

— Нет, спасибо, — сказал он. — Предпочитаю смотреть со стороны. Может быть, как-нибудь в другой раз.

— Ну что ж... если передумаете, времени у нас вдоволь.

«Ой ли?» — усомнился про себя Джордж, мрачно глянув на часы.

Руперт подвел друзей к маленькому, но массивному, безупречно круглому столу. Снял гладкую пластмассовую крышку, под ней оказалось блестящее озерцо тесно уложенных металлических шариков. Скатиться им не давал чуть приподнятый бортик. Джордж понять не мог, для чего они. Свет отражался в них сотнями слепящих точек, этот яркий узор притягивал, завораживал, у Джорджа слегка закружилась голова.

Все уселись вокруг стола, откуда-то снизу Руперт вытащил диск сантиметров десяти в поперечнике и положил на блестящие шарик.

— Ну вот, — сказал он. — Довольно тронуть диск пальцем, и он движется без малейшего трения.

Джордж подозрительно оглядел всю эту механику. По окружности стола на равных расстояниях одна от другой, но не по порядку нанесены буквы алфавита. Между ними, уж совсем без всякого порядка, разбросаны цифры от единицы до девяти и с двух сторон, точно друг против друга, начерчены две карточки со словами «да» и «нет».

— По-моему, все это просто шаманство, — пробормотал Джордж. — Только диву даешься, как в наше время кто-то может принимать такое всерьез.

Этим не слишком бурным протестом он метил в Джин не меньше, чем в Руперта, и немного отвел душу. Впрочем, Руперт не скрывает, что все сверхъестественное занимает его лишь отвлеченно, с научной точки зрения. Он человек непредубежденный, но не легковерный. А вот Джин... она порой Джорджа беспокоит. Похоже, она и впрямь воображает, будто в ясновидении, телепатии и прочей чепухе что-то кроется.

Только уже съязвив насчет шаманства, Джордж сообразил, что его слова относятся и к Рашавераку. Он беспокойно оглянулся, но Сверхправитель ничем не показал, что уязвлен. Разумеется, это ровно ничего не доказывало.

Итак, они разместились вокруг стола. За Рупертом по часовой стрелке сидели Майя, Ян, Джин, Джордж и Бенни Шенбергер. Вне этого круга, с блокнотом в руках, села Рут Шенбергер. Она, видно, почему-то сочла для себя непозволительным участвовать в этой затее, и муж туманно состриг, что иные люди все еще свято чтут Талмуд. Однако она охотно вызвалась вести запись.

— Значит, так, — начал Руперт. — Ради скептиков вроде Джорджа вношу ясность. Есть ли тут что-то сверхъестественное, нет ли, но эта штука действует. Лично я думаю, что причины тут чисто механические. Мы касаемся диска — и пусть даже искренне не хотим как-либо повлиять на его движение, но в игру вступает наше подсознание. Я продумал множество таких сеансов — и ни разу не обнаружил ответов, которые кто-либо из участников мог знать или угадать,

хотя сами они иногда об этом не подозревали. Однако мне хочется провести сегодня опыт при несколько... э-э... особых обстоятельствах.

Особое Обстоятельство сидело и смотрело на всех молча, но, без сомнения, не равнодушно. «Что-то Рашаверак на самом деле думает об этих фокусах?» — спросил себя Джордж. Может быть, он сейчас — вроде антрополога, который наблюдает религиозные обряды дикарей? Право, все это выглядит просто невероятно, никогда в жизни он, Джордж, не чувствовал себя таким дураком.

Если и другие чувствуют себя так же глупо, по ним этого не видно. Одна Джин раскраснелась и явно взвинчена, но, может быть, это от выпитых коктейлей.

— Можно начинать? — спросил Руперт. — Отлично. — Он внушительно помедлил, потом, ни к кому не обращаясь, окликнул: — Есть тут кто-нибудь?

Плоский кружок под пальцами Джорджа чуть дрогнул. Ничего удивительного, ведь на него давят руки шестерых за столом. Кружок скользнул в сторону маленькой цифры «восемь» и опять вернулся на середину.

— Есть тут кто-нибудь? — повторил Руперт. И прибавил более обычным тоном: — Часто до начала проходит минут десять—пятнадцать, но иногда...

— Тс-с! — выдохнула Джин.

Диск двигался. Он описывал широкую дугу между карточками «да» и «нет». Джордж с трудом подавил смешок. Допустим, ответ будет «нет» — что это докажет? Вспомнился старый анекдот про негра, залезшего в курятник: «Тут никого нет, хозяин, одни мы, куры»...

Но ответ оказался «да». И тотчас диск вернулся на середину стола. Теперь он будто ожил и ждет нового вопроса. Джордж невольно стал внимательнее.

— Кто вы? — спросил Руперт.

На сей раз ответ последовал без запинки.

Диск носился по столу от буквы к букве, как разумное существо, да так быстро, что порой едва не ускользал у Джорджа из-под пальцев. И Джордж готов был поклясться, что никак не помогает этим движениям. Он быстро оглядел друзей — ни в одном лице ничего подозрительного. Похоже, все так же напряженно, жадно чего-то ждут, как и он сам

— ЯЭТОВСЕ, — вывел диск и опять успокоился посреди стола.

— Я — это все, — повторил Руперт. — Характерный ответ. Уклончиво, но поощряет к дальнейшему. Вероятно, это значит, что здесь только и присутствует совокупность наших сознаний.

Руперт минуту помолчал, видимо, обдумывая следующий вопрос. Потом снова обратился в пространство:

— Вы должны передать весть кому-то из нас?

— Нет, — сейчас же ответил диск.

Руперт обвел взглядом сидящих вокруг стола:

— Дело за нами; иногда он сам что-нибудь сообщает, но сейчас нам надо задавать какие-то прямые вопросы. Кто хочет начать?

— Будет завтра дождь? — с усмешкой спросил Джордж.

Диск забегал взад-вперед между «да» и «нет».

— Глупый вопрос, — упрекнул Руперт. — Понятно же, что где-то пройдут дожди, а в других местах будет ясная погода. Не задавайте вопросов, которые требуют двусмысленных ответов.

Джордж сник: попало — и поделом. Пускай попробует кто-нибудь другой.

— Какой мой любимый цвет? — спросила Майя.

— Голубой, — был мгновенный ответ.

— Правильно.

— Это ничего не доказывает, — заметил Джордж. — По крайней мере троем из нас это известно.

— Какой любимый цвет Рут? — спросил Бенни.

— Красный.

— Правильно, Рут?

Добровольная секретарша подняла голову от блокнота.

— Да. Но это знает Бенни, а он с вами за столом.

— Ничего я не знал, — возразил Бенни.

— Еще как должен знать, я тебе сто раз говорила.

— Подсознательная память, — пробормотал Руперт. — Так бывает часто. Но, может быть, кто-нибудь задаст вопрос поумнее, а? Началось так хорошо, не хотел бы я, чтобы вечер прошел впустую.

Странно, как раз оттого, что все это ничуть не походило на серьезный научный опыт, Джордж призадумался. Конечно же, объясняется это никакими не сверхъестественными

причинами; как сказал Руперт, диск просто отзывается на бессознательные движения их же мышц. Но уже и это удивительно и заставляет задуматься: никогда бы не поверил, что можно получить такие мгновенные и точные ответы! И он попытался сам повлиять на диск — пусть напишет его имя. Он добился заглавного «Д», — но и только, дальше пошла бессмыслица. Нет, совершенно ясно, что один человек не может управлять диском — остальные в кругу это сразу поймут.

За полчаса Рут записала больше дюжины ответов, иные оказались довольно длинными. Попадались грамматические ошибки и причудливые обороты, но очень редко. Чем бы все это ни объяснялось, Джордж убедился: сознательно он в ответах диска никак не участвует. Несколько раз, увидев начало слова, он, казалось, угадывал следующую букву и тем самым смысл ответа. И всякий раз диск переносился в совершенно неожиданном направлении и писал что-то совсем другое. Порой даже весь ответ выглядел невнятицей — ведь слова не разделялись промежутками, конец одного сливался с началом другого, и только когда Рут перечитывала все заново, прояснялся смысл.

От всего этого у Джорджа возникло жутковатое чувство, словно он столкнулся с неким чужим, властным разумом. И все же он не видел решающего, окончательного доказательства ни за, ни против. Ответы так обыденны, так двусмысленны. Как, например, прикажете понимать следующее:

ВЕРЬТЕВЧЕЛОВЕКАПРИРОДАСВАМИ

Но порой угадывалась какая-то глубокая, даже пугающая правда:

ПОМНИТЕЧЕЛОВЕКНЕОДИНРЯДОМСЧЕЛОВЕКОМ ОБИТАЮТДРУГИЕ

Впрочем, это же все известно... хотя, почем знать, может быть, тут подразумеваются не только Сверхправители?

Джорджа теперь отчаянно клонило ко сну. Давно уже пора по домам, сонно подумал он. Все это очень любопытно, но ничего определенного не достигли, и вообще хорошенького понемножку. Он быстро оглядел всех за столом. Бенни, видно, тоже сыт по горло и хочет спать, Майя и Руперт сидят как в тумане, а Джин... да, Джин с самого начала отнеслась к этой истории чересчур серьезно. Даже не по

себе становится, такое у нее лицо: будто ей и покончить с этим страшно — и страшно, что будет дальше.

«Остается один Ян. Любопытно, как-то он относится к причудам шурина?» — подумалось Джорджу. Молодой инженер еще не задал ни одного вопроса, ничем не показал, что удивлен хоть одним ответом. Похоже, он изучает движения диска так, словно наблюдает заурядный научный опыт.

Руперт очнулся от оцепенения.

— Давайте еще один вопрос и на этом кончим, — сказал он. — Ну-ка, Ян? Ты еще ничего не спрашивал.

Странно, Ян ни секунды не колебался. Казалось, он давно уже обдумал вопрос и только ждал удобного случая. Мельком глянул на бесстрастного, неподвижного Рашаверака и спросил звонко, отчетливо:

— Возле какой звезды находится планета Сверхправителей?

Руперт чуть не свистнул от изумления. Бенни и Майя остались безучастны. Джин сидит с закрытыми глазами, похоже, уснула. Рашаверак наклонился, поверх Рупертова плеча заглядывает в круг.

И диск тронулся.

Когда он опять замер на месте, настало короткое молчание. Потом Рут спросила озадаченно:

— НГС 549672 — что же это значит?

Ей не ответили, помешал тревожный возглас Джорджа:

— Помогите мне кто-нибудь. Джин, кажется, в обмороке.

ГЛАВА 9

-Расскажи мне подробнее про этого Бойса, — сказал Кареллен.

Понятно, Сверхправитель не изъяснялся именно этими словами, и мысли, им высказанные, были гораздо тоньше. Человеческое ухо уловило бы короткий взрыв вибрирующих звуков, что-то вроде стремительной морзянки. У людей накопилось уже немало записей такой речи, но расшифровать язык Сверхправителей никто еще не сумел, он был безмерно сложен, да еще эта невероятная быстрота, при которой ни один переводчик, даже овладей он основами языка, не в

силах был бы уследить за обычным разговором Сверхправителей.

Попечитель Земли стоял спиной к Рашавераку и пристально смотрел на многоцветную пропасть Большого каньона. В десяти километрах отсюда, но почти не затуманенные далью, уступчатые склоны сейчас так и горели в солнечных лучах. Далеко-далеко внизу под тем местом, где над краем затененного откоса стоял Кареллен, тащился по извилистой дороге караван мулов. Странно, думал Кареллен, очень многие люди при каждом удобном случае все еще ведут себя как дикари. Стоит только пожелать, и они могли бы спуститься на дно ущелья несравненно быстрее и с куда большим удобством. Но нет, они предпочитают трястись по ухабистой дороге, наверняка ненадежной не только с виду.

Неуловимое движение руки — и великолепная картина померкла, только еще мгновение взгляду Кареллена чудилась бесконечная глубь. И снова его теснит действительность, привычный кабинет, обязанности Попечителя.

— Руперт Бойс личность своеобразная, — отвечал ему Рашаверак. — По профессии он смотритель значительной части Африканского заповедника, заботится о здоровье зверей. Дело свое знает и любит. Поскольку ему надо держать под наблюдением несколько тысяч квадратных километров, он получил один из тех пятнадцати панорамных обзорников, что мы пока передали людям, — разумеется, как всегда, с ограничителями. Его экземпляр, кстати, единственный с передатчиком объемного изображения. Он вполне убедительно доказал, что это ему необходимо, и мы согласились.

— Какие у него доводы?

— Он сказал, что хочет показываться диким зверям, чтобы привыкали к его виду и не набросились, когда он сам к ним явится. Эта теория вполне оправдалась — со зверями, у которых важнее не нюх, а зрение... хотя в конце концов его, вероятно, растерзают. Ну и, понятно, мы предоставили ему аппарат еще по одной причине.

— Он стал сговорчивей?

— Вот именно. Сперва я обратился к нему потому, что у него едва ли не лучшее в мире собрание книг по парапсихологии и смежным вопросам. Он вежливо, но решительно отказался выпускать их из рук, пришлось читать у него

дома. Я уже перечитал примерно половину его библиотеки. Довольно тяжелое испытание.

— Могу себе представить, — сухо сказал Кареллен. — Нашлось среди этого хлама что-нибудь стоящее?

— Да. Одиннадцать бесспорных случаев частичного прорыва и двадцать семь вполне вероятных. Но материал отобран односторонне, так что выводов на нем не построишь. И все свидетельства безнадежно запутаны мистикой — вот, пожалуй, главная болезнь человеческого разума.

— А как сам Бойс ко всему этому относится?

— Выдает себя за человека непредубежденного и настроенного скептически, но ясно, что он не тратил бы на это столько времени и сил, если бы подсознательно в это не верил. Я так ему и сказал, и он признался, что я, пожалуй, прав. Ему хотелось бы найти какое-то веское доказательство. Потому он и ставит без конца свои опыты, хотя притворяется, будто это просто забава.

— Ты уверен, он не подозревает, что ты интересуешься всем этим не из чистого любопытства?

— Вполне уверен. В некоторых отношениях Бойс на редкость туп и ограничен. Так что его попытки исследовать именно эту область довольно жалки. К нему незачем применять какие-то особые меры.

— Понимаю. А девушка, которая упала в обморок?

— Вот это самое интересное. Почти наверняка сообщение пришло именно через Джин Моррел. Но ей двадцать шесть лет — судя по всему нашему прежнему опыту, слишком много, не может она сама стать первым звеном. Значит, тут есть кто-то, с нею тесно связанный. Вывод ясен. Нам осталось ждать всего несколько лет. Надо внести ее в Пурпурный разряд: возможно, она сейчас — самый значительный человек на Земле.

— Так и сделаю. А тот молодой человек, который задал вопрос? Наобум спросил, просто из любопытства, или у него была какая-то задняя мысль?

— Он попал туда случайно — его сестра только что вышла замуж за Руперта Бойса. Ни с кем из других гостей он прежде не встречался. Я уверен, вопрос не обдуман заранее, а вызван необычной обстановкой, да еще моим присутствием. При этих условиях неудивительно, что он задал такой вопрос. Его больше всего привлекает астронавтика, он —

секретарь научной группы в Кейптаунском университете и явно намерен посвятить свою жизнь теории космических полетов.

— Любопытно, чего он достигнет? По-моему, как он сейчас станет поступать и надо ли нам принять какие-то меры?

— Несомненно, при первой возможности он постарается хоть что-то проверить. Но у него нет способа доказать, что его сведения точны, и получены они столь необычным путем, что едва ли он предаст их гласности. А если они и станут известны, разве это хоть чему-то помешает?

— Надо будет взвесить обе возможности. Правда, нам не разрешено обнаруживать нашу базу, но люди никак не могут использовать эти сведения против нас.

— Согласен. Получится, что у Родрикса есть какие-то сведения, не слишком достоверные и практически бесполезные.

— Похоже на то, — сказал Кареллен. — Но полной уверенности нет. Люди на удивление изобретательны и зачастую крайне упорны. Недооценивать их опасно, и в дальнейшем за мистером Родриksom стоит последить. Я это еще обдумую.

Руперт Бойс так и не понял, что же в конце концов произошло. Когда гости разошлись — менее шумно и оживленно, чем всегда, — он задумчиво откатил столик на место, в угол. Винные пары мешали серьезно вникнуть в случившееся, да и сами события уже немного расплылись в памяти. Смутно представлялось, будто произошло что-то важное, хотя и непонятное, — может быть, потолковать с Рашавераком? Нет, пожалуй, это будет бестактно. В конце концов, неловкость вышла из-за новоявленного зятя... Руперта даже взяла досада на Яна. Но разве так получилось по вине этого юнца? Или еще по чьей-то вине? Руперт виновато подумал, что ведь опыт затеял он сам. Он тут же решил забыть эту историю — и вполне в этом преуспел.

Пожалуй, Руперт все-таки что-то предпринял бы, найдись последний листок из блокнота Рут, — но в суматохе он пропал. Ян делал вид, что он ни при чем, ну а Рашаверака в пропаже не упрекнешь... И никто не помнил точно, что же там было написано, только и помнили — какая-то бессмыслица...

Больше всех случай этот повлиял на судьбу Джорджа Грегсона. Навсегда запомнил он ужас, испытанный в мину-

ту, когда Джин рухнула ему на руки. От внезапной беспомощности она вдруг преобразилась, это уже не просто забавная спутница; его мгновенно захлестнули любовь и нежность. Женщины падали в обморок с незапамятных времен (и не всегда нечаянно) — и мужчины неизменно отзывались на это как надо. Джин лишилась чувств отнюдь не умышленно, но при самом тонком расчете нельзя было бы подгадать удачнее. После Джордж понял, что именно в эту минуту решил едва ли не на самый важный шаг в своей жизни. Пускай у Джин странные причуды, а приятели и того чуднее, ему нужна только она. Не обязательно совсем отказываться от Наоми, от Джой, Эльзы или — как бишь ее? — от Дениз, но пора завести отношения более прочные. Джин наверняка согласится, она своих чувств никогда не скрывала.

Он сам не подозревал, что его заставила решиться еще одна причина. После нынешнего опыта странное увлечение чудачки Джин уже не вызывает такого насмешливого презрения. Джордж в этом никогда не признается, но так уж оно вышло — и это разбило последнюю разделявшую их преграду.

Он смотрел на Джин — бледная, но спокойная, она откинулась на низко опущенную спинку кресла. Под флаером тьма, над головой — звезды. Джордж понятия не имел, где они сейчас, определился бы разве что с точностью до тысячи километров, но не все ли равно. Это уж дело автопилота, он доставит их домой и совершит посадку — об этом сообщили приборы — ровно через пятьдесят семь минут.

Джин улыбнулась ему в ответ и мягко высвободила руку, которую он сжимал в своих.

— Совсем онемели, — пожаловалась она и стала растирать пальцы. — Я уже вполне хорошо себя чувствую, можешь мне поверить.

— А все-таки, по-твоему, что случилось? Неужели ты совсем ничего не помнишь?

— Ничего... какой-то провал. Я слышала, Ян задал вопрос, и сразу вы все вокруг меня суетитесь. Наверно, впала в какой-то транс. В конце концов...

Она помедлила — и решила: не стоит говорить Джорджу, что с ней и раньше так бывало. Он ничего такого не любит,

пожалуй, расстроишь его еще сильнее, а то и вовсе отпугнешь.

— Что «в конце концов»? — спросил Джордж.

— Да так, ничего. Интересно, что об этом сеансе подумал Сверхправитель? Наверно, он и не ждал, что столько всего услышит.

Джин вздрогнула, оживленный взгляд затуманился.

— Боюсь я Сверхправителей, Джордж. Не оттого, что они несут зло, никаких таких глупостей я не воображаю. Конечно же, у них добрые намерения, и они все делают, как считают лучше для нас. А только чего им на самом деле надо?

Джордж неуверенно пожал плечами.

— Люди об этом гадают с первого дня, — сказал он. — Когда мы будем готовы знать, Сверхправители нам сами скажут — по совести говоря, меня любопытство не разбирает. И у меня сейчас, знаешь ли, другое на уме. — Он наклонился к Джин, стиснул ее руки: — Слушай, слетаем-ка завтра в Архив и заключим брачный договор... ну, скажем, на пять лет, а?

Джин посмотрела на него в упор — да, то, что написано у него на лице, очень приятно.

— Давай на десять, — сказала она.

Ян не торопился. Спеха никакого нет, надо основательно подумать. Он чуть ли не побаивался начать проверку — вдруг возникшая у него фантастическая надежда сразу рухнет. Пока ничего определенного нет, можно хотя бы мечтать.

Да и нельзя ничего предпринять, пока не повидал библиотекаря Обсерватории. Эта женщина хорошо его знает, знает, что он изучает и чем увлекается, и наверняка сочтет его просьбу странной. Может, это и не страшно, но лучше не рисковать. Выждем неделю, тогда представится более удобный случай. Да, он уж очень осторожничает, но от этого вся затея захватывает еще сильнее, прямо как мальчишку. Притом самое страшное — оказаться смешным, страшней, чем любые помехи и кары Сверхправителей. Нет, если его затея дурацкая, про нее никто никогда не узнает.

Для поездки в Лондон у него вполне уважительная причина, об этом договорено с месяц назад. Правда, для делегата он еще слишком молод и неопытен, но он — один из трех студентов, которым удалось пристроиться к делегации на съезд Международного астрономического общества. Могли поехать трое — не упускать же такой случай, да и в Лондоне он не был с детства. Ян знал: на этом съезде очень немногие из десятков докладов будут ему сколько-нибудь интересны, даже если он и сумеет их понять. Как всякий делегат любого ученого конгресса, он станет слушать только то, что может ему пригодиться, а остальное время потолкует с собратьями по увлечению или просто побродит по городу.

За последние пятьдесят лет Лондон изменился до неузнаваемости. Теперь в нем не наберется и двух миллионов жителей — и в сто раз больше машин. Он перестал быть важным портом — теперь каждая страна производит почти все необходимое, и самая система международной торговли стала иная. В некоторых странах еще делают какие-то вещи лучше, чем в других, но переправляют их по воздуху. Торговые пути, которые некогда вели от одной громадной гавани к другой, а позже от аэропорта к аэропорту, под конец превратились в хитроумную тонкую сеть, она охватила весь мир, но нет в ней каких-то особо важных узлов.

Однако переменилось не все. Лондон по-прежнему административный центр, средоточие искусства и науки. В этих областях с ним не может соперничать ни одна столица континента — даже Париж, как он ни силится доказать обратное. Лондонский житель, попади он сюда из прошлого века, и сейчас бы не заблудился, по крайней мере в центре. Через Темзу перекинута несколько новых мостов — но на прежних местах. Не видно громадных прокопченных вокзалов железной дороги — их выдворили за город. Но здание парламента такое же, как было; Нельсон все так же свысока взирает единственным глазом на Уайтхолл; и купол собора св. Павла все еще высится на Ладгейтском холме, хотя с ним теперь могут потягаться и здания повыше.

И как прежде, маршируют гвардейцы перед Букингемским дворцом.

Все это подождет, думал Ян. Была пора каникул, и он с двумя своими товарищами студентами остановился в одном из университетских общежитий. Район Блумсбери за

последнее столетие тоже не переменялся: здесь и теперь полно гостиниц и меблированных комнат, хотя они уже не стоят впритык друг к другу и не тянутся, как прежде, нескончаемыми однообразными вереницами покрытых копотью кирпичных стен.

Только на второй день съезда Яну выпал желанный случай. Основные доклады читались в огромном зале заседаний Научного центра, неподалеку от Концертного зала, который больше всего помог Лондону стать музыкальной столицей мира. Ян хотел послушать первый из сегодняшних докладов — говорили, что докладчик камня на камне не оставит от общепринятой теории образования планет.

Быть может, он в этом и преуспел, но, когда Ян после доклада ушел, познаний у него не прибавилось. Он поспешил в справочную узнать, как найти нужные ему комнаты.

Какой-то остроумец администратор отвел Британскому астрономическому обществу верхний этаж громадного здания — члены ученого совета вполне это оценили: сверху перед ними открывался великолепный вид на Темзу и на всю северную часть города. Ян сжимал в руке членский билет Астрономического общества, точно пропуск, на случай, если его остановят, но, хоть не встретил ни души, без труда нашел библиотеку.

Почти час он потратил, пока отыскал то, что требовалось, и разобрался, как пользоваться толстенными звездными каталогами с миллионами данных. Под конец его бросило в дрожь — хорошо, что поблизости никого нет, некому заметить его волнение.

Он поставил каталог на место, к остальным, и долго сидел не шевелясь, невидящим взглядом смотрел на сплошную стену книг. Потом медленно пошел прочь, по безлюдным коридорам, мимо кабинета секретаря (теперь там были люди, деловито развязывали пачки книг) и дальше, вниз по лестнице. Лифтом спускаться не стал, хотелось избежать встреч и тесноты. Прежде он собирался послушать еще один доклад, но теперь это уже неважно.

Он подошел к парапету набережной и машинально следил, как неспешно течет к морю Темза, а в мыслях по-прежнему царила неразбериха. Непросто примириться с таким вот внезапным открытием, если ты воспитан на общепризнанных научных истинах. Никогда не узнать наверняка, прав-

да ли то, что открылось, но уж слишком это убедительно. Ян медленно шел по набережной и перебирал по порядку все, что ему известно.

Факт первый: никто из гостей Руперта не мог знать, что он, Ян, задаст такой вопрос. Он и сам этого не знал, слова сорвались с языка, оттого что уж очень необычны были обстоятельства. А значит, никто не мог подготовить ответ, не мог заранее об этом думать.

Факт второй: НГС 549672 — это уж наверно ничего не говорит непосвященным и смысл имеет только для астронома. Хотя Полный всеобщий систематический атлас был составлен столетие назад, о нем знают лишь несколько тысяч специалистов. И если наобум назвать какой-то номер, никто не сумеет сказать точно, где находится эта звезда.

Однако — и этот третий факт стал ему ясен только сейчас — маленькая, незаметная звезда, обозначенная как НГС 549672, находится как раз там, где надо. В самом сердце созвездия Карина, в конце светящегося следа, который возник перед Яном всего несколько вечеров назад и ушел от Солнечной системы в бездну космоса.

Простое совпадение невозможно. Конечно же, НГС 549672 и есть родная планета Сверхправителей. Но если так, рушатся все милые сердцу Яна понятия о научных методах исследования. Ну и пускай рушатся. Надо примириться с фактом: так или иначе, нелепый Рупертов опыт оказался ключом к неведомому доньше источнику знания.

Рашаверак? Пожалуй, вот оно, самое правдоподобное объяснение. Сверхправитель не сидел со всеми за столом, но это неважно. Да и не любопытна Яну механика сверхфизических явлений, важно одно — как воспользоваться их плодами.

Насчет звезды НГС 549672 известно очень мало, она ничем не выделяется среди миллионов других. Но в каталоге указаны ее размеры, координаты и тип спектра. Надо будет еще кое до чего доискаться, произвести кое-какие несложные расчеты — и тогда он хотя бы примерно узнает, насколько далека планета Сверхправителей от Земли.

Ян повернулся и пошел прочь от Темзы, назад, к сверкающему белому зданию Научного центра, понемногу лицо его осветилось улыбкой. Знание — сила, а он, единственный

человек на Земле, знает, откуда явились Сверхправители. Сейчас не угадаешь, как воспользоваться этим знанием. Оно будет надежно храниться в памяти и ждать своего часа.

ГЛАВА 10

Человечество все еще не жилось, согретое летним безоблачным полднем мира и процветания. Неужели когда-нибудь снова придет зима? Немыслимо. Вот когда подлинно наступил век разума, который слишком рано, два с половиной столетия назад, приветствовали вожди Французской революции. На сей раз так оно и есть.

Конечно, и процветание не обходится без изъянов, но с ними охотно примирились. Только глубокие старики понимают, что телегазеты, которые каждый принимает у себя дома, в сущности, изрядно скучны. Не стало потрясений, о каких когда-то возвещали кричащие заголовки. Нет больше таинственных убийств, что ставят в тупик полицию и вызывают в миллионах сердец бурю благородного негодования, под которым зачастую прячется зависть. Если уж и случится убийство, тайны не будет: довольно повернуть некий диск — и перед глазами заново разыграется все преступление с начала до конца. Поначалу существование столь прозрачных инструментов изрядно перепугало законопослушных граждан. Сверхправители успели изучить очень многие, но не все завихрения человеческой психологии, и этого испуга они не предвидели. Пришлось разъяснить людям, что никто из них не сможет подглядывать и подслушивать секреты соседа, а над считанными аппаратами, переданными в человеческие руки, установлен строгий контроль. К примеру, телепередатчик Руперта Бойса работает только в пределах заповедника, и действие его касается только Руперта и Майи.

Серьезные преступления изредка бывают, но газеты мало ими занимаются. В конце концов, воспитанному человеку вовсе не хочется читать про чужие грехи.

Люди работают теперь в среднем всего часов двадцать в неделю, но уж в полную силу. Труда однообразного, чисто механического больше почти не существует. Слишком ценен человеческий разум, нелепо тратить его на то, что могут выполнить две-три тысячи транзисторов, несколько фото-

элементов да печатные схемы общим объемом в кубический метр. Иные заводы неделями работают самостоятельно, и ни одна живая душа туда не заглядывает. Дело людей — обнаружить неисправность, принять решение и составить план новых предприятий. Все остальное выполняют роботы.

Появись столько досуга в прошлом веке, перед человечеством встали бы головоломные задачи. Теперь почти все их решило образование, ведь богатому и разностороннему уму не грозит скука. Нынешний уровень культуры когда-то показался бы невероятным. Не то чтобы человек как таковой стал разумнее, но впервые каждый может развить все способности, какие дала ему природа.

Почти у каждого есть не один дом, а два, в разных концах света. Обжиты прежде недоступные приполярные области, и немало народу каждые полгода кочует из Арктики в Антарктиду и обратно, всему предпочитая долгий день полярного лета. Другие переселились в пустыни, в горы и даже на дно морское. На всей Земле нет такого места, где наука и технология не могли бы создать самое удобное жилище тому, кого уж очень туда потянет.

Иные особенно экзотические уголки дают пищу немногим волнующим сообщениям в газетах. Даже в самом упорядоченном обществе не миновать изредка несчастных случаев. Быть может, это добрый знак — что иные смельчаки готовы рискнуть, а то и погибнуть, лишь бы устроить себе уютную виллу под самой макушкой Эвереста или полюбоваться видом сквозь струи водопада Виктория. А потому каждый раз кого-нибудь откуда-нибудь вызволяют. Это стало своего рода игрой, чуть ли не спортом для всей планеты.

Всякий может потакать своим прихотям, ведь на это хватает и времени, и денег. Когда упразднены были армии, человечество разом стало почти вдвое богаче, а возросшая производительность довершила дело. И просто смешно сравнивать жизненный уровень человека XXI века с тем, как жилось кому-либо из его предков. Все необходимое стоит ничтожно мало и дается людям даром, как прежде государство предоставляло им бесплатно дороги, воду, уличное освещение и канализацию. Можно поехать куда вздумается, лакомиться самыми изысканными яствами и не платить за это ни гроша. Право на это ты заслужил, потому что и сам работаешь для общего блага.

Находятся, конечно, и трутни, но людей, у которых хватало бы силы воли на жизнь совершенно праздную, куда меньше, чем думают. А обществу несравненно легче прокормить таких паразитов, чем содержать армию контролеров на транспорте, продавцов, кассиров и всех прочих, кто, если рассуждать с точки зрения мирового хозяйства, только тем бы и занимался, что переписывал бы всякую всячину из одного гроссбуха в другой.

Подсчитано, что почти четверть своих сил человечество отдает разным видам спорта — от такого сидячего, как шахматы, до смертельно опасного вроде планирующих перелетов на лыжах через горные долины. Это привело к разным непредвиденным последствиям. Так, исчез профессиональный спорт: слишком много оказалось блистательных спортсмен-любителей, и при новых экономических условиях прежняя система безнадежно устарела.

После спорта важнейшей областью приложения сил стали всевозможные виды развлечений. В прошлом больше ста лет очень многие верили, что главное место на Земле — Голливуд. Теперь они могли бы утверждать это с гораздо большим основанием, но, безусловно, львиную долю фильмов 2050 года в 1950-м сочли бы чересчур мудреной и попросту не поняли. Как-никак, прогресс: не всем теперь командует касса.

Но среди несчетных забав и развлечений на планете, которая, похоже, готова превратиться в одну огромную площадку для игр, иные люди все еще находят время опять и опять задаваться извечным вопросом, на который нет ответа: ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

ГЛАВА 11

Ян прислонился к зверю, уперся ладонями в шершавую, точно древесная кора, кожу. Оглядел громадные бивни, круто изогнутый хобот — искусный таксидермист увековечил слона в позе то ли воинственной, то ли радостной. Любопытно, какие не менее странные существа с каких неведомых планет станут однажды разглядывать этого выходца с Земли?

— Много еще зверья ты послал Сверхправителям? — спросил он Руперта.

— По крайней мере пятьдесят штук, но этот, конечно, самый крупный. Великолепен, правда? То была в основном мелкота — бабочки, змеи, мартышки и прочее в том же роде. Хотя нет, в прошлом году я им отправил бегемота.

Ян невесело усмехнулся:

— Страшноватая мысль, но я подозреваю, что в их коллекции уже имеется живописная компания чучел *Noto sapiens*. Интересно, кто удостоился сей чести?

— Наверно, ты прав, — преспокойно отозвался Руперт. — Это было бы несложно устроить через больницы.

— А вдруг бы нашелся желающий на роль живого экспоната? — задумчиво продолжал Ян. — Разумеется, при условии, что потом его вернут домой.

Руперт засмеялся, но не без сочувствия.

— Ты что же, вызываешься добровольцем? Передать Рашавераку?

Минуту-другую Ян обдумывал это почти всерьез. Потом покачал головой:

— М-м... нет, не надо. Я просто думал вслух. Они наверняка мне откажут. Кстати, ты часто видишь Рашаверака?

— Он у меня был месяца полтора назад. Ему как раз попалась книга, за которой я давно охотился. Очень мило с его стороны.

Ян медленно обошел кругом чучело великана, поражаясь мастерству, с каким навсегда остановлен этот миг могучего порыва.

— Понял ты наконец, чего он ищет? — спросил Ян. — Право же, это плохо сочетается — в науке Сверхправители достигли таких высот, а интересуются сверхъестественным.

Руперт подозрительно покосился на зятя — уж не насмехается ли тот над его увлечением?

— По-моему, Рашаверак это объясняет вполне правдоподобно. Его как антрополога занимают любые стороны нашей культуры. Не забудь, им спешить незачем. Они могут вникать в любую мелочь, нашим ученым целой жизни не хватит на такие исследования. Вот Рашаверак перечитал всю мою библиотеку, и едва ли ему это стоило особого труда.

Может быть, это и есть объяснение, но Яна оно не убедило. Порой он подумывал доверить Руперту свою тайну;

но мешала прирожденная осторожность. При новой встрече с другом Рашавераком Руперт, пожалуй, проболтается — чересчур велик будет соблазн.

— Между прочим, ты сильно ошибаешься, если думаешь, что это такой уж большой экспонат, — неожиданно сказал Руперт. — Посмотрел бы, над чем работает Салливен. Он взялся изготовить двух самых больших тварей — спермацевого кита и гигантского спрута. И притом в схватке не на жизнь, а на смерть. Вот это будет картинка!

Ян молчал. В мозгу вспыхнула дикая, невероятная мысль, нельзя же думать о таком серьезно. И однако... как раз потому, что это так дерзко, вдруг да получится...

— Что с тобой? — встревожился Руперт. — Стало дурно от жары?

Ян опомнился.

— Нет, ничего, — сказал он. — Я только хотел понять, как же Сверхправители подберут такую игрушку.

— Ну, просто какой-нибудь их грузовой корабль спустится, откроет люк и втянет эту махину внутрь.

— Так я и думал, — сказал Ян.

Это было похоже на рубку космического корабля. По стенам сплошь измерительные приборы и какие-то инструменты; и ни одного окна, только большой экран перед креслом пилота. Судно могло взять шестерых пассажиров, но сейчас Ян был единственный.

Он неотрывно смотрел на экран, ловил каждую подробность проходящего перед глазами удивительного, неведомого мира. Да, столь же неведомого, как все, что он, может быть, повстречает за россыпью звезд, если удастся его сумасшедшая затея. Сейчас он вступает во владения чудовищ, что пожирают друг друга во мраке, не потревоженном с начала времен. Тысячи лет люди плавают над этим царством тьмы, оно лежит не глубже чем в километре под килем корабля, а меж тем до нынешнего столетия человек знал о нем меньше, чем о видимой стороне Луны.

С поверхности океана пилот опускался к еще неизведанным глубинам Южной впадины Тихого океана. Ян знал, он ориентируется по незримым координатам, прочерченным звуковыми волнами расставленных на дне океана маяков. Но

пока дно еще так далеко от них, как земные равнины от плывущих в небе облаков...

Видно было очень мало, локаторы подводной лодки понапрасну шарили вокруг. Наверно, волнение, поднятое двигателями, распугало рыбу помельче; из любопытства подойдет близко разве что какая-нибудь громадина, вовсе не ведающая страха.

Маленькая кабина содрогалась от скрытой в ней мощи — от мощи, способной выдержать безмерную тяжесть водной толщи над головой Яна, создать и хранить пузырек света и воздуха, в котором могут существовать люди. Если эта мощь откажет, подумал Ян, они станут пленниками металлического гроба, зарытого глубоко в ил на дне океана.

— Пора определиться, — сказал пилот.

Он пробежал пальцами по переключателям, двигатели умолкли, подводная лодка мягко замедлила ход и наконец замерла. Она парила в равновесии, словно воздушный шар в небе.

Гидролокатор мигом установил, где они находятся.

— Сейчас опять включим моторы, только сперва послушаем, нет ли чего интересного, — заметил пилот, оглядев все свои приборы.

Из динамика в тишину маленькой кабины хлынул низкий ровный гул. Ян не мог различить отдельных звуков. Все они сливались в сплошной однообразный шум. Ян знал, это разом подают голос мириады морских тварей. Будто он оказался в сердце лесной чащи, где кишмя кишит жизнь, — только в лесном хоре он распознал бы хоть чьи-то голоса. А здесь в сложной звуковой ткани не ухватишь ни единой ниточки. Все чуждо, незнакомо, никогда ничего похожего не слышал... прямо волосы дыбом становятся. А ведь это все тут же, на его, Яна, родной планете...

Дикий вопль прорезал зыблущуюся толщу шума, как молния — грозовую тучу. Быстро перешел в надрывающее душу рыдание, в отчаянный, понемногу затихающий вой, и замер, а через минуту где-то дальше отозвался еще один. И следом пронзительная визгливая разноголосица, будто сорвался с цепи сам ад... пилот поспешил приглушить звук.

— Господи, это еще что? — выдохнул Ян.

— Жуть, а? Это киты, идут косяком километрах в десяти от нас. Я знал, что они где-то недалеко, подумал, может, захочешь послушать.

Яна пробрала дрожь.

— А я-то думал, в море тишина! Отчего они так орут?

— Наверно, беседуют друг с дружкой. Салливен тебе все объяснит, мне плохо верится, но, говорят, у него есть вроде как знакомые киты, он их узнает по голосу. Э, да у нас гость!

На экране появилась какая-то рыбина с громадной, немислимой пастью. Видно, и сама большущая, впрочем, Ян уже знает, о размерах по изображению судить трудно. Откуда-то из-под жабр у рыбины свисает длинный ус, на конце его — непонятное расширение, подобие колокола.

— Сейчас мы видим в инфракрасном свете, — сказал пилот. — Попробуем обычную картинку.

Рыбина исчезла бесследно. Осталась одна лишь яркая, фосфорически светящаяся висюлька. Затем вдоль туловища вспыхнули огненные точки, и странное создание мелькнуло перед глазами все целиком.

— Это морской черт, а светится у него приманка — привлекает всякую рыбешку. Фантастика, верно? Одного не пойму — отчего на эту удочку не идет большая рыба и сама его не слопает? Только не до вечера же нам ждать. Смотри, сейчас я включу двигатели, и он удерет.

Кабина опять задрожала, лодка скользнула вперед. Большая светящаяся рыбина разом вспыхнула всеми огнями, неистовым сигналом тревоги, — и, точно метеор, умчалась в непроглядную бездну.

Еще двадцать минут медленного погружения — и невидимые пальцы локатора нащупали первые приметы океанского дна. Далеко внизу под лодкой проходила гряда невысоких, на удивление мягко очерченных округлых холмов. Если когда-то были у них выступы и неровности, их давно сгладил непрерывный дождь, падающий с водных высей. Даже здесь, посреди Тихого океана, вдали от огромных устьев рек, что постепенно смывают почву материков, никогда не прекращается этот дождь. Его рождают иссеченные бурями склоны Анд, и тела миллиардов погибших существ, и пыль метеоритов, что веками скитались в космосе и наконец обрели покой. Здесь, во мраке вечной ночи, слой за слоем закладывается основа будущих материков.

Холмы остались позади. По карте Ян видел, это — пограничная стража просторной равнины, которая раскинулась на такой глубине, что ее не достигал луч локатора.

Лодка продолжала плавно спускаться. На экране понемногу вырисовывалась новая картина; глядя под непривычным углом зрения, Ян не сразу разобрал, что это такое. Потом понял — они приближаются к подводной горе, выступающей со скрытой далеко внизу равнины.

Изображение стало отчетливей: на близком расстоянии локаторы работали лучше и стало видно ясно, почти как при обычном свете. Ян различал мелкие подробности, видел, как среди скал преследуют друг друга странные рыбы. Вот из почти незаметной расщелины медленно выплыла злоеющего вида тварь с разинутой пастью. Молниеносно, неуловимо для глаза метнулось длинное щупальце и увлекло отчаянно бьющуюся рыбу навстречу гибели.

— Почти пришли, — сказал пилот. — Через минуту увидишь лабораторию.

Лодка медленно шла над скалистым отрогом, выступающим у подножия горы. Взгляду уже открывалась равнина; до океанского дна осталось каких-нибудь несколько сот метров, прикинул Ян. И увидел примерно в километре впереди скопище шаров, поставленных на треножки и соединенных между собой трубчатыми переходами. Все это с виду очень напоминало резервуары химического завода и в самом деле построено было по тому же принципу. Разница лишь та, что здесь надо было выдержать давление не изнутри, но извне.

— А это что? — ахнул Ян.

Дрожащим пальцем он показал на ближайший шар. Причудливые разводы, покрывающие шар, оказались сплетением гигантских щупалец. Лодка подошла ближе, и стало видно, что щупальца ведут к большому мясистому мешку, с которого смотрят в упор громадные глаза.

— Это, наверно, Люцифер, — невозмутимо сказал пилот. — Опять его кто-то подкармливает.

Он щелкнул переключателем и склонился над приборной доской:

— Эс-два вызывает лабораторию. Я подхожу. Может, отгоните своего любимчика?

Ему тотчас ответили:

— Лаборатория — к Эс-два. Ладно, пришвартовывайтесь. Люци сам уступит дорогу.

На экране ширилась округлая металлическая стена. Перед Яном в последний раз мелькнуло громадное, усеянное присосками щупальце и дернулось прочь от лодки. Раздался глухой удар металла о металл, потом негромкий скрежет, царапанье — это рычаги захвата нащупывали контакты на гладком яйцеобразном корпусе лодки. Через несколько минут ее притянуло вплотную к стене станции, металлические руки сомкнулись, прошли вдоль корпуса лодки и повернули огромный полый винт. Вспыхнул сигнал «давление уравнено», люки отворились — доступ в глубоководную лабораторию номер один наконец открыт.

Профессора Салливена Ян застал в тесном, не ведающем порядка помещении — оно, видимо, было сразу и кабинетом, и мастерской, и лабораторией. Салливен заглядывал через микроскоп внутрь чего-то вроде маленькой бомбы. Вероятно, в этой капсуле, под привычным для себя давлением во многие тонны на квадратный сантиметр, беззаботно плавал какой-нибудь житель океанских глубин.

— Ну-с, — промолвил Салливен, с трудом отрываясь от микроскопа, — как поживает Руперт? И чем мы можем вам служить?

— Руперт процветает, — ответил Ян. — Шлет вам привет и наилучшие пожелания и передает, что рад бы вас навестить, да только у него клаустрофобия.

— Ну тогда, конечно, ему тут было бы неудобно, ведь над нами пять километров воды. Кстати, а вас это не беспокоит?

Ян пожал плечами:

— Это же все равно как лететь на стратолайнере. Если что-то пойдет наперекос, конец и там и тут один.

— Здравая мысль, но странно, только очень немногие так рассуждают.

Салливен подкрутил что-то в микроскопе, потом испытующе глянул на Яна.

— Рад буду показать вам лабораторию, — сказал он, — но, признаться, я удивился, когда Руперт передал вашу просьбу. Человек, думаю, в мечтах витает среди звезд, откуда у него вдруг интерес к нашим делам? Может, вы ошиблись дверью? — Он необидно усмехнулся: — Признаться, никогда не понимал, чего ради всех вас тянет в небеса. Пройдут столетия, пока мы разберемся тут, в океанах, все нанесем на карты и разложим по полочкам.

Ян перевел дух. Хорошо, что Салливен начал первый, это облегчает задачу. Хоть ихтиолог и сострил насчет не той двери, между ними много общего. Не так уж трудно будет перекинуть мостик, заручиться сочувствием и помощью Салливена. Это человек с воображением, иначе он не дерзнул бы вторгнуться в подводное царство. Однако Ян знал: надо быть осторожнее, ведь просьба его прозвучит по меньшей мере необычно.

Одно придавало ему уверенности: даже если Салливен откажется помочь, он, безусловно, не выдаст тайну Яна. А здесь, в мирном кабинетике на дне Тихого океана, едва ли есть опасность, что Сверхправители, сколь ни велики их неведомые силы и возможности, сумеют подслушать этот разговор.

— Профессор Салливен, — начал Ян, — вот вы стремитесь изучать океан, а допустим, Сверхправители не дают вам даже подходить к нему, — что бы вы почувствовали?

— Уж конечно, был бы зол как черт.

— Не сомневаюсь. Но предположим, в один прекрасный день вам подвернулась возможность без их ведома добиться своего — как вы поступите? Воспользуетесь случаем?

— Конечно! — без запинки ответил Салливен. — А рассуждать буду потом.

«Клюет!» — подумал Ян. Теперь ему обратного хода нет, разве что побоится Сверхправителей. Только вряд ли этот Салливен чего-нибудь боится. Ян наклонился к нему над заваленным всякой всячиной столом и приготовился изложить свою просьбу.

Профессор Салливен был отнюдь не дурак. Ян еще и рот не успел раскрыть, а на губах Салливена заиграла насмешливая улыбка.

— Так вот что вы затеяли? — медленно произнес он. — Очень, очень любопытно! Ну-с, теперь объясните, с чего вы взяли, что я вам помогу...

ГЛАВА 12

В былые времена профессор Салливен считался бы слишком дорогой роскошью. Его исследования обходились не дешевле небольшой войны; в сущности, он был словно

генерал, ведущий нескончаемую войну с не ведающим усталости врагом. Враг профессора — океан — воевал оружием холода, мрака, а главное — давления. Профессор отвечал противнику силой разума и искусством инженера. Он одержал немало побед, но океан терпелив, он может ждать своего часа. Салливен знал: рано или поздно он допустит ошибку. Что ж, есть хотя бы одно утешение: тонуть не придется. Конец будет мгновенный.

Выслушав просьбу Яна, он не сказал сразу ни «да», ни «нет», но прекрасно знал, как в конце концов ответит. Вот случай провести интереснейший опыт. Жаль, он так и не узнает результата; но так нередко бывает в науке, он и сам начал кое-какие исследования, которые завершены будут лишь через десятки лет.

Профессор Салливен был человек мужественный и умный, но, оглядываясь на пройденный путь, понимал, что не достиг той славы, какая делает имя ученого бессмертным. И вот — совершенно неожиданный и оттого, конечно, вдвойне соблазнительный случай — по-настоящему войти в историю. В этой честолюбивой мечте он бы никому не признался — и, надо отдать ему справедливость, все равно помог бы Яну, даже если б его участие в дерзком замысле навсегда осталось тайной.

А Ян все обдумывал и передумывал заново. До сих пор его словно подхватило и несло на гребне того первого открытия. Он узнавал, проверял, но ничего не делал для того, чтобы мечта его сбылась. Однако еще несколько дней — и надо будет выбирать. Если профессор Салливен согласится, отступить невозможно. Надо идти навстречу будущему, которое сам выбрал, и всему, чем оно чревато.

Окончательно решиться его заставила мысль, что, если упустить этот единственный, сказочный случай, он потом себе вовек не простит. А до самой смерти терзаться напрасными сожалениями — что может быть хуже?

Ответ Салливена он получил через несколько часов и понял, что жребий брошен. Не торопясь — времени в запасе достаточно, — он начал приводить свои дела в порядок.

Милая Майя, это письмо тебя, как бы сказать помягче, несколько удивит. Когда ты его получишь, меня уже не будет на Земле. Это не значит, что я, как многие,

отправляюсь на Луну. Нет, я буду на пути к планете Сверхправителей. Первым из людей я покину нашу Солнечную систему.

Письмо я отдаю другу, который мне помогает; он не вручит его тебе, пока не убедится, что план мой — по крайней мере поначалу — удался и Сверхправителям уже поздно мне помешать. Я в это время буду лететь так далеко и с такой скоростью, что вряд ли эта весть меня догонит. А если и догонит, мало вероятно, чтобы корабль из-за меня повернул обратно к Земле. И вообще на их взгляд едва ли я того стою.

Первым делом дай объясню, откуда все пошло. Ты знаешь, меня всегда интересовали космические перелеты и всегда обидно было, что нам нельзя ни побывать на других планетах, ни узнать хоть что-то о цивилизации Сверхправителей. Не заявись они к нам, теперь мы бы уже, пожалуй, достигли Марса и Венеры. Правда, столь же возможно, что мы бы уже сами себя истребили кобальтовыми бомбами и прочими смертоносными изобретениями двадцатого века. А все-таки порой я жалею, что нам не дали самим попытаться счастья.

Наверно, у Сверхправителей есть причины быть при нас няньками, и, наверно, очень веские причины. Но даже знай я их, едва ли я чувствовал бы — и поступал — иначе.

Все началось с того вечера у Руперта. (Кстати, он этого не знает, хотя он-то и навел меня на след.) Помнишь, он тогда устроил дурацкий спиритический сеанс и под конец та девушка, забыл, как ее звали, упала в обморок? Я спросил, от какой звезды явились Сверхправители, и ответ был «НГС 549672». Никакого ответа я не ждал и до той минуты считал, что все это пустая забава. А тут понял, что это номер из звездного каталога, и решил в него заглянуть. И оказалось, это звезда в созвездии Карина, а как ни мало мы знаем о Сверхправителях, известно, что прилетели они именно с той стороны.

Не стану притворяться, будто понимаю, каким образом до нас дошло это сообщение и откуда оно взялось. Может, кто-нибудь прочел мысли Рашеварака?

Если бы и так, едва ли он знает, как обозначено их солнце в нашем земном каталоге. Все это загадочно и непонятно, пускай секрет раскроют люди вроде

Руперта — если сумеют! С меня хватит и того, что я получил такие сведения — и действую.

Мы наблюдали, как уходят в полет корабли Сверхправителей, и уже многое знаем об их скорости. Они покидают Солнечную систему с громадным ускорением и меньше чем через час достигают почти скорости света. А это значит, что они располагают такой системой движителей, которая действует равномерно на любой атом в корабле, иначе все живое на борту мигом расплющило бы в лепешку. Любопытно, чего ради они прибегают к таким чудовищным ускорениям, ведь в космосе они как рыба в воде и времени у них вдоволь, могли бы набирать скорость без всякой спешки. У меня есть на этот счет своя теория: думаю, они каким-то способом черпают энергию из полей, окружающих звезды, а потому должны стартовать и останавливаться очень близко от какого-нибудь солнца. Но это так, между прочим.

Важно то, что теперь я знаю, какое им надо пройти расстояние, а значит — сколько на это нужно времени. От Земли до звезды НГС 549672 сорок световых лет. Корабли Сверхправителей летят со скоростью больше девяноста девяти процентов световой, значит, перелет должен длиться сорок наших лет. Сорок наших земных лет, вот в чем вся соль.

Может быть, ты слышала — когда приближаешься к скорости света, начинаются разные странности. Само время течет по-иному, оно замедляет ход, и если на Земле пройдет месяц, то на корабле Сверхправителей только день. Отсюда важнейшее следствие, оно открыто великим Эйнштейном больше ста лет тому назад.

Пользуясь твердо установленными выводами теории относительности, я проделал кое-какие расчеты, основанные на том, что нам известно о звездных перелетах. Для пассажиров корабля Сверхправителей полет до их звезды длится не больше двух месяцев, хотя на Земле за это время пройдет сорок лет. Я знаю, в такое трудно поверить, разве только утешаться мыслью, что, с тех пор как Эйнштейн объявил об этом парадоксе, над его загадкой бьются лучшие умы человечества.

Вот пример, на котором, думаю, ты легче поймешь, что из этого получается, и ясней себе это представишь

Если Сверхправители тотчас же отошлют меня обратно на Землю, я вернусь, став старше только на четыре месяца. А на Земле пройдет уже восемьдесят лет. Так что, Майя, как бы дальше все ни сложилось, я с тобой прощаюсь навсегда...

Ты ведь знаешь, меня мало что привязывает к Земле, и я ее оставляю с чистой совестью. Маме я ничего не говорил, она бы закатила истерику, перед этим я, признаться, струсил. Так будет лучше. Хотя с тех пор как умер отец, я пытался многое оправдать... ох, что толку опять ворошить прошлое!

Я покончил с учением и сказал университетскому начальству, что по семейным обстоятельствам уезжаю в Европу. Все мои дела улажены, тебе совсем ни о чем не придется беспокоиться.

Ты, пожалуй, уже вообразила, что я рехнулся, ведь, казалось бы, никому вовек не забраться в корабль Сверхправителей. Но я нашел способ. Такое не часто случается, и другого случая не будет: уж наверно, если Кареллен в кои веки ошибается, так не повторит ошибку. Помнишь легенду о деревянном коне, который провез греческих воинов в Трои? В Ветхом завете есть одна история, там сходства еще больше...

— Вам будет гораздо удобнее, чем Ионе, — сказал Салливен. — Нигде не сказано, что к его услугам были электрическое освещение, водопровод и канализация. Но вам понадобится много еды, и, я вижу, вы запаслись кислородом. Можете вы взять столько, чтобы хватило на два месяца в таком тесном помещении?

И он ткнул пальцем в аккуратные чертежи, разложенные Яном на столе. С одного конца бумагу вместо пресс-папье придавил микроскоп, с другого — череп какой-то невероятной рыбыны.

— Надеюсь, кислород не так уж необходим, — сказал Ян. — Мы знаем, они способны дышать нашим воздухом, хотя, похоже, он им не очень приятен, а их атмосфера для меня, может быть, и совсем не годится. А задача насчет запасов решается при помощи наркосамина. Средство верное и совершенно безопасное. Сразу после старта делаю себе укол и проваливаюсь в сон на полтора месяца плюс-минус несколько

дней. К тому времени мы почти уже на месте. Право, меня больше тревожит не еда и не кислород, а скука.

Профессор Салливен задумчиво кивнул:

— Да, наркосамин надежен и можно точно рассчитать дозу. Но смотрите, у вас под рукой должно быть вдоволь еды — вы проснетесь голодный как волк и слабый, как новорожденный котенок. Вдруг вы помрете с голоду, оттого что у вас не хватит силенок открыть консервы?

— Это я обдумал, — немного обиделся Ян. — Налягу на сахар и шоколад, так всегда делается.

— Отлично. Рад видеть, что вы все предусмотрели и не воображаете, будто, если игра окажется вам не по вкусу, можно будет бросить ее посередине. Вы ставите на карту не чью-нибудь, а свою жизнь, но не хотел бы я думать, что помогаю вам покончить самоубийством.

Он взял со стола рыбий череп, рассеянно взвесил в ладонях. Ян схватился за край плана, не давая бумаге свернуться в трубку.

— По счастью, — продолжал Салливен, — все детали нужного вам снаряжения стандартные, собрать и оборудовать что надо в нашей мастерской можно за считанные недели. А если вы передумаете...

— Не передумаяю, — сказал Ян.

...Я тщательно рассчитал, какие могу встретить опасности, и, пожалуй, в плане моем нет изъянов. Через полтора месяца я объявлюсь как обыкновенный безбилетник — пускай наказывают за то, что ехал зайцем. Тогда — по корабельному времени, не забудь, — путешествие почти уже закончится. Останется сесть на планету Сверхправителей.

Конечно, что будет дальше, зависит от них. Вероятно, на следующем же корабле меня отошлют домой... но, надо полагать, я хоть что-нибудь да увижу! Беру с собой четырехмиллиметровую камеру и тысячи метров пленки; если уж я ее не использую, так не по своей вине. Ну а в самом худшем случае все-таки докажу, что нельзя вечно держать людей взаперти. Подам пример, который вынудит Кареллена что-то предпринять.

Вот и все, что я хотел сказать, милая Майя. Знаю, ты не станешь слишком обо мне скучать: будем чест-

ны и откровенны, нас никогда не соединяли прочные узы, а теперь ты замужем за Рупертом и вполне счастлива будешь в своем отдельном мире. По крайней мере я на это надеюсь.

Итак, прощай, всего наилучшего. Предвкушаю встречу с твоими внуками — пожалуйста, позаботься, чтобы они обо мне знали, ладно?

Твой любящий брат Ян

ГЛАВА 13

Сперва у Яна просто не укладывалось в сознании, что здесь собирают не фюзеляж небольшого воздушного лайнера: перед ним был металлический скелет двадцати метров в длину, идеально обтекаемой формы, окруженный легкими фермами лесов, по которым карабкались рабочие с инструментами.

— Да, — сказал Салливен на вопрос Яна, — мы пользуемся стандартной авиационной техникой, и люди эти в большинстве авиастроители. Такая громадина — и вдруг живая, трудно поверить, правда? И даже способна выскочить из воды, я не раз видел такие прыжки.

Все это прелестно, но Яна занимает другое. Он внимательно оглядывает громадный скелет, отыскивая подходящее укрытие для своей кельи, — Салливен ее окрестил «гроб с кондиционированным воздухом». Сразу же ясно: об одном можно не беспокоиться, места хватит. Тут разместилась бы добрая дюжина «зайцев».

— Похоже, каркас почти закончен, — сказал Ян. — А когда вы будете обтягивать его шкурой? Кита уже, наверно, изловили, раз вам известны размеры скелета?

Салливена это замечание явно позабавило.

— Мы вовсе не собирались ловить кита. Да у них и нет шкуры в обычном смысле слова. Едва ли удалось бы обернуть этот каркас пленкой вроде рыбьего пузыря, но толщиной в двадцать сантиметров. Нет, мы эту штуку заменим пластмассой и аккуратненько раскрасим. Когда закончим, никто не сможет распознать подделку.

В таком случае, подумал Ян, куда разумней было бы Сверхправителям сделать фотоснимки, а экспонаты в нату-

ральную величину мастерить самим на своей планете. Но, может быть, их грузовые корабли возвращаются домой порожняком и пустячок вроде двадцатиметрового спермацетового кита для них все равно что ничего. Когда располагаешь такими силами и возможностями, стоит ли экономить по мелочам....

Профессор Салливен стоял подле одной из огромных статуй, которые оставались головоломной загадкой для археологов с тех самых пор, как открыли остров Пасхи. Каменный король, бог или кто он там был, словно следил незрячими глазами за взглядом Салливена, когда тот осматривал свое творение. Салливен по праву гордился плодом своего труда; какая жалость, что его детище вскоре станет навсегда недоступно человеческому взору.

Могло показаться, будто некий безумный скульптор воплотил видение, которое примерещилось ему в пьяном бреду. И однако это было точное отражение жизни, а скульптор — сама природа. Пока не появились усовершенствованные подводные телевизоры, редким людям случалось видеть подобное, да и то лишь в краткие миги, когда великаны в пылу схватки вырывались на поверхность. Борьба разыгрывалась в нескончаемой ночи океанских глубин, где спермацетовые киты охотились за кормом. А корм решительно не желал быть съеденным заживо...

Громадная пасть кита с нижней челюстью, зубастой, как пила, широко распахнулась, готовая сомкнуться на теле жертвы. Голову почти не различить под сетью белых мясистых извивающихся щупалец — исполинский спрут отчаянно борется за свою жизнь. Там, где щупальца попадали на шкуру, ее пятнают мертвенно-бледные следы присосков двадцати сантиметров в поперечнике, если не больше. От одного щупальца уже остался только обрубок — и нетрудно предвидеть исход боя. В битве между двумя самыми большими тварями на Земле победитель всегда — кит. Сколь ни мощен лес щупалец, у спрута одна надежда — спастись бегством, прежде чем неумоимо работающая челюсть распилит его на куски. Огромные, полуметр в поперечнике, ничего не выражающие глаза спрута в упор уставились на палача, хотя скорее всего во тьме океанской пучины противники и не могут видеть друг друга.

Композицию эту, длиной больше тридцати метров, окружает клетка из легких алюминиевых ферм, оплетенная канатами, остается лишь подхватить ее подъемным краном. Все готово, все к услугам Сверхправителей. Салливен надеялся, что они не замешкаются, ожидание становилось томительным.

Кто-то вышел из кабинета под яркое солнце, видно, ищет его. Салливен издали узнал своего старшего помощника и пошел ему навстречу:

— Я здесь, Билл. Что случилось?

Тот, явно довольный, протянул листок радиограммы:

— Приятная новость, профессор. Нам оказывают высокую честь! Прибывает Попечитель, хочет самолично осмотреть наш экспонат перед отправкой. Представляете, какая о нас пойдет слава! Это нам очень пригодится, когда будем просить о новых ассигнованиях. Признаюсь, я давно надеялся на что-нибудь в этом духе.

Профессор Салливен проглотил застрявший в горле ком. Он всегда был не против славы, но на сей раз она может оказаться излишней.

Кареллен остановился у головы кита, посмотрел вверх, на громадное тупое рыло, на усеянную желтоватыми зубами челюсть. Что-то он сейчас думает, стараясь казаться спокойным, спрашивал себя Салливен. Держится естественно, ни признаков подозрительности, и приезд его можно объяснить очень просто. Но хоть бы он поскорей убрался восвояси!

— На нашей планете нет таких больших животных, — сказал Кареллен. — Это одна из причин, почему мы просили вас сделать такую композицию. Моим... э-э... соотечественникам она очень понравится.

— Я полагал, при том, что сила тяжести у вас невелика, там могут водиться очень большие звери. Ведь сами вы гораздо больше нас!

— Да, но у нас нет океанов. А когда речь о размерах, суше с морем не сравниться.

«Совершенно верно, — подумал Салливен. — И, по-моему, это новость, никто не знал, что на их планете нет морей. Яну, черт его дери, будет очень интересно».

А Ян в эти минуты сидел в хижине за километр отсюда и в бинокль с тревогой следил за инспекторским обходом.

И твердил себе, что бояться нечего. Даже при самом тщательном осмотре кит свой секрет не выдаст. Но вдруг Кареллен все-таки что-то заподозрил и теперь играет с ними, как кошка с мышкой?

И Салливена одолевало то же подозрение, потому что Кареллен как раз заглянул в разинутую пасть.

— В вашей Библии, — сказал он, — есть замечательный рассказ об иудейском пророке, некоем Ионе: его сбросили с корабля, но в море его проглотил кит и целым и невредимым вынес на берег. Как по-вашему, не могло быть источником этой легенды подлинное происшествие?

— Я полагаю, — осторожно отвечал Салливен, — это единственный письменно удостоверенный случай, когда китолов был проглочен и вновь извергнут без дурных для него последствий. Разумеется, если бы он пробыл внутри кита больше нескольких секунд, он бы задохнулся. И ему необычайно повезло, что он не угодил под зубы. История почти невероятная, но не скажу, что уж совсем невозможная.

— Очень любопытно, — заметил Кареллен.

Еще минуту он смотрел на громадную челюсть, потом пошел дальше и начал разглядывать спрута. Салливен невольно вздохнул с облегчением — оставалось надеяться, что Кареллен не услышал.

— Знай я, какое это будет испытание, — сказал профессор Салливен, — я вышвырнул бы вас за дверь, как только вы попробовали заразить меня своим помешательством.

— Прошу извинить, — отозвался Ян. — Но все обошлось.

— Надеюсь. Что ж, счастливо. Если захотите на попятный, у вас есть еще по крайней мере шесть часов на размышление.

— Мне они ни к чему. Теперь один Кареллен может меня остановить. Большое вам спасибо за все. Если я когда-нибудь вернусь и напишу книгу о Сверхправителях, я посвящу ее вам.

— Много мне от этого будет радости, — пробурчал Салливен. — Я давно уже стану покойником.

Он был удивлен и даже немного испуган: никогда не отличался чувствительностью, а тут оказалось — ему это прощание отнюдь не безразлично. За те недели, пока они вдвоем готовили заговор, он привязался к Яну. А теперь

страшно — быть может, он стал пособником усложненного самоубийства.

Он придерживал лестницу. Ян взобрался по ней и, осторожно минуя ряды зубов, перелез на громадную челюсть. При свете электрического фонарика видно было — он обернулся, помахал рукой и скрылся в пасти, как в глубокой пещере. Щелчок, потом другой: открылся и снова закрылся воздушный шлюз — и наступила тишина.

Под луной, чей свет обратил навек застывшую битву в обрывок страшного сна, профессор Салливен медленно побрел к себе. «Что же я сделал, — думал он, — и к чему это приведет?» Ему-то, разумеется, этого не узнать. Быть может, Ян опять пройдет здесь, потратив на дорогу к планете Сверхправителей и возвращение на Землю всего лишь несколько месяцев жизни. Но если он и вернется, их разделит неодолимая преграда — Время, ибо это будет через восемьдесят лет.

Как только Ян закрыл внутреннюю дверь воздушного шлюза, в маленьком металлическом цилиндре вспыхнул свет. Не мешкая ни секунды, чтобы не напали сомнения, Ян тотчас принялся за обычную, продуманную заранее проверку. Еда и прочие припасы погружены еще несколько дней назад. Но проверить лишний раз полезно для душевного равновесия, убеждаешься: все как надо, ничего не упущено.

Час спустя он в этом удостоверился. Откинулся на поролоновом матрасе и заново перебрал в памяти свой план. Слышалось только слабое жужжание электронных часов-календаря — они предупредят его, когда путешествие подойдет к концу.

Он знал: в этой келье он ничего не ощутит, — какими чудовищными силами ни движим корабль Сверхправителей, они наверняка безукоризненно уравниваются. Салливен это проверил, указав, что изготовленный им экспонат рухнет, если сила тяжести превысит два-три *g*. И «заказчики» заверили его, что на этот счет опасаться нечего.

Однако предстоит значительный перепад атмосферного давления.

Это неважно, ведь полые чучела могут «дышать» несколькими отверстиями. Перед выходом из кабины Яну придется выравнивать давление, и скорее всего дышать атмосферой внутри корабля он не сможет. Не беда, достаточно обычного

противогаза да баллона с кислородом, ничего более сложного не потребуется. А если воздух окажется пригодным для дыхания, тем лучше.

Медлить больше незачем, только лишняя трепка нервов. Ян достал небольшой шприц, уже наполненный тщательно приготовленным раствором. Наркосамин открыли когда-то, изучая зимнюю спячку животных; оказалось неверным, как думали прежде, что в эту пору жизнедеятельность приостанавливается. Просто все процессы в организме неизмеримо замедленны, но обмен веществ, крайне ослабленный, все равно продолжается. Как будто костер жизни спрятан в глубокой яме, укрыт валежником, и жар только тлеет, запасенный впрок. А через какие-то недели или месяцы действие лекарства кончается, огонь вспыхивает сызнова и спящий оживает. Наркосамин вполне надежен. Природа им пользовалась миллионы лет, оберегая многих своих детей от голодной зимы.

И Ян уснул. Он не почувствовал, как натянулись канаты и огромную металлическую клетку подняли в трюм грузовика Сверхправителей. Не слышал, как закрылись люки, чтобы открыться вновь только через триста триллионов километров. Не услышал, как вдалеке, приглушенный толщею мощных стен, раздался протестующий вопль земной атмосферы, когда корабль прорывался сквозь нее, возвращаясь в родную стихию.

И не почувствовал межзвездного полета.

ГЛАВА 14

На еженедельных пресс-конференциях зал всегда был полон, но сегодня народу набилось битком, в такой тесноте репортеры насилу ухитрились записывать. В сотый раз они ворчали и жаловались друг другу на Кареллена — у него отсталые вкусы и никакого уважения к прессе! В любое другое место на свете они явились бы с телекамерами, магнитофонами и прочими орудиями своего отлично механизированного ремесла. А тут изволь полагаться на такую древность, как бумага, карандаш — и, подумать только, на стенографию!

Конечно, раньше кое-кто пытался контрабандой протащить в зал магнитофон. Этим немногим смельчакам удалось вынести запретное орудие обратно, но, заглянув в дымящееся нутро аппарата, они тотчас поняли: попытки тщетны. И всем тогда стало ясно, почему им всегда предлагали в их же собственных интересах оставлять часы и прочие металлические предметы за пределами зала...

И, что еще несправедливей и обиднее, сам-то Кареллен записывал пресс-конференцию с начала и до конца. Журналистов, виновных в небрежности или в прямом извращении сказанного (такое, правда, случалось очень редко), вызывали для краткой малоприятной встречи с подчиненными Кареллена и предлагали им внимательно прослушать запись того, что на самом деле сказал Попечитель. Урок был не из тех, какие приходится повторять.

Поразительно, как быстро разносятся слухи. Заранее ничего не объявляется, но каждый раз, когда Кареллен хочет сообщить что-то важное, — а это бывает раза два-три в год — в зале яблоку упасть некуда.

Высокие двери распахнулись, и приглушенный ропот мгновенно утих: на эстраду вышел Кареллен. Освещение здесь было тусклое — несомненно, так слабо светило неведомое далекое солнце Сверхправителей — и Попечитель Земли сейчас был без темных очков, в которых обычно появлялся под открытым небом.

Он отозвался на нестройный хор приветствий официальным «Доброе утро всем» и повернулся к высокой, почтенного вида особе, стоявшей впереди. Мистер Голд, старейшина газетного цеха, своим видом вполне мог бы вдохновить знаменитого дворецкого, героя знаменитых старинных романов, доложить хозяину: «Три газетчика, милорд, и джентльмен из «Таймса»». Одеждой и всеми повадками он напоминал дипломата старой школы: всякий без колебаний доверялся ему — и никому потом не приходилось об этом жалеть.

— Сегодня полно народу, мистер Голд. Должно быть, вам не хватает материала.

Джентльмен из «Таймса» улыбнулся, откашлялся:

— Надеюсь, вы восполните этот пробел, господин Попечитель.

И замер, не сводя глаз с Кареллена, пока тот обдумывал ответ. До чего обидно, что лица Сверхправителей — застывшие

маски и не выдают никаких чувств. Большие, широко раскрытые глаза (зрачки даже при этом слабом свете сузились и едва заметны) непроницаемым взглядом в упор встречают откровенно любопытный взгляд человека. На щеках — если эти точно из гранита высеченные рифленные изгибы можно назвать щеками — по дыхательной щели, из щелей с еле слышным свистом выходит воздух: это предполагаемые легкие Кареллена трудно работают в непривычно разреженной земной атмосфере. Голд разглядел бахрому белых волосков, колеблющихся то внутрь, то наружу в перемежающемся ритме двухтактного быстрого Карелленова дыхания. Предполагалось, что они как фильтры предохраняют от пыли, и на этой шаткой основе строились сложные теории об атмосфере планеты Сверхправителей.

— Да, у меня есть для вас кое-какие новости. Как вам, без сомнения, известно, один из моих грузовых кораблей недавно отправился отсюда на базу. Сейчас мы обнаружили, что на борту имеется «заяц».

Сотня карандашей замерла в воздухе; сто пар глаз вперились в Кареллена.

— Вы сказали «заяц», господин Попечитель? — переспросил Голд. — Нельзя ли узнать, кто он такой? И как попал на корабль?

— Его зовут Ян Родрикс, он учился в Кейптаунском университете, студент механико-математического факультета. Прочие подробности вы, несомненно, узнаете сами из ваших надежных источников.

Кареллен улыбнулся. Странная это была улыбка. Она выражалась больше в глазах, жесткий безгубый рот почти не дрогнул. «Может быть, Попечитель с неизменным своим искусством и этот обычай перенял у людей?» — подумалось Голду. Ибо впечатление такое, что Кареллен и вправду улыбается, и воспринимаешь это именно как улыбку.

— Ну а каким образом он улетел с Земли, не столь важно, — продолжал Попечитель. — Могу заверить вас и любого охотника до космических полетов, что повторить это никому не удастся.

— Но что будет с этим молодым человеком? — настаивал Голд. — Вернут ли его на Землю?

— Это зависит не от меня, но, думаю, он вернется со следующим рейсом. Там, куда он отправился, ему будет

неуютно, слишком... э-э... чуждая обстановка. И с этим связано главное, из-за чего я сегодня устроил нашу встречу.

Кареллен чуть помолчал, и в зале затаили дыхание.

— Кое-кто из более молодых и романтически настроенных жителей вашей планеты иногда высказывал недовольство тем, что вам не разрешено выходить в космос. У нас были на то причины, мы ничего не запрещаем ради собственного удовольствия. Но задумались ли вы хоть раз — извините за не совсем лестное сравнение, — как бы почувствовал себя человек из вашего каменного века, если бы вдруг очутился в современном большом городе?

— Но это ведь совершенно разные вещи! — запротестовал корреспондент «Гералд трибюн». — Мы привыкли к Науке, Науке с большой буквы. Без сомнения, в вашем мире нам многого не понять, но мы не вообразим, будто это колдовство.

— Вы уверены? — очень тихо, чуть слышно спросил Кареллен. — Только столетие лежит между веком пара и веком электричества, но что понял бы инженер викторианской эпохи в телевизоре или в электронной вычислительной машине? Долго бы он прожил, если бы попробовал разобраться в этой механике? Пропасть, разделяющая два вида технологии, может стать чересчур огромна... и смертельна.

(— Эге, — шепнул корреспондент агентства Рейтер представителю Би-би-си, — нам повезло. Сейчас он сделает важное политическое заявление. Узнаю приметы.)

— Есть и еще причины, по которым мы удерживаем человечество на Земле. Смотрите.

Свет медленно померк. И посреди зала возникло бледное сияние. И сгустилось в звездный водоворот — спиральную туманность, видимую откуда-то со стороны, словно наблюдатель находился очень далеко от самого крайнего из составляющих ее солнц.

— Ни один человек никогда еще этого не видел, — раздался в темноте голос Кареллена. — Вы смотрите на свою Вселенную, галактический островок, куда входит и ваше Солнце, с расстояния в полмиллиона световых лет.

Долгое молчание. Опять заговорил Кареллен, и теперь в голосе его звучало нечто новое — не то чтобы настоящая жалость и не совсем презрение.

— Ваше племя проявило редкую неспособность справляться с задачами, возникающими на собственной небольшой планете. Когда мы прибыли сюда, вы готовы были истребить сами себя при помощи сил, которые опрометчиво вручила вам наука. Не вмешайся мы, сегодня Земля была бы радиоактивной пустыней.

Теперь у вас тут мир, человечество едино. Вскоре вы достигнете такого уровня развития, что сумеете управлять своей планетой без нашей помощи. Быть может, в конце концов станете даже справляться со всей Солнечной системой — примерно на пятидесяти лунах и планетах. Но неужели вы воображаете, что вам будет когда-нибудь под силу вот это?

Звездная туманность ширилась. Звезды неслись мимо, вспыхивали, пропадали с глаз мгновенно, точно искры в кузнице. И каждая мимолетная искра была солнцем, вокруг которого обращалось Бог весть сколько миров...

— В одной только нашей Галактике восемьдесят тысяч миллионов звезд, — негромко продолжал Кареллен. — И эта цифра дает лишь слабое понятие о необъятности космоса. Выйдя в космос, вы были бы как муравьи, которые пытаются перебрать и обозначить ярлыком каждую песчинку во всех пустынях вашей планеты.

Вы, человечество, на нынешнем уровне вашего развития просто не выдержите такого столкновения. Одной из моих обязанностей с самого начала было оберегать вас от могучих сил, властвующих среди звезд, — от сил, недоступных самому пылкому вашему воображению.

Взвихренные огневые туманы Галактики померкли; в просторном зале снова зажегся свет, настала гробовая тишина.

Кареллен повернулся, готовый уйти, — пресс-конференция кончилась. У дверей он помедлил, оглянулся на безмолвную толпу журналистов:

— Это горькая мысль, но вы должны с ней примириться. Планетами вы, возможно, когда-нибудь овладеете. Но звезды — не для человека.

«ЗВЕЗДЫ НЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА». Да, конечно же, им обидно, что небесные врата захлопнулись у них перед носом. Но пусть научатся смотреть правде в глаза — хотя бы той доле правды, которую, шадя их, можно им открыть.

Из пустынных высей стратосферы Кареллен смотрел на планету и ее жителей, вверенных его попечению, — обязанность нерадостная. Он думал о том, что еще предстоит, о том, чем станет этот мир всего лишь через двенадцать лет.

Никогда они не узнают, как им повезло. Немалый срок, отпущенный людям от колыбели до могилы, человечество было счастливей, чем любое другое разумное племя. То был Золотой век. Но ведь золото еще и цвет заката, цвет осени... и слух одного лишь Кареллена улавливал первые стенания надвигающихся зимних вьюг.

И один лишь Кареллен знал, с какой страшной быстротой Золотой век близится к неотвратимому концу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

ГЛАВА 15

— Нет, ты только посмотри! — взорвался Джордж Грегсон и швырнул газету через стол. Джин не успела ее перехватить, и газетный лист распластался на завтраке. Джин терпеливо счистила с бумаги варенье и прочитала столь возмутительный абзац, сияясь изобразить на лице неодобрение. Ей это плохо удавалось, слишком часто она бывала согласна с критиками. Обычно она умалчивала о своих еретических взглядах — и не только ради мира и спокойствия в доме. Джордж охотно принимает от нее (и от кого угодно) похвалы, но осмелся она хоть в чем-то упрекнуть его работу, и придется выслушать убийственный разнос: она полнейшая невежда и ничего не смыслит в искусстве!

Джин дважды перечитала рецензию и сдалась. Рецензент как будто вполне доброжелателен, так она и сказала Джорджу:

— Видно, спектакль ему понравился. Чем ты, собственно, недоволен?

— Вот чем, — огрызнулся Джордж и ткнул пальцем в середину столбца. — Перечитай-ка еще раз.

— «Особенно радовали глаз нежно-зеленые пастельные тона задника в балетной сцене». Ну и что?

— Никакой он не зеленый! Я сколько времени потратил, пока добился этого голубого оттенка! А что получилось? То ли какой-то болван-осветитель перепутал цветовую настройку, то ли у этого осла-рецензента телевизор — дальтоник. Слушай, а у нас на экране какого цвета был фон?

— Э-э... не помню, — призналась Джин. — Тогда как раз запищала Пулса и мне пришлось пойти посмотреть, что с ней.

— А, — только и уронил Джордж. Ясно было, втихомолку он все еще кипит, того и гляди опять взорвется. Так оно и случилось, но взрыв оказался довольно безобидным. — Я нашел новое определение для телевизора, — пробормотал Джордж. — Это аппарат, который мешает взаимопониманию художника и зрителя.

— Ну и что ты будешь с этим делать? — спросила Джин. — Вернешься к обычному театру?

— А почему бы и нет? Именно об этом я и думаю. Помнишь, какое письмо я получил из Новых Афин? Так вот, они опять мне написали. И на этот раз я хочу ответить.

— Вот как? — Джин немножко встревожилась. — Помоему, они там все чокнутые.

— Ну, выяснить это можно только одним способом. В ближайшие две недели съезжу и посмотрю, что там за народ. Имей в виду, то, что они печатают в стихах и в прозе, никаким помешательством не пахнет. И там есть несколько человек по-настоящему талантливых.

— Если ты воображаешь, что я стану стряпать на костре и одеваться в звериные шкуры, ты сильно...

— Не говори глупостей! Все это басни. В Колонии есть все необходимое, чтобы жить по-человечески. Просто они отказались от излишней роскоши. И потом, я уже года два не бывал на Тихом океане. Чем плохо съездить туда вдвоем?

— Это пожалуйста, — сказала Джин. — Но я не согласна, чтобы наш сын и Пупса росли дикими полинезийцами.

— Дикими они не вырастут, — сказал Джордж. — Это я тебе обещаю.

И он был прав, хотя и не в том смысле, как думал.

— Как вы видели при полете, наша Колония расположена на двух островах, их соединяет дамба, — сказал малорослый человечек с другого конца веранды. — Этот — Афины, а второй остров мы окрестили Спартой. Он довольно дикий, скалистый, отличное место для спорта и тренировки. — Он мельком глянул на брюшко гостя, и Джордж смущенно поежился в плетеном кресле. — Кстати, Спарта — это потухший вулкан. По крайней мере геологи уверяют, что он потух, ха-ха!

Но вернемся к Афинам. Как вы догадываетесь, Колония была задумана, чтобы создать независимый прочный очаг

культуры, сохраняющий традиции искусства. Надо сказать, прежде чем взяться за это дело, мы провели серьезные исследования. По сути, у нас тут образчик построения общества, основанного на весьма сложных математических расчетах, не стану притворяться, будто я в них разбираюсь. Знаю только, что математики-социологи в точности вычислили, как велико должно быть население Колонии, сколько в ней должно быть людей разного склада, а главное, на каких законах она должна строиться, чтобы оставаться долговременной и устойчивой.

Нами управляет Совет из восьми директоров, они представляют Производство, Энергетику, Общественное устройство, Искусство, Экономику, Науку, Спорт и Философию. Постоянного президента или председателя у нас нет. Эти обязанности несет по очереди каждый из директоров в течение года.

Сейчас в Колонии чуть больше пятидесяти тысяч человек, совсем немного недостает до идеальной численности. Вот почему мы присматриваем новых добровольцев. И, понятно, есть кое-какие пробелы: нам не хватает некоторых талантливых специалистов.

Здесь, на острове, мы пытаемся сохранить независимость человечества хотя бы в искусстве. Мы не питаем вражды к Сверхправителям, мы просто хотим, чтобы нас предоставили самим себе. Когда Сверхправители уничтожили старые государства и тот образ жизни, к которому люди привыкли за всю свою историю, вместе с плохим уничтожено было и немало хорошего. Наша жизнь стала безмятежной, но притом безликой, пресной, наша культура мертва: за все время при Сверхправителях не создано ничего нового. И очень ясно почему. Не к чему больше стремиться, нечего добиваться, и слишком много стало всяческих развлечений. Ведь каждый день радио и телевидение по разным каналам выдают программы общей сложностью на пятьсот часов — вы об этом задумывались? Если вовсе не спать и ничем другим не заниматься, все равно уследишь едва ли за двадцатой долей всего, чем можно развлечься, стоит только щелкнуть переключателем! Вот человек и становится какой-то губкой — все поглощает, но ничего не создает. Известно ли вам, что сейчас в среднем каждый просиживает перед экраном по три часа в день? Скоро люди вовсе перестанут

жить своей жизнью. Будут тратить полный рабочий день, лишь бы не прозевать многосерийную историю какого-нибудь выдуманного семейства!

Здесь, в Афинах, на развлечения тратится не больше времени, чем следует. Больше того, это не записи и не пленки, выступают живые артисты. В общине таких размеров спектакли и концерты всегда проходят при почти полном зале, а это так важно для исполнителей и художников. Кстати, у нас превосходный симфонический оркестр, вероятно, один из шести лучших во всем мире.

Но я совсем не хочу, чтобы вы верили мне на слово. Обычно те, кто хочет вступить в Колонию, сначала гостят у нас несколько дней, присматриваются. И если почувствуют, что хотели бы к нам присоединиться, мы им предлагаем ряд психологических тестов, это, в сущности, главная линия нашей обороны. Примерно треть желающих мы отвергаем, обычно по причинам, которые не бросают на них ни малейшей тени и не имеют никакого значения вне Колонии. Те же, кто выдержал испытание, уезжают домой, чтобы уладить все свои дела, а потом возвращаются к нам. Бывает, и не возвращаются, передумывают, но это большая редкость, и почти всегда их удерживают какие-нибудь личные обстоятельства, от них не зависящие. Наши тесты сейчас безошибочны: их неизменно выдерживают люди, которые по-настоящему хотят быть с нами.

— А если кто-нибудь у вас поселится, а потом вдруг передумает? — с тревогой спросила Джин.

— Тогда можно уехать. Никто не помешает. Так бывало раза два.

Наступило долгое молчание. Джин посмотрела на Джорджа, он задумчиво поглаживал бакенбарды — новейшая мода среди людей искусства. Что ж, пока отступление не отрезано, ей незачем чересчур беспокоиться. Похоже, эта Колония — занятое место, и уж конечно, не такая это сумасбродная затея, как она опасалась. А детям тут наверняка понравится. В конце концов, только это и важно.

Через полтора месяца они переехали в Колонию. Одноэтажный дом невелик, но для семьи из четырех человек, где пятого заводить не собираются, места вполне достаточно. А вот и все приборы, облегчающие стирку, уборку и

прочее, — по крайней мере, как признала Джин, возврат к средневековому рабству домашней хозяйки ей не грозит. Впрочем, ее несколько беспокоило открытие, что тут есть кухня. Обычно в местах, где живет столько народу, работает Линия доставки — набираешь номер Центральной и через пять минут получаешь какое угодно блюдо. Независимость — это прекрасно, со страхом подумала Джин, но тут, кажется, хватило через край. Уж не предстоит ли ей самой не только стряпать, но и одевать всю семью? Однако до этого все-таки не дошло: между автоматической мойкой и радарной плитой пралки не оказалось...

Всюду, кроме кухни, в доме, понятно, было очень голо и пусто. Они здесь поселились первыми, и не сразу эта аптечной чистоты новизна обратится в теплое человеческое жилье. Дети наверняка, словно закваска, ускорят это превращение. Уже сейчас (Джин пока об этом не подозревает) в ванне гибнет злосчастная жертва Джеффри, ибо сей молодой человек не ведает коренной разницы между пресной водой и соленой.

Джин подошла к еще не завешенному окну и поглядела на Колонию. Что и говорить, красивые места. Дом стоит на западном склоне невысокого холма — единственного, что поднимается над островом Афины. За два километра к северу видна узкая дамба, она, точно лезвие ножа, рассекает воды океана, по ней можно перейти на Спарту. Этот скалистый остров, увенчанный хмурым конусом вулкана, подчас пугает Джин, слишком он не похож на мирные Афины. Разве могут ученые знать наверняка, что вулкан никогда больше не проснется и не погубит все вокруг?

Но вот вдали замаячил явно неумелый велосипедист, устало поднимается в гору, едет не по дороге, как положено, а в тени пальм. Это Джордж возвращается с первого своего совещания. Хватит предаваться мечтам, в доме работы по горло.

Металлический звон и лязг возвестил о прибытии мужчины велосипеда. «Скоро ли они оба научатся ездить как следует?» — подумала Джин. Вот еще неожиданная особенность островной жизни. Колонистам не разрешено обзаводиться автомобилями, да, строго говоря, и нужды нет — самый длинный путь по прямой здесь меньше пятнадцати километров. Есть разный общественный транспорт — грузовики,

санитарные и пожарные машины, их скорость, кроме случаев крайней необходимости, ограничена: не больше пятидесяти километров в час. А потому жители Афин не страдают от сидячего образа жизни, от заторов на улицах — и от аварий и смерти под колесами.

Джордж наскоро чмокнул жену в щеку и со вздохом облегчения рухнул в ближайшее кресло.

— Уф! — выдохнул он, утирая пот со лба. — На подъеме меня все обгоняли, так что, видно, привыкнуть все-таки можно. Пожалуй, я уже похудел килограммов на десять.

— А день был удачный? — спросила Джин, как подобает внимательной жене. Она надеялась, что Джордж не слишком вымотался и поможет распаковать вещи.

— Все идет отлично. Познакомился с кучей народу, конечно, и половины не запомнил, но, похоже, все очень славные. И театр хорош, лучше нечего и желать. На той неделе начинаем работать над пьесой Шоу «Назад к Мафусаилу». На мне декорации и все оформление. Буду сам себе хозяин, не то что прежде, когда десять человек командуют — не делай того, не делай этого. Да, я думаю, нам тут будет хорошо.

— Несмотря на велосипеды?

У Джорджа хватило сил улыбнуться.

— Да, — сказал он, — недели через две мне этот холмик будет нипочем.

Он не совсем в это верил, но оказался прав. Однако прошел еще целый месяц, прежде чем Джин перестала гонимать о машине и ей открылось, какие чудеса можно творить у себя на кухне.

Новые Афины возникли и развивались не так естественно, сами собой, как античный город, чье имя они переняли. Устройство Колонии, продуманное и рассчитанное до мелочей, стало плодом многолетних исследований, тут поработали в содружестве поистине замечательные люди. Поначалу это был прямой заговор против Сверхправителей, в котором крылся вызов если не их могуществу, то их политике. И на первых порах зачинатели Колонии почти не сомневались, что Кареллен сокрушит их планы, однако Попечитель пальцем не шевельнул, будто ничего и не заметил. Но это и не так уж успокаивало, как можно бы предполагать.

Кареллену спешить некуда, быть может, он только еще готовит ответный удар. А может быть, он убежден, что их затея все равно обречена на провал и ему незачем вмешиваться.

Что Колонию ждет провал, предсказывали почти все. Но ведь и в далеком прошлом, когда люди еще понятия не имели о закономерностях общественного развития, немало зарождалось общин, вдохновляемых религиозными или философскими целями. Правда, в большинстве они оказывались недолговечными, но были и жизнеспособные. А Новые Афины опираются на самые прочные устои, какие только способна выработать современная наука.

На острове Колонию основали по многим причинам. Немаловажны были соображения чисто психологические. Конечно, в век общедоступных воздушных сообщений перемахнуть через океан ничего не стоит, а все же чувствуешь себя отгороженным. Притом, поскольку размеры острова ограничены, Колония не станет чересчур многолюдной. Население не должно превышать ста тысяч человек, иначе утрачены будут преимущества небольшой сплоченной общины. Среди прочего основатели ее стремились к тому, чтобы в Новых Афинах каждый мог познакомиться со всеми, кто разделяет его склонности и интересы, — и еще с двумя-тремя процентами остальных колонистов.

Начало Колонии положил некий новый Моисей. И подобно Моисею, он не дожил до вступления в землю обетованную — Колония основана была через три года после его смерти.

Он родился в стране, которая одной из последних обрела самостоятельность, а потому и век этого государства оказался самым коротким. Быть может, потому-то конец национальной независимости здесь переживали тяжелей, чем где-либо еще: горько утратить мечту, едва она сбылась, когда стремились к ней столетиями.

Бен Саломон не был фанатиком, но, должно быть, воспоминания детства в значительной мере определили философию, которую ему суждено было претворить в действие. Он еще помнил, каков был мир до прибытия Сверхправителей, и вовсе не желал вернуть его. Как многие разумные люди доброй воли, он вполне способен был оценить все, что сделал Кареллен для человечества, однако с тревогой гадал, какова же конечная цель Попечителя. Быть может, думалось

ему порой, при всем своем всеобъемлющем уме, при всех познаниях Сверхправители по сути не понимают людей и из лучших побуждений совершают жестокую ошибку? А вдруг, самоотверженно преданные порядку и справедливости, решив преобразить наш мир, они не поняли, что при этом разрушают человеческую душу?

Упадок едва наметился, однако нетрудно было уловить первые признаки вырождения. Саломон, сам не художник, но тонкий знаток и ценитель искусства, понимал, что его современники ни в одной области не могут тягаться с великими мастерами прошлого. Быть может, в дальнейшем, когда забудется потрясение от встречи с цивилизацией Сверхправителей, все уладится само собой. А может быть, и нет — и человеку предусмотрительному на всякий случай следует застраховаться.

Такой страховкой и стали Новые Афины. На их создание потребовались двадцать лет и несколько миллиардов фунтов — не так уж много при том, как богат стал мир. За первые пятнадцать лет ничего не изменилось; за последние пять произошло очень многое.

Саломон ровным счетом ничего не достиг бы, не сумей он убедить горсточку всемирно знаменитых людей искусства, что замысел его разумен и осуществим. Они откликнулись не потому, что задуманное важно для всего человечества, откликалось скорее некоторое честолюбие, творческое «я» каждого. Но, когда они прониклись этой мыслью, к ним прислушался весь мир и поддержал их сочувствием и деньгами. Так возведен был блистательный фасад таланта и страсти, а за ним осуществляли свой план подлинные строители Колонии.

Всякое общество состоит из отдельных людей, и поведение каждого в отдельности непредсказуемо. Но, если взять достаточно человек из основных категорий, начинают проявляться какие-то общие законы — это давным-давно открыли общества по страхованию жизни. Нет никакой возможности предсказать, кто именно умрет за такой-то срок, но общее число смертей можно предвидеть довольно точно.

Есть и другие, менее очевидные закономерности, впервые их уловили в начале XX века математики — Винер, Рашевски. Они утверждали, что такие явления, как экономические кризисы, последствия гонки вооружений, устойчивость

общественных групп, результаты парламентских выборов и прочее, поддаются чисто математическому анализу. Серьезную трудность тут представляет огромное количество переменных величин, причем многие из них весьма сложно выразить в числовых понятиях. Нельзя просто начертить серию кривых и заявить безоговорочно: «Когда будет достигнута эта линия, начнется война». И нельзя начисто сбрасывать со счетов полнейшие неожиданности — к примеру, убийство важнейшего политического деятеля или следствия какого-нибудь научного открытия, а тем более — стихийных бедствий вроде землетрясений или наводнений, а между тем такие события могут решающим образом повлиять на большие массы людей и целые пласты общества.

И все же знания, терпеливо собранные за последнее столетие, позволяют достичь многого. Задача была бы невыполнимой, если бы не помощь громадных вычислительных машин, способных за несколько секунд сделать расчеты, на которые иначе пришлось бы затратить труд тысяч людей. Их-то помощью всемерно и пользовались те, кто создавал план Колонии.

Но и при этом основатели Новых Афин только подготовили почву и климат для растения, которое они жаждали взлелеять, — быть может, оно расцветет, а может быть, и нет. Как сказал однажды сам Саломон: «Мы можем быть уверены в таланте, но о гении остается только молиться». Были, однако, все основания надеяться, что в столь насыщенном растворе начнутся любопытные химические реакции. Мало кто из художников процветает в одиночестве, зато какие живые искры высекает столкновение умов, объединенных сходными интересами.

Такие столкновения уже породили кое-что достойное внимания в области скульптуры, музыки, литературной критики и кино. Еще рано было судить, оправдают ли историки надежды своих вдохновителей, которые откровенно стремились вновь пробудить в человечестве гордость за былые свои свершения. Живопись пока что прозябала, подтверждая этим взгляды теоретиков, которые полагали, что у статичных, плоскостных форм искусства нет будущего.

Стали замечать, хотя убедительного объяснения пока не находилось, что в самых выдающихся произведениях искусства, созданных колонистами, важнейшую роль играет вре-

мя. Даже скульптура редко оставалась неподвижной. Загадочные изгибы и извивы творений Эндрю Карсона медленно изменялись на глазах зрителя, согласно сложному замыслу, быть может, не совсем понятному и все же увлекательному. А сам Карсон утверждал, и в этом есть доля истины, что довел до логического завершения абстрактные композиции прошлого века и тем самым сочетал скульптуру с балетом.

В музыкальной жизни Колонии велись тщательные исследования того, что можно назвать «протяженностью времени». Каков самый краткий звук, доступный нашему восприятию, — и каков самый долгий, который не успевает наскучить? Можно ли менять эти величины, варьируя силу звука или преобразуя оркестровку? Подобные вопросы обсуждались бесконечно, и доводы тут были не просто теоретические. Из этих споров родилось несколько на редкость интересных произведений.

Но всего удачней оказались опыты Новых Афин по части мультфильма с его поистине неограниченными возможностями. Сто лет минуло со времен Диснея, а чудеса этого самого гибкого и выразительного из искусств все еще не исчерпаны. Оно может оставаться и чисто реалистическим, и тогда плоды его неотличимы от обыкновенной фотографии, к величайшему презрению поборников абстрактной мультипликации.

Больше всего привлекала, но и пугала группа художников и ученых, которая пока что создала меньше всего. Эти люди добивались «полного слияния». Ключ к их работе дала история кино. Сначала звук, затем цвет, затем стереоскопия и наконец синерама шаг за шагом приближали старинные «движущиеся картинки» к подлинной жизни. Чем же это кончится? Без сомнения, можно достичь большего: зрители забудут, что они только зрители, и сами станут участниками фильма. Для этого пришлось бы воздействовать решительно на все чувства, а пожалуй, подключить и гипноз, но многие считали, что это вполне осуществимо. Если цель эта будет достигнута, невообразимо богаче станет жизненный опыт человека. Каждый сможет стать хотя бы на время кем угодно другим и пережить все мыслимые и немыслимые события и приключения, подлинные или воображаемые. Можно даже превратиться в растение или животное, лишь бы удалось уловить и записать чувственные восприятия не только

человека, но любого живого существа. И когда «программа» кончится, у зрителя останется воспоминание столь же яркое, как о любом событии, пережитом на самом деле, — попросту неотличимое от действительности.

Ослепительное будущее. Многих оно страшило, и они надеялись, что затея не удастся. Но в глубине души и они понимали: раз наука считает что-то осуществимым, в конце концов это неизбежно сбудется...

Таковы были Новые Афины и таковы иные их мечты. Они надеялись стать тем, чем были бы Афины античных времен, обладай они вместо рабов машинами и вместо суеверий наукой. Но еще слишком рано было судить, увенчается ли опыт успехом.

ГЛАВА 16

Джеффри Грегсон был единственным островитянином, кого пока ничуть не интересовали ни эстетика, ни наука — два главных предмета, которые поглощали его родителей. Но по сугубо личным причинам он всей душой одобрял Колонию. Его околдовало море, до которого, в какую сторону ни пойдешь, всего-то считанные километры. Почти всю свою короткую жизнь Джеффри провел далеко от любых берегов и еще не освоился с новым, удивительным ощущением, когда вокруг — вода. Он хорошо плавал и нередко, захватив ласты и маску, в компании сверстников отправлялся на велосипеде исследовать ближнюю мелководную лагуну. Сперва Джин беспокоилась, а потом несколько раз ныряла и сама, после чего перестала бояться моря и его странных обитателей и позволила сыну развлекаться как угодно, при одном условии: никогда не плавать в одиночку.

Весьма одобрял новое место жительства другой домочадец Грегсонов — золотистая красавица собака породы ретривер по кличке Фэй; хозяином ее считался Джордж, но ее редко удавалось отозвать от Джеффри. Эти двое не разлучались целыми днями, не разлучались бы и ночью, но тут Джин была непреклонна. Лишь когда Джеффри уезжал из дому на велосипеде, Фэй оставалась дома — лежала у порога, ко всему равнодушная, уронив морду на передние лапы, и неотрывно смотрела на дорогу влажными скорбными

глазами. Джордж бывал этим несколько уязвлен, Фэй и ее родословная обошлись ему в кругленькую сумму. Видно, надо дожидаться следующего поколения — оно ожидается через три месяца, и лишь тогда у него появится своя собственная собака. У Джин на этот счет были другие взгляды. Фэй очень мила, но, право же, в доме можно обойтись и без второй собаки.

Одна только Дженнифер Энн пока не решила, нравится ли ей в Колонии. Да и неудивительно: до сих пор она во всем мире только и видела пластиковые стенки своей кровати и еще даже не подозревала, что за этими стенками существует какая-то Колония.

Джордж Грегсон не часто задумывался о прошлом, он слишком поглощен был планами на будущее, слишком занят своей работой и детьми. Очень редко возвращался он мыслями к тому вечеру в Африке, много лет назад, и никогда не говорил о нем с Джин. Они словно согласились обходить тот случай молчанием и ни разу больше не навещали Бойсов, которые опять и опять их приглашали. По несколько раз в год они звонили Руперту и под разными предлогами уклонялись от визитов, и под конец он оставил их в покое. Брак его с Майей, ко всеобщему удивлению, все еще оставался прочным и счастливым.

После того вечера у Джин пропала всякая охота соваться в догадки, таящиеся за пределами науки. От простодушного, доверчивого удивления, что влекло ее к Руперту и его опытам, не осталось и следа. Быть может, тот случай ее убедил, и она не нуждалась в дальнейших доказательствах — об этом Джордж предпочитал не спрашивать. Столь же вероятно, что забота о детях вытеснила из ее мыслей прежние увлечения.

Джордж понимал, нет никакого толку биться над загадкой, которую все равно не решить, и все же иногда в ночной тишине просыпался и снова спрашивал себя о том же. Он вспоминал встречу с Яном Родриком на крыше Рупертова дома и немногие слова, которыми обменялся он с единственным человеком, кому удалось преступить запрет Сверхправителей. В царстве сверхъестественного, думалось Джорджу, не сыщешь ничего настолько до жути поразительного, как вот эта простая, научно установленная истина: почти

десять лет прошло после того разговора с Яном, а меж тем этот ныне невообразимо далекий странник с тех пор стал старше всего на несколько дней.

Вселенная необъятна, но это не так страшит, как ее таинственность. Джордж не из тех, кто глубоко задумывается над подобными вопросами, а все же ему порой кажется, что люди Земли — всего лишь дети, резвящиеся на какой-то площадке для игр, надежно отгороженной от грозного внешнего мира. Ян Родрикс взбунтовался против этой защищенности и ускользнул — бежал в неведомое. Но в этих делах он, Джордж, на стороне Сверхправителей. У него нет ни малейшего желания столкнуться с тем, что скрывается там, во тьме неизведанного, вне тесного кружка света, отброшенного светильником Науки.

— Как так получается, — пожаловался Джордж, — когда уж я попадаю домой, Джеф непременно где-то гоняет. Куда он сегодня девался?

Джин подняла глаза от вязанья — это старинное занятие недавно возродилось с большим успехом. Подобные моды сменялись на острове довольно быстро. Благодаря упомянутому новому увлечению всех мужчин одарили многоцветными свитерами — в дневную жару надевать их было невозможно, а после захода солнца в самый раз.

— Джеф отправился с приятелями на Спарту, — ответила Джин мужу. — Обещал вернуться к обеду.

— Вообще-то я пришел домой поработать, — в раздумье сказал Джордж, — но уж очень славный денек, пожалуй, пойду и сам искупаюсь. Какую рыбу тебе принести?

Джордж еще ни разу не вернулся домой с уловом, да и не ловилась рыба в лагуне, чересчур была хитра. Джин уже собралась было ему об этом напомнить, но внезапно послеполуденную тишину потряс звук, который даже в нынешние мирные времена леденил кровь и сжимал сердце тисками недоброго предчувствия. То взывала сирена — нарастая, замирая и вновь нарастая, кругами разлеталась все шире над морем весть об опасности.

Почти столетие медленно накапливалось давление в раскаленной тьме глубоко под дном океана. С тех пор как здесь образовался подводный каньон, минули геологические эпо-

хи, но истерзанные скалы так и не примирились с новым своим положением. Множество раз несчетные глубинные пласты трескались и колебались под невообразимой тяжестью вод, нарушающей их непрочное равновесие. И сейчас они вновь готовы были сместиться.

Джеф обследовал каменистые ложбинки вдоль узкого берега Спарты — что может быть увлекательней? Никогда не угадать заранее, какие чудо-существа укрылись тут от могучих валов, которые неустанно накатывают с Тихого океана и разбиваются о рифы. Это волшебная страна для каждого мальчишки, и сейчас Джеф владеет ею один: друзья ушли в горы.

День тихий, спокойный, ни ветерка, и даже вечный ропот волн за рифами сегодня как-то задумчиво приглушен. Палящее солнце еще только на полпути к закату, но Джефу, высмугленному загаром до цвета красного дерева, уже не страшны самые жгучие лучи.

Берег здесь — узкая песчаная полоска, он круто спускается к лагуне. Вода прозрачна как стекло, в ней ясно видны камни, знакомые Джефу не хуже любого валуна и пригорка на суше. На глубине около десяти метров покрытый водорослями остов старой-престарой шхуны выгнулся навстречу миру, откуда он канул на дно добрых двести лет назад. Джеф с друзьями не раз обследовали эти древние останки, но надежда найти неведомые сокровища так и не сбылась. Только и добыли сплошь обросший ракушками компас.

И вдруг нечто взялось за берег уверенной хваткой и встрянуло — один только раз. Дрожь мигом прошла, и Джеф подумал, может, ему просто почудилось. Пожалуй, просто на миг закружилась голова, ведь кругом ничего не изменилось. Воды лагуны по-прежнему как зеркало, в небесах ни облачка, ничего угрожающего. А потом начало твориться что-то очень странное.

Вода отступала от берега, да так быстро, как никогда еще не бывало при отливе. Очень удивленный, но ничуть не испуганный, Джеф смотрел, как обнажается и сверкает на солнце мокрый песок. И пошел вслед за откатывающимся океаном — нельзя ничего упустить, мало ли какие чудеса подводного мира могут сейчас открыться. А лагуна стала совсем мелкой, мачта затонувшей шхуны уже торчала над водой и поднималась все выше, и водоросли на ней,

лишенные привычной опоры, бессильно поникли. Джеф заторопился — скорей, скорей, впереди ждут неведомые открытия.

И тут до его сознания дошел странный звук, доносящийся от рифа. Джеф никогда еще такого не слышал и приостановился, пытаясь понять, что это, босые ноги медленно погружались в мокрый песок. За несколько шагов от него билась в предсмертных судорогах большая рыба, но Джеф лишь мельком глянул на нее. Он застыл, настороженно прислушиваясь, а шум, идущий от рифа, все нарастал.

То были странные звуки, и журчащие и сосущие, словно река устремилась в узкое ущелье. То был гневный голос океана, что нехотя отступал, теряя, пусть ненадолго, пространства, которыми владел по праву. Сквозь прихотливо изогнутые ветви кораллов, сквозь потаенные подводные пещеры ускользали из лагуны в необъятность Тихого океана миллионы тонн воды.

Очень скоро и очень быстро они возвратятся.

Несколько часов спустя одна из спасательных партий нашла Джефа на громадной глыбе коралла, заброшенной на высоту двадцати метров над обычным уровнем воды. Казалось, он не так уж испуган, только огорчен тем, что пропал его велосипед. Да еще порядком проголодался, ведь часть дамбы рухнула и он оказался отрезан от дома. Когда его нашли, он уже подумывал добраться до Афин вплавь и доплыл бы, наверно, без особого труда, разве что обычные течения круто повернули бы прочь от берега.

С первой минуты, когда удар цунами обрушился на остров, и до самого конца все происходило на глазах у Джин и Джорджа. Те части Афин, что расположены были невысоко над уровнем моря, сильно пострадали, но ни один человек не погиб. Сейсмографы предупредили об опасности всего за пятнадцать минут до катастрофы, но этих считанных минут хватило — все успели уйти на высоту, где волна им уже не грозила. Теперь Колония зализывала раны и собирала водоедино легенды, которые год от году станут внушать все больший трепет.

Когда спасатели вернули Джефа матери, Джин расплакалась, она успела уверить себя, что его унесло волной. Ведь она сама, застыв от ужаса, видела, как с грохотом

надвигалась из дальней дали черная, увенчанная белым гребнем водяная стена и, рухнув, всей брызжущей вспененной громадой придавила подножие Спарты. Невозможно было представить, как успел бы Джеф достичь безопасного места.

Неудивительно, что он не сумел толком объяснить, как же это вышло. Когда он поел и улегся в постель, Джин с Джорджем уселись подле него.

— Спи, милый, и забудь, что было, — сказала Джин. — Все страшное позади.

— Но я не так уж испугался, — запротестовал Джеф. — Было очень занято.

— Вот и хорошо, — сказал Джордж. — Ты храбрый паренек, и молодец, что сообразил вовремя убежать. Мне и раньше случалось слышать про такие вот цунами. Когда вода отступает, многие идут за ней по открытому дну поглядеть, что такое творится, и их захлестывает.

— Я тоже пошел, — признался Джеф. — Интересно, кто это меня выручил?

— Как выручил? Ты же там был один. Остальные ребята ушли в гору.

На лице у Джефа выразилось недоумение.

— Так ведь кто-то мне велел бежать.

Джин и Джордж озабоченно переглянулись.

— То есть... тебе что-то слышалось?

— Ах, оставь его сейчас в покое, — с тревогой и, пожалуй, чересчур поспешно перебила Джин.

Но Джордж упорствовал:

— Я хочу в этом разобраться. Объясни по порядку, Джеф, как было дело.

— Ну, я дошел по песку до той разбитой шхуны и тут услышал голос.

— Что же он сказал?

— Я не очень помню, вроде: «Джеффри, беги в гору. Здесь оставаться нельзя, ты утонешь». Но он меня назвал Джеффри, а не Джеф, это точно. Значит, кто-то незнакомый.

— А говорил мужчина? И откуда слышался голос?

— У меня за спиной, совсем близко. И вроде говорил мужчина...

Джеф запнулся, но отец требовал ответа:

— Ну же, продолжай. Представь, что ты опять там, на берегу, и расскажи нам подробно все как было.

— Ну, какой-то не такой был голос, я раньше такого не слышал. Наверно, этот человек очень большой.

— А что еще он говорил?

— Ничего... пока я не полез в гору. А тогда опять получилось чудно. Знаешь, там на скале такая тропинка наверх?

— Знаю.

— Я побежал по ней, это самый быстрый путь. Тогда я уже понял, что делается, уже увидел, идет та высокая волна. И она ужасно шумела. И вдруг поперек дороги лежит большой камень. Раньше его там не было, и смотрю, мне его никак не обойти.

— Наверно, он обрушился при землетрясении, — сказал Джордж.

— Тс-с! Рассказывай дальше, Джеф.

— Я не знал, как быть, и слышу, уже волна близко. И тут голос говорит: «Закрой глаза, Джеффри, и заслони лицо рукой». Мне показалось, чудно это, но я зажмурился и ладонью закрылся. И вдруг что-то вспыхнуло, я почувствовал — жарко, открываю глаза, а тот камень пропал.

— Пропал?

— Ну да... просто его уже не было. И я опять побежал, и чуть не сжег себе подошвы, тропинка была ужасно горячая. Вода, когда плеснула на нее, даже зашипела, но меня не достала, я уже высоко поднялся. Вот и все. Потом волны ушли, и я опять спустился. Смотрю, моего велика нету, и дорога домой обвалилась.

— Не огорчайся из-за велосипеда, милый, — сказала Джин, благодарно сжав сына в объятиях. — Мы тебе подарим другой. Главное, ты остался цел. Не будем гадать, как это получилось.

Это, конечно, была неправда, совещание началось, едва родители вышли из детской. Ни до чего они не додумались, однако предприняты были два шага. На завтра же, ничего не сказав мужу, Джин повела сынишку к детскому психологу. Врач внимательно слушал Джефа, а тот, нимало не смущенный незнакомой обстановкой, снова рассказал о своем приключении. Затем, пока ничего не подозревающий пациент перебирал и отвергал одну за другой игрушки в соседней комнате, врач успокаивал Джин:

— Нет ни малейших признаков каких-либо психических отклонений. Не забывайте, он испытал жестокую встряску

и перенес ее на редкость безболезненно. У мальчика богатое воображение, и он, надо полагать, сам верит в то, что рассказал. И вы тоже примите эту сказку и не волнуйтесь, разве что появятся какие-либо новые симптомы. Тогда сразу дайте мне знать.

Вечером Джин пересказала слова врача Джорджу. Похоже, он вовсе не воспрянул духом, как она надеялась, и Джин решила, что он озабочен ущербом, который потерпело его любимое детище — театр. Джордж только и пробурчал: «Вот и хорошо» — и углубился в очередной номер журнала «Сцена и студия». Казалось, он утратил всякий интерес к происшествию с Джефом, и Джин ощутила даже смутную досаду.

Но три недели спустя, в первый же день, когда починили дамбу, Джордж со своим велосипедом помчался в Спарту. Берег все еще засыпан был обломками коралла, а в одном месте, похоже, в самом рифе, образовалась пробоина. «Любопытно, сколько времени понадобится мириадам терпеливых полипов, чтобы заделать щель?» — подумалось Джорджу.

По склону утеса, обращенному к морю, вела лишь одна тропинка; Джордж немного отдышался и начал взбираться по ней. Между камнями застряли высохшие обрывки водорослей, словно отметка уровня, до которого поднималась вода.

Долго стоял Джордж Грегсон на этой пустынной тропе и не сводил глаз с проплешины оплавленного камня под ногами. Попробовал внушить себе, что это случайный каприз давно заглохшего вулкана, но быстро отказался от жалкой попытки себя обмануть. Мысль метнулась вспять, к тому вечеру, много лет назад, когда они с Джин участвовали в дурацком опыте у Руперта Бойса. Никто так и не понял толком, что же тогда произошло, но Джордж знал: каким-то непостижимым образом эти два странных случая связаны между собой. Сначала Джин, а вот теперь ее сынишка. Джордж не знал, радоваться ли ему или бояться, и в глубине души молча взмолился:

«Спасибо, Кареллен, за то, что твои собраты помогли Джефу. Только хотел бы я знать, почему они ему помогли».

Он медленно спустился на берег, а большие белые чайки обиженно вились вокруг него, ведь он не принес им никакого лакомства, ни крошки не бросил, пока они кружили над ним в воздухе.

ГЛАВА 17

Хотя подобной просьбы можно было ждать от Кареллена в любую минуту со дня основания Колонии, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Совершенно ясно, наступает какой-то поворот в судьбе Афин, но, как знать, к добру это или к худу?

До сих пор Колония жила по-своему и Сверхправители никак не вмешивались в ее дела. Ее просто оставляли без внимания, как, впрочем, почти всякую деятельность людей, лишь бы она не подрывала порядок и не оскорбляла нравственные понятия Сверхправителей. Можно ли сказать, что Колония стремится подорвать существующий порядок? Колонисты — не политики, но они олицетворяют стремление разума и искусства к независимости. А кто знает, к чему приведет такая независимость? Сверхправители вполне способны предвидеть будущее Афин яснее, чем сами основатели Колонии, — и, возможно, это будущее им не по вкусу.

Разумеется, если Кареллен хочет прислать наблюдателя, инспектора, как бы там его ни назвать, ничего не поделаешь. Двадцать лет назад Сверхправители объявили, что перестают пользоваться следящими устройствами и человечеству больше не зачем опасаться какого-либо подсматривания. Но ведь такие устройства существуют — и уж если Сверхправители пожелают за чем-то проследить, от них ничто и не укроется.

Кое-кто на острове радовался предстоящему посещению, видя в нем случай разрешить одну из загадок психологии Сверхправителей, хоть и второстепенную: как они относятся к Искусству? Не считают ли его ребячеством, заблуждением человечества? Есть ли у них самих какие-либо формы искусства? И если есть, вызван ли этот визит чисто эстетическим интересом или на уме у Кареллена что-то не столь безобидное?

Все это обсуждали без конца, покуда готовились к встрече. О Сверхправителе, который будет гостем Колонии, ничего не знали, но предполагалось, что его способность воспринимать явления культуры безгранична. По крайней мере можно поставить опыт, и каждую ответную реакцию подопытного кролика будет с интересом наблюдать целый отряд весьма проницательных умов.

Очередным президентом Совета Колонии был в это время Чарлз Ян Сен, философ, человек, от природы склонный к иронии, но отнюдь не к унынию, притом в расцвете лет — ему еще не перевалило за шестьдесят. Платон одобрил бы в нем образцовое сочетание философа и государственного мужа, Сен же не во всем одобрял Платона, ибо подозревал, что тот совершенно неправильно истолковал Сократа. Сен принадлежал к числу островитян, исполненных решимости извлечь как можно больше пользы из предстоящего визита, хотя бы для того, чтобы показать Сверхправителям, что в людях еще жива жажда деятельности и их не удалось, как он выражался, «окончательно приручить».

Для любого дела в Афинах создавался какой-нибудь комитет, ведь это отличительный признак демократии. Кто-то даже когда-то определил саму Колонию как систему взаимосвязанных комитетов. Но система эта работала успешно, недаром подлинные основатели Афин терпеливо изучали законы общественной психологии. И, поскольку общину создали не слишком большую, каждый так или иначе участвовал в управлении, а значит, был гражданином в самом истинном значении этого слова.

Джордж, один из театральных руководителей, почти неминуемо вошел бы в комитет по приему гостей. Но для большей надежности он еще и нажал кое-какие пружины. Сверхправители хотят изучать Колонию, ну а Джордж в той же мере хочет изучать их, Сверхправителей. Джин это его желание совсем не радовало. После памятного вечера у Бойсов она всегда ощущала смутную враждебность к Сверхправителям, хотя никак не умела это объяснить. Ей только хотелось возможно меньше с ними сталкиваться, и жизнь на острове, пожалуй, больше всего тем и привлекала ее, что здесь была желанная независимость. И теперь она боялась, что независимость эта под угрозой.

Гость прибыл без всякой пышности, на обыкновенном флаере человеческого производства, к разочарованию тех, кто ожидал какого-нибудь необычайного зрелища. Возможно, это был Кареллен собственной персоной — люди так и не научились сколько-нибудь уверенно отличать одного Сверхправителя от другого. Казалось, все они — точная копия одного и того же образца. Быть может, вследствие какого-то неведомого биологического процесса так оно и было.

После первого дня колонисты уже почти не замечали негромко рокочущую парадную машину, в которой разъезжал гость, осматривая остров. Имя гостя — Тхантхалтереско — выговорить было нелегко, и его быстро окрестили Инспектором. Имя вполне подходящее, так как он был очень любопытен и ненасытно жаден до статистических данных.

Чарлз Ян Сен совсем изнемог, когда далеко за полночь проводил Инспектора к флаеру — его временному жилищу на острове. Несомненно, здесь Инспектор будет работать и ночью, пока хозяева предаются человеческой слабости — сну.

Миссис Сен насилу дождалась возвращения мужа. Они были любящей парой, хотя, когда в доме собирались друзья, Чарлз шутливо именовал супругу Ксантиппой. Она давно уже пригрозила, как полагается, в отместку поднести ему чашу отвара цикуты, но, по счастью, сей напиток в Новых Афинах был не столь распространен, как в Афинах древности.

— Сошло удачно? — спросила она, когда муж уселся наконец за поздний ужин.

— Кажется, да... хотя невозможно разобрать, что творится в этих мудрых головах. Он, безусловно, многим заинтересовался, даже хвалил. Кстати, я извинился, что не приглашаю его к нам. Он сказал, что это вполне понятно и что у него нет охоты стучаться головой о наши потолки.

— Что ты ему сегодня показывал?

— Откуда в Колонии хлеб насущный, и ему, похоже, это показалось не такой скучной материей, как мне. Он без конца расспрашивал о производстве, о том, как мы поддерживаем наш бюджет в равновесии, какие у нас минеральные ресурсы, какая рождаемость, откуда берутся продукты питания и прочее. Спасибо, со мной был секретарь Харрисон, уж он-то подготовился, изучил ежегодные отчеты за все время, что существует Колония. Слышала бы ты, как они перебрасывались цифрами. Инспектор выпросил у Харрисона всю эту статистику — и голову даю на отсечение, завтра он сможет сам наизусть назвать нам любую цифру. Такие чудо-способности меня просто угнетают.

Он зевнул и нехотя принялся за еду.

— Завтра будет поинтереснее. Мы побываем в школах и в Академии. Тут уж для разнообразия я сам намерен кое

о чем поспрашивать. Хотел бы я знать, как Сверхправители воспитывают своих детей... если у них вообще есть дети.

На этот вопрос Чарлзу Сену так и не довелось получить ответ, но в других отношениях Инспектор оказался на диво словоохотлив. Любо-дорого было смотреть, как искусно уклоняется он от нескромных попыток что-то выведать, а затем, когда и не ждешь, переходит на самый доверительный тон.

Первый подлинно задушевный разговор завязался, когда они ехали из школы, которая была в Колонии одним из главных предметов гордости.

— Готовить юные умы к будущему — огромная ответственность, — заметил доктор Сен. — По счастью, человек существо на редкость выносливое: непоправимый вред может нанести разве что уж очень скверное воспитание. Даже если мы ошибаемся в выборе цели, мало вероятно, чтобы малыши стали жертвами наших ошибок, скорее всего они их преодолеют. А сейчас, как вы видели, они выглядят вполне счастливыми.

Сен чуть помолчал, лукаво глянул снизу вверх на своего огромного пассажира. Инспектора с головы до пят окутывала ткань с серебристым отливом, защищая все тело от жгучих солнечных лучей. Но доктор Сен знал: большие глаза, скрытые темными очками, следят за ним бесстрастным взглядом... а может быть, этот взгляд и выражает какие-то чувства, но их все равно не разгадать.

— Мне кажется, задача, которую мы решаем, воспитывая наших детей, очень сходна с той, которая встала перед вами при встрече с человечеством. Вы не согласны?

— В некоторых отношениях согласен, — серьезно сказал Сверхправитель. — А в других, пожалуй, больше сходства с историей ваших колониальных держав. Именно поэтому нас всегда интересовали Римская и Британская империи. Особенно поучителен случай с Индией. Главное различие между нами и англичанами — что у них не было серьезных оснований идти в Индию, то есть не было осознанных целей, кроме таких мелких и преходящих, как торговля или вражда с другими европейскими государствами. Они оказались владельцами империи, еще не понимая, что с ней делать, и тяготились ею, пока снова от нее не избавились.

Доктор Сен не устоял перед искушением, слишком удобный представился случай.

— А вы тоже избавитесь от своей империи, когда настанет срок? — спросил он

— Без малейшего промедления, — ответил Инспектор.

Доктор Сен больше не расспрашивал. Ответ был недвусмысленный и не очень-то лестный; притом они как раз подъехали к Академии, где уже собрались педагоги и готовились испытать все силы ума на живом настоящем Сверхправителе.

— Как уже говорил вам наш уважаемый коллега, — сказал декан новоафинского университета профессор Чанс, — превыше всего мы стараемся поддержать в колонистах живость ума, помочь им развить и применить все их способности. Боюсь, что за пределами этого острова (взмахом руки он обвел и отстранил всю остальную планету) человечество утратило волю к действию. Есть мир, есть изобилие... но ему некуда стремиться.

— Тогда как здесь, разумеется?.. — учтиво вставил Сверхправитель.

Профессору Чансу не хватало чувства юмора, он и сам это смутно сознавал — и подозрительно глянул на гостя.

— Здесь мы не страдаем от древнего предрассудка, будто праздность — порок. Но мы думаем, что быть просто созерцателями, потребителями развлечений — этого мало. Здесь, на острове, каждый стремится к одной цели, определить ее очень просто. Каждый хочет делать хоть что-то, пусть самую малость, лучше всех. Конечно, это идеал, который не всем нам удастся достичь. Но по нынешним временам главное, чтобы идеал у человека был. Удастся ли его достичь — не столь важно.

Инспектор, видимо, не собирался высказаться по этому поводу. Он сбросил защитный плащ, но темные очки не снял, хотя свет в профессорской пригасили. И декан спрашивал себя, нужны ли очки из-за особенностей зрения гостя или это просто маскировка. Из-за них, конечно, уж вовсе невозможно прочесть мысли Сверхправителя — задача и без того нелегкая. Однако гость как будто не против, что его забрасывают замечаниями, в которых звучит вызов и чувствуется — оратору совсем не нравится политика Сверхправителей по отношению к Земле.

Декан готов был продолжать атаку, но тут в борьбу вмешался директор Управления по делам науки профессор Сперлинг:

— Как вам, без сомнения, известно, сэр, одним из сложнейших противоречий нашей культуры была разобщенность искусства и науки. Я очень хотел бы узнать ваше мнение по этому вопросу. Согласны ли вы, что все люди искусства не вполне нормальны? Что их творчество — или, во всяком случае, сила, побуждающая их творить, — проистекает из какой-то глубоко скрытой психологической неудовлетворенности?

Профессор Чанс многозначительно откашлялся, но Инспектор его опередил:

— Мне когда-то говорили, что все люди в какой-то мере художники и каждый человек способен что-то создать, хотя бы и на примитивном уровне. Вот, например, вчера я заметил, что в ваших школах особое внимание уделяют тому, как ребенок выражает себя в рисунке, в красках, в лепке. Видимо, стремление к творчеству присуще всем без исключения, даже тем, кто наверняка посвятит себя науке. Стало быть, если все художники не вполне нормальны, а все люди — художники, мы получаем любопытный логический вывод...

Все ждали завершения. Но Сверхправители, когда им это кстати, умеют быть безукоризненно тактичными.

Симфонический концерт Инспектор выдержал с достоинством, чего нельзя сказать о многих слушателях-людях. Единственной уступкой привычным вкусам была «Симфония псалмов» Стравинского, остальная программа — воинствующее сверхноваторство. Но как бы ни оценивать программу, исполнялась она блистательно, Новые Афины гордились тем, что в числе колонистов есть несколько лучших музыкантов мира, и это была не пустая похвальба. Между композиторами-соперниками разгорелся ожесточенный спор за честь участвовать в программе, хотя иные циники сомневались, честь ли это. Возможно, Сверхправители начисто лишены музыкального слуха, еще никто ни разу не убеждался в обратном.

Но после концерта Тхантхалтереско отыскал среди присутствующих трех композиторов и похвалил, как он выразился,

их «великую изобретательность». Услыхав такой комплимент, они удалились, судя по их лицам, польщенные, но и несколько растерянные.

Джорджу Грегсону удалось встретиться с Инспектором только на третий день. В театре посетителя решили угостить не единственным блюдом, но своего рода винегретом: две одноактные пьесы, выступление всемирно известного мастера «мгновенного перевоплощения», балетная сюита. Все это опять-таки исполнено было с блеском, и предсказание некоего критика «Теперь мы по крайней мере узнаем, умеют ли Сверхправители зевать» не оправдалось. Инспектор даже несколько раз засмеялся — и именно там, где надо.

И все же... почему знать? Вдруг он и сам превосходный актер и следил только за логикой представления, а неведомых его чувств оно никак не затронуло, ведь и антрополог, оставаясь равнодушным, мог бы участвовать в каком-нибудь обряде варварского племени. Да, он издавал подходящие звуки и откликался на все, как от него ждали, но это ровным счетом ничего не доказывает.

Джордж заранее твердо решил поговорить с Инспектором — и потерпел неудачу. После спектакля они только и успели познакомиться, и гостя сразу увлекли прочь. Невозможно было хоть на минуту отделаться от его *entourage**, и Джордж ушел домой жестоко разочарованный. Он сам толком не знал, что скажет Сверхправителю, если и сумеет остаться с ним наедине, но был уверен, что уж как-нибудь да сумеет завести речь о Джефе. И вот случай упущен.

Два дня Джордж хандрил и злился. Инспектор отбыл среди несчетных заверений во взаимном уважении, следствие визита обнаружилось позже. Никому и в голову не пришло спрашивать о чем-то Джефа, и мальчик, должно быть, долго все обдумывал, прежде чем обратиться к отцу. Вечером, уже перед сном, он спросил:

— Пап, а ты знаешь Сверхправителя, который к нам сюда приезжал?

— Знаю, — хмуро ответил Джордж.

— Ну вот, он приходил к нам в школу; и я слышал, он разговаривал с учителями. Я не понял по-настоящему, что

* Окружение (фр.).

он сказал, а только мне кажется, голос знакомый. Это он мне велел бежать от той большой волны.

— Ты уверен?

Джеф чуть замялся:

— Ну не совсем... только если это был не он, значит, другой Сверхправитель. Я подумал, может, надо сказать ему спасибо. Но ведь он уже уехал, да?

— Да, — сказал Джордж. — Боюсь, уже поздно. Но, может быть, мы сумеем его поблагодарить в другой раз. А теперь больше не беспокойся об этом, будь умницей и ложись спать.

Наконец Джефа благополучно отправили в детскую. Джин уложила дочку, вернулась и села на ковер возле мужнина кресла, прислонилась к ногам Джорджа. Эта ее привычка Джорджу казалась нелепо сентиментальной. Но не поднимать же шум из-за пустяка. Он только старался, чтобы колени его торчали как можно угловатей и неудобней.

— Ну, что ты теперь скажешь? — глухо, устало спросила Джин. — По-твоему, так было на самом деле?

— Было, — сказал Джордж, — но, пожалуй, зря мы беспокоимся. В конце концов, любые родители были бы только благодарны... ну и я, конечно, благодарен. Наверно, объясняется это проще простого. Мы знаем, что Сверхправители заинтересовались Колонией, так, уж конечно, они наблюдают за ней, хоть и обещали больше не пользоваться своими инструментами. Допустим, кто-то из них как раз шарил по нашим местам своим глазастым аппаратиком и увидел, что идет цунами. Вполне естественно предупредить всякого, кому грозит опасность.

— Не забывай, он знал, как зовут Джефа. Нет, за нами следят. Чем-то мы выделяемся, почему-то мы им интересны. Я это давно чувствую, с той самой вечеринки у Руперта. Странно, как она все переменяла и в твоей жизни, и в моей.

Джордж посмотрел на нее сверху вниз сочувственно, но не более того. Удивительно, как человек меняется за такой короткий срок. Он очень к ней привязан, она — мать его детей и прочно вошла в его жизнь. Но много ли сохранилось от той любви, какую некто полузабытый, кого звали Джордж Грегсон, питал к выцветающей мечте по имени Джин Моррел? Теперь он делит свою любовь между Джефом

и Дженнифер, с одной стороны, и Кэрол — с другой. Навряд ли Джин знает про Кэрол, и непременно надо ей сказать, пока не сказал кто-нибудь посторонний. Но почему-то все не удается об этом заговорить.

— Ну ладно... за Джефом следят... в сущности, его охраняют. А не кажется тебе, что нам бы надо этим гордиться? Может быть, Сверхправители готовят ему большое будущее. Хотел бы я знать какое?

Он понимал, что старается всего лишь успокоить Джин. Сам он не слишком встревожен, просто сбит с толку да любопытство задето. И вдруг новая мысль поразила его, об этом следовало подумать раньше. Джордж невольно посмотрел в сторону детской.

— А может быть, им нужен не только Джеф, — сказал он.

Как положено, Инспектор представил отчет о поездке на остров. Дорого бы дали колонисты, чтобы узнать, что там, в отчете. Все цифры и сведения поглотила ненасытная память мощных вычислительных машин, представляющих собой часть — но только часть — незримых сил, которыми распоряжался Кареллен. Но еще прежде чем сделали какие-то выводы бесстрастные электронные умы, Инспектор высказал свои соображения. В переводе на человеческую мысль и человеческий язык они прозвучали бы примерно так:

— В отношении Колонии нам незачем принимать какие-либо меры. Эксперимент любопытный, но он никак не может повлиять на будущее. Их увлечение искусством нас не касается, а никаких научных исследований в опасных направлениях там, видимо, не ведут.

В соответствии с нашим планом я сумел узнать, как учится и ведет себя Номер Один, не привлекая чьего-либо внимания. Соответствующие данные приложены, и по ним можно убедиться, что пока нет никаких признаков чего-то необычного. Но, как нам известно, Прорыв редко дает о себе знать заранее.

Я встретился также с отцом Номера Первого, и у меня сложилось впечатление, что он хочет со мной поговорить. К счастью, мне удалось этого избежать. Несомненно, он

что-то подозревает, хотя, разумеется, не может ни угадать истину, ни как-либо повлиять на исход дела.

Чем дальше, тем больше я жалею этих людей.

Джордж Грегсон согласился бы с выводом Инспектора, что в Джефе нет ничего необычного. Был только тот непонятный случай, пугающий, как единственный удар грома среди долгого ясного дня. И потом — тишина.

Как всякий семилетний мальчишка, Джеф — сгусток энергии и пытливости. Он умен — когда дает себе труд быть умным, — но ему не грозит опасность обернуться гением. Иногда кажется, чуть устало думала Джин, будто ее сын в точности сделан по классическому рецепту: что такое мальчик? — много шума и крика в оболочке из грязи. Впрочем, насчет грязи не сразу скажешь с уверенностью — немало ее должно накопиться, пока она станет заметна на дочерна загорелой коже.

Джеф то ласков, то угрюм, то замкнут, то весь нараспашку. Незаметно, чтобы он больше любил мать, чем отца, или наоборот, и появление младшей сестренки не вызвало у него ни малейшей ревности. Он безупречно здоров, за всю жизнь ни дня не болел. Но по нынешним временам и при здешнем климате ничего необычного тут нет.

В отличие от некоторых мальчишек Джеф не скучает в обществе отца и не спешит удрать от него к сверстникам. Он явно унаследовал художнический талант Джорджа и чуть ли не сразу, как научился ходить без спутников, стал завсегдатаем кулис в театре Колонии. А театр его признал словно бы живым талисманом, приносящим счастье, и он уже наловчился подносить букеты заезжим звездам сцены и экрана.

Да, Джеф самый обыкновенный мальчишка. В этом опять и опять уверял себя Джордж, когда они вдвоем бродили или катались на велосипедах по не слишком просторному в общем-то острову. Они разговаривали, как спокон веку разговаривают сыновья и отцы, только время иное, и теперь куда больше есть о чем поговорить. Хотя Джеф никогда не уезжал с острова, вездесущее око — экран телевизора — помогало ему всласть наглядеться на окружающий мир. Как и все в Колонии, он немножко презирал остальное человечество. Колонисты — избранники, передовой отряд прогресса. Они

приведут род людской к высотам, которых достигли Сверхправители, а быть может, и выше. Конечно, еще не завтра, но настанет день...

Они и не подозревали, что день этот настанет слишком быстро...

ГЛАВА 18

Спустя полтора месяца начались сны.

Во тьме субтропической ночи Джордж Грегсон медленно всплыл из глубины сна. Он не понял, что его разбудило, и минуту-другую лежал в тупом недоумении. Потом сообразил — он один. Джин встала, неслышно ушла в детскую. И тихо разговаривает с Джефом, слишком тихо, слов не разобрать.

Джордж тяжело поднялся и пошел следом за женой. Из-за Пупсы такие ночные путешествия не редкость, но она-то поднимает такой шум и рев, поневоле проснешься. А тут ничего похожего, и непонятно, что разбудило Джин.

В детской полумрак, только слабо лучатся светящиеся узоры на стенах. И при этом приглушенном свете Джордж увидел — Джин сидит подле кровати Джефа. Она обернулась, шепнула:

— Смотри не разбуди Пупсу.

— Что случилось?

— Я поняла, что нужна Джефу, и проснулась.

Сказано так просто, будто все само собой разумеется... — У Джорджа засосало под ложечкой от недоброго предчувствия. «Я поняла, что нужна Джефу». А как ты это поняла, спрашивается? Но вслух он спросил только:

— Разве прежде у него бывали кошмары?

— Не думаю, — сказала Джин. — Сейчас как будто все прошло. Но сперва я увидела, он испугался.

— И совсем я не испугался, мамочка, — с досадой перебил тихий голосок. — Просто там было очень странно.

— Где это «там»? — спросил Джордж. — Расскажи-ка толком.

— Стояли горы, — словно сквозь сон сказал Джеф. — Высокие-высокие, а снега на них нет, а раньше сколько я видел гор, на них всегда снег. И некоторые горели.

— Значит, это были вулканы?

— Не настоящие вулканы. Они все горели, сверху донизу, такие на них чудные синие огоньки. Я смотрел, и тут взошло солнце.

— А дальше что? Почему ты замолчал?

Джеф растерянно посмотрел на отца:

— Вот это тоже непонятное, папа. Солнце поднялось быстро-быстро, и оно было слишком большое. И... и какого-то не такого цвета. Голубое, очень красивое.

Настало долгое, ледящее душу молчание. Потом Джордж спросил негромко:

— Это все?

— Да. Как-то мне стало тоскливо, и тогда пришла мама и меня разбудила.

Джордж взъерошил растрепанные волосы сына, другой рукой поплотнее запахнул халат. Вдруг пробрало холодом, и он почувствовал себя маленьким и слабым. Но, когда он опять заговорил с Джефом, голос его ничего такого не выдал.

— Просто тебе приснился глупый сон, надо поменьше есть за ужином. Выкинь все это из головы и спи, будь умницей.

— Хорошо, папа, — отозвался Джеф. Минуту помолчал и прибавил задумчиво: — Надо бы еще разок там побывать.

— Голубое солнце? — всего лишь несколько часов спустя переспросил Кареллен. — Тогда совсем несложно определить, где это.

— Да, — сказал Рашаверак. — Несомненно, Альфанидон-два. И Серные горы это подтверждают. Любопытно отметить, как исказились масштабы времени. Планета вращается довольно медленно, так что он, видимо, за считанные минуты наблюдал многие часы.

— Больше ты ничего не мог узнать?

— Нет, если не расспрашивать ребенка в открытую.

— Этого мы не смеем. Все должно идти своим чередом, нам нельзя вмешиваться. Вот когда к нам обратятся родители... тогда, пожалуй, можно будет его расспросить.

— Может быть, они к нам и не придут. Или придут слишком поздно.

— Боюсь, тут ничего не поделаешь. Надо всегда помнить: при этих событиях наше любопытство не имеет значения. Оно значит не больше, чем счастье человечества.

Кареллен протянул руку, готовясь отключить связь.

— Разумеется, продолжай наблюдать и обо всем докладывай мне. Но никакого вмешательства.

Между тем когда Джеф не спал, он как будто оставался прежним мальчишкой. И на том спасибо, думал Джордж. Но в душе его нарастал страх.

Для Джефа это была просто игра, он пока ничуть не боялся. Сон — это сон, только и всего, какой бы он ни был странный. Джефу больше не становилось тоскливо в мирах, которые открывались ему во сне. Только в ту первую ночь он мысленно позвал Джин через неведомые, разделившие их бездны. А теперь один бесстрашно странствовал во Вселенной, которая перед ним раскрывалась.

По утрам родители расспрашивали его, и он рассказывал, сколько мог припомнить. И порой сбивался, не хватало слов описать увиденное — такое, чего не только сам не встречал наяву, но что бессильно было себе представить человеческое воображение. Отец и мать подсказывали ему новые слова, показывали картинки и краски, пытались подхлестнуть его память, и из его ответов составляли, как могли, связные образы. Зачастую получалось нечто совершенно непонятное, хотя, видимо, самому Джефу миры его снов представлялись ярко и отчетливо. Просто он не мог передать эти образы родителям. Впрочем, иные оказывались довольно ясными...

Пустое пространство — никакой планеты, ни гор, ни равнин вокруг, никакой почвы под ногами. Только звезды в бархатной тьме, и среди них громадное красное солнце, оно пульсирует, бьется, точно сердце. Вот оно огромное, но бледное, а потом понемногу съеживается и в то же время разгорается ярче, словно внутреннему его пламени подбавилось горючего. И окраска его меняется, вот оно уже не красное, а оранжевое, потом почти желтое, медлит на грани желтизны — и все поворачивает вспять, звезда расширяется, остывает, сызнова становится косматым кроваво-красным облаком...

(— Классический образчик пульсирующей переменной, — обрадовался Рашаверак. — И к тому же увиденный при неимоверном ускорении времени. Не могу определить точно, но, судя по описанию, ближайшая такая звезда — Рамсандрон-девять. А может быть, это Фаранидон-двенадцать.

— Та ли, эта ли звезда, но он уходит все дальше, — заметил Кареллен.

— Много дальше, — сказал Рашаверак...)

Тут было совсем как на Земле. Яркое-белое солнце повисло на синем небе в крапинках несущихся по ветру облаков. У подножия некрутой горы пенился исхлестанный бешеным ветром океан. И при этом ничто не шелохнется: все застыло — недвижимо, будто высветилось на миг при вспышке молнии. А далеко-далеко на горизонте виднелось такое, чего на Земле не увидишь, — вереница туманных, чуть сужающихся кверху колонн, они вырастали из воды и тонули вершинами в облаках. Они шли на равном расстоянии друг от друга по краю всей планеты, такие громадные, что никто не мог бы их построить, — и все же такие одинаковые, что не могли появиться сами собой.

(— Сиденеус-четыре и Рассветные столпы, — голос Рашаверака дрогнул. — Он достиг центра Вселенной.

— А ведь его путешествие только начинается, — сказал Кареллен.)

Планета была совершенно плоская. Непомерное тяготение давным-давно придавило и сровняло с поверхностью бывшие горы ее огненной юности — горы, чьи самые могучие вершины и тогда не превышали нескольких метров. И однако здесь была жизнь: все покрывали мириады словно бы с помощью линейки и циркуля вычерченных узоров, они двигались, переползали с места на место, меняли окраску. Это был мир двух измерений, и населяли его существа толщиной в малую долю сантиметра.

А в небе этого мира пылало солнце, какое не привиделось бы и курильщику опиума в самых безумных грезах. Раскаленное уже не добела, а еще того больше, палящий, почти ультрафиолетовый призрак этот обдавал свои планеты смертоносным излучением, которое вмиг уничтожило бы все

живое на Земле. На миллионы километров вокруг простирались завесы газа и пыли и, прорезаемые вспышками ультрафиолета, лучились неисчислимыми переливами красок. Рядом с этой звездой бледное светило Земли показалось бы слабеньким, точно светлячок в полдень.

(— Гексанеракс-два, такого больше нет нигде в изученной Вселенной, — сказал Рашаверак. — Очень немногие наши корабли там бывали, и никто не решился на высадку, ведь никому и в мысль не приходило, что на таких планетах возможна жизнь.

— По-видимому, вы, ученые, оказались не такими дотошными исследователями, какими себя считали, — заметил Кареллен. — Если эти... эти узоры... разумны, любопытно было бы установить с ними контакт. Хотел бы я знать, известно ли им что-нибудь о третьем измерении?)

Этот мир не ведал, что значат день и ночь, годы и времена года. Его небо делили между собою шесть разноцветных солнц, и темноты здесь не бывало, только менялось освещение. Спорили друг с другом, сталкивались или тянули каждое к себе различные поля тяготения, и планета странствовала по изгибам и петлям невообразимо сложной орбиты, никогда не возвращаясь на однажды пройденный путь. Каждый миг — единственный и неповторимый: рисунок, который образуют сейчас в небе шесть солнц, уже не возобновится до конца времен.

Но даже и здесь существует жизнь. Быть может, в какую-то эпоху планета обугливалась от близости к своим светилам, а в другую — леденела, удаляясь от них едва ли не за пределы досягаемости, и однако, наперекор всему, на ней обитает разум. Громадные многогранные кристаллы стоят группами, образуя сложные геометрические узоры, в эру холода они недвижимы, а когда планета снова прогревается, медленно растут вдоль минеральных жил, что их породили. Пусть на то, чтобы додумать мысль, они потратят тысячелетие, что за важность. Вселенная еще молода, и впереди у них — Время, а ему нет конца...

(— Я пересмотрел все наши отчеты, — сказал Рашаверак. — Нам неизвестна ни такая планета, ни такое сочетание солнц. Если бы они существовали в пределах нашей

Вселенной, астрономы обнаружили бы такую систему, будь она даже недосягаема для наших кораблей.

— Значит, он уже вышел за пределы Галактики.

— Да. Конечно, теперь ждать уже недолго.

— Кто знает? Он только видит сны. А когда просыпается, он все еще такой, как был. Это лишь первая фаза. Когда начнется перемена, мы очень быстро об этом узнаем.)

— Мы уже знакомы, мистер Грегсон, — серьезно сказал Сверхправитель. — Меня зовут Рашаверака. Несомненно, вы помните нашу встречу.

— Да, — сказал Джордж. — На вечере у Руперта Бойса. Вряд ли я мог бы забыть. И я подумал, что надо бы увидаться еще раз.

— Скажите, а почему вы просили, чтобы я с вами встретился?

— Я думаю, вы уже сами знаете.

— Возможно. И все-таки нам обоим будет легче разобраться, если вы сами мне скажете. Пожалуй, вас это очень удивит, но я тоже стараюсь понять, что происходит, и в некоторых отношениях знаю так же мало, как и вы.

Измученный Джордж во все глаза смотрел на Сверхправителя. Этого он никак не ожидал. В подсознании его жила уверенность: Сверхправители всеведущи и всемогущи, им совершенно ясно, что делается с Джефом, и скорее всего они сами же в этом повинны.

— Как я понимаю, — сказал он, — вы видели записи, которые я передал психологу Колонии, а стало быть, знаете, какие нашему сыну снятся сны.

— Да, о снах мы знаем.

— Я никогда не верил, что это просто детские фантазии. Они настолько неправдоподобны, что... конечно, звучит нелепо, но у них наверняка есть какая-то реальная основа, иначе им неоткуда взяться.

Он впился взглядом в Рашаверака, сам не зная, чего ждет — подтверждения или отрицания. Сверхправитель промолчал, большие глаза его спокойно смотрели на Джорджа. Собеседники сидели почти лицом к лицу, потому что в комнате, явно предназначенной для таких вот свиданий, пол был на двух разных уровнях, и массивный стул Сверхправителя стоял на добрый метр ниже, чем стул Джорджа. Этот

знак дружелюбного внимания подбадривал, ведь у людей, которые просили о подобных встречах, чаще всего было не очень-то легко на душе.

— Мы беспокоились, но сначала всерьез не испугались. Когда Джеф просыпался, в нем ничего необычного не было заметно, и эти сны его как будто не тревожили. А потом раз ночью... — Джордж загнулся, поглядел на Сверхправителя, словно оправдываясь: — Я никогда не верил в какие-то сверхъестественные силы. Я не ученый, но, думаю, всему на свете существует какое-то разумное объяснение.

— Правильно, — сказал Рашаверак. — Я знаю, что вы тогда видели, я наблюдал.

— Так я и думал. А ведь Кареллен обещал, что ваши аппараты больше не будут за нами шпионить. Почему вы нарушили обещание?

— Я его не нарушал. Попечитель сказал, что за людьми мы больше следить не будем. Мы сдержали слово. Я наблюдал не за вами, а за вашими детьми.

Не сразу до Джорджа дошел смысл услышанного. Потом он понял, и лицо его залила мертвенная бледность.

— То есть... — он задохнулся. Голос изменил ему, пришлось начать сызнава. — Тогда кто же они, мои дети?

— Вот это мы и стараемся узнать, — очень серьезно сказал Рашаверак.

Дженнифер Энн Грегсон, в последнее время известная под именем Пупсы, лежала на спине, крепко зажмурясь. Она давно уже не открывала глаз и никогда больше не откроет: зрение для нее теперь так же излишне, как для наделенных многими иными чувствами тварей, населяющих непроглядную пучину океана. Она и так разбиралась в окружающем мире и еще во многом сверх того.

По непостижимой прихоти развития у нее с мимолетной поры младенчества сохранилась лишь одна привычка. Погремушка, что приводила ее когда-то в восторг, теперь не умолкала, отбивая в кроватке сложный, поминутно меняющийся ритм. Эти странные синкопы разбудили Джин среди ночи, и она кинулась в детскую. Но не только необычные звуки заставили ее отчаянным криком звать Джорджа, а еще и то, что она увидела.

Самая обыкновенная ярко раскрашенная погремушка висела в воздухе, в полуметре от какой-либо опоры, и знай отстукивала свое, а Дженнифер Энн лежала в кроватке, туго сплетя пухлые пальчики, и мирно, счастливо улыбалась.

Она начала позже, но продвигалась быстро. Скоро она опередит брата, ведь ей гораздо меньше надо разучиваться.

— Вы очень разумно поступили, что не тронули игрушку, — сказал Рашаверак. — Едва ли вы сумели бы ее сдвинуть. Но если б вам это удалось, девочка, пожалуй, была бы недовольна. И, право, не знаю, что бы тогда случилось.

— Так что же, вы, значит, ничего не можете сделать? — тупо спросил Джордж.

— Не хочу вас обманывать. Мы можем изучать и наблюдать, этим мы и занимаемся. Но вмешаться мы не можем, потому что не можем понять.

— Да как же нам быть? И почему такое случилось именно с нами?

— С кем-то это должно было случиться. Вас ничто не отличает от других, как ничто не отличает первый нейтрон, с которого начинается цепная реакция в атомной бомбе. Просто он оказался первым. Ту же роль сыграл бы любой другой нейтрон... вот и на месте Джеффри мог оказаться кто угодно другой. Мы называем это Всеобъемлющим Прорывом. Больше ничего не надо скрывать, и меня это только радует. Мы ждали Прорыва с тех самых пор, как пришли на Землю. Невозможно было предсказать, когда и где он начнется... но потом, по чистой случайности, мы встретились на вечере у Руперта Бойса. Вот тогда я понял, что почти наверняка первыми станут дети вашей жены.

— Но... но мы тогда еще не поженились. Мы даже не...

— Да, знаю. Но мысль мисс Морелл оказалась каналом, по которому, пусть на один миг, проникло знание, никому на Земле в ту пору не доступное. Оно могло прийти только через другой ум, теснейшим образом с нею связанный. Что ум этот еще не родился, не имело значения, ибо Время — нечто гораздо более странное, чем вы думаете.

— Начинаю понимать. Джеф знает то, чего не знает никто... Он видит другие миры и может сказать, откуда вы. И Джин как-то уловила его мысли, хотя он еще даже не родился.

— Все много сложнее... но сильно сомневаюсь, чтобы вы сумели когда-нибудь ближе подойти к истине. История человечества во все времена знала людей, которым необъяснимые силы словно бы помогали преодолевать пространство и время. Что это за силы, никто не понимал, попытки их объяснить, за редчайшими исключениями, сущий вздор. Я-то знаю, я их вдоволь перечитал!

Но есть одно сравнение, которое... ну, как бы что-то подсказывает и помогает понять. Оно не раз возникает в вашей литературе. Представьте себе ум каждого человека островком среди океана. Кажется, будто эти островки разобщены, а на самом деле их связывает одна и та же основа — дно, с которого они поднимаются. Исчезни все океаны, не станет и островов. Все они составят единый континент, но перестанут существовать каждый в отдельности.

Примерно так и с тем, что у вас называется телепатией. При подходящих условиях отдельные умы сливаются, то, что знает один, становится достоянием другого, а потом, разъединясь вновь, каждый сохраняет память об испытанном. Способность эту в высшем ее проявлении не стесняют обычные рамки места и времени. Вот почему Джин почерпнула кое-что из познаний своего еще не рожденного сына.

Наступило долгое молчание. Джордж силился совладать с этими ошеломляющими открытиями. В мыслях стали прописываться черты происходящего. Невероятно, поразительно, но в этом есть своя внутренняя логика. И это объясняет (если такое слово применимо к чему-то совершенно непонятному) все, что случилось после вечера в доме Руперта Бойса. И еще теперь ясно, почему Джин так увлекалась всем таинственным, сверхъестественным.

— А с чего все началось? — спросил Джордж. — И к чему это приведет?

— Вот на этот вопрос мы ответить не можем. Но во Вселенной много видов разумных существ, и некоторые открыли эти силы и способности задолго до того, как появилось ваше племя, да и мое тоже. Они давно ждали, чтобы вы к ним присоединились, теперь час настал.

— А как же в этом участвуете вы?

— Вероятно, как большинство людей, вы всегда считали, что мы над вами хозяева. Это неверно. Мы всегда были только опекунами, исполняли долг, порученный нам... чем-

то, что выше нас. Трудно определить, в чем заключается наш долг; пожалуй, самое правильное считать, что мы — акушеры при трудных родах. Мы помогаем появиться на свет чему-то новому, поразительному.

Рашаверак замялся; с минуту казалось, он не находит нужных слов.

— Да, мы акушеры. Но сами мы — бесплодны.

В этот миг Джордж понял, перед ним трагедия еще тяжелее той, что постигла его самого. Казалось бы, невероятно, и все же это так. Да, Сверхправители поражают могуществом, блистают умом, и, однако, эволюция загнала их в капкан, в какой-то *cul-de-sac**. Этот великий, благородный народ едва ли не во всех отношениях выше земного человечества, но будущего у них нет, и они это знают. Рядом с такой судьбой заботы Джорджа ему и самому вдруг показались мелкими.

— Теперь я понимаю, почему вы все время следите за Джеффри, — сказал он. — Мой мальчик для вас — подопытный кролик.

— Вот именно... только над опытом мы не властны. Не мы его начали... Мы только пытались наблюдать. И вмешивались, только когда нельзя было не вмешаться.

Да, подумал Джордж, как тогда с цунами... Не дать же погибнуть ценному экземпляру. И тотчас устыдился этой неуместной, недостойной горечи.

— Еще только один вопрос, — сказал он, — как нам быть дальше с нашими детьми?

— Радуйтесь им, пока можете, — мягко ответил Рашаверак. — Они не надолго останутся вашими.

Такой совет можно было бы дать любым родителям в любую эпоху, но никогда еще он не таил в себе столь страшной угрозы.

ГЛАВА 19

Пришло время, когда мир снов Джефа стал мало отличаться от его существования наяву. В школу он больше не ходил, и привычный порядок жизни Джорджа и Джин

* Тупик (фр.).

разрушился, как вскоре должен был разрушиться во всем мире.

Они стали избегать друзей, будто уже сознавали, что вскоре ни у кого не хватит сил им сочувствовать. Изредка по ночам, когда остров затихал и почти все уже спали, они подолгу бродили где-нибудь вдвоем. Никогда еще не были они так близки, кроме разве первых дней супружества, — теперь их соединяла еще неведомая, но готовая вот-вот разразиться трагедия.

Поначалу обоим совестно было оставлять спящих детей в доме одних, но теперь они уже понимали, что Джеф и Дженни непостижимыми для родителей способами умеют и сами о себе позаботиться. Да и Сверхправители, конечно, за ними присмотрят. Эта мысль успокаивала: не вовсе уж они одиноки перед мучительной загадкой, заодно с ними настороже зоркий и сочувственный взгляд.

Дженнифер спала; никаким другим словом не определить ее нынешнее состояние. С виду она оставалась младенцем, но чувствовалось — от нее исходит устрашающая тайная сила, и Джин уже не могла заставить себя войти в детскую.

Да и незачем было входить. То, что называлось когда-то Дженнифер Энн Грегсон, еще не вполне созрело, в куколке только еще зарождались крылья, но и у этой спящей куколки довольно было власти над окружающим, чтобы ни в чем не нуждаться. Джин лишь однажды попробовала накормить то, что было прежде ее дочкой, но безуспешно. Оно предпочитало кормиться, когда пожелает и как пожелает.

Ибо всякая еда неспешным, но неутомимым ручейком ускользала из холодильника, а меж тем Дженнифер Энн ни разу не вылезла из кровати.

Погремушка давно утихла и валялась в детской на полу, никто не смел ее коснуться: вдруг она опять понадобится хозяйке. Иногда Дженнифер Энн заставляла мебель прихотливо передвигаться по комнате, и Джорджу казалось, что светящиеся краски на стене горят ярче, чем когда-либо раньше.

Она не доставляла никаких хлопот; она была недосыгаема ни для их помощи, ни для их любви. Конечно же, развязка близка, и в недалгое время, что им еще оставалось, Джин и Джордж в отчаянии льнули к сыну.

Джеф тоже менялся, но еще признавал родителей. Раньше они следили, как он вырастал из туманного младенчества и становился мальчиком, личностью, а теперь час от часу черты его стираются, будто истают у них на глазах. Изредка он все же заговаривает с ними как прежде, говорит об игрушках, о друзьях, словно не сознавая, что ждет впереди. Но гораздо чаще он просто не видит их, словно и не подозревает, что они тут, рядом. И никогда больше не спит, а они вынуждены тратить время на сон, как ни жаль упускать хоть малую долю этих последних еще оставшихся им часов.

В отличие от сестры Джеф как будто не обладает сверхъестественной властью над неодушевленными предметами — возможно, потому, что уже не так мал и меньше в них нуждается. Странной и чуждой стала лишь его духовная жизнь, и сны теперь занимают в ней совсем немного места. Часами он застывает неподвижно, крепко зажмурясь, будто прислушивается к звукам, которых никто больше не может услышать. Ум его вбирает поток знаний, льющийся из неведомых далей или времен, и уже скоро поток этот окончательно затопит и разрушит лишь наполовину сложившееся создание, что было прежде Джефффри Энгусом Грегсоном.

А Фэй сидит и смотрит на него снизу вверх печально, озадаченно, и недоумевает — куда девался ее хозяин и когда он к ней вернется.

Джеф и Дженни оказались первыми во всем мире, но недолго они оставались в одиночестве. Словно эпидемия стремительно перекидывалась с материка на материк, превращением поражен был весь род людской. Никого старше десяти лет оно не коснулось, и ни один ребенок, не достигший десяти лет, его не избежал.

Это означало конец цивилизации, конец всему, к чему стремились люди испокон веков. В несколько дней человечество лишилось будущего, ибо сердце всякого народа разбито и воля к жизни погибла безвозвратно, если у народа отняли детей.

Столетием раньше разразилась бы паника, теперь этого не случилось. Мир оцепенел, большие города застыли в безмолвии. Продолжали работать только предприятия, без чьей продукции вовсе невозможно существовать. Было так,

словно сама планета в трауре оплакивала все, чему уже не суждено сбыться.

И вот тут, как когда-то в давние, позабытые времена, Кареллен снова, в последний раз заговорил с человечеством.

ГЛАВА 20

— **М**оя работа почти закончена, — раздался голос Кареллена в миллионах радиоприемников. — Наконец, после целого столетия, я могу сказать вам, в чем она заключалась.

Мы вынуждены были многое скрывать от вас, как скрывались сами половину времени, которое пробыли на Земле. Я знаю, некоторые из вас считали эту скрытность излишней. Вы привыкли к нашему присутствию, вы уже и вообразить не можете, как отнеслись бы к нам ваши предки. Но теперь вы наконец поймете, чем вызывалась наша скрытность, и узнаете, что мы поступали так не без причины.

Главное, что мы хранили от вас в тайне, — это цель нашего прибытия на Землю, вот о чем вы без конца строили догадки. До сих пор мы ничего не могли вам объяснять, ибо тайна эта не наша и мы были не вправе ее раскрыть.

Сто лет назад мы пришли на вашу планету и помешали вам самим себя уничтожить. Это, думаю, никто отрицать не станет, но вы и не догадываетесь, что за самоубийство вам грозило.

Поскольку мы запретили ядерное оружие и все другие смертоносные игрушки, которые вы копили в своих арсеналах, опасность физического уничтожения отпала. В этом вы видели единственную опасность. Нам и нужно было, чтобы вы в это верили, но правда заключалась в другом. Вас ждала опасность более грозная, совсем иная по природе своей — и она касалась не вас одних.

Многие миры, чьи пути сходились на открытии ядерной мощи, сумели избежать катастрофы, шли дальше, создавали мирную, счастливую культуру — и затем разрушены были силами, о которых не имели ни малейшего понятия. В двадцатом веке вы впервые по-настоящему принялись играть этими силами. Вот почему пришлось вмешаться.

На протяжении всего XX века человечество постепенно приближалось к пропасти, о которой даже и не подозревало. Лишь один-единственный мост перекинут через эту пропасть. Обитатели очень немногих планет находили его без посторонней помощи. Иные повернули вспять, пока было еще не поздно, и тем самым избежали опасности, но и не достигли вершины. Миры эти стали райскими островками легко обретенного довольства и уже не играют никакой роли в истории Вселенной. Но вам не суждена была такая участь — или такое счастье. Для этого ваше племя слишком деятельно. Оно ринулось бы навстречу гибели и увлекло за собой других; ибо вам никогда бы не найти моста через пропасть.

Боюсь, почти все, что я должен вам сказать, нужно передавать такими вот сравнениями. У вас нет ни слов, ни понятий для многого, что я хочу вам объяснить, да и ваши познания в этой области, увы, еще очень скудны.

Чтобы понять меня, вам надо вернуться к прошлому и вспомнить то, что вашим предкам показалось бы хорошо знакомым, но о чем вы забыли — и мы намеренно помогали вам забыть. Ибо весь смысл нашего пребывания здесь был в величайшем обмане, в том, чтобы скрыть от вас правду, к которой вы были не готовы.

В столетия, что предшествовали нашему появлению, ваши ученые раскрыли тайны физического мира и привели вас от энергии пара к энергии атома. Вы предоставили суеверия прошлому, истинной религией человечества сделалась Наука. Она была даром западного меньшинства остальным народам и разрушила все другие верования. Те, которые мы еще застали у вас, уже отмирали. Чувствовалось, что наука может объяснить все на свете — нет таких сил, которыми она не овладеет, нет явлений, которых она в конце концов не постигнет. Секрет возникновения Вселенной, быть может, так и останется нераскрытым, но все, что происходило позднее, подчинялось законам физики.

Однако ваши мистики, хоть и путались в заблуждениях, разглядели долю истины. Существуют силы разума — и существуют силы выше разума, силы, которые ваша наука не могла бы втиснуть в свои рамки, не сокрушив их. От всех веков сохранились бесчисленные рассказы о непонятных явлениях — о призраках, о передаче мыслей, о предсказаниях

будущего, вы давали всему этому названия, но объяснить не умели. На первых порах Наука не замечала этих явлений, потом, наперекор свидетельствам, накопленным за пять тысячелетий, стала начисто их отрицать. Но они существуют, и любая теория Вселенной останется неполной, если не будет с ними считаться.

В первой половине двадцатого века некоторые ваши ученые начали исследовать эти явления. Сами того не зная, они легкомысленно пытались открыть ящик Пандоры. Они едва не выпустили на свободу силы, несравнимо более разрушительные, чем вся мощь атома. Ибо физики погубили бы только Землю, хаос же, развязанный парафизиками, захлестнул бы и звезды.

Этого нельзя было допустить. Я не могу объяснить до конца природу воплощенной в вас опасности. Она грозила не нам и потому нам непонятна. Скажем так: вы могли обратиться в некий телепатический рак, в злокачественную опухоль мысли, и она неизбежным разложением отравила бы другие, превосходящие вас величием виды разума.

И тогда мы пришли — мы посланы были — на Землю. Мы прервали ваше развитие во всех областях, но тщательней всего следили за любыми сколько-нибудь серьезными опытами в области сверхъестественного. Я прекрасно понимаю, что само сравнение наших цивилизаций, слишком разных по уровню, помешало развиваться и всем другим видам творчества. Но это просто побочный эффект и никакого значения не имеет.

А теперь я должен сказать вам то, что вас поразит и даже покажется невероятным. Самим нам все эти скрытые внутренние силы и возможности не даны, более того, непонятны. Разум наш гораздо могущественней, но вашему уму присуще нечто такое, чего мы не можем уловить. С тех пор как мы пришли на Землю, мы непрестанно вас изучали; мы очень многое узнали и еще узнаем, но сомневаюсь, чтобы нам когда-либо удалось постичь все до конца.

Между нашими племенами немало общего, потому-то нам и поручена эта работа. Но в других отношениях мы завершаем две разные ветви эволюции. Наш разум достиг предела своего развития. Ваш, в теперешнем его виде, — тоже. Однако вы можете рывком достичь новой ступени, этим вы и отличаетесь от нас. Наши внутренние возможности исчер-

паны, ваши еще и не тронуты. Каким-то образом, для нас непонятным, они связаны с теми силами, о которых я упоминал, — силы эти сейчас пробуждаются на вашей планете.

Мы задержали ход времени, мы заставляли вас топтаться на месте, пока не разовьются скрытые силы и не хлынут по каналам, которые для них готовятся. Да, мы сделали вашу планету лучше, подняли благосостояние, принесли вам справедливость и мир — все это мы бы сделали при любых условиях, раз уж нам пришлось вмешаться в вашу жизнь. Но столь внушительные перемены заслоняли от вас правду и тем самым помогли нам выполнить свою задачу.

Мы — ваши опекуны, не больше. Должно быть, вы нередко спрашивали себя, насколько высокое место занимает мой народ во Вселенной. Так же как мы стоим выше вас, нечто иное стоит выше нас и пользуется нами в своих целях. Мы и до сих пор не открыли, что это такое, хотя уже многие века служим ему орудием и не смеем его послушаться. Опять и опять мы получали приказ, отправлялись в какой-нибудь далекий мир, чья культура только еще расцветала, и вели его по пути, по которому сами пойти не можем, — по пути, на который вступили вы.

Опять и опять мы изучали ход развития, которое посланы были оберегать, в надежде узнать, как нам и самим вырваться из тесных пределов. Но лишь мельком уловили смутные очертания истины. Вы называли нас Сверхправителями, не ведая, какой насмешкой это звучит. Скажем так: над нами стоит Сверхразум, и он пользуется нами, как пользуется гончарным кругом гончар.

А вы, человечество, — глина, которая формируется на этом круге.

Мы думаем — это всего лишь теория, — что Сверхразум старается расти, расширять свою мощь и свои познания о Вселенной. Теперь он, должно быть, соединил в себе великое множество племен и давно освободился от тиранической власти материи. Где бы ни появилась разумная жизнь, он это ощущает. И когда он узнал, что вы почти уже готовы к этому, он послал нас сюда исполнить его волю, подготовить вас к преображению, которое теперь совсем близко.

Все перемены, какие раньше пережило человечество, совершались веками. Однако сейчас преобразается не тело, но дух. По меркам эволюции перемена будет мгновенной,

как взрыв. Она уже началась. Придется вам понять и примириться с этим: вы — последнее поколение Homo sapiens.

Мы почти ничего не можем сказать о том, какова природа наступающей перемены. Мы не знаем, как она возникает, каким образом Сверхразум вызывает ее, когда решит, что для нее настало время... Мы только выяснили: это начинается в какой-то одной личности — всегда в ребенке — и сразу охватывает все вокруг, подобно тому как вокруг первого ядра образуются кристаллы в насыщенном растворе. Взрослых перемена не затрагивает, их ум уже утратил гибкость и прочно закрепился в определенной форме.

Через несколько лет все закончится, человечество разделится надвое. Возврата нет, и у того мира, который вам знаком, нет будущего. Со всеми надеждами и мечтами людей Земли покончено. Вы породили своих преемников, и трагедия ваша в том, что вам их не понять, их разум навсегда останется закрыт для вас. Да они и не обладают разумом в вашем понимании. Все они сольются в единое целое, как любой из вас — единый организм, состоящий из миллиардов клеток. Вы не станете считать их людьми — и не ошибетесь.

Я сказал вам все это, чтобы вы знали, что вам предстоит. Считанные часы отделяют нас от крутого перелома. Моя задача и мой долг — защитить тех, кого меня прислали оберегать. Как ни велики пробуждающиеся в них силы, вокруг — людские толпы, способные их раздавить... Пожалуй, их захотят уничтожить даже отцы и матери, когда осознают истину. Я должен забрать детей, отделить от родителей — ради их безопасности и ради вашей тоже. Завтра за ними придут мои корабли. Не стану осуждать вас, если вы попытаетесь воспротивиться разлуке, но это будет бесполезно. Сейчас пробуждаются силы, намного превосходящие мою; я — всего лишь одно из их орудий.

А потом... что должен я делать с вами, кто еще жив, хотя роль свою вы уже сыграли?

Всего проще, а пожалуй, и всего милосердней было бы — уничтожить вас, как вы бы уничтожили любимого ручного зверька, если он смертельно ранен. Но этого я сделать не могу. Вы сами выберете, как провести оставшиеся вам годы.

Я только надеюсь, что человечество кончит свой век мирно, в сознании, что жизнь его не была напрасной.

Ибо вы принесли в мир нечто, пусть вам совершенно чуждое, пусть оно не разделяет ни ваших желаний, ни ваших надежд, пусть величайшие ваши свершения в его глазах лишь детские игрушки, но само оно — великое чудо, и это вы его создали.

Настанет срок, и наше племя забудется, а частица вашего будет жить. Так не осуждайте же нас за то, как мы вынуждены были поступить. И помните — мы всегда будем вам завидовать.

ГЛАВА 21

Джин плакала раньше, теперь она уже не плачет. Жестокий, равнодушный солнечный свет позолотил Новые Афины, и над близнецами-вершинами Спарты снижается корабль. На том скалистом острове не так давно ее сын избежал смерти — избежал чудом, которое теперь ей слишком понятно. Порой она думала — пожалуй, было бы лучше, если бы Сверхправители не вмешались и оставили его на произвол судьбы. Со смертью она примирилась бы, как мирилась и прежде, смерть — естественна, она в природе вещей. А то, что сейчас, непостижимей смерти — и непоправимей. Доныне хоть люди и умирали, но человечество продолжало жить.

Среди детей ни звука, ни движения. Они стоят по несколько человек там и сям на песчаном берегу и, видно, не замечают друг друга, не помнят о доме, который покидают навсегда. Многие держат на руках малышей — таких, что еще и не ходят, а может быть, не хотят проявить способности, обладая которыми ходить незачем. Ведь если они могут передвигать неодушевленные предметы, думал Джордж, уж наверно они могли бы двигаться и сами. И зачем, в сущности, корабли Сверхправителей их забирают?

Все это неважно. Они уходят — и решили уйти так, а не иначе. Будто какая-то заноза в памяти все не давала покоя Джорджу, и наконец он понял. Где-то когда-то он видел столетней давности фильм о таком вот великом исходе. Наверно, фильм относился к началу первой мировой войны...

а может быть, и второй. Длинные поезда, переполненные детьми, медленно тянулись прочь от городов, которым угрожал враг, а родители оставались позади, и многим детям не суждено было снова их увидеть. Лишь редкие дети плакали; иные смотрели растерянно, боязливо сжимали в руках свои узелки или чемоданчики, а большинство, похоже, нетерпеливо предвкушало какие-то увлекательные приключения.

Но нет... сравнение неверно. История не повторяется. Те, что уходят теперь, кто бы они ни были, уже не дети. И на этот раз ни одна семья не соединится вновь.

Корабль опустился у самой воды, днищем глубоко погрузился в мягкий песок. Словно по взмаху дирижерской палочки, разом скользнули вверх громадные выгнутые пластины, и на берег металлическими языками протянулись трапы. Рассеянные по берегу невообразимо одинокие фигурки стали сближаться, сошлись в толпу, она двигалась совсем так же, как движутся людские толпы.

Одинокие? «Откуда взялась такая мысль?» — спросил себя Джордж. Что-то, а одинокими они уже никогда не будут. Одинока может быть только отдельная личность... только человек. Когда преграды между людьми наконец рушатся, исчезает индивидуальность, а с нею не станет и одиночества. Несчетные капли дождя растворятся в океане.

И тут Джин судорожно, крепче прежнего сжала его руку.

— Смотри, — прошептала она, — вон там Джеф. У второй двери.

Очень далеко, трудно сказать наверняка, да еще глаза Джорджу будто застлало туманом. И все же — конечно, это Джеф... Теперь он узнает сына, тот уже ступил одной ногой на металлический трап.

И Джеф оглянулся, посмотрел в их сторону. Лица не различить, просто бледное пятно; из такой дали не разобрать, есть ли в этом лице хоть намек на то, что он узнал их, хоть тень воспоминания обо всем, что он покидает. И уже не узнать Джорджу, обернулся ли Джеф случайно — или знал в те последние секунды, пока он был еще их сыном, что они стоят и смотрят, как он переходит в неведомую страну, куда им нет доступа.

Громадные люки начали закрываться. И тогда Фэй вскинула мохнатую мордочку и негромко, протяжно завывала. По-

тѡм подняла чудесные влажные глаза на Джорджа, и он понял — она потеряла хозяина. У него больше нет соперника.

Перед теми, кто остался, лежало много дорог, но в конце все придут к одному и тому же. Кое-кто говорил: мир все еще прекрасен; когда-нибудь придется его покинуть, но с какой стати торопиться?

Но другие, те, кто больше дорожил будущим, чем прошлым, и утратил все, ради чего стоило жить, не захотели ждать. Они уходили — иные в одиночку, иные вместе с друзьями, смотря кто к чему склонен от природы.

Так было и в Афинах. Некогда остров этот родился в пламени — и в пламени решил умереть. Кто захотел уехать, уехали, но большинство осталось и готовилось встретить конец среди обломков всего, о чем прежде мечтали.

Предполагалось, что часа никто заранее знать не будет. Но глубокой ночью Джин проснулась и минуту лежала, глядя в потолок, где мерцали призрачные отсветы. Потом потянулась, схватила Джорджа за руку. Всегда он спал как убитый, а тут сразу проснулся. Они не заговорили, не было на свете нужных слов.

Ей больше не страшно, даже не грустно. Она прошла через все это к некоей тихой заводи, и уже ничто ее не волнует. Только одно еще остается сделать, и Джин знает — времени в обрез.

Все так же молча Джордж пошел за нею по безмолвному дому. Они пересекли полосу лунного света, вливающегося через стеклянную крышу студии, прошли неслышно, как отброшенные луною тени, и вот они в опустелой детской.

Тут ничего не изменилось. По-прежнему лучатся на стенах светящиеся узоры, которые так усердно рисовал когда-то Джордж. И погремушка — давняя дочкина забава — еще лежит гам, где уронила ее Дженнифер Энн, когда разумом унеслась в непостижимую даль, что стала ей домом.

«Она бросила свои игрушки, — подумал Джордж, — а наши уйдут отсюда вместе с нами. — Вспомнились царственные дети фараонов — пять тысячелетий тому назад их бусы и куклы похоронены были вместе с хозяевами. — Так будет снова. Никому больше не полюбятся наши сокровища, —

думал Джордж, — мы возьмем их с собой, мы с ними не расстанемся».

Джин медленно обернулась к нему, припала головой к его плечу. Он обнял ее, и давняя любовь вернулась, будто слабое, но явственное эхо, отраженное грядой далеких гор. Теперь поздно говорить все, что он должен бы сказать ей, и жалеет он не столько об изменах, сколько о прежнем своем равнодушии.

А потом Джин тихо сказала: «Прощай, милый», — и крепче обхватила его руками. Джордж не успел ответить, но даже в этот последний краткий миг изумился: откуда она знает, что пора?

В каменных недрах острова ринулись друг к другу пластины урана, стремясь к недостижимому для них единению.

И остров вознесся навстречу рассвету.

ГЛАВА 22

Корабль Сверхправителей скользил по светящемуся, точно от метеорита, следу из самого сердца созвездия Карины. Еще у внешних планет он начал неистово гасить скорость, но даже возле Марса она составляла значительную часть световой. Исполинские поля, окружающие земное Солнце, медленно поглощали его инерцию, а позади, на миллионы километров, проводила в небесах огненную черту избыточная энергия звездолета.

Став старше на полгода, Ян Родрикс возвращался домой, в мир, покинутый им восемьдесят лет назад.

Теперь он уже не прятался зайцем в тайнике. Он стоял позади трех пилотов (недоумевая про себя, зачем нужны сразу трое) и смотрел, как вспыхивают и гаснут знаки на громадном экране, что главенствовал в рубке. На экране сменялись краски и очертания, ему непонятные, — надо думать, они означали данные, какие на корабле, построенном людьми, передавались бы циферблатами и стрелками. Но порой экран показывал расположение окрестных звезд, и, надо надеяться, уже скоро на нем появится Земля.

Хорошо вернуться домой, хоть он и положил немало усилий на бегство. За минувшие месяцы он стал взрослее. Столько

он видел, в такой дали побывал — и стосковался по родному, привычному миру. Теперь он понимает, почему Сверхправители отгородили Землю от звезд. Немалый путь должно еще пройти человечество, прежде чем оно сумеет стать хотя бы малой частью цивилизации, которую он мимолетно увидел.

Быть может, хотя все в Яне восстает против этой мысли, человечество навсегда останется лишь какой-то низшей породой в подобии зоологического сада на далекой окраине, под надзором Сверхправителей. Не это ли крылось в двусмысленном предостережении Виндартена перед самым отлетом? «За то время, которое прошло на вашей планете, многое могло случиться, — сказал Сверхправитель. — Возможно, когда ты опять увидишь свой мир, ты его не узнаешь».

«Может, и не узнаю», — думал Ян: восемьдесят лет — большой срок, и хоть он молод и способен освоиться в новых условиях, пожалуй, нелегко будет понять все происшедшие за это время перемены. Но в одном сомнений нет: люди непременно захотят выслушать его и узнать, что успел он заметить в мире Сверхправителей.

Как Ян и ожидал, с ним обошлись снисходительно. О полете от Земли он ничего не знал: когда действие снотворного кончилось и он очнулся, корабль уже входил в солнечную систему Сверхправителей. Он выбрался из своего фантастического тайника и с облегчением убедился, что кислородная маска не нужна. Душновато, воздух тяжелый, но дышать можно. Он оказался в тусклом красном сумраке громадного трюма, вокруг — многое множество других ящиков с грузом и еще всякой всячины, какую естественно встретить на океанском или воздушном лайнере. Почти час он плутал в этом лабиринте, прежде чем добрался до рубки и предстал перед командой.

К его недоумению, они ничуть не удивились; Ян знал, что Сверхправители редко обнаруживают какие-либо чувства, но ждал хоть чего-то, хоть искорки. А они просто продолжали делать свое дело, следили за экраном, перебирали несчетные клавиши пультов управления. Тут он понял, что корабль идет на посадку: на экране опять и опять, с каждым разом вырастая, вспыхивало изображение планеты. Но совсем не ощущалось ни движения, ни ускорения, и

ничуть не колебалась сила тяжести, как определил Ян, примерно впятеро меньше земной. Очевидно, могучие силы, движущие кораблем, уравнивались с поразительной точностью.

А потом пилоты встали со своих мест, все трое как один, и стало ясно — путешествие окончено. Они еще не заговорили ни с пассажиром, ни друг с другом, и когда один знаком поманил землянина за собой, Ян понял то, о чем следовало подумать раньше. Вполне возможно, что здесь, на другом конце бесконечно длинного пути, по которому доставляются Кареллену грузы, никто не поймет ни единого человеческого слова.

Трое серьезно следили за ним, когда перед его нетерпеливым взглядом распахнулись громадные створы люка. Вот она, великая минута его жизни, он — первый из людей, кому дано увидеть мир, освещенный иным солнцем. В корабль хлынул свет звезды НГС 549672, и Яну открылась планета Сверхправителей.

Чего он ждал? Он и сам толком не знает. Громадные здания, города с башнями, чьи вершины теряются в облаках, невообразимые машины — все это его бы не удивило. Но увидел он безликую плоскую равнину, уходящую к неестественно близкому горизонту, однообразие только и нарушали еще три корабля Сверхправителей, высящиеся в нескольких километрах отсюда.

На минуту в Яне поднялось горькое разочарование. Потом он пожал плечами — все очень просто, где же и находится космическому порту, если не в таком вот пустынном, необжитом месте.

Было холодно, но не слишком. Большое красное солнце висело низко над горизонтом, света его вполне хватало человеческому глазу, но Ян подумал, что, пожалуй, быстро затоскует по зеленому и голубым краскам. А потом увидел: в небе выгнулся огромный тонкий полумесяц, как будто возле солнца натянули гигантский лук. Ян долго разглядывал его, потом сообразил, что путешествие не совсем еще закончилось. Этот полумесяц и есть планета Сверхправителей. А здесь, должно быть, ее спутник, всего лишь база, откуда уходят в плавание звездолеты.

Его повели к другому кораблю, небольшому, не крупней земного пассажирского самолета. Чувствуя себя каким-то

пигмеем, он вскарабкался на одно из высоких сидений, пытался в иллюминатор хоть что-то разглядеть на приближающейся планете.

Перелет был стремительный, не удалось различить отдельные черты ширящегося внизу небесного тела. Похоже, даже здесь, так близко от дома, Сверхправителям служила разновидность того же межзвездного двигателя; уже через несколько минут корабль погрузился в плотную, пестрящую облаками атмосферу. Двери открылись, и все вышли в подобие ангара, своды его, должно быть, тотчас сомкнулись — над головой Ян не заметил никаких следов входного отверстия.

Из этого здания он вышел только через два дня. Никто не ждал такого груза и его некуда было пристроить. Да еще, на беду, ни один Сверхправитель не понимал его языка. Объясняться было невозможно, и Ян с горечью осознал, что войти в контакт с инопланетянами совсем не так просто, как это зачастую изображали в романах. Язык жестов оказался совершенно бесполезен, он основан главным образом на выразительности движений, позы, лица, а тут у людей нет ничего общего со Сверхправителями.

Неужели язык людей знают лишь те Сверхправители, которые остались на Земле, думал Ян, тогда все напрасно! Оставалось ждать и надеяться. Уж наверно, какой-нибудь здешний ученый, специалист по чужим обитаемым мирам, придет и займется им! Или он такое ничтожество, что никого не станут из-за него беспокоить?

Сам выбраться из здания он не мог, у огромных дверей не видно было ни ручек, ни кнопок. Когда к ним подходил Сверхправитель, они открывались сами собой. Ян тоже пытался на них подействовать, махал чем попало высоко над головой, рассчитывая прервать какой-нибудь следящий луч, перепробовал все способы, до каких мог додуматься, — но безуспешно. Наверно, вот таким беспомощным оказался бы пещерный житель доисторических времен, заброшенный в здание современного города. Ян как-то попытался выйти вместе с одним из Сверхправителей, но его мягко отогнали. И он отступился, он вовсе не желал рассердить хозяев.

Виндартен явился прежде, чем Ян успел прийти в отчаяние. Этот Сверхправитель говорил по-английски прескверно и притом чересчур быстро, но, что поразительно, чуть

не с каждой минутой все лучше. Через несколько дней они уже довольно легко беседовали на любую тему, лишь бы она не требовала специальной терминологии.

Как только Ян очутился под опекой Виндартена, ему не о чем стало тревожиться. Но он отнюдь не волен был заняться, чем хочется, — почти все его время уходило на встречи с учеными. Сверхправители жаждали исследовать его непонятными способами, при помощи сложных инструментов. Яна эти машины порядком пугали, а после опыта с каким-то гипнотическим устройством у него несколько часов кряду от боли раскалывалась голова. Он готов был всячески помогать исследователям, но сомневался, ясны ли им пределы его душевных и физических сил. Очень нескоро удалось убедить Сверхправителей, что через определенные промежутки времени ему необходим сон.

В короткие передышки между исследованиями Ян мельком видел город и понял, как трудно — да и опасно — было бы по нему передвигаться. В сущности, улиц вовсе нет, не видно и какого-либо транспорта. Ведь обитатели этого мира умеют летать, и им не страшна сила тяжести. А потому вдруг оказываешься на краю пропасти глубиной в сотни метров, и от одного взгляда кружится голова, либо выясняется, что единственный вход в комнату — отверстие высоко в стене. Самыми разными способами Ян поминутно убеждался, что психология крылатого племени не может не отличаться коренным образом от психологии тех, кто прикован к поверхности своей планеты.

Странно было видеть Сверхправителей, пролетающих среди городских башен, точно огромные птицы; поражали мощью неспешные взмахи крыльев. Тут таилась какая-то загадка для науки. Планета велика, больше Земли. Однако сила тяжести здесь ничтожная, и непонятно, откуда взялась такая плотная атмосфера. Ян стал расспрашивать Виндартена, и выяснилось, как он отчасти и ожидал, что это не родная планета Сверхправителей. Племя их возникло на другой, гораздо меньшей планете, а этот мир они освоили, изменив не только его атмосферу, но и тяготение.

Архитектура у них унылая, роль ее чисто подсобная. Ян не видал никаких украшений, каждая мелочь для чего-нибудь да предназначена, хотя ее назначение чаще всего непонятно.

Если бы этот город в неярком красном свете и его крылатых обитателей увидел человек средневековья, он наверняка решил бы, что очутился в аду. Даже Ян, при всей своей пыливости и присущем ученому бесстрастию, порой ощущал: вот-вот нахлынет ужас, неподвластный рассудку. Даже самый ясный и трезвый ум может утратить равновесие, когда нет кругом ни единой знакомой приметы и не на что опереться.

А тут было очень много непонятного, такого, чего Виндартен даже не пытался ему объяснить, — то ли не мог, то ли не хотел. Что за мгновенные вспышки и переменчивые тени мелькают в воздухе, стремительные, неуловимые, можно даже подумать, будто они лишь мерещатся? Быть может, это что-то грозное, величественное, — а может быть, просто бьющая в глаза чепуха вроде неоновых реклам в старину на Бродвее.

И еще Ян чувствовал, что мир Сверхправителей полон звуков, его слуху недоступных. Порой какие-то сложные летучие ритмы уносятся выше, выше или, напротив, все ниже — и исчезают за пределами восприятия. Виндартен словно не понимает, что имеет в виду Ян, когда заговаривает о музыке, а потому никак нельзя разобраться в этой загадке.

Город не так уж велик, безусловно, гораздо меньше, чем были в пору своего расцвета Лондон или Нью-Йорк. По планете, объяснил Виндартен, разбросано несколько тысяч таких городов, и у каждого свое особое назначение. Это скорее всего можно сравнить с каким-нибудь университетским городом на Земле, только специализация здесь зашла много дальше. Ян быстро понял, что весь этот город занят изучением инопланетных цивилизаций.

Во время одного из первых выходов Яна за пределы четырех голых стен, где его поселили, Виндартен повел его в музей чужой культуры. Это дало позарез необходимый заряд бодрости, наконец-то он попал в такое место, смысл и назначение которого вполне понятны! Если не думать о масштабах, этот музей можно бы принять за земной. Путь туда был долог, они размеренно опускались на громадной платформе, которая двигалась, точно поршень, в вертикальном цилиндре неведомо какой длины. Не видно никаких кнопок, рукояток или клавиш, но в начале и в конце спуска ясно

чувствуется ускорение. Должно быть, у себя дома Сверхправители не тратят энергию поля, уравнивающего тяготение. Ян спрашивал себя: не изрыта ли вся планета внутренними помещениями и переходами? И почему, ограничив размеры города, Сверхправители уводят его вглубь, а не растят ввышину? Еще одна загадка, он так ее и не решил.

Целой жизни не хватило бы на осмотр громадных залов музея. Здесь была собрана добыча, вывезенная со множества планет, достижения невесть скольких цивилизаций. Но Яну мало что удалось увидеть. Виндартен осторожно поставил его на полосу, которую Ян принял сперва за часть узора на полу. Потом вспомнил, что в городе нет никаких украшений, — и тотчас какая-то невидимая сила мягко охватила его и помчала вперед. Его несло мимо громадных витрин, мимо видений невообразимых миров со скоростью двадцати или, может быть, тридцати километров в час.

Посетитель музея всегда устает, а вот Сверхправители избавили его от усталости. У них тут незачем ходить пешком.

Потом провожатый опять подхватил Яна и взмахом могучих крыльев поднял над неведомой силой, которая пронесла их, наверно, несколько километров. Впереди открылся огромный, наполовину пустой зал, залитый знакомым светом, такого Ян не видел с тех пор, как покинул Землю. Смягченный, чтобы не пострадали чувствительные глаза Сверхправителей, то, несомненно, был свет земного Солнца. Никогда бы Ян не подумал, что от чего-то столь простого, столь обычного сердце его стиснет такая тоска.

Итак, здесь выставка экспонатов с Земли. Прошли несколько шагов, миновали прекрасную модель Парижа, потом нелепую смесь произведений искусства, представляющих добрый десяток разных столетий, потом новейшие вычислительные машины в соседстве с топорами каменного века, телевизоры — и рядом паровую турбину Герона Александрийского. Перед ними открылась высоченная дверь, и они вошли в кабинет главы Отдела Земли.

«Может быть, он видит человека впервые? — подумал Ян. — Побывал он хоть раз на Земле, или для него она — лишь одна из многих планет, которыми он ведает, даже не зная толком, где они находятся?» На земном языке он, во

всяком случае, не говорил и не понимал ни слова, пришлось Виндартену стать переводчиком.

Ян пробыл здесь несколько часов, хозяева показывали ему разные земные предметы, а он старался объяснить записывающему аппарату их назначение. Со стыдом он убедился, что многие вещи ему совершенно незнакомы. Каким же он оказался невеждой в делах и достижениях собственного племени! И сколь ни велики разум и способности Сверхправителей, сумеют ли они разобраться во всех сложностях человеческой культуры?

Из музея Виндартен повел его другой дорогой. Опять они без малейшего усилия плыли по огромным сводчатым коридорам, но теперь уже не мимо искусственных плодов разумной мысли, а мимо того, что создано природой. Салливен жизни не пожалел бы, лишь бы попасть сюда и увидеть, какие чудеса сотворила эволюция на сотне разных миров, подумалось Яну. Но ведь Салливен скорее всего уже умер...

Неожиданно они очутились на галерее, высоко над круглым помещением, наверно, около ста метров в поперечнике. По обыкновению, никаких перил; Ян чуть замешкался, прежде чем подойти к краю. Но Виндартен, стоя на самом обрезе галереи, спокойно смотрел вниз, и Ян осторожно придвинулся.

Дно этого вместилища оказалось всего лишь в двадцати метрах под ним... так близко, слишком близко! Позже, поразмыслив, Ян понял, что Виндартен вовсе не хотел его поразить, напротив, сам был ошеломлен. Потому что Ян с отчаянным воплем отскочил назад, безотчетно пытаясь укрыться от того, что лежало там, внизу. Лишь когда в плотном воздухе замерло приглушенное эхо его крика, он собрался с духом и опять подошел к краю.

Конечно, он был безжизненный, а не уставился на посетителя осмысленным взглядом, как сперва вообразил перепуганный Ян. Он занимал почти весь этот круглый бассейн, и в прозрачной глубине его мерцали, вздрагивали рубиновые отсветы.

Это был единственный исполинский глаз.

— Почему ты так шумел? — спросил Виндартен.

— Мне стало страшно, — смущенно признался Ян.

— Почему? Не думал же ты, что тут может быть какая-то опасность?

Можно ли ему объяснить, что такое рефлекс? Ян решил не пытаться.

— Всякая неожиданность пугает. Пока не разберешься в том, что совсем ново и незнакомо, безопасней предположить худшее.

Ян опять посмотрел вниз, на чудовищный глаз, сердце его все еще неистово колотилось. Впрочем, возможно, это лишь непомерно увеличенная модель, наподобие микробов и насекомых в земных музеях. Но, задавая себе этот вопрос, Ян уже холодел от уверенности, что глаз самый настоящий, в натуральную величину.

Виндартен мало что мог объяснить: он занимается другой областью науки, а в остальном не слишком любопытен. Из его слов в воображении Яна вырисовалась огромная одноглазая тварь, обитающая среди мелких астероидов подле какого-то далекого солнца; не стесненный силами тяготения, циклоп вырастает до невероятных размеров, а его пропитание и самая жизнь зависят от того, как далеко и ясно видит его единственное око.

Похоже, для Природы, когда ей это понадобится, невозможного нет, и Ян бездумно обрадовался открытию, что и Сверхправителям не все на свете доступно. Они привезли с Земли целого кита, но за такой экспонат не взялись и они.

А в другой раз он поднимался все выше, выше, и стенки лифта стали матовыми, а потом прозрачными, как хрусталь. Он стоял, словно бы ни на что не опираясь, среди высочайших вершин города, и ничто не отгораживало его от бездны. Но голова не кружилась, как не кружится в самолете, потому что вовсе не ощущалась поверхность планеты далеко внизу.

Ян стоял над облаками, наравне с ним в небе только и виднелись несколько металлических или каменных шпилей. Ниже лениво плескалось алое море сплошных облаков. Недалеке от тусклого солнца чуть светились две крохотные луны. Почти посередине этого расплывшегося красного диска темнел маленький аккуратный кружок. Быть может, солнечное пятно, а может, проходила мимо еще одна луна.

Ян медленно обводил взглядом горизонт. Облачный покров тянулся до самого края огромной планеты, но в одном месте, невзвезд в какой дали, проступали какие-то пятнышки, возможно — башни еще одного города. Ян долго всматривался, потом перевел испытующий взгляд дальше.

Описав глазами полукруг, он увидел гору. Она поднималась не на горизонте, но позади него — одинокая зубчатая вершина вздымается над краем планеты, склоны уходят куда-то вниз, основания не разглядеть — так скрыта под водой почти вся громада айсберга. Тщетно Ян пытался угадать размеры этой громадины. Просто не верилось, что даже на планете, где сила тяжести совсем мала, могут существовать такие горы. Любопытно, может быть, Сверхправители поднимаются на эти откосы и парят, подобно орлам, среди исполинских зубцов этой крепости?

А потом, у него на глазах, гора стала медленно менять свой облик. Когда Ян впервые заметил ее, она была темно-багровая, почти зловещего оттенка, с немногими неясными отметинами у самой вершины. Он все старался рассмотреть их и вдруг понял, что они движутся...

Сперва Ян не поверил своим глазам. Потом старательно напомнил себе, что все привычные понятия здесь бесполезны — нельзя позволить рассудку отбросить хотя бы малость из того, что воспринимают чувства и передают в тайники мозга. Нельзя и пытаться понять, надо только наблюдать. Понимание придет после — или не придет совсем.

Гора — Ян все еще считал, что это гора, никакое другое слово тут не подходило — казалась живой. Ему вспомнился чудовищный глаз там, в склепе, в недрах планеты... но нет, нелегко. Сейчас перед ним не органическая жизнь, быть может, даже и не материя в знакомом, привычном понимании.

Тусклый багрянец разгорался, гневно пламенел. Его раскалили яркие желтые полосы, и Ян подумал было, что это вулкан извергает потоки лавы вниз, на равнину. Но приметил движение каких-то пятен и крапинок и понял — потоки эти устремляются вверх!

И вот что-то новое поднимается из алых облаков, опоясывающих основание горы. Громадное кольцо, безупречно ровное по горизонтали, безупречно круглое — и того цвета, что Ян оставил далеко позади: так ясно голубеет только

небо над Землею. Еще ни разу в мире Сверхправителей он не видал такой лазурной синевы, и ему перехватило горло тоской и одиночеством.

А голубое кольцо поднималось, ширилось. Вот оно уже взмыло над вершиной горы, а ближний край его мчится сюда, к Яну. Конечно же, это какой-то вихрь, кольцо газа или дыма, разросшееся уже до нескольких километров в поперечнике. Однако никакого вращения не заметно и, разрастаясь вширь, кольцо как будто не становится менее плотным.

Тень его пронеслась мимо задолго до того, как само кольцо, поднимаясь все выше, величаво проплыло над головой Яна. Ян следил за ним, пока оно не обратилось в тонкую голубую ниточку, которую он едва различал в багряном небе. Когда оно совсем скрылось из виду, ширина его, должно быть, измерялась уже тысячами километров. И оно продолжало расти.

Ян опять посмотрел на гору. Теперь она была вся золотая, без единого пятнышка. Может быть, Яну только почудилось — теперь он готов был поверить чему угодно, — но она словно бы сузилась, стала выше и вращалась вокруг своей оси, точно смерч. Только теперь, оцепенелый, ошеломленный чуть не до потери сознания, вспомнил Ян о своем фотоаппарате. Поднес его к глазам и начал наводить на эту невозможную, ему непостижимую загадку.

Виндартен поспешно шагнул к нему и все заслонил. Решительно, неумолимо огромные ладони закрыли объектив и пригнули аппарат книзу. Ян и не пробовал воспротивиться; конечно, это и не удалось бы, но он вдруг ощутил смертельный ужас перед тем, неведомым, на краю чужого мира... нет, с него довольно.

До этого, где он ни побывал, ему никто не мешал фотографировать, и сейчас Виндартен никак не объяснил запрета. Зато долго и подробно, до мелочей, расспрашивал Яна, как и что он видел.

Тогда-то Ян понял, что глазам Виндартена представилось нечто совсем другое, и тогда же впервые догадался, что Сверхправители тоже кому-то подчиняются.

И вот он возвращается домой, все чудеса, все страхи и тайны позади. Корабль, наверно, тот же самый, но команда

наверняка другая. Как ни долг век Сверхправителей. трудно поверить, чтобы они охотно отрывались от дома на десятилетия, которые отнимает межзвездный перелет.

Разумеется, относительность времени при околосветовой скорости — медаль о двух сторонах. Сверхправители в полете до Земли станут старше всего лишь на четыре месяца, но к их возвращению друзья их постареют на восемьдесят лет.

Если бы Ян захотел, он, несомненно, мог бы остаться здесь до конца жизни. Но Виндартен предупредил его, что следующий корабль отправится на Землю только через несколько лет, и посоветовал не упускать случая. Возможно, Сверхправители поняли, что рассудок человека, пожалуй, не выдержит наплыва впечатлений. А может быть, просто он стал помехой и уже недосуг было им заниматься.

Теперь все это неважно, впереди Земля. Сто раз он видел ее вот так, с высоты, но всегда — холодным, искусственным глазом телекамеры. А теперь наконец он и сам смотрит из космоса, разыгрывается заключительный акт его осуществленной мечты, и Земля кружит под ним на вечной своей орбите.

Огромный сине-зеленый серп виден в первой четверти, остальной диск еще скрывает ночная тьма. Облаков почти нет, лишь кое-где протянулись полосы вдоль направления пассатов. Сверкает ледяная шапка полюса, но еще ярче, ослепительней отражение солнечных лучей в водах Тихого океана.

В этом полушарии так мало суши. Можно подумать, будто вся планета покрыта водой. Из материков виднеется только Австралия — здесь чуть гуще дымка атмосферы, обволакивающая планету.

Корабль входил в огромный темный конус — тень Земли; блестящий серп сузился в тонкую огненную полоску, в пылающий изогнутый лук, прощально мигнул и исчез. Внизу темнота и ночь. Мир, погруженный в сон.

И тогда Ян понял, что же тут неладно. Под ним суша, но где мерцающие ожерелья огней, блистательный фейерверк — примета возведенных людьми городов? Все полушарие во мраке, ни единая искорка не разгоняет ночную тьму. Ни следа миллионов киловатт, чей свет когда-то щедро

изливался в небеса. Казалось, перед глазами Яна Земля, какую она была до человека.

Не таким представлял себе Ян возвращение домой. Осталось только ждать, а в душе нарастал страх перед неизвестным. Что-то случилось... что-то непостижимое. А меж тем корабль, уверенно снижаясь, описал широкую дугу и опять вышел на освещенную солнцем сторону планеты.

Ян не видел посадки — изображение Земли на экране внезапно сменилось непонятными узорами линий и огней. А когда экран опять прояснился, путешествие кончилось. Теперь вдали виднелись высокие здания, вокруг двигались какие-то машины, за ними следили несколько Сверхправителей.

Где-то приглушенно загудела воздушная струя — давление воздуха в корабле уравнивалось с наружным, потом Ян услышал, как раскрываются огромные створы. Он не мог больше ждать; молчаливые великаны то ли снисходительно, то ли равнодушно смотрели, как он бегом кинулся вон из рубки.

Он дома, опять он видит сияние знакомого солнца, вдыхает тот же воздух, который впервые омыл его легкие, едва он родился на свет. Трап уже спустили, но Яну пришлось чуть помедлить, освоиться со слепящим сиянием дня.

Кареллен стоял поодаль от остальных, возле огромной платформы, груженной ящиками. Ян и не задумался, каким образом он узнал Попечителя, не удивился, что тот совсем такой же, как был. Кажется, лишь к этому он был готов — что не встретит в Кареллене перемены.

— Я тебя ждал, — сказал Кареллен.

ГЛАВА 23

— **П**оначалу нам не опасно было появляться среди них, — сказал Кареллен. — Но они в нас больше не нуждались: наша работа была закончена, когда мы собрали их всех вместе и поселили на отдельном материке. Смотри.

Стена перед Яном исчезла. Теперь с высоты в несколько сот метров он смотрел на приветливую лесистую местность. Казалось, между ним и землей нет никакой преграды, и на миг у Яна закружилась голова.

— Так было пять лет спустя, когда началась вторая фаза.

Внизу двигались какие-то фигуры, и кинокамера стремглав спускалась на них, словно хищная птица.

— Тебе горько будет на них смотреть, — сказал Кареллен. — Но помни, прежние мерки тут неприменимы. Эти дети — не люди.

Однако Ян в них увидел детей, и никакая логика не могла рассеять это впечатление. Казалось, это дикари, исполняющие какой-то сложный обрядовый танец. Все они голые, грязные, за всклокоченными волосами не видно глаз. Насколько мог разобрать Ян, они были разного возраста, от пяти до пятнадцати, однако все двигались одинаково быстро, уверенно, не обращая ни малейшего внимания на окружающее.

А потом Ян разглядел их лица. Он насилу проглотил ком в горле, немало труда ему стоило не отвернуться. Совершенно пустые лица, хуже, чем мертвые, потому что и черты мертвеца сохраняют какой-то отпечаток, наложенный Временем, говорящий даже тогда, когда уже немы уста. А в этих лицах волнения, чувства не больше, чем у змеи или у насекомого. Сверхправители — и те с виду человечнее.

— Ты ищешь то, чего здесь больше нет, — сказал Кареллен. — Запомни, в них нет ничего от личности, как не обладает личностью отдельная клетка человеческого тела. Но в единстве они составляют нечто несравнимо более великое, чем человек.

— Почему они все время так двигаются?

— Мы это называем Долгим танцем, — отвечал Кареллен. — Они никогда не спят, и это длится уже почти год. Их триста миллионов, и они образуют строго определенный движущийся рисунок от края до края материка. Мы без конца пытаемся найти в этом рисунке смысл — и не находим, быть может, потому, что нам видна только физическая сторона, только небольшая часть — то, что здесь, на Земле. Вероятно, то, что мы называем Сверхразумом, еще обучает их, лепит из них некое единство, а уже потом вберет его в себя без остатка.

— Но как же они обходятся без еды? И что, если они наткнутся на какое-нибудь препятствие — на дерево, скалу, реку?

— Река не имеет значения, утонуть они не могут. О препятствия иногда ушибаются, но даже не замечают ушибов. А что до еды... ну, тут вдоволь и плодов, и дичи. Но в еде они больше не нуждаются, как и во многом другом. Ведь пища — это прежде всего источник энергии, а они научились черпать из более мощных источников.

Перед глазами что-то мигнуло, будто все заволокло знойной дымкой. А когда картина прояснилась, внизу уже не было движения.

— Смотри, — сказал Кареллен. — Это три года спустя.

Маленькие фигурки, совсем беспомощные и жалкие, если не знать правды, недвижимо застыли в лесу, на прогалине, на равнине. Кинокамера неустанно переходила от одного к другому, и Яну показалось, будто все они теперь на одно лицо. Когда-то ему случилось видеть странные фотографии, их печатали, накладывая один на другой десятки негативов, и получали некие «средние» черты. Те лица были так же пусты, безжизненны, неразличимы.

Казалось, стоящие спят или оцепенели. Веки у всех сомкнуты, и, похоже, существа эти сознают окружающее не больше, чем деревья, под которыми они застыли. Какие мысли отдаются в сложном переплетении, в котором разум каждого не больше — но и не меньше, — чем нить исполинской ткани, спросил себя Ян. И вдруг понял, что ткань эта окутывает множество миров и множество племен — и продолжает расти.

И вдруг... Ян не поверил глазам, ослепленный, ошарашенный. Секунду назад перед ним был приветливый, плодородный край, картина самая обыкновенная, только и странного, что разбросанные по нему из конца в конец (но не совсем беспорядочно) несчетные маленькие изваяния. И внезапно деревья и травы и все живые твари, которым они служили приютом, исчезли, сгнули без следа. Остались лишь тихие озера, извилистые реки, округлые холмы — бурые, разом утратившие свой зеленый покров, — и молчаливые равнодушные статуи, виновники этого внезапного разрушения.

— Зачем же они все уничтожили? — ахнул Ян.

— Возможно, им мешало присутствие чужого разума — даже самого примитивного, разума животных и растений. Нас не удивит, если наступит день, когда они сочтут помехой

весь материальный мир. И как знать, что тогда произойдет? Теперь ты понимаешь, почему, исполнив свой долг, мы устранились. Мы все еще пробуем изучать их, но никогда больше не бываем там у них и не посылаем туда наши приборы. Мы только и решаемся наблюдать за ними сверху.

— Это случилось много лет назад, — сказал Ян. — А что было дальше?

— Почти ничего. За все это время они не шевельнулись, не обращали внимания — день ли в их краю или ночь, лето или зима. Они все еще пробуют свои силы. Некоторые реки изменили русло, а одна теперь течет в гору. Но до сих пор все, что они делают, кажется бесцельным.

— А вас они совсем не замечают?

— Да, но тут нет ничего удивительного. Тому... целому... частью которого они стали, о нас все известно. Наши попытки его изучить ему, видимо, безразличны. Когда оно захочет, чтобы мы ушли отсюда, или пожелает поручить нам работу в другом месте, оно вполне ясно выразит свою волю. А до тех пор мы останемся здесь, пусть наши ученые узнают как можно больше.

«Так вот он, конец человечества», — подумал Ян с покорностью, превосходящей самую горькую скорбь. Конец, какого не предвидел ни один пророк... Тут равно не остается места ни надежде, ни отчаянию.

И однако есть в этом какая-то закономерность, высшая неизбежность, законченность, словно в великом произведении искусства. Хоть и мельком, но Ян видел Вселенную во всей ее грозной необъятности, и теперь он знал — человеку в ней не место. Теперь-то он понимал, какой напрасной в последнем счете была мечта, что заманила его к звездам.

Ибо дорога к звездам раздваивается — и в какую сторону ни пойдешь, в конце пути нет ничего, что хоть в малой мере отвечает надеждам или страхам человечества.

В конце одного пути — Сверхправители. Каждый сохранил свою личность, свое независимое «я»; они обладают самосознанием, и местоимение «я» в их языке полно смысла. Они способны чувствовать, и хотя бы некоторые свойственные им чувства — те же, что и у людей. Но теперь ясно, они зашли в тупик, откуда нет и не будет выхода. Их разум

в десять, а возможно, и в сто раз могущественней человеческого. Но в последнем счете это неважно. Они так же беспомощны, их так же подавляет невообразимая сложность Галактики, соединяющей в себе сто тысяч миллионов солнц, и космоса, в котором сто тысяч миллионов галактик.

А в конце другого пути? Там — Сверхразум, что бы ни означало это понятие, и человек перед ним — то же, что амeba перед человеком. По сути своей бесконечный, беспредельный, бессмертный, сколько времени вбирал он в себя одно разумное племя за другим, ширясь и ширясь среди звезд? Есть ли и у него желания, есть ли цели, которые он смутно осознает, но которых, быть может, никогда не достигнет? Теперь он вобрал в себя и все то, чего достигло за время своего бытия земное человечество. Это не трагедия, но свершение. Миллиарды мыслящих искр, из которых состояло человечество, мелькнули светлячками в ночи и угасли навсегда. Но жизнь их была не совсем уж напрасной.

Ян понимал, развязка еще впереди. Возможно, она наступит завтра, а быть может, через столетия. Даже Сверхправители не знают наверняка.

Теперь ясно, чего они добиваются, что сделали для человечества и почему все еще не уходят от Земли. Перед ними чувствуешь себя ничтожеством, и нельзя не восхищаться их непоколебимым терпением. Ведь они ждут так долго...

Яну не удалось узнать, каким образом возникли странные узы, соединяющие Сверхразум с его слугами. По словам Рашаверака, Сверхразум присутствовал в истории его народа с самого начала, но распоряжаться Сверхправителями начал, лишь когда они создали высоконучную цивилизацию и смогли странствовать в космосе, исполняя его поручения.

— Но зачем вы ему нужны? — недоумевал Ян. — При такой невообразимой мощи для него уж наверно нет невозможного.

— Есть, — сказал Рашаверак. — Для него тоже есть пределы. Мы знаем, в прошлом он пытался воздействовать непосредственно на сознание других разумных существ и влиять на развитие их культуры. И всякий раз терпел неудачу — возможно, для тех напряжение оказывалось непосильным.

Мы его переводчики... мы опекуны, или, если взять одно из ваших сравнений, мы возделываем почву и ждем, пока придет пора жатвы. Сверхразум собирает урожай, а мы переходим на новое поле. Вы — уже пятое разумное племя, на наших глазах достигшее вершины. И каждый раз к нашим знаниям что-то прибавляется.

— Неужели вас не возмущает, что Сверхразум пользуется вами как орудием?

— Это дает нам и некоторые преимущества; притом только тот, кто неразумен, возмущается неизбежным.

Вот с чем никогда не могло по-настоящему примириться человечество, хмуро подумал Ян. Есть вещи, которые не поддаются логике, и вот их-то Сверхправителям не понять.

— Странно, почему же Сверхразум выбрал именно вас своим орудием, если вы ни в малейшей мере не обладаете сверхчувственными силами, какие скрыты в людях. Как же он с вами общается, как дает вам знать, чего он хочет?

— На это я не могу ответить — и не могу объяснить, почему должен некоторые обстоятельства от тебя скрывать. Возможно, настанет день, когда ты узнаешь долю истины.

Озадаченный, Ян призадумался было, но понял — дальше об этом расспрашивать бесполезно. Придется переменить тему в надежде, что после все же отыщется ключ к загадке.

— Тогда скажите вот о чем, этого вы тоже никогда не объясняли. Что стряслось, когда ваше племя явилось на Землю впервые, в далеком прошлом? Почему вы стали для нас воплощением ужаса и зла?

Рашаверак улыбнулся. Это ему не так удавалось, как Кареллену, но все-таки выходило похоже на улыбку.

— Никто не мог догадаться, и теперь ты понимаешь, отчего мы не могли вам объяснить. Только одно событие способно было до такой степени потрясти человечество. Но это случилось не на заре вашей истории, а в самом ее конце.

— То есть как? — не понял Ян.

— Когда наши корабли полтора-два столетия назад появились на вашем небе, это была первая встреча наших народов, хотя, конечно, на расстоянии мы вас изучали. И все же вы боялись нас и узнали, и мы заранее знали, что так будет. Это, в сущности, не память. Ты сам убедился на опыте, время — нечто гораздо более сложное, чем представлялось

вашей науке. То была память не о прошлом, но о будущем, об этих последних годах, когда — человечество знало — для него все кончится. Как мы ни старались, конец оказался нелегким. Но мы были при нем — и поэтому люди увидели в нас воплощение своей гибели. А ведь до конца оставалось еще десять тысячелетий! Это было словно искаженное эхо; отдаваясь в замкнутом кольце Времени, оно пронеслось из будущего в прошлое. Скорее не память, но предчувствие!

Не просто было в этом разобраться, и Ян помолчал, пытаясь осмыслить нежданное открытие. А между тем не так уж это неожиданно — разве он не убедился на опыте, что причина и следствие подчас меняются местами?

Очевидно, существует некая племенная, родовая память, и память эта каким-то образом перестает зависеть от времени. Будущее и прошлое для нее — одно и то же. Вот почему тысячи лет назад затуманенные смертельным ужасом человеческие глаза уже уловили искаженный облик Сверхправителей.

— Теперь я понимаю, — сказал последний человек.

Последний человек на Земле! Нелегко это сознавать. Улетая в космос, Ян мирился с мыслью, что, быть может, навсегда отрывается от людей, но еще не чувствовал одиночества. Пожалуй, с годами появится и даже станет мучительным желание увидеть человеческое лицо, но до поры в обществе Сверхправителей ему не совсем уж одиноко.

Всего лишь за десять лет до его возвращения на Земле еще оставались люди, но то были последыши, выродки, и Яну не стоило жалеть, что он их не застал. Детей больше не было — Сверхправители не могли объяснить, почему осиротевшие отцы и матери не пытались восполнить утрату, но Ян подозревал, что причины тут прежде всего психологические. *Noto sapiens* вымер.

Возможно, где-то в одном из еще не тронутых разрушением городов сохранилась рукопись какого-нибудь запоздалого Гиббона, повествующая о последних днях рода людского. Но если и так, Ян не стремился ее прочесть; с него довольно было рассказа Рашаверака.

Кое-кто покончил с собой, другие в поисках забвения предавались лихорадочной деятельности или какому-нибудь безрассудному, самоубийственному спорту, подчас напоми-

нающему небольшую войну. Численность населения быстро уменьшалась, остающиеся, старея, жались друг к другу — разбитая армия смыкала ряды в последнем своем отступлении.

Должно быть, перед тем как навеки опустился занавес, заключительный акт трагедии озаряли вспышки героизма и преданности, омрачали варварство и себялюбие. Кончилось ли все отчаянием или покорностью, Яну никогда уже не узнать.

Ему и без того было о чем подумать. Примерно в километре от базы Сверхправителей находилась заброшенная вилла, и Ян не один месяц потратил, приводя ее в порядок, перевез туда из ближнего города, километров за тридцать, всякие нужные в обиходе приборы и устройства. В город с ним летал Рашаверак, чья дружба, как подозревал Ян, была не совсем уж бескорыстной. Сверхправитель, специалист-психолог, все еще изучал последнего представителя *Homo sapiens*.

Видимо, жители покинули этот город раньше, чем настал конец; дома и даже почти все необходимое, например водопровод, еще оставались в целости и сохранности. Совсем не трудно было бы пустить в ход электростанцию, вернуть блеск широким улицам, видимость жизни. Ян недолго тешился этой мыслью — нет, не стоит, что-то тут есть болезненное. Ясно одно: предаваться сожалениям о прошлом он не желает.

Под рукой все необходимое, до самого конца он ни в чем не будет нуждаться, но непременно надо отыскать электронный рояль и кое-какие переложения Баха. Ему всегда хотелось всерьез заниматься музыкой, и вечно не хватало времени, теперь он это наверстает. И вот, если он не играет сам, так включает записи великих симфоний и концертов, музыка в его жилище не умолкает. Музыка — вот его талисман, защита от одиночества, которое рано или поздно неминуемо станет для него непосильным гнетом.

Часто он подолгу бродил по холмам и думал обо всем, что случилось за немногие месяцы, с тех пор, как он в последний раз видел Землю. Не думал он, когда прощался с Салливером восемьдесят земных лет назад, что уже готово родиться последнее поколение людей.

Каким же он был тогда безмозглым щенком! Но вряд ли стоит раскаиваться, ведь, останься он на Земле, пришлось бы воочию видеть те последние годы, скрытые теперь завесой времени. А он миновал их, перескочил в будущее и узнал ответы на вопросы, на которые никто больше из людей ответа не получит. Его любопытство почти утолено, лишь порой он спрашивает себя, чего ждут Сверхправители, почему еще медлят здесь и чем же в конце концов будет вознаграждено их терпение? Но чаще всего, со спокойной покорностью, какая обычно приходит к человеку лишь в конце долгой хлопотливой жизни, он проводил время за роялем, упиваясь музыкой Баха. Возможно, он обманывал себя, возможно, то была благотворная прихоть рассудка, но теперь Яну казалось — только об этом он всегда и мечтал. Жажда, что скрывалась в тайниках души, осмелилась наконец выйти на свет сознания.

Ян всегда был неплохим пианистом, а теперь он — лучший в мире.

ГЛАВА 24

Новость ему сообщил Рашаверак, но он уже догадывался и сам. Перед рассветом он очнулся от какого-то страшного сна и уснуть больше не мог. И не удалось вспомнить, что же привиделось, а это очень странно, ведь он издавна убежден: любое сновидение можно вспомнить сразу, едва проснешься, надо лишь как следует постараться. Он только и вспомнил, что во сне он опять — маленький мальчик, стоит на огромной пустой равнине и прислушивается, а неведомый властный голос зовет на незнакомом языке.

Сон все еще тревожил — может быть, это одиночество нанесло первый удар его рассудку? Яну не сиделось дома, и он вышел на заброшенную, заросшую лужайку.

Полная луна все заливала золотистым ярким светом, отчетливо видна была каждая мелочь. Исполинский цилиндр Карелленова корабля мерцал позади базы Сверхправителей, по сравнению с ним здания базы казались всего лишь делом рук человеческих. Ян смотрел на корабль, пытаясь вспомнить, какие чувства будил в нем когда-то вид этой громадины. Тогда казалось, это — недостижимая цель, символ

всего, к чему стремишься понапрасну. А теперь вид его нисколько не волнует.

Как все здесь застыло в тишине! Конечно, Сверхправители, как всегда, чем-то заняты, но сейчас их не видно. Словно Ян совсем один на Земле... да, в сущности, так оно и есть. Он посмотрел на Луну, хоть бы глаза и мысли отдохнули на чем-то знакомом, привычном.

Вот они, древние, издавна памятные лунные моря. Ян побывал в глубине космоса, на расстоянии сорока световых лет, но ему так и не довелось пройти по этим пыльным безмолвным равнинам, до которых всего лишь две световые секунды. С минуту он для развлечения старался найти взглядом кратер Тихо. А когда нашел, удивился: светящееся пятнышко оказалось дальше от середины лунного диска, чем он думал. И вдруг он понял, что темный овал Моря Кризисов куда-то исчез.

Спутник Земли обратился к ней совсем не то лицо, которое смотрело на нее с начала времен. Луна стала вращаться вокруг своей оси.

Это могло означать только одно. В другом полушарии Земли, на материке, с которого они так внезапно смели все живое, те очнулись от долгого оцепенения. Как ребенок, просыпаясь, тянется навстречу свету дня, они, разминая мышцы, играли своими вновь обретенными силами.

— Да, ты угадал, — сказал Рашаверак. — Нам небезопасно дольше здесь оставаться. Может быть, пока они еще не обращают на нас внимания, но рисковать нельзя. Мы улетим, как только все погрузим, — часа через два, через три.

Он посмотрел на небо, словно боялся, что там вот-вот вспыхнет какое-нибудь новое чудо. Но нет, все спокойно; Луна зашла, лишь редкие облака плывут в вышине, подгоняемые западным ветром.

— Баловство с Луной еще не так опасно, — прибавил Рашаверак. — Ну а если они вздумают повернуть и Солнце? Разумеется, мы оставим здесь приборы и от них узнаем, что будет дальше.

— Я остаюсь, — вдруг сказал Ян. — На Вселенную я не смотрелся. Теперь мне интересно только одно — судьба моей родной планеты.

Почва под ногами тихонько дрогнула.

— Я этого ждал, — продолжал Ян. — Раз они изменили вращение Луны, где-то должен измениться момент количества движения. И теперь замедляется вращение Земли. Даже не знаю, что меня больше поражает, — как они это делают или зачем.

— Они все еще играют, — сказал Рашаверак. — Много ли логики в поступках ребенка? А то целое, которое возникло из вашего племени, во многих отношениях еще ребенок. Оно еще не готово соединиться со Сверхразумом. Но очень скоро и это придет, и тогда вся Земля останется в твоём распоряжении.

Он не закончил мысль, Ян договорил за него:

— Если только сама Земля не перестанет существовать.

— Ты понимаешь, что есть и такая опасность, и все равно хочешь остаться?

— Да. Я провел дома пять лет... или уже шесть? Будь что будет, я ни о чем не пожалею.

— Мы и надеялись, что ты захочешь остаться, — медленно заговорил Рашаверак. — Если останешься, ты сможешь кое в чем нам помочь...

Огненный след звездолета истончился и угас где-то за орбитой Марса. Из миллиардов людей, что жили и умерли на Земле, только он, Ян, проделал однажды этот путь, думал он теперь. И уже никто никогда больше там не пройдет.

Вся Земля принадлежит ему. Ни в чем нет недостатка, доступны все материальные блага, каких только можно пожелать. Но его это больше не привлекает. И не страшат ни одиночество на безлюдной планете, ни присутствие того, что еще здесь, близко, но очень скоро пустится на поиски своей неведомой доли. И уж наверно, уносясь прочь, оставит за собой такой бурный, вспененный след, что Яну со всеми загадками, которые его еще занимают, не уцелеть.

Ну и пусть. Он добился всего, чего хотел, и после этого было бы нестерпимо скучно влачить бесцельное существование на опустелой планете. Можно бы улететь вместе со Сверхправителями, но какой смысл? Ведь он, как никто другой, знает, Кареллен сказал когда-то чистую правду: «Звезды — не для человека».

Ян оставил за собой ночную тьму и через широкие ворота вошел на базу Сверхправителей. Ее размеры ничуть не подавляют, огромность сама по себе для него давно уже ничего не значит. Тускло горят красноватые светильники — энергии, что их питает, хватило бы еще на века. По обе стороны дороги лежат брошенные Сверхправителями машины, никогда Ян не узнает тайны их устройства и назначения. Он миновал их, неловко вскарабкался по громадным ступеням и наконец добрался до рубки.

Здесь еще живет дух Сверхправителей, еще работают их машины, выполняя волю теперь уже далеких своих владык. Что же может Ян прибавить к потоку сведений, который неумоимо извергают они в пространство?

Он забрался на высоченное сиденье пилота, постарался устроиться поудобнее. Его ждет уже включенный микрофон; наверно, за каждым его шагом следит какое-нибудь подобие телекамеры, но обнаружить его не удалось.

За панелью управления со множеством непонятных инструментов смотрят в звездную ночь широкие окна, видна долина, спящая под немного уже ущербной луной, и далекий горный хребет. По долине вьется река, там и сям поблескивают в лунном свете то воронка, то плеснувшая волна. Везде такой покой. Быть может, и при рождении человечества было все вот так же, как в его последний час.

Где-то в пространстве, неведь за сколько миллионов километров, конечно, ждет Кареллен. Странно думать, что корабль Сверхправителей мчится от Земли почти с той же скоростью, как сигнал, который Ян пошлет вдогонку. Почти — и все же не так быстро. Долгая будет погоня, но слова его дойдут до Попечителя, и тем самым Ян отдаст ему свой долг.

Любопытно, многое ли из случившегося и раньше входило в планы Кареллена, и сколько — внезапное наитие, гениальная импровизация? Неужели почти сто лет назад Попечитель умышленно дал ему тайком бежать с Земли, чтобы, возвратясь, он мог сыграть нынешнюю свою роль? Нет, это уж слишком невероятно. Однако ясно одно: Кареллен заранее вынашивал какой-то грандиозный, сложный замысел. Он служил Сверхразуму — и в то же время изучал его всеми средствами. Ян подозревал, что Попечитель движим

не одной лишь пытливостью ученого; быть может, Сверхправители мечтают когда-нибудь узнать достаточно о могучих силах, которым служат, и освободиться от этого странного порабощения.

Только трудно поверить, будто Ян сейчас может хоть что-то прибавить к их познаниям. «Говори нам, что ты видишь, — сказал ему Рашаверак. — Картину, которая будет у тебя перед глазами, передадут и наши камеры. Но поймешь и осмыслишь ты ее, вероятно, совсем иначе, и это, возможно, многое нам объяснит». Что ж, он будет стараться из всех сил.

— Все еще ничего нового, — начал он. — Несколько минут назад я видел, как исчез в небе след вашего корабля. Луна как раз начинает убывать, и та ее сторона, которой она всегда была обращена к Земле, теперь почти наполовину не видна... Впрочем, вы, наверно, это уже знаете.

Ян примолк, чувствовал он себя довольно глупо. Что-то есть в его поведении неуместное, даже немножко нелепое. Завершается история целого мира, а он — будто радиокomentатор на скачках или на состязаниях по боксу. Но тут же он пожал плечами и отмахнулся от этой мысли. В минуты величия поблизости во все времена ухмылялась пошлость... но здесь, кроме него самого, некому ее замутить.

— За последний час было три небольших землетрясения, — продолжал он. — Они замечательно управляют вращением Земли, но все-таки не в совершенстве... Право, Кареллен, я все больше убеждаюсь, как трудно сказать вам что-нибудь такое, чего вам уже не сообщили ваши приборы. Наверно, было бы легче, если б вы хоть намекнули, чего мне ждать, и предупредили, долго ли надо ждать. Если ничего не случится, выйду опять на связь через шесть часов, как мы условились...

Нет, слушайте! Наверно, они только и ждали вашего отлета. Что-то начинается. Звезды тускнеют. Похоже, все небо страшно быстро заволакивает огромное облако. Только на самом деле это не облако. В нем есть какая-то система... Трудно различить, но что-то вроде туманной сетки из лент и полос, и они все время перемещаются. Будто звезды запутались в огромной призрачной паутине.

Вся эта сеть засветилась... светится и пульсирует, совсем как живая. Наверно, и правда живая... или это что-то выше, чем жизнь, как все живое выше неорганического мира?

Кажется, свечение сдвигается в один край неба... подождите минуту, я перейду к другому окну.

Ну да... я мог бы и раньше догадаться. На западе над горизонтом огромный пылающий столб, какое-то огненное дерево. Оно очень далеко, на той стороне Земли. Я знаю, откуда оно растет, это они наконец пустились в путь, чтобы соединиться со Сверхразумом. Ученичество закончено, они отбрасывают последние остатки материи.

Огненный столб поднимается выше, а та сетка становится отчетливей, она теперь не такая туманная. Местами как будто совсем плотная... хотя звезды еще немножко просвечивают сквозь нее.

А, понял. Кареллен, я видел, над вашей планетой выросло что-то очень похожее, хотя и не в точности такое же. Может, это была часть Сверхразума? Наверно, вы скрывали от меня правду, чтобы у меня не возникли предвзятые идеи... чтоб я стал непредубежденным наблюдателем. Хотел бы я знать, что вы сейчас видите на своих экранах, и сравнить с тем, что мне сейчас представляется!

Наверно, вот так он с вами и говорит, Кареллен, — такими вот очертаниями и красками? Я помню, в рубке вашего корабля по экранам бежали какие-то узоры, это был зримый язык, внятный вашим глазам.

Теперь среди звезд мерцают и пляшут сполохи, точь-в-точь северное сияние. Ну конечно, наверняка так оно и есть — сильнейшая магнитная буря. Долина, горы — все осветилось... ярче, чем днем... красные, золотые, зеленые полосы пробегают по небу... никакими словами не опишешь, просто несправедливо, что я один вижу такое... и не думал, что возможны такие цвета...

Буря утихает, но та огромная туманная сеть еще тут. Пожалуй, северное сияние только побочный продукт какой-то энергии, которая высвобождается там, в стратосфере...

Одну минуту, что-то новое. Какая-то легкость во всем теле. Что это значит? Роняю карандаш — он падает медленно, как перышко. Что-то происходит с силой тяжести... поднимается сильный ветер... на равнине ветви деревьев ходят ходуном.

Понятно... атмосфера улетучивается. Камни и палки несутся вверх, будто сама Земля хочет рвануться за теми в небо. Вихрем подняло тучу пыли. Ничего не разглядеть... может, скоро прояснится.

Да... теперь лучше. С поверхности все сметено... пыль рассеялась. Любопытно, долго ли продержится это здание? И становится трудно дышать... попробую говорить медленней.

Вижу опять хорошо. Тот огненный столб еще на месте, но сжимается, суживается... будто смерч, уходящий в облака. И... как это передать? — меня захлестнуло таким волнением! Это не радость и не скорбь... было чувство полноты, свершения. Может, почудилось? Или это нахлынуло извне? Не знаю.

А теперь... нет, это не просто чудится... мир стал пустой. Совсем пустой. Все равно как слушаешь радио — и вдруг все выключилось. И небо опять ясное... туманная сетка пропала. Куда оно теперь пойдет, Кареллен? И на той планете вы опять будете ему служить?

Странно, вокруг меня все по-прежнему. Не знаю, почему-то я думал...

Ян умолк. Минуту мучился, не находя слов, закрыл глаза, силясь овладеть собой. Сейчас не до страха, не до паники, надо исполнить свой долг... долг перед Человечеством — и перед Карелленом.

Сперва медленно, будто просыпаясь, он снова заговорил:

— Здания вокруг... долина... горы... все прозрачное, как стекло... я вижу сквозь них! Земля истает... я стал почти невесомый. Вы были правы... им больше не нужны игрушки.

Остались секунды. Горы взлетают клоками дыма. Прощайте, Кареллен, Рашаверак... мне вас жаль. Мне этого не понять, а все-таки я видел, чем стало мое племя. Все, чего мы достигли, поднялось к звездам. Может, это и хотели сказать все старые религии. Только они перепутали, они думали, человечество так много значит, а мы лишь одно племя из... знаете ли вы, сколько их? А теперь мы — уже другое, вам этого не дано.

Река исчезает. А небо пока прежнее. Трудно дышать. Странно, луна еще светит. Я рад, что они ее оставили, но ей теперь будет одиноко...

Свет! Подо мной... в недрах Земли... поднимается сквозь скалы, сквозь все... ярче, ярче, слепит...

В беззвучном взрыве света ядро Земли выпустило на волю потаенные запасы энергии. Недолгое время гравитационные волны пересекали во всех направлениях Солнечную систему, чуть колебля орбиты планет. И опять оставшиеся дети Солнца двинулись извечными своими путями, как по безмятежному озеру wypлывают пробки из чуть заметной ряби от брошенного камня.

От Земли не осталось ничего. Те высосали всю ее плоть до последнего атома. Она питала их в час непостижимого, неистового преобразования, как плоть пшеничного зерна кормит малый росток, когда он тянется к Солнцу.

В шести тысячах километров за орбитой Плутона перед внезапно погасшим экраном сидит Кареллен. Наблюдения закончены, задача выполнена; он возвращается домой, на планету, которую так давно покинул. Его гнетет тяжесть столетий и печаль, которую не разогнать никакими рассуждениями. Не человечество он оплакивает, его скорбь — о собственном народе, чей путь к величию навек пресекли неодолимые силы.

Да, его собратья многого достигли, думал Кареллен, им подвластна осязаемая Вселенная, и все же они — только бродяги, обреченные скитаться по однообразной пыльной равнине. Недостижимо далеки горные выси, где обитают мощь и красота, где по ледникам прокатываются громы, а воздух — сама чистота и свежесть. Там солнце на своем пути еще одаряет сиянием вершины гор, когда все внизу уже окутано тьмой. А они только и могут смотреть в изумлении, но никогда им не подняться на эти высоты.

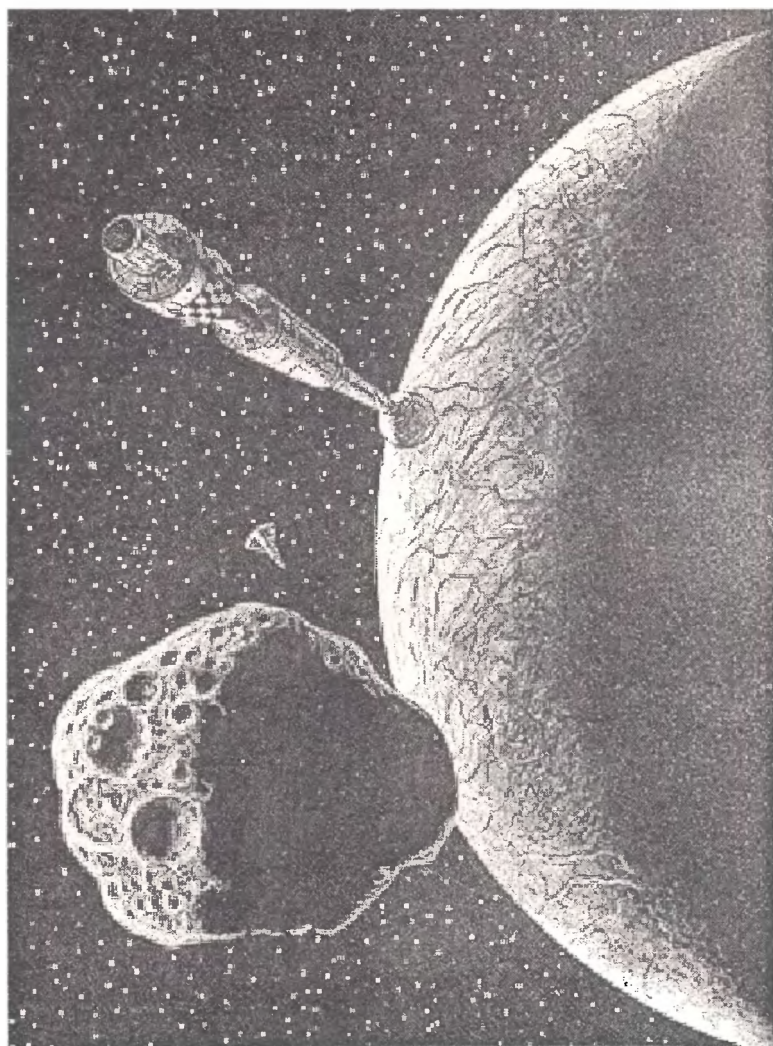
Да, Кареллен знает, они будут держаться до конца; не поддаваясь отчаянию, станут ждать конца, что бы ни готовила им судьба. Будут служить Сверхразуму, ибо выбора у них нет, но и в этом служении не утратят душу свою.

Громадный контрольный экран на мгновение вспыхнул мрачным алым светом; сосредоточенно, напряженно Кареллен вчитывался в смысл меняющихся узоров. Корабль выходил за пределы Солнечной системы; энергия, питающая

межзвездный двигатель, на исходе, но свое дело она уже сделала.

Кареллен поднял руку, и картина перед ним опять изменилась. Посреди экрана пламенела одинокая яркая звезда; на таком расстоянии никто не мог бы сказать, что у этого солнца были когда-либо планеты и что одна из них потеряна безвозвратно. Долго смотрел Кареллен назад, через быстро ширящуюся пропасть, множество воспоминаний проносилось в его могучем, сложном мозгу. И он безмолвно склонил голову перед всеми, кого знал, — и теми, кто мешал ему, и теми, кто помогал выполнить его задачу.

Никто не смел потревожить его, прервать его раздумье; а потом он отвернулся, и Солнце, исчезающе малая точка, осталось позади.

ЗЕМНОЙ СВЕТ

ГЛАВА 1

Поднимаясь с погруженной в ночную тьму равнины на взгорье, монорельс терял скорость. «Скоро и солнце догоним», — подумал Садлер. Здесь терминатор двигался совсем медленно, при желании человек мог бы без особого труда идти с ним вровень, удерживать раскаленный шар точно на горизонте — пока не захотелось бы передохнуть. Но даже и потом солнце будет закатываться так медленно и неохотно, что только через час с лишним последний его ослепительный сегмент исчезнет и наступит долгая лунная ночь.

Сквозь эту ночь и мчался сейчас Садлер, пересекая землю, открытую первопроходцами два столетия тому назад, со скоростью пятисот километров в час. Кроме него и истомленного скукой кондуктора, чьи обязанности, похоже, ограничивались приготовлением для пассажиров кофе, в вагоне ехали четыре астронома Обсерватории, остальные места пустовали. Дружелюбно кивнув своему попутчику при входе, жрецы науки тут же перестали его замечать и с головой погрузились в какой-то свой — научный, конечно же — спор. Несколько уязвленный таким пренебрежением, Садлер утешился мыслью, что его приняли не за новичка, впервые выполняющего задание на Луне, а за бывалого старожила.

Свет, горящий в салоне, не давал возможности толком рассмотреть окутанную тьмой местность, над которой, почти бесшумно, мчался вагон. «Тьма» — это, пожалуй, слишком сильно сказано. Солнце все еще оставалось за горизонтом,

но почти в зените висела Земля, приближавшаяся к первой четверти. Через неделю, в лунную полночь, родная планета человечества превратится в ослепительный диск — ослепительный в самом буквальном смысле, глядеть на «полную Землю» незащищенными глазами невозможно.

Садлер встал, миновал все еще увлеченных спором астрономов и направился вперед, к небольшому купе, отделенному от салона плотной занавеской. Не успевший еще привыкнуть к тяготению в одну шестую земного, он пробирался по узкому коридору, зажатому между туалетами и кабиной управления, медленно и осторожно.

Вот теперь что-то видно; обзорные окна могли бы быть и побольше, но это не допускалось по каким-то малопонятным соображениям безопасности. Однако здесь не мешал внутренний свет, так что можно было наконец насладиться застывшим великолепием этого древнего, пустынного мира.

Застывшим... Да, было совсем не трудно поверить, что за окнами уже двести градусов ниже нуля, хотя солнце зашло всего несколько часов назад. Собственно говоря, впечатление холода создавал скорее не пролетающий мимо ландшафт, а голубовато-зеленый, льющийся на него свет; в этом сиянии, отраженном от морей и облаков далекой Земли, не было ни грана тепла. Станный парадокс, подумал Садлер, ведь сам по себе повисший в небе мир полон тепла и уюта.

Впереди летящего сквозь ночь («земную», что ли? Ведь на Земле я сказал бы «лунную») вагона прямой, как стрела, тянулся тонкий рельс, поддерживаемый как-то слишком уж редко поставленными опорами. Еще один парадокс, этот мир на них не скупится. Ну почему бы солнцу не заходить по-человечески, на западе? Этому было какое-то очень простое астрономическое объяснение, но сейчас Садлер не мог его вспомнить. Затем он сообразил, что, если разобраться, все подобные названия совершенно произвольны и их могли перепутать при составлении карты новых просторов, завоеванных человеком.

Путь все еще шел вверх; сперва все поле зрения занимал крутой, почти отвесный обрыв. Слева — это что же будет, юг, что ли? — местность спадала вниз слоистыми, неровными террасами; похоже, что когда-то, миллиарды лет назад, изливающаяся из раскаленной сердцевины Луны лава за-

стывала здесь серией последовательных, все ослабевающих волн. Леденящий душу вид, но ведь и на Земле есть места ничуть не более жизнерадостные. Например — мрачная, враждебная всему живому Аризонская пустыня, а склоны Эвереста еще хуже, здесь, на Луне, нет хотя бы тамошнего вечного, до костей пронизывающего ветра.

А потом Садлер с трудом сдержал крик: обрывая вдруг не стало, он исчез, словно обрубленный исполинским зубилом, и справа открылась новая картина. С трудом верилось, что этот потрясающий эффект — случайность, что он создан спонтанным артистизмом Природы.

Словно ангелы в огненной своей славе, вдоль края неба нескончаемой чередой шагали вершины Апеннин, раскаленные последними лучами заходящего солнца. Внезапный взрыв света почти выжигал сетчатку; Садлер инстинктивно зажмурился и прикрыл глаза рукой. Через несколько секунд, когда он снова — и опасливо — их открыл, мир оказался совершенно преображенным. Звезды, заполнявшие небо, исчезли — сузившиеся зрачки не могли их уже различить; Земля — бывшая только что ослепительно яркой — превратилась в жалкий зеленоватый лоскуток. Даже с расстояния в сотню с лишним километров залитые солнцем горы затмевали все остальные источники света.

Фантастические пламенные пирамиды словно не имели под собой никакой опоры, они парили в небе подобно земным закатным облакам — линия, отделяющая день от ночи, была настолько резкой, что подножия гор совершенно скрывались в непроницаемом мраке, казалось, что реально существуют только сверкающие вершины. Пройдут еще долгие часы, прежде чем последний из этих горделивых пиков погрузится в ночную тень.

Занавески раздвинулись, пропуская в смотровое купе одного из астрономов. Все еще уязвленный полным пренебрежением спутников, Садлер неловко молчал. К счастью, проблема этикета разрешилась без его участия.

— Стоит того, чтобы лететь сюда с Земли? — спросил почти неразличимый в темноте сосед.

— Да, несомненно, — согласился Садлер, но тут же добавил подчеркнуто безразличным тоном: — Только это в первое время, а потом привыкнешь и перестанешь замечать.

Из темноты донеслось хмыканье:

— Не сказал бы. Некоторые вещи никогда не приедаются, сколько тут ни живи. Только что с корабля?

— Да. Прилетел вчера вечером на «Тихо Браге». Ничего еще толком не видел.

Садлер заметил, что бессознательно подражает отрывистой, состоящей из коротких фраз речи собеседника. Интересно, они все здесь так разговаривают? Может быть, пытаются экономить воздух?

— Где будете работать? В Обсерватории?

— Вроде того, хотя я и не буду в штате. Я бухгалтер. Анализирую затратную эффективность здешних работ.

В купе нависла долгая, задумчивая тишина.

— Вы уж извините меня за невежливость, — снова говорил астроном. — Я должен был представиться. Роберт Молтон. Начальник отдела спектроскопии. Вот, теперь будет у кого спросить, как начисляется подоходный налог.

— Боюсь, может дойти и до этого, — сухо заметил Садлер. — Меня зовут Бертрам Садлер. Я из аудиторского бюро.

— Хм-м. Думаете, мы здесь транжирим деньги попусту?

— Это решат другие. Я должен прояснить, как вы их тратите, а не почему.

— Развлечение вам предстоит еще то. Здесь каждый докажет, что на его работу нужно в два раза больше денег, чем ассигновано. Да и вообще — каким, к черту, образом можно наклеить ценник на чисто научное исследование?

Эту проблему Садлер обдумывал довольно давно, однако считал за лучшее не вдаваться в объяснения. От добра добра не ищут; легенду восприняли без всяких сомнений — стараясь сделать ее еще убедительнее, обязательно на чем-нибудь сгоришь. Он не был особенно хорошим лжецом, хотя надеялся, что мало-помалу умение придет.

Во всяком случае, то, что услышал сейчас Молтон, было чистой правдой, жаль только, что не всей правдой, а какими-то там пятью ее процентами.

— Я вот тут думаю, — заметил он, указывая на пылающие впереди вершины, — как мы преодолеем эти горы. Туннелем — или поверху?

— Поверху, — откликнулся Молтон. — Они не такие уж высокие, хотя выглядят, конечно же, здорово. Вот посмот-

рите на горы Лейбница и на хребет Оберта — те раза в два выше.

Для начала хватит и этих, подумал Садлер. Плавно, но неуклонно трасса уходила вверх. Навстречу низко сидящему на единственном своем рельсе вагону мчались скалы и дикие каменистые обрывы; с бешеной скоростью промелькнув, они исчезли позади, в почти непроглядной тьме. Единственное, пожалуй, место в мире, где человек может путешествовать так быстро — и так близко от земли. Ни один реактивный лайнер, несущийся над облаками, не создает у своих пассажиров такого пугающе-острого впечатления скорости.

Будь сейчас день, Садлер мог бы полюбоваться на чудеса строительной техники, перебросившие эту дорогу через подножия Апеннин, однако темнота скрывала паутинно-тонкие мосты и объезды вокруг слишком уж широких провалов; он видел только все те же вершины — сказочные огненные корабли, плывущие в безбрежном океане ночи.

А затем далеко на востоке из-за края Луны высунулся крошечный, ослепительно сверкающий ломтик — вагон вышел из тьмы на свет, догнал Солнце в его беге по угольно-черному небосводу. Сияние, затопившее кабину, заставило Садлера отвернуться от окна, и он впервые ясно рассмотрел попутчика.

В свои пятьдесят с лишком лет доктор (или надо «профессор»?) Молтон сохранил роскошную гриву черных, без малейшего проблеска седины волос. Лицо — очень уродливое, но при этом очень к себе располагающее. Глядя на такое лицо, сразу чувствуешь, что перед тобой насмешливый, преисполненный здравого смысла философ, этаким современным Сократ, достаточно далекий от житейской суеты, чтобы любому человеку дать непредвзятый совет, но в то же самое время ничуть не чуждающийся людского общества. «Золотая душа, скрывающаяся под внешней грубой оболочкой», — подумал Садлер и чуть не сморщился от пошлости этой избитой фразы.

Они обменялись внимательными, оценивающими взглядами — два человека, догадывающихся, что это не последняя их встреча, очень напоминали сейчас двух обнюхивающих друг друга собак. Затем Молтон улыбнулся; наморщившись,

его лицо стало почти таким же корявым, как пролетающий за окнами пейзаж.

— Насколько я понимаю, первый для вас лунный восход... не совсем, правда, обычный — не в той стороне и без последующего дня. Жаль, что все продлится каких-то десять минут — перевалив через гребень, мы снова окунемся в ночь. И следующего, более правильного восхода придется ждать две недели.

— А не слишком ли это утомительно — сидеть взаперти по две недели подряд?

Задав вопрос, Садлер сразу же прикусил язык — это можно же было сморозить такую глупость. Однако Молтон не стал смеяться и ответил вполне серьезно:

— Сами увидите. День или ночь — под землей этого не замечаешь. А выйти на поверхность можно когда угодно. Некоторые даже предпочитают ночь — земной свет создает у них романтическое настроение.

Монорельс достиг верхней точки своей траектории. Оба путешественника замолкли, наблюдая, как озаренные солнцем пики на несколько секунд загородили половину неба, а затем побежали, быстро уменьшаясь, назад. Со стороны Моря Дождей склон был гораздо круче; вагон быстро опускался, и Солнце сперва превратилось из сверкающего ломтика в полоску, затем стало крошечной огненной точкой — и потухло. Под самый конец этого искусственного заката, за несколько секунд до окончательного погружения в тень Луны, был потрясающий момент, который никогда не исчезнет из памяти Садлера. Они двигались вдоль гребня, уже окутанного непроглядной тьмой, однако путевой рельс, тянувшийся в каких-то метрах над поверхностью, все еще был освещен последними лучами солнца. Казалось, что вагон мчится по висящей в пространстве ленте пламени, созданной скорее каким-то волшебством, чем технической изобретательностью человека. Затем наступила ночь, и все волшебство развеялось. В небе постепенно, одна за одной, зажигались звезды — глаза Садлера начинали привыкать к темноте.

— А вы везучий, — заметил Молтон. — Сотню раз проезжал по этому месту и никогда не видел ничего подобного. Идемте в вагон — скоро будут кормить. Все равно смотреть больше нечего.

А вот это уж, подумал Садлер, и совсем неверно. Теперь, с заходом солнца, снова вступил в свои права свет Земли, заливающий огромную, вечно сухую равнину, так неточно названную в древности Морем Дождей. Зрелище не такое яркое, как оставшиеся позади горы, но и от него перехватывало дыхание.

— Я постою еще. Это вы ко всему тут привыкли, а мне хочется смотреть и смотреть.

— Ничуть вас не осуждаю, — добродушно рассмеялся Молтон. — Боюсь, мы тут и вправду отвыкли удивляться чудесам.

Вагон летел вниз под головокружительно крутым углом, на Земле это было бы настоящим самоубийством. А навстречу поднималась призрачно-зеленая равнина, огороженная по краю цепочкой невысоких гор — просто холмиков, если сравнивать с горделивыми вершинами, оставшимися позади. А затем горизонт снова сжался в непривычно узкое — как и должно быть на шаре, в три с половиной раза меньшем, чем Земля, — кольцо.

Садлер проследовал за Молтоном в салон, где проводник уже расставлял подносы.

— У вас всегда так мало пассажиров? — поинтересовался он, проходя на свое место. — Не очень-то экономично.

— Экономию можно понимать по-разному, — пожал плечами Молтон. — Если судить по бухгалтерским книгам, многие из здешних дел выглядят более чем странно. Но к дороге это не относится, ее эксплуатация стоит совсем не дорого. Оборудование служит практически вечно — ничто не ржавеет, не портится. Профилактический ремонт раз в два года — вот, собственно, и вся забота.

Как же он об этом не подумал? Садлеру предстояло узнать здесь очень много нового, кое-что — на своей собственной шкуре.

Обед оказался достаточно съедобным, хотя оставалось полной загадкой, из чего он был приготовлен. По большей части Луна кормилась продукцией гидропонных ферм, чьи огромные — конечно же, герметические — теплицы раскинулись в экваториальных областях на десятки квадратных километров. Похожее на говядину мясо было, вне всякого сомнения, синтетическим — Садлер где-то слышал, что единственная местная корова роскошествовала в зоопарке

Гиппарха*, нимало не рискуя превратиться в бифштекс. Его необыкновенно цепкая память имела привычку ухватывать такие вот клочки совершенно бесполезной информации и хранить их затем с не меньшей тщательностью, чем что-нибудь действительно ценное.

На сытый желудок астрономы оказались более общительными; во время проведенной доктором Молтоном церемонии знакомства они вели себя достаточно дружелюбно и даже сумели несколько минут подряд не обсуждать свою работу. При всем при том не вызывало никаких сомнений, что ученые воспринимают и этого свалившегося вдруг им на голову бухгалтера, и его миссию с некоторой тревогой. Садлер буквально видел, как они перебирают в уме все свои расходы по работе и лихорадочно обдумывают, что отвечать в случае возможных придирок. Разумеется, доводы их окажутся в высшей степени убедительными и любая попытка найти перерасход будет встречена развешиванием большого количества весьма научной лапши на уши и пусканием не менее научной пыли в глаза. Со всем этим ему уже приходилось встречаться, и не раз — но в более простой обстановке.

Еще час с небольшим — и конец пути. Последний перед Обсерваторией перегон пересекал Море Дождей почти по прямой, если не считать небольшого объезда к востоку — трассировщики дороги не захотели прокладывать ее через холмистую местность, прилегающую к огромной, окруженной отвесными стенами равнине кратера Архимеда. Садлер уселся поудобнее, вытащил свои бумаги и углубился в их изучение.

В развернутом виде структурная схема организации едва уместилась на столике. Этот шедевр бюрократического искусства, аккуратно напечатанный в несколько красок — чтобы выделить разные отделы Обсерватории, — вызывал у Садлера сильное раздражение. Человек есть животное, изготавливающее орудия — такое было, кажется, определение? Современного человека точнее будет определить как животное, зазря изводящее бумагу.

Наверху — «Директор» и «Заместитель директора», дальше схема распадается на три части, озаглавленные «Администрация», «Технические службы» и «Обсерватория». Сад-

* Один из лунных кратеров. (Здесь и далее примеч. пер.)

лер искал доктора Молтона — ну да, вот он, конечно, в разделе «Обсерватория», прямо под «Научным руководителем», во главе короткой колонки фамилий, помеченной надписью «Спектроскопия». Уважаемый доктор имел шестерых ассистентов, с двоими из которых — Джеймисоном и Уилером — Садлер только что познакомился. Как оказалось, последний из пассажиров вагона совсем не принадлежал к ученой братии. Он имел на схеме свой собственный, личный прямоугольник и не подчинялся никому, кроме самого директора. У Садлера появились сильные подозрения, что секретарь Уагнэл — весьма влиятельная в этих местах персона, и с ним стоит сойтись поближе.

Он изучал схему уже добрые полчаса и с головой ушел в хитросплетения квадратиков и линий, когда кто-то включил радио. Садлер ничуть не возражал против негромкой музыки, заполнившей салон — его способность к сосредоточению могла совладать и с гораздо худшими помехами. Затем музыка смолкла, после краткой паузы прозвучало «би-ип, би-ип, би-ип, би-ип, би-ип, би-ип!» сигнала времени, а сразу следом — мягкий убаюкивающий голос диктора:

— Вы слушаете Землю, второй канал межпланетной службы. Шестой сигнал соответствовал двадцати одному часу по Гринвичу. Передаем новости дня.

Никакого треска, никаких помех, голос звучит ясно и отчетливо; полное впечатление, что передачу ведет местная станция. Однако Садлер видел на крыше вагона направленную в небо антенную тарелку и точно знал, что слушает сейчас прямую трансляцию. Каждое из этих слов покинуло Землю чуть больше секунды назад, они уже пролетели мимо Луны и мчатся дальше, в самые глубины космоса. Кто-то услышит их через несколько минут — и даже часов, если передачу примут корабли Федерации, находящиеся сейчас за орбитой Сатурна. И этот голос Земли будет лететь и лететь, распространяясь все шире и затихая, в те места, до которых человек не успел еще добраться, и наконец где-то там, по пути к альфе Центавра, затихнет окончательно, поглощенный неумолчным радиосепотом самих звезд.

— Передаем новости дня. Как только что сообщили из Гаити, Конференция по планетарным ресурсам закончилась полным провалом. Завтра делегаты Федерации покидают

Землю, а тем временем канцелярия президента выступила со следующим заявлением...

Все это не было для Садлера неожиданностью, однако какой толк знать заранее, что вот сейчас тебе на голову свалится кирпич — такое предвидение ничуть не уменьшает силу удара, разве что дает возможность горестно возгласить: «Ну вот, сбылись наихудшие мои опасения!» А попутчики? Как они, понимают, насколько все это серьезно?

Понимают. Секретарь Уагнэл судорожно мнет рукой подбородок; доктор Молтон откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза; Джеймисон и Уилер мрачно уставились в темный провал окна. Да, они понимают. Отдаленность от Земли не отрезала их от потока земных событий.

Казалось, что сквозь стенки вагона просачивается нечеловеческий холод лунной ночи — таким ледящим ужасом веяло от этого безликого голоса, невозмутимо перечисляющего пункты разногласий, обвинения и контробвинения, взаимные угрозы, чуть-чуть прикрытые фиговыми листками дипломатических эвфемизмов. Интересно, а все ли население Земли понимает страшный смысл случившегося? Вряд ли, скорее всего миллионы людей так и продолжают пребывать в блаженном самообмане, не рискуя взглянуть горькой истине в лицо. Пожмут плечами и скажут с натужным безразличием: «Да чего тут беспокоиться — как-нибудь пронесет».

Но Садлер не верил, что пронесет. Сидя в этом маленьком, ярко освещенном цилиндре, мчавшемся на север через Море Дождей, он четко осознавал, что впервые за последние двести лет над человечеством нависла угроза войны.

ГЛАВА 2

«Начало войны, если она все-таки начнется, — думал Садлер, — будет скорее трагедией обстоятельств, чем результатом чьей-то сознательной политики. И действительно, единственная — но очень серьезная — причина столкновения Земли с ее бывшими колониями сильно смахивала на дурацкую шутку матери-природы.

Задание было неожиданным как снег на голову, однако Садлер и прежде прекрасно знал основные факты, опреде-

лившие теперешний кризис; этот нарыв созрел не первое десятилетие, а зародился он из-за уникального положения Земли.

Людам очень повезло. Минеральные богатства их родной планеты не имеют себе равных в Солнечной системе. Благодаря этому подарку судьбы человек с почти молниеносной скоростью развил технику, начал осваивать другие планеты и тут же столкнулся с тем неожиданным и неприятным обстоятельством, что продолжает полностью зависеть от Земли в удовлетворении многих своих первоочередных потребностей.

Земля — самая плотная из планет, в этом отношении к ней приближается только Венера. Однако у Венеры нет спутников, а Земля с Луной образуют двойную систему, не имеющую известных аналогов. Как возникла такая система — загадка для ученых, однако можно с уверенностью сказать, что в те далекие времена, когда Земля была еще расплавленным шаром, Луна вращалась вокруг нее по значительно более тесной орбите, поднимая в пластичном веществе своей соседки — или, если хотите, хозяйки — огромные приливные волны.

В результате кора Земли богата тяжелыми металлами, и не просто богата, а несравненно богаче, чем кора любой другой планеты. Та же самая, скажем, Венера хранит свои сокровища в ядре, где давление и температура надежно оберегают их от всех посягательств человека. Вот так и вышло, что по мере космической экспансии человеческой цивилизации нагрузка на быстроиссякающие ресурсы материнской планеты непрерывно возрастала.

Другие планеты обладали неисчерпаемыми количествами легких элементов, однако могли только мечтать о ртути, свинце, уране, тории, платине и вольфраме. Для многих из этих металлов не существовало никаких замен, их крупномасштабный синтез так и оставался — несмотря на двести лет отчаянных усилий — чудовищно дорогим, а современная техника не могла без них существовать.

Тем временем на Марсе, Венере и крупных спутниках внешних планет образовались независимые республики, объединившиеся затем в Федерацию; ситуация с ресурсами была для молодых государств, мягко говоря, досадной. Она держала их в зависимости от Земли, мешала дальнейшему

продвижению к рубежам Солнечной системы. Поиски на астероидах и спутниках, копание в строительном мусоре, оставшемся после формирования крупных миров, чаще всего не давали ничего, кроме льда и никому не нужных камней. За каждым граммом драгоценных — дороже золота — металлов приходилось идти с протянутой рукой все к тем же землянам.

Но и это бы еще полбеды, не относись Земля к своим молодым и шустрым потомкам с завистью, непрерывно возмущавшей в течение всех двухсот лет, прошедших после начала космических полетов. Песенка старая, как мир: достаточно вспомнить отношения Англии и ее американских колоний. Верно сказано, что, хотя история и не повторяется, исторические ситуации воссоздаются раз за разом с почти пугающей регулярностью. Люди, управлявшие Землей, были несравненно умнее Георга Третьего, однако они начинали вести себя подобно этому бесчестному монарху.

У обеих конфликтующих сторон были свои извиняющие обстоятельства (а когда их нет?). Земля устала, она обескровила себя, посылая лучших своих сыновей к звездам. Она видела, что власть выскальзывает из рук, знала, что не имеет будущего. Так чего же ради было ей ускорять этот процесс, снабжая соперников необходимыми им орудиями?

Федерация же глядела на мир, бывший когда-то ее колыбелью, с жалостью и презрением. Она занималась вербовкой; многие из самых лучших ученых Земли, многие из самых активных, непоседливых ее уроженцев перебирались на Марс, Венеру и спутники гигантских планет. Здесь проходил новый рубеж человечества — рубеж, который будет расширяться вечно, уходя все дальше и дальше к звездам. Чтобы достойно встретить такой вызов, нужно было обладать высочайшей научной квалификацией, неsgiбаемой решимостью. На Земле же эти достоинства давно утратили решающее значение, и Земля прекрасно об этом знала — но не делала ничего для исправления ситуации.

Все это могло породить несогласие и потоки взаимных обвинений, но никак не более. К прямому насилию мог привести только какой-нибудь новый, неожиданный фактор; не хватало последней искры, которая инициирует вселенский взрыв.

Теперь же искра была высечена. Садлер узнал об этом каких-то шесть месяцев назад, а большая часть мира и по сию пору пребывала в неведении. Планетарная разведка, малоизвестная, предпочитавшая держаться в тени организация, чьим сотрудником он стал против собственной воли, ни днем ни ночью не оставляла лихорадочных попыток нейтрализовать ущерб. Трудно поверить, чтобы математический труд, озаглавленный «Количественная теория образования элементов лунной поверхности», вызвал войну, но не нужно забывать, что когда-то в прошлом не менее теоретическая статья некоего Альберта Эйнштейна войну закончила.

Работу эту написал профессор Роланд Филлипс, мирный оксфордский космолог, нисколько не интересовавшийся политикой. Он подал ее в Королевское астрономическое общество больше двух лет назад, так что объяснять, чем вызвана задержка с публикацией, становилось все труднее и труднее. К величайшему сожалению — именно этот факт и переполюсовал Планетарную разведку, — профессор Филлипс в святой своей простоте разослал экземпляры статьи марсианским и венерианским коллегам. Отчаянные — и запоздалые — попытки перехватить эти отправления ни к чему не привели. Так что теперь Федерация знает, что Луна — совсем не такой бедный мир, как считалось все эти двести лет.

Знает — и знает, тут уж ничего не поделаешь, остается только хранить в строжайшей тайне другие, не менее важные обстоятельства, связанные с Луной. Именно это и не удавалось — информация утекала с Земли на Луну, а от туда — на планеты.

Обнаружив протечку в доме, думал Садлер, вызывают водопроводчика. Но что прикажете делать с протечкой невидимой — которая к тому же может оказаться в любой точке мира, равного по площади Африке?

Даже являясь сотрудником Планетарной разведки, он почти ничего не знал о ее размерах, о размахе и методах ее операций и все еще кипел негодованием на грубое вмешательство этой организации в свою жизнь. По профессии Садлер был бухгалтером, так что особенно притворяться ему сейчас не приходилось. Некоторое время назад по причинам, которых он не знал и скорее всего никогда не узнает, с ним провели собеседование, закончившееся предложением некоей не совсем определенной работы. Он согласился,

в некотором роде добровольно — после прозрачного намека, что отказываться не в его интересах. Затем последовали шесть месяцев монашеской жизни в канадской глуши (собственно говоря, он только думал, что живет в Канаде, возможно, это была Гренландия или Сибирь). Его почти непрерывно держали под гипнозом и накачивали самой разнообразной информацией. И вот теперь он на Луне, пешка в разыгрываемой кем-то межпланетной шахматной партии. Он с тоской мечтал о том времени, когда весь этот ужас закончится. Неужели же бывают люди, добровольно становящиеся тайными агентами? Только крайне инфантильные и неуравновешенные личности могут получать какое-то удовольствие от такой откровенно нецивилизованной деятельности. Были, конечно же, и кое-какие плюсы. В нормальной обстановке он никогда бы не попал на Луну, полученные сейчас впечатления и опыт могут очень пригодиться в дальнейшей жизни. Садлер всегда старался смотреть в будущее, а особенно тогда, когда его удручало текущее положение вещей. В данный момент положение вещей выглядело из рук вон плохо — что на личном, что на межпланетном уровне.

Безопасность Земли — вещь весьма серьезная. Слишком серьезная, чтобы один отдельно взятый человек серьезно о ней заботился. Непомерное бремя межпланетной политики беспокоило Садлера значительно меньше, чем мелкие повседневные заботы. Постороннему наблюдателю могло бы показаться весьма пикантным, что величайшая забота Садлера была связана не с выживанием человечества, а с единственным человеческим существом. Простит ли когда-нибудь Жанетта, что он не приедет домой на годовщину свадьбы? И даже не позвонит. Ни жена Садлера, ни его друзья ничуть не сомневались, что он где-то на Земле. А позвонить с Луны, не признаваясь, где ты находишься, невозможно — тебя сразу же выдаст запаздывание в две с половиной секунды между вопросом и ответом.

Планетарная разведка может очень многое, но ускорить радиоволны не под силу и ей. Она доставит ко времени подарок — но не сможет сказать Жанетте, когда ее муж вернется домой.

И она никак не сможет изменить того печального факта, что в ответ на вопрос жены, куда он уезжает, Садлер соврал. Соврал во славу Безопасности.

Конрад Уилер кончил сравнивать ленты, на секунду задумался, встал и трижды обошел лабораторию. Глядя на него сейчас, любой старожил с уверенностью сказал бы, что спектроскопист попал на Луну сравнительно недавно. За шесть месяцев работы в Обсерватории он не успел еще окончательно привыкнуть к кажущейся легкости своего тела. Его резкие, угловатые, словно у марионетки на ниточках, движения резко контрастировали с плавной, почти как в замедленном фильме или во сне, походкой бывалых «луна-тиков». Надо сказать, частично в этой порывистости был виноват темперамент Уилера, недостаток у него самодисциплины, склонность к поспешным выводам. Именно со своим темпераментом он и пытался сейчас бороться.

Ему случалось допускать ошибки — но ведь на этот раз не остается никакого места для сомнений. Факты неоспоримы, вычисления тривиальны, а ответ — ответ внушает почтительное благоговение. Одна из далеких, затерянных в глубинах космоса звезд взорвалась, выплеснув из своих недр потоки невообразимой энергии. Уилер взял листок с набросанными на нем цифрами, по десятому разу их перепроверил и потянулся к телефону.

— Это что, действительно важно? — недовольно проворчал Сэм Джеймисон. — Ты меня выдернул из фотолаборатории, я как раз делаю одну штуку для Старого Крота. Ладно, говори, все равно нужно подождать, пока пластинки промываются.

— Сколько им еще полоскаться?

— Минут пять. Но потом я займусь следующими.

— Мне кажется, что это очень важно. Тут нужна буквально секунда. Забегай, я тут рядом, в пятой приборной.

За три сотни лет фотография изменилась очень мало. Уилер, считавший, что электроника может сделать все и еще немножко, воспринимал деятельность старого своего приятеля как некий пережиток века алхимии.

— Так что там? — с обычным своим немногословием поинтересовался Джеймисон.

Уилер ткнул пальцем в лежащую на столе перфоленту:

— Я делал очередную проверку амплитудного интегратора. Он обнаружил одну штуку.

— А он только тем и занимается, — пренебрежительно фыркнул Джеймисон. — Стоит кому-нибудь в Обсерватории чихнуть, как эта твоя железяка открывает новую планету.

Скептицизм Джеймисона имел под собой серьезные основания. Интегратор — прибор очень сложный и капризный — ошибался при каждом удобном случае и даже без оного, а потому многие астрономы считали, что от него больше хлопот, чем толку. Однако директор питал к этому шкафу, набитому электроникой, нежную любовь, так что избавиться от него было невозможно, во всяком случае — до смены руководства. Собственно говоря, Маклорин сам же его и изобрел — в те далекие дни, когда имел еще время для научной работы. Автоматический страж небес, этот прибор оглядывал их год за годом, терпеливо ожидая, когда же наконец вспыхнет новая звезда.

— Вот эта запись, — сказал Уилер. — Посмотри сам, если не веришь.

Джеймисон прогнал ленту через преобразователь, переписал числа, сделал быструю прикидку... После чего у него отпала челюсть. К величайшему облегчению — и удовлетворению — Уилера.

— Тринадцать величин* за двадцать четыре часа! Это да!

— Тринадцать и четыре десятых, если уж точно, но у тебя получилось достаточно близко. Это сверхновая. И совсем близко.

В комнате повисла тишина.

— Слишком уж здорово, чтобы быть правдой, — вздохнул наконец Джеймисон. — Не будем никому говорить, пока не убедимся окончательно. Снимем спектр, а до того времени давай считать ее обычной новой.

— Когда там в нашей Галактике была последняя сверхновая? — мечтательно закатил глаза Уилер.

— Наверное, звезда Тихо... нет, была вроде и попозже, где-то около тысяча шестисотого.

— В любом случае — очень и очень давно. Пожалуй, это вернет мне благорасположение директора.

— Будем надеяться, — пожал плечами Джеймисон. — Во всяком случае, ничем меньшим, чем сверхновая, ты его не

* Пять звездных величин — это прирост яркости в сто раз. Тринадцать величин — примерно в сто шестьдесят тысяч раз.

проймешь. Пиши теперь краткое извещение, а я пойду готовить спектрограф. Не нужно жадничать, другим обсерваториям тоже захочется поучаствовать. Ты, — повернулся он к интегратору, продолжавшему нести свой небесный дозор, — оправдал-таки свое существование. Даже если в дальнейшем ты никогда не найдешь ничего, кроме навигационных сигналов космических кораблей.

Через час в гостинной Обсерватории было объявлено об открытии сверхновой. Садлер воспринял новость совершенно равнодушно. Озабоченный своими личными проблемами и горой предстоящей работы, он не имел никакого желания вникать во всю эту рутину, тем более что не понимал в ней ровно ничего. Однако тут же выяснилось, что событие произошло далеко не рутинное.

— Вот это бы занести в ваши бухгалтерские книги, в графу «приход», — широко улыбнулся секретарь Уагнэл. — Крупнейшее астрономическое открытие за многие годы. Идемте на крышу.

Можно и сходить, подумал Садлер, со все возрастающим раздражением читавший язвительную передовицу последнего номера «Тайм интерпланетари». Он выпустил журнал из рук, посмотрел, как тот с бредовой, нереальной медлительностью опускается на пол, встал и пошел следом за Уагнэлом к лифту. Проехав жилой уровень, уровни административный, энергетический и транспортный, они попали в смотровой купол. Тент, прикрывавший этот маленький — не более десяти метров в диаметре — пластиковый пузырек от прямых лучей солнца, был сейчас откинут; Уагнэл включил внутреннее освещение... Словно повинаясь тому же нажиму кнопки, в небе вспыхнули бесчисленные звезды и растущая, в начале второй четверти Земля. Садлер бывал здесь неоднократно, он не знал лучшего средства против умственной усталости.

В четверти километра от них вздымался крупнейший телескоп, когда-либо построенный человеком. Садлеру было уже известно, что этот гигантский глаз не смотрит ни на одну из доступных глазу обычному звезд — да и вообще ни на одну из звезд нашей Галактики. Его невероятно острый взгляд устремлен к самым далеким пределам Вселенной, на расстояние в миллиарды световых лет.

Неожиданно титаническое сооружение начало поворачиваться к северу. Уагнэл негромко рассмеялся.

— Уйма людей будет рвать на себе волосики, — пояснил он. — Мы прервали программу исследований, чтобы направить главный калибр на Nova Draconis*. Посмотрим, видна она или нет.

Он начал всматриваться в небо, время от времени справляясь с набросанной на листке бумаги схемой. Садлер тоже глядел на север, но не замечал ровно ничего необычного — звезды и звезды, кто ж их разберет. Уагнэлу стоило большого труда навести его — пользуясь Большой Медведицей и Полярной звездой как ориентирами — на крошечную, низко висящую над северным горизонтом звездочку.

— Не слишком, конечно, впечатляет, — сказал секретарь директора, почувствовавший, по всей видимости, разочарование своего спутника. — Но ведь она продолжает расти. Если так пойдет и дальше, дня через два или три нам представится роскошное зрелище.

Каких два дня, подумал Садлер, земных или лунных? Каждый раз эта путаница — да добро бы только эта. Все здешние часы имели двадцатичетырехчасовой циферблат и показывали время по Гринвичу. В этом было определенное удобство — посмотри на Землю, и ты уже достаточно точно знаешь время. Но вот смена лунных дня и ночи не имеют к показаниям часов ровно никакого отношения. В «полдень» (если считать по часам) солнце может быть абсолютно где угодно, как над горизонтом, так и ниже его.

Ну ладно, через пару дней и посмотрим; Садлер перевел взгляд на Обсерваторию. Направляясь сюда, он ожидал увидеть этакое скопление огромных куполов — совершенно при этом забывая, что на Луне нет ни дождя, ни ветра, а потому нет и необходимости укрывать приборы. И десятиметровый рефлектор и его меньший собрат стояли прямо в космическом вакууме, ничем не защищенные, и только их изнеженные хозяева отсиживались в укрытых глубоко под землей, наполненных теплым воздухом клетушках.

Идеальная, без единой зазубринки окружность горизонта. Обсерваторию построили в центре Платона, однако кризисна лунной поверхности не позволяла увидеть кольцо гор,

* Новая звезда из созвездия Дракона (лат.).

опоясывающее кратер. Мрачный, унылый пейзаж; ни единого холмика, на котором мог бы задержаться глаз. Только пыльная равнина, взрытая кое-где ударами метеоритов — и загадочные творения рук человеческих, напряженно вглядывающиеся в небо, пытающиеся выведать секреты звезд.

Покидая купол, Садлер еще раз посмотрел на созвездие Дракона, однако не смог уже вспомнить, которая из тусклых приполярных звездочек — причина сегодняшнего астрономического переполоха.

— А вы не могли бы мне объяснить, — со всей возможной тактичностью спросил он Уагнэла, — что такого важного в этой звезде?

На лице секретаря появилось полное недоумение, смешавшееся с обидой, а затем — снисходительным пониманием.

— Звезды, — начал он, — чем-то похожи на людей. Спокойные и благонамеренные никогда не привлекают к себе особого внимания. Они тоже нам кое-что рассказывают — но гораздо больше можно узнать от тех, которые сорвались с привязи.

— А что — со звездами часто такое случается?

— Каждый год в нашей Галактике происходит около сотни взрывов — но все это обычные новые. В своем максимуме они ярче нашего Солнца примерно в сто тысяч раз. Сверхновые появляются гораздо реже, но зато они — явление воистину грандиозное. Мы все еще не знаем, почему так происходит, но сверхновая сияет в несколько миллиардов раз ярче Солнца. Некоторые из них превосходят светимостью все звезды нашей Галактики, вместе взятые.

Уагнэл помолчал, давая своему слушателю время проникнуться благоговением перед могуществом космических сил.

— К сожалению, — продолжил он, — за все время существования телескопов ничего подобного не случилось. Последняя сверхновая нашей Галактики появилась около шести столетий назад. В других галактиках их было сколько угодно, но это слишком далеко, чтобы провести хорошее исследование. А эта сверхновая — если она сверхновая — вспыхнула прямо у нас под носом. Через пару дней все станет ясно. А уже через несколько часов она будет ярче любого другого светила — за исключением Солнца и Земли.

— А что можно от нее узнать?

— Взрыв сверхновой — самое грандиозное из природных явлений. Мы посмотрим, как ведет себя материя при условиях, в сравнении с которыми центр ядерного взрыва — полный штиль в холодную погоду. Но если вы — один из тех людей, которым просто необходимо, чтобы из всего была какая-то практическая польза — задумайтесь: разве не важно выяснить, что именно заставляет звезду взорваться? А то вдруг и нашему Солнцу захочется выкинуть подобный фокус.

— В каком случае, — возразил Садлер, — я предпочел бы ничего не знать заранее. Скажите, пожалуйста, а были у этой новой планеты?

— Неизвестно — и никогда не будет известно. Но такое бывает довольно часто — ведь планеты есть по крайней мере у каждой десятой звезды.

От неожиданной мысли сжималось сердце. В любой день и час где-нибудь во Вселенной целая солнечная система со своими несчетными мирами и цивилизациями падает — словно брошенная чьей-то безразличной рукой — в космическое горнило. Ну, не обязательно, но вполне возможно. Жизнь — феномен нежный и хрупкий, балансирующий на тонком лезвии между холодом и жарой.

Но человеку, видимо, не хватало природных опасностей. Сам, собственными своими руками он складывал себе погребальный костер.

Такая же мысль появилась и у доктора Молтона, однако, в отличие от Садлера, он смягчил ее другой, более оптимистической. Nova Draconis вспыхнула в двух тысячах световых лет от Земли, ее свет несется сквозь Вселенную со времен Христа. По пути он омыл уже сотни солнечных систем, привлек внимание обитателей тысяч миров, да и сейчас, прямо в этот момент его наблюдают какие-то другие астрономы, разбросанные по поверхности огромной, диаметром в четыре тысячи световых лет, сферы. Их приборы, вряд ли сильно отличающиеся от земных, ловят излучение умирающего светила, уходящее все дальше и дальше в неизведанные глубины Вселенной. И уж совсем странно подумать, что через несколько сотен миллионов лет некие бесконечно далекие наблюдатели, для которых вся наша Галактика —

не более чем тусклое пятнышко, заметят, что этот островок Вселенной почти мгновенно удвоил свою яркость.

Доктор Молтон стоял у пульта управления. Когда-то эта комната, служившая ему одновременно лабораторией и мастерской, почти не отличалась от прочих помещений Обсерватории, однако личность хозяина наложила на нее заметный отпечаток. В одном из углов красовалась ваза с цветами — предмет, мало соответствующий обстановке, но одновременно приятный. Эта небольшая — и единственная — причуда Молтона ни у кого не вызвала возражений. Полная непригодность местной, лунной флоры для целей декоративных вынудила его использовать цветы из воска и проволоки, весьма артистично изготовленные в мастерских Сентрал-Сити по специальному заказу. Их подбор и расстановка изменялись с такой изобретательностью, что ни одному букету не приходилось стоять два дня подряд.

Уилер иногда подшучивал, что подобное хобби — очевидное свидетельство тоски по дому и желания вернуться на Землю. Со времени последнего визита доктора Молтона в родную Австралию прошло уже более трех лет, но он совсем не рвался туда снова, говоря, что здесь, на Луне, работы хватит и на сотню жизней, а кроме того, лучше уж подкопить отпуска побольше, чтобы потом взять все сразу.

Рядом с цветами стояли металлические шкафы — хранилища многих тысяч спектрограмм, собранных Молтоном за годы работы. Он не был астрономом-теоретиком — и всегда старался это подчеркнуть. «Я только смотрю и регистрирую; объяснять, почему все так, а не иначе — не моя забота». Случалось, что прибегал кипящий негодованием теоретик, абсолютно уверенный, что ни одна звезда не может иметь такого спектра. Тогда Молтон обращался к своему архиву, проверял, нет ли тут какой-нибудь ошибки, а затем пожимал плечами: «Я тут ни при чем. Все претензии к старушке Природе»

Большую часть комнаты заполняло сваленное грудями оборудование, способное поставить в тупик даже многих астрономов, а на взгляд постороннего — просто бессмысленное. Основную часть этих приборов Молтон сделал собственными руками или в крайнем случае сконструировал и передал для изготовления своим ассистентам. Уже два столетия каждому астроному-практику приходилось быть по

совместительству электриком, инженером, физиком и даже — в связи со все возрастающей стоимостью оборудования — экспертом по связям с общественностью.

Молтон задал прямое восхождение и склонение. Электрические импульсы бесшумно скользнули по проводам, и в то же мгновение высоко вверху, на поверхности, громоздкий, напоминающий титаническую пушку телескоп начал плавно разворачиваться к северу. Огромное зеркало, установленное в нижней части трубы, собирало в миллионы раз больше света, чем человеческий глаз, а затем с ювелирной точностью фокусировало его в пучок. Отражаясь от зеркала к зеркалу, этот пучок приходил в конце концов к доктору Молтону, который был волен делать с ним все, что только заблагорассудится.

Не было и речи, чтобы рассматривать сверхновую прямо — как в подзорную трубу: миллионкратно усиленное сияние звезды мгновенно ослепило бы глаз, да и что такое этот глаз по сравнению с приборами? Молтон установил электронный спектрометр и включил сканирование. Теперь спектр *Nova Draconis* будет изучен со скрупулезной тщательностью, от красного цвета через желтый, зеленый, синий в фиолетовый и даже дальше, до далекого ультрафиолета, не воспринимаемого человеком. Интенсивность каждой спектральной линии будет записана на ленту, которая станет неопровержимым свидетельством космической катастрофы, свидетельством, всегда доступным для использования — хоть завтра, хоть через тысячу лет.

В дверь постучали. На пороге появился Джеймисон с еще не просохшими фотопластинками.

— При последних экспозициях все получилось. — В голосе молодого астронома звенело торжество. — Отчетливо видно расширяющееся газовое облако. Скорость — в полном согласии с доплеровским сдвигом.

— Да уж надеюсь, — проворчал Молтон. — Дай-ка посмотреть.

Под мерное гудение электромоторов — спектрометр продолжал свой автоматический поиск — он начал изучать пластинки. Изображение на них было, конечно же, негативное, однако Молтон, как и любой другой астроном, давно к этому привык и читал детали не хуже, чем на позитивном отпечатке.

В центре была сама Nova Draconis — крошечный диск почти выжженной колоссальным количеством света эмульсии. А вокруг — бледное, едва различимое глазом кольцо. Молтон знал, что день ото дня это кольцо будет расширяться, пока наконец не рассеется. Только сделав над собой усилие, можно было понять, что же оно такое на самом деле — это маленькое и невинное колечко.

Они смотрели в прошлое, на катастрофу, случившуюся две тысячи лет назад. Звезда сбросила с себя пламенную оболочку — не успевшую еще остынуть до «белого каления», а потому почти невидимую, — и та рванулась в пространство, ежечасно расширяясь на несколько миллионов километров. Летящая стена огня, способная выжечь любую, даже самую большую планету, ничуть не замедлив своего движения. А вот отсюда, из Солнечной системы, она — всего лишь бледное, на грани видимости, кольцо.

— Интересно, — негромко сказал Джеймисон, — узнаем ли мы хоть когда-нибудь, почему это происходит?

— Иногда, — откликнулся Молтон, — я слушаю радио и думаю — а пусть бы и с нами такое случилось. Пламя отлично стерилизует.

Джеймисон не верил своим ушам — неужели Молтон мог такое сказать? Молтон, за чьей грубоватой внешностью угадывалось глубокое внутреннее тепло.

— Вы просто шутите, — только и сумел он возразить.

— Пожалуй, что да. Как ни говори, за последний миллион лет мы добились некоторого прогресса, кроме того, астроному подобает быть терпеливым. И все же посмотри, что происходит сейчас, во что мы изо всех сил стараемся вляпаться! Ты задумывался когда-нибудь, чем все это может кончиться?

Неожиданная страсть, звучавшая в этих словах, удивила — и даже привела в смятение — Джеймисона. Кто бы мог подумать, что доктор Молтон болеет о чем-то, кроме своей работы, принимает близко к сердцу вещи, никаким боком к астрономии не относящиеся? Джеймисон догадывался, что стал свидетелем нечаянной слабости, что Молтон на мгновение утратил свой железный самоконтроль. Мысль эта получила в его мозгу неожиданный отклик, и он — как громом пораженный — отшатнулся.

Долгую, словно вечность, секунду двое ученых пристально смотрели друг на друга, оценивая, строя догадки, пытаясь преодолеть пропасть, отделяющую каждого человека от всех его ближних. А затем раздался пронзительный звон — автоматический спектрометр закончил порученную ему работу. Все напряжение разом исчезло, они вернулись в обычный, повседневный мир. Момент, который мог привести к совершенно непредсказуемым последствиям, поколебался на самой грани бытия — и снова канул в забвение.

ГЛАВА 4

Садлер заранее знал, что никак не может рассчитывать на собственный кабинет, в лучшем случае ему дадут стол в каком-нибудь углу бухгалтерии — так оно и случилось. Ничего страшного, и то слава Богу; он изо всех сил старался доставлять окружающим как можно меньше забот, не привлекать к себе излишнего внимания, да и вообще сидеть за этим столом почти не приходилось. Все окончательные заключения он писал в своей комнате — тесной, как мрачный бред клаустрофоба, ячейке; именно из таких ячеек и состоял жилой уровень.

Потребовалось несколько дней, чтобы хоть немного привыкнуть к абсолютно неестественным образом жизни. Здесь, глубоко под поверхностью Луны, времени не существовало. Резкие температурные перепады дня и ночи проникали в скальный грунт на метр, может — на два, но никак не более; волны жары и холода затухали, не в силах добраться до тех глубин, где спрятались люди. Одни только часы мерно отсчитывали минуты и секунды; время от времени свет в коридорах тускнел — это значило, что прошло еще двадцать четыре часа, и наступила так называемая ночь. Но даже тогда Обсерватория не засыпала, у кого-то обязательно была вахта. Астрономам ритм лунной жизни не причинял особых неудобств, они всегда работают в неурочное для других время — к вящему негодованию астрономических супругов, разве что те — как это часто бывает — тоже астрономы. Страдали и ворчали техники, на чьих плечах лежала задача круглосуточно обеспечивать Обсерваторию воздухом и энергией,

поддерживать бесперебойную работу связи и вообще всего, чего угодно.

А лучше всего живется административному персоналу, думал Садлер. Ну кому какое дело, если бухгалтерия, магазин и развлекательные учреждения раз в сутки закрываются на восемь часов, самое главное — чтобы работали медпункт да кухня.

Первоочередная задача — жить со всеми мирно, никому не мозолить глаза — разрешалась вполне успешно. Садлер познакомился уже со всем начальством Обсерватории (за вычетом улетевшего на Землю директора) и знал в лицо добрую половину рядовых сотрудников. Согласно плану, он должен был изучать отделы последовательно, один за другим, пока не удастся ознакомиться со всем, что здесь есть. А после этого — посидеть пару дней и подумать; есть дела, с которыми никак нельзя спешить, какой бы спешной ни была необходимость.

Спешная необходимость — да, именно она и создавала главные затруднения. Садлеру несколько раз говорили — без всякой враждебности, — что он появился здесь в очень неудачное время. Растущая политическая напряженность отражалась и на маленьком коллективе Обсерватории, люди стали раздражительными, часто и легко срывались. С открытием сверхновой положение несколько улучшилось, кто же будет интересоваться ерундой вроде политики, когда в небесах сверкает настоящее чудо? Но уж тем более сотрудники Обсерватории не хотели отвлекаться от этого чуда на всякие там дебиты-кредиты, и Садлер ничуть их не осуждал.

Немногие минуты, которые удавалось урвать у работы, он проводил в общей гостиной, куда собиралось все местное население, свободное от вахты. Этот центр общественной жизни предоставлял идеальную возможность поближе приглядеться к мужчинам и женщинам, добровольно обрекшим себя на ссылку, одни — во имя науки, другие — во имя более чем приличной зарплаты, которая одна только и могла заманить на Луну людей, как они сами себя характеризовали, разумных.

Всю свою жизнь Садлер интересовался не столько людьми, сколько цифрами и фактами, а сплетен так попросту не переносил, однако он понимал, что не имеет права проходить мимо подобной возможности — не говоря уж о том, что

инструкции особо, даже с излишней, пожалуй, циничностью, подчеркивали этот момент. Да и то сказать, ведь природа человеческая одинакова везде, в любой общественной прослойке, на любой планете. Значительную часть наиболее ценной информации Садлер попросту подслушал, стоя неподалеку от бара.

Общую гостиную проектировали с величайшим вкусом и тщанием, а постоянно меняющаяся фотороспись стен заставляла совершенно забыть, что этот просторный зал находится глубоко под поверхностью Луны. Благодаря капризу дизайнера здесь имелся даже большой камин, в котором вечно горела — и никогда не сгорала — весьма реалистично выполненная груда дров. Садлер никогда не видел камина настоящего, а потому был от этой имитации в полном восторге.

Показав себя вполне приличным собеседником и партнером по играм, он заслужил положение признанного члена общества и знал теперь всю местную скандальную хронику. Обсерватория оказалась точным уменьшенным слепком Земли — если оставить за скобками тот факт, что средний ее сотрудник был на порядок умнее среднего обитателя родной их планеты. За исключением убийств (вполне возможно, это было лишь делом времени), почти все, что происходило в земном обществе, происходило и здесь. Садлер редко чему удивлялся, а такому очевидному факту — и подавно. Только естественно, что после длительной жизни в почти полностью мужском обществе, все шесть девушек из вычислительного центра имеют, мягко говоря, сомнительную репутацию. А кого удивит, что главный инженер не разговаривает с заместителем главного администратора, или что профессор Икс считает доктора Игрека окончательным психом, или что, согласно общему мнению, мистер Зет мухлюет в гиперканасту? Садлер выслушивал все эти истории с большим интересом; не представляя ровно никакой важности, они лишний раз доказывали, что Обсерватория — одна большая семья.

Поперек весьма аппетитной девицы, украшавшей обложку номера «Трипланет ньюс» за прошлый месяц, стоял жирный штамп «ИЗ ГОСТИНОЙ НЕ ВЫНОСИТЬ». «Это кто же ее так разукрасил? — подумал Садлер. — Я бы таким шутникам...» Его размышления прервал Уилер, буквально ворвавшийся в гостиную.

— Что там у тебя? — поинтересовался Садлер. — Нашел еще одну сверхновую? Или ищешь жилетку, куда поплакаться?

Не вызывало сомнений, что нужна именно жилетка, ровно так же было понятно, чья это будет жилетка. Садлер довольно быстро сошелся с Уилером и знал его теперь насквозь. Молодой астроном был одним из самых младших по должности сотрудников Обсерватории, но в то же время и самым из них примечательным. Едкое остроумие, полное отсутствие уважения к авторитетам, постоянная уверенность в собственной правоте и страсть поспорить по любому поводу — все эти качества ни в коей мере не позволяли ему поставить свою свечу в сокровенном месте*. Даже люди, относившиеся к Уилеру не очень одобрительно, соглашались, что он — блестящий ученый и скорее всего далеко пойдет. В данный момент этот многообещающий молодой человек не успел еще растратить кредит всеобщей любви, порожденной открытием сверхновой (успех сам по себе достаточный, чтобы обеспечить астроному пожизненную репутацию).

— Я ищу не жилетку, а Уагтэйла**, — в кабинете его нет, а мне нужно написать кляузу.

— Секретарь Уагнэл, — укоризненно поправил Садлер, — пошел в сектор гидропоники полчаса назад. И да будет мне дозволено спросить, с каких это пор ты пишешь на кого-то кляузы? Раньше их писали на тебя.

Лицо Уилера расплылось в широкой улыбке хулиганистого мальчишки.

— К сожалению, ты прав. И я знаю, что тут нужно действовать по какому-то там определенному порядку, и вся такая мутота, но ведь дело действительно срочное. Какому-то придурку вздумалось сесть без разрешения, а в результате вся моя работа — псу под хвост.

Садлеру потребовалось несколько секунд, чтобы понять, о чем говорит Уилер. Затем он вспомнил, что эта часть Луны — запретная зона: любой корабль, желающий пролететь над северным полушарием, должен получить разрешение у Обсерватории. Попав в поле зрения огромных телескопов,

* Евангелие от Луки, гл. 11, ст. 33.

** Wagtail (англ.) — «виляющий хвостом».

слепящее пламя ионных двигателей может сорвать фото-съемку, а при случае — даже изуродовать нежные, сверхчувствительные приборы.

— Вдруг это несчастный случай? — предположил Садлер. — Твоих трудов, конечно же, жаль, но ведь этот корабль мог находиться в безвыходном положении.

Мысль оказалась для Уилера новой, он сразу стих, словно спрашивая — а что же тогда делать? Садлер уронил журнал на стол и поднялся.

— Может, обратиться к связистам? Уж они-то обязаны знать, что там стряслось. Ты не против, если и я прогуляюсь?

Он относился к подобным мелочам этикета с крайней щепетильностью и все время повторял себе: не забывай, что ты здесь посторонний, которого только терпят. И пусть людям кажется, будто они делают тебе одолжение, это полезно всегда и при любой обстановке.

Уилер с радостью ухватился за предложение. Центр связи представлял собой большое, безукоризненно чистое помещение самого верхнего, расположенного в каких-то метрах от поверхности, уровня Обсерватории. Здесь располагался автоматический телефонный коммутатор (фактически — центральная нервная система всего подземного поселка), а также приемники и передатчики, поддерживающие связь с Землей. Всем этим хозяйством распоряжался старший связист, вывесивший для острастки случайных посетителей табличку с крупной, издалека читаемой надписью: **«ПОСТОРОННИМ ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН»**.

— К нам это не относится, — небрежно бросил Уилер, открывая дверь. **«ЭТО И К ТЕБЕ ОТНОСИТСЯ»**, — мгновенно возразила вторая, совсем уж огромными буквами выполненная надпись. — Ерунда это все, — без тени смущения добавил он в ответ на ухмылку Садлера. — Те места, куда и вправду нельзя входить, запирают, — но все-таки не стал прямо ломиться во вторую дверь, а осторожно постучал.

— Войдите, — откликнулся скучающий голос.

Старший связист, разбиравший по винтику рацию космического скафандра, был, очевидно, рад, что ему помешали. Он вызвал Землю и попросил главную диспетчерскую выяснить, чего это ради какой-то корабль залез в Море Дождей, не связавшись предварительно с Обсерваторией.

В ожидании ответа Садлер прогулялся вдоль стоек с оборудованием.

Столько приборов — и все лишь для того, чтобы позволить людям разговаривать друг с другом да чтобы посылать изображение с Луны на Землю и обратно; странно, хотя, в общем-то, и понятно. Зная, как любят техники рассказывать о своей работе, кто бы и когда их ни спросил, Садлер задал несколько вопросов и постарался запомнить ответы. К счастью, обитатели Обсерватории давно уже перестали усматривать в его любопытстве какие-то задние мысли, попытку выяснить — а нельзя ли делать ту же работу при половинных расходах. Заезжего бухгалтера воспринимали просто как живого, заинтересованного слушателя, тем более что многие из его вопросов явно не имели никакого финансового значения.

Принтер застучал почти сразу, как только старший связист разделался с ролью экскурсовода и вернулся на свое место. Текст ответа вызывал, мягко говоря, недоумение.

ПОЛЕТ ВНЕ РАСПИСАНИЯ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ. ОПОВЕЩЕНИЯ НЕ ТРЕБОВАЛОСЬ. ПОСАДКИ БУДУТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ. СОЖАЛЕЕМ О ПРИЧИНЕННЫХ НЕУДОБСТВАХ.

Уилер глядел на листок — и не верил своим глазам. Вплоть до этого момента небеса над Обсерваторией были святыней. Гнев аббата, обнаружившего кощунственное нарушение неприкосновенности своей обители, — вот, пожалуй, единственное и еще слишком слабое сравнение для чувств, которые буквально булькали и пузырились в юном астрономе.

— Это что же, и дальше так будет? — спросил он, заикаясь от возмущения. — А как же наша программа?

— Ты, Кон, прямо как маленький, — снисходительно улыбнулся связист. — Ты вообще радио слушаешь? Или только и знаешь, что любоваться на свою драгоценную новую? Из радиogramмы следует вполне очевидный вывод: в этом самом море делается нечто секретное. Угадай с трех... да нет, с одного раза.

— Да знаю я, — раздраженно отмахнулся Уилер. — Очередная экспедиция, выискивающая руды тяжелых металлов, а все эти тайны — чтобы Федерация ничего не узнала. Детские игрушки.

— А почему ты так думаешь? — резко спросил Садлер.

— Да это не первый год продолжается. Прогуляйся в город, зайди в любой бар — там тебе все подробно расскажут.

Но Садлер верил ему и так, без «прогулки в город», то бишь поездки в Сентрал-Сити. Объяснение Уилера выглядело весьма правдоподобно, особенно если принять во внимание общую ситуацию.

— Так что они летают и будут летать, а мы — выворачивайся, как можешь, — сказал связист, берясь за недоразобранную рацию. — Есть, правда, и одно утешение. Все эти дела к югу от нас, в части неба, противоположной Дракону. А значит, главной твоей работе ничто особо не мешает, так ведь?

— Да вроде и так, — неохотно и словно обиженно согласился Уилер. Ни в коем случае не желая никаких помех своей работе, он в то же самое время предвкушал хорошую драку, а потому испытал горькое разочарование, когда повод для драки исчез.

Было странно и вспомнить, что совсем недавно новую звезду искали по расположению звезд старых; сейчас она сверкала ярче всех — за исключением Земли — объектов ночного неба. По сравнению с этой, невесть откуда взявшейся нахалкой, даже богиня любви — ушедшая вслед за Солнцем к востоку Венера — выглядела бледной немочью. Свет новой уже порождал вполне различимые тени — и продолжал прибывать.

По сообщению с Земли, там *Nova Draconis* была видна даже днем. На какое-то время она вытеснила с первых полос газет политику, но затем напряженность положения снова взяла свое. Люди не могут долго думать о вечности, к тому же расстояние до планет Федерации измерялось не световыми столетиями, а световыми минутами.

ГЛАВА 5

Все еще находились отдельные личности, считавшие, что человек зря сунулся в космос, что сидеть бы ему на своей планете и не трепыхаться, но даже эти упорные ретрограды вынужденно признавали: плакать поздно, поезд давно ушел. К тому же Человек не был бы Человеком, останься он на Земле. Та врожденная непоседливость, которая гнала

его к крайним пределам родного мира, заставляла подниматься в небо и опускаться на морское дно, разве могла она не откликнуться на вечный, доносящийся из бездонных глубин пространства, зов Луны и планет?

Колонизация Луны была предприятием медленным, трудным, иногда трагическим и всегда разорительно дорогим. Даже теперь, через два столетия после первых полетов, большая часть гигантского спутника Земли оставалась необследованной. Съёмки из космоса позволили нанести на карту все, даже самые мелкие детали рельефа, однако вблизи большую часть этого корявого шара никто и никогда не видел.

Сентрал-Сити и остальные, ценой долгого и мучительного труда построенные базы являлись островками жизни в безжизненных просторах, оазисами в молчаливой, залитой попеременно то ослепительным светом, то чернильной темной пустыне. Многие задавались вопросом: да стоит ли овчинка выделки? Колонизация Марса и Венеры была значительно проще и сулила большие выгоды. Однако человек не мог обойтись без Луны. Бывшая когда-то первым его космическим плацдармом, она и по сию пору осталась ключом к планетам. Именно здесь лайнеры, трудолюбиво сновавшие от мира к миру, брали на борт тяговую массу — заполняли свои огромные баки мельчайшей пылью, выбрасывавшейся потом сквозь сопла ионных ракетных двигателей. Получение этой пыли на Луне позволяло не тащить ее сквозь могучее гравитационное поле Земли, что десятикратно снижало расходы. Собственно говоря, без такой, как Луна, заправочной базы космические полеты надолго остались бы убыточными.

А ее значение для науки? Лунными лабораториями пользовались буквально все области исследований, к неизменной для себя выгоде, не говоря уж об астрономии, исполнившей вековую свою мечту вырваться из-под мутной пелены земной атмосферы. Политики (публика по преимуществу ограниченная) и те давно осознали следующую непреложную истину: научные исследования — основа цивилизации, они не только окупают себя, но и дают гарантированный, вечный доход.

Мало-помалу, ценой бесчисленных ошибок человек научился сперва существовать, затем — жить и в конце концов —

процветать на Луне. Он создал целые новые отрасли вакуумной техники, низкогравитационной архитектуры и методов контроля за составом и температурой воздуха. Ему удалось справиться с лунным днем и лунной ночью, хотя необходимость бдительно следить за их дьявольскими кознями все же оставалась. Палящая жара вызывала расширение куполов и прочих зданий, они могли растрескаться, ледяной холод мог в клочья порвать любую металлическую конструкцию, изготовленную без учета сжатий, никогда не встречающихся на Земле. Но все эти проблемы поддавались разрешению — и были разрешены.

Сколько ни вспомнишь масштабных честолюбивых проектов, осуществление любого из них оказывалось далеко не таким трудным и опасным, как то виделось в перспективе; освоение Луны не стало исключением из общего правила. Проблемы, казавшиеся до высадки на Луну неразрешимыми, давно стали достоянием местного фольклора, препятствия, перед которыми у первых исследователей опускались руки, почти забыты. А над местами, где когда-то боролись с опасностями пешие первопоселенцы, в роскоши и комфорте монорельсовых вагонов проносились земные туристы.

В некоторых — не очень, к сожалению, многочисленных — отношениях лунные условия скорее помогали людям, чем мешали. Взять, например, лунную атмосферу. Она совершенно не мешает астрономическим наблюдениям и на Земле считалась бы глубоким вакуумом. И все же ее достаточно для надежной защиты от метеоров. Почти все камешки и пылинки, бомбардирующие Землю, сгорают на высотах порядка сотни километров, то есть в воздухе не более плотном, чем атмосфера Луны. Лунный метеоритный щит даже эффективнее земного — благодаря низкому тяготению он простирается на большее расстояние.

Самым, пожалуй, большим потрясением для первых исследователей Луны стало существование на ней растительной жизни. Своеобразные изменения окраски таких кратеров, как Аристарх и Эратосфен, давно наводили на мысль о некоей растительности, однако сразу же возникали сомнения — невозможно было представить себе живой организм, способный существовать в столь суровых условиях. И все же, говорили самые смелые из ученых, нельзя отрицать возможности, что на Луне есть несколько видов примитив-

ных мхов и лишайников; интересно бы посмотреть, как это они умудряются там выжить.

Ученые ошибались. А ведь не составляло особого труда догадаться, что лунные растения должны быть не примитивными, а совсем наоборот, очень сложными — чтобы успешно справляться с враждебной всему живому средой. Примитивное растение способно существовать на Луне ничуть не больше, чем первобытный человек.

Самые распространенные из лунных растений имели яйцевидную, зачастую совсем сферическую форму и сильно смахивали на кактусы. Их толстая, ороговевшая кора, предотвращавшая испарение драгоценной воды, была усеяна прозрачными «окошками», пропускавшими свет солнца. При всей своей удивительности это изобретение не уникально. На ту же самую хитрость пошли и некоторые растения африканских пустынь, столкнувшиеся с той же самой задачей: как поймать в ловушку солнечный свет, не теряя при этом воду.

Другое дело — способ отбора воздуха. Тут приоритет лунных «кактусов» не вызывает никаких сомнений. Сложная система заслонок и клапанов, отдаленно напоминающая ту, при помощи которой некоторые из обитателей моря прокачивают сквозь свои тела воду, исполняет роль компрессора. Растения селятся вдоль глубоких, уходящих в недра Луны, трещин и год за годом терпеливо ждут; когда из трещины появляется слабенькое, жалкое облачко углекислого газа или сернистого ангидрида, они начинают лихорадочно работать, втягивая в свои поры каждую оказавшуюся поблизости молекулу. Продолжается это очень недолго — мимолетный туман быстро рассеивается в почти полном вакууме лунной атмосферы.

Вот таков был этот странный мир, ставший пристанищем нескольких тысяч людей. Странный и суровый — но они любили его и не хотели возвращаться на Землю, где жизнь текла легко, а потому не давала простора для инициативы и предприимчивости. При всей своей экономической зависимости от Земли лунная колония имела с ней гораздо меньше общего, чем с планетами Федерации. На Марсе, на Венере, на Меркурии, на спутниках Юпитера и Сатурна люди вели войну с Природой — примерно такую же, какая позволила им освоить Луну. Марс уже покорился — он стал

первым после Земли миром, где человек мог ходить без всяких скафандров и дыхательных приборов. Близилась победа и на Венере — победа, обещавшая в качестве трофея сухопутные просторы, в три раза большие всех земных материков. В прочих местах были пока только плацдармы, а пылающий Меркурий и ледяные внешние планеты оставались вызовом для будущих поколений.

Так считала Земля. Но Федерация не хотела ждать, а профессор Филлипс в святой своей простоте довел это нетерпение до крайности. Далеко не первый случай, когда научная статья меняет ход истории, — и скорее всего не последний.

Садлер никогда не видел уравнений, вызвавших весь этот переполох, однако был знаком со следующими из них выводами. За шесть месяцев, грубо вырванных из его жизни, он узнал много самых разнообразных вещей. Кое-что он выучил в маленькой с голыми стенами комнатке за компанию с шестью другими мужчинами, чьих имен ему не сказали, но большая часть информации была передана ему во сне либо в гипнотическом трансе. Вполне возможно, что когда-нибудь ее извлекут обратно с помощью тех же самых методов.

Поверхность Луны, как сказали Садлеру, состоит из областей двух резко различающихся типов — темных, так называемых морей, и светлых, более высоких и более гористых. Светлые области испещрены бесчисленными кратерами; судя по всему, они были когда-то зонами вулканической активности. Поверхность морей — плоская и относительно гладкая. Там есть отдельные кратеры, а также много трещин и провалов, но все это не идет ни в какое сравнение с дикой неровностью плоскогорий.

Судя по всему, моря образовались гораздо позже, чем горы и цепочки кратеров, оставшиеся от бурной молодости Луны. Старые формации затвердели вроде бы окончательно, но прошли миллионы лет, и некоторые участки коры расплавились, превратившись потом, после остывания, в гладкие, темные равнины. Старые кратеры и горы, бывшие на месте «морей», растеклись подобно воску и бесследно исчезли, а другие, оказавшиеся поблизости, «на берегу», носят на себе следы разрушения.

Задача, долго привлекавшая внимание ученых и разрешенная наконец профессором Филлипсом, формулировалась

так: «Почему внутреннее тепло Луны прорвалось только в определенных районах — будущих морях, — оставив возвышенности нетронутыми?»

Недра планеты разогреваются радиоактивностью. Профессор Филлипс сделал совершенно естественное предположение, что под морями должны находиться богатые залежи урана и сопутствующих элементов. В результате сложной игры приливных течений, бушевавших в расплавленной сердцевине Луны, они распределились неравномерно, сконцентрировались в отдельных местах, а затем, за миллионы лет радиоактивности, расплавили под собой кору. Так образовались моря.

За два столетия люди обследовали Луну при помощи всех вообразимых и невообразимых измерительных приборов. Они сотрясали ее недра искусственными сейсмическими толчками, прощупывали их электрическими и магнитными полями. Благодаря этим наблюдениям профессор Филлипс мог подкрепить свою теорию весьма серьезными расчетами.

Глубоко под морями находились огромные отложения урана. Сам по себе этот элемент не имел уже такого жизненно важного значения, как в двадцатом и двадцать первом веках — старомодные ядерные реакторы давно уступили место термоядерным. Однако там, где есть уран, обязательно найдутся и другие металлы.

Профессор Филлипс был абсолютно уверен, что его теория не получит никакого практического применения. Как он неоднократно подчеркивал, все эти богатства находятся на такой глубине, что вопрос об их добыче не то что бы отпадает, а даже и не стоит. До них не меньше сотни километров, а давление на таких глубинах настолько велико, что самый прочный из металлов потечет там как жидкость, так что любая шахта или скважина затянется за доли секунды.

А ведь жаль. Все эти манящие сокровища, заключал профессор Филлипс, навсегда останутся недосыгаемы для людей, которые остро в них нуждаются.

Ученый, кисло думал Садлер, мог бы и не делать таких скоропалительных выводов. Недалек день, когда профессор Филлипс очень удивится.

ГЛАВА 6

Садлер лежал на койке, не разуваясь, и старался думать только о прошедшей неделе. Никак не верилось, что он прибыл сюда с Земли всего восемь дней (земных, каких же еще) назад, но висевшие на стене часы подтверждали — да, в дневнике нет никаких пропусков и ошибок. А если не верить ни одному из этих свидетелей, можно подняться на поверхность, в какой-нибудь из наблюдательных куполов, и справиться по неподвижно застывшей в небе Земле, только-только начинающей идти на ущерб. В день его прибытия на Луну она была как раз в первой четверти.

Несмотря на полночный (по лунному, естественно, времени) час, Море Дождей было залито светом. Nova Draconis, ставшая уже ярчайшей звездой в истории, бросала вызов полной Земле. Даже Садлер, обычно считавший всякие небесные происшествия слишком далекими и безличными, чтобы затрагивать чувства, выходил время от времени «наверх», полюбоваться неожиданной гостьей — да не гостьей скорее, а захватчицей — северного неба. Что это — фейерверк или погребальный костер миров много более древних и мудрых, чем Земля? Было странно, что такое грандиозное, внушающее благоговейный трепет событие точно совпало по времени с кризисом человечества. Обычное совпадение, не более того — хотя Nova Draconis и относится к близким звездам, все равно сообщение о ее смерти отправлено уже два тысячелетия назад. Только очень суеверный и беспредельно геоцентричный человек мог бы вообразить, будто такое событие спланировано заранее, в предостережение землянам. А что оно должно было сказать обитателям других планет, вращающихся вокруг других солнц, в чьих небесах сверхновая сверкала с той же, что у нас, или даже большей яркостью?

Садлер сделал над собой усилие, выкинул все эти праздные мысли из головы и начал думать о деле. О деле. Так что же еще не сделано? Он посетил каждый из отделов Обсерватории, встретился со всеми ее руководителями, за исключением директора. Профессор Маклорин должен был вернуться со дня на день, а пока что его отсутствие только упрощало задачу Садлера. Все сотрудники Обсерватории в один голос утверждали, что с возвращением шефа жизнь

перестанет быть такой свободной и беззаботной, как сейчас, все будет делаться согласно Установленному Порядку. К Установленному Порядку Садлеру было не привыкать, однако это не значит, что он ему нравился.

Висящий над кроватью динамик негромко загудел. Закинув вверх ногу, Садлер ткнул носком сандалии в кнопку; теперь это удавалось ему с первой попытки, однако неглубокие царапины, испещрявшие стену, свидетельствовали о долгом и многотрудном пути к такому мастерству.

— Да? — пробурчал он. — Кто там?

— Это из транспортного отдела. Я закрываю список на завтра. Осталось два места — вы не хотели бы съездить?

— Если место есть, то да, — сказал Садлер. — Не хотелось бы перебегать дорогу более заслуженным людям.

— Хорошо, я вас записываю, — коротко откликнулся динамик, щелкнул и стих.

Садлер почти не чувствовал угрызений совести. Неделей непрерывной напряженной работы он вполне заслужил несколько часов в Сентрал-Сити. Время первого контакта со связным еще не наступило, пока что все его донесения — облеченные в совершенно безобидную форму — отправлялись обычной почтой. И все равно пора познакомиться с городом — не говоря уже о том, что, сидя здесь безвылазно, работая без выходных, обязательно навлечешь на себя подозрения.

Но главная причина поездки была чисто личной. Садлер хотел отослать некое письмо — и знал, что вся корреспонденция Обсерватории внимательно просматривается его же коллегами по Планетарной разведке. В письме не было ровно ничего криминального, однако от мысли, что кто-то будет его читать, становилось немного не по себе. Личное должно быть личным.

От космопорта до Сентрал-Сити добрых два десятка километров, поэтому в день своего прибытия на Луну Садлер так и не увидел ее столицу.

— Центральный залив, — произнес чей-то голос. — Почти приехали.

Оглядывая салон монорельса — заполненный на этот раз почти под завязку, — Садлер не чувствовал себя таким чужаком, как во время прошлой поездки. Со многими из

сидящих здесь он был уже знаком, остальных знал в лицо. Сегодня Сентрал-Сити примет почти половину штата Обсерватории, вторая половина возьмет выходной через неделю. Даже Nova Draconis не сумела нарушить этот порядок, основанный на здравом смысле и понимании человеческой психологии.

Из-за горизонта стадом огромных черепах выползали купола. В верхней точке каждого из них горел маяк, никаких иных признаков жизни не замечалось. Садлер знал, что некоторые из этих строений можно при желании сделать прозрачными, но сейчас все они были темными — берегли тепло.

Монорельс нырнул в длинный туннель, проложенный в основании одного из куполов. Садлер заметил, как, пропустив вагон, за ним закрываются огромные ворота, затем еще одни и еще. Не хотят рисковать, подумал он, и вполне одобрил такую осторожность. Послышалось характерное шипение заполняющего шлюз воздуха, открылись последние ворота, вагон проехал еще немного и плавно затормозил у платформы, похожей на платформу любого земного вокзала. Садлер взглянул в окно и вздрогнул от непривычной картины людей, разгуливающих под открытым, как казалось, небом без скафандров.

— Вы в какое-нибудь определенное место? — поинтересовался Уагнэл; как и Садлер, он переживал образовавшуюся у дверей давку.

Садлер покачал головой:

— Нет, просто хочу побродить и посмотреть, что здесь и как. Очень интересно, куда это вы умудряетесь потратить все свои огромные деньги.

Уагнэл явно не мог понять — шутка это или нет; к вящему своему облегчению, Садлер не услышал стандартного: «А хотите, я покажу вам город». Сейчас, как и часто, ему хотелось побыть одному.

Сойдя с платформы, он оказался наверху длинного пандуса, полого спускающегося к небольшому, плотно застроенному поселку. Главный уровень располагался двадцатью метрами ниже; прежде Садлер и не предполагал, что купол так сильно заглублен в грунт — скорее всего для экономии строительных материалов. Протянутый рядом с пандусом транспортер неторопливо поднимал на станцию грузы и багаж. Ближайшие здания походили на промышленные. Вроде

бы и не грязные, они имели тем не менее запущенный вид, неизменно присущий всему, находящемуся в окрестностях доков и железнодорожных станций.

Только на половине спуска Садлер сообразил, что над его головой — голубое небо с плывущими в высоте перистыми облаками и что в спину ему светит солнце.

Иллюзия была настолько полной, что он принял эту картину за чистую монету, на мгновение забыв, что находится на Луне и сейчас — лунная полночь. И даже после долгого вглядывания в головокружительную глубину синтетического небосвода ему не удалось найти в нем ни одного изъяна. Становилось понятным, почему лунные поселки обязательно строят эти умопомрачительно дорогие купола, а не зарываются, подобно Обсерватории, под землю.

Заблудиться тут было трудно. Все, за одним-единственным исключением, купола Сентрал-Сити застраивались по одной и той же схеме: радиальные авеню, пересеченные концентрическими кольцами дорог. Исключением является Пятый купол, главный промышленный район столицы, по сути дела — один огромный завод. Садлер решил, что туда можно не ходить.

Некоторое время он бродил совершенно случайным образом, вслепую. Поскольку основательно познакомиться с городом было невозможно, Садлер пытался хотя бы его «почувствовать». Он сразу заметил, что Сентрал-Сити — город со своим лицом, со своим — вполне определенным — характером. Никто, вероятно, не сможет сказать, почему у одних человеческих поселений все это есть, а у других отсутствует; Садлера немного удивила естественность города, построенного в таких искусственных условиях, однако он тут же вспомнил, что все города — на Луне ли, на Земле ли — в равной степени искусственны...

По узким улочкам неспешно, со скоростью не больше тридцати километров в час, двигались маленькие трехколесные открытые машины, предназначенные исключительно для перевозки грузов. Через некоторое время выяснилось, что здесь есть еще и автоматическое «метро», соединяющее шесть внешних, стоящих по кругу, куполов и имеющее станцию в центре каждого из них. Фактически это был самый обыкновенный ленточный транспортер,двигающийся только в одном направлении, против часовой стрелки. Чтобы попасть

в соседний купол, могло потребоваться объехать вокруг всего города; к счастью, это не было особенно страшно — вся поездка по кольцу занимала не более пяти минут.

Торговые и увеселительные заведения находились по большей части в Первом куполе; здесь же обитало административное и техническое начальство, причем самое высокое начальство — в своих особняках. Крыши большинства жилых домов были заняты садами; привезенные с Земли растения достигали здесь умопомрачительной высоты — естественное следствие низкой гравитации. Садлер старательно высматривал лунные растения, но так их и не обнаружил. Он не знал, что существует строгий закон, запрещающий провоз этих чудес природы в места проживания людей. В непривычно богатой атмосфере они начинают бешено расти, а затем быстро гибнут; вонь, распространяющаяся при гниении останков этих перенасыщенных серой организмов, не поддается никакому описанию.

Здесь же, в Первом куполе, концентрировались прибывшие с Земли туристы. Садлер, и сам-то не обремененный большим лунным опытом, поймал себя на том, что созерцает этих новичков со снисходительным презрением. Многие из них сразу же по прилете обрядились во взятые напрокат балластные пояса, простодушно поверив заверениям прокатчиков, что «так значительно безопаснее». Вовремя предупрежденный, Садлер ускользнул из лап этого мошеннического бизнеса и тем сэкономил некоторую сумму. Не подлежит сомнению, что, нагрузившись свинцом, ты уменьшаешь опасность взмыть при неосторожном шаге над землей (луной?) и, вполне возможно, впилиться головой во что-нибудь твердое. Однако на удивление мало людей представляет себе различие между весом и массой — различие, делающее ценность этих поясов более чем сомнительной. Пытаясь привести себя в движение или (случай более опасный) спешно остановиться, они быстро обнаруживают, что, хотя, девяносто килограммов свинца действительно весят здесь только шестнадцать килограммов, инерция у них точно такая же, как и на Земле.

Пробираясь сквозь негустую уличную толпу, толкаясь по лавочкам и магазинам, Садлер нередко натыкался на своих, обсерваторских. Некоторые из них были уже обвешаны свертками — старались наверстать упущенное за целую неделю вынужденной экономии. Молодые сотрудники обоего пола

успели уже, по большей части, найти себе спутниц (спутников); знаменитая самообеспеченность Обсерватории была не такой уж и полной — в некоторых вещах там не хватало разнообразия.

Три чистых, как удары колокола, звука застали Садлера врасплох. Он растерянно оглянулся, но так и не смог понять, откуда они исходят. Сперва казалось, что на этот сигнал — что бы он ни обозначал — никто не обратил внимания. Затем улицы стали понемногу пустеть, а небо — темнеть.

Солнце заволокло облаками. Облака — скорее уж тучи — были черные и рваные, с пламенными краями; кое-где сквозь их разрывы пробивались расходящиеся снопы солнечного света. Садлер снова восхитился искусством, с которым эти изображения (а чем же еще они могут быть?) проецировались на купол; фальшивая гроза выглядела реалистичнее любой самой настоящей, а потому при первом же раскате грома он начал озиаться в поисках какого-нибудь укрытия. Хотя улицы и не успели еще обезлюдеть, не вызывало сомнения, что организаторы спектакля не забудут о деталях...

К тому моменту когда по земле застучали первые капли, а в небе огненной змеей сверкнула первая молния, маленькое придорожное кафе было уже битком набито. Совершенно произвольно, повинуясь давней своей привычке, Садлер начал отсчитывать секунды. Удар грома прозвучал на счете «шесть», что давало удаление в два километра. Получалось, что все это происходит далеко за пределами купола, в не проводящем звука космическом вакууме. Да ладно, было бы о чем говорить — в искусстве допустили некоторые вольности.

Капли становились все тяжелее и падали все гуще, раскаты грома усиливались. По мостовой бежали потоки воды; оказалось, что вдоль улицы проложены сточные канавы — прежде Садлер то ли не замечал их, то ли не придавал им никакого значения. Да, в этом месте ничто нельзя считать самоочевидным, всегда нужно остановиться и задать себе вопрос: «А для чего эта вещь предназначена? Какую функцию выполняет она на Луне? Да и вообще, то ли это, что мне кажется?» Действительно, если подумать, сточная канава столь же неожиданна в Централ-Сити, как, скажем, снегоуборочная машина. А ведь как знать, чем черт не шутит...

— Извините, пожалуйста, — обратился Садлер к ближайшему своему соседу, который наблюдал гиперреалистичную грозу с очевидным восхищением. — Не могли бы вы сказать, как часто такое происходит?

— Приблизительно два раза в день, — охотно пояснил тот. — Я хотел сказать — в лунный день. Оповещают всегда заранее, за несколько часов, чтобы не мешать делам.

— Мне бы не хотелось быть чересчур назойливым, — продолжил Садлер, — но просто удивительно, сколько во все это вкладывается труда. Неужели подобный реализм так уж необходим?

— Возможно, нет, но нам это нравится. Дождь нужен обязательно, чтобы смывать пыль и вообще держать города в чистоте. Ну вот, мы и стараемся, чтобы дождь этот был самым настоящим.

Если у Садлера и оставались на этот счет некоторые сомнения, они рассеялись без следа, когда через небо перекинулась великолепная двойная радуга. По тротуару ударили последние капли, откуда-то издали донесся последний, еле слышный раскат. Представление закончилось, мокрые улицы Сентрал-Сити снова ожили.

Садлер успел уже проголодаться, так что уходить из кафе не было смысла; заодно, после недолгой, но ожесточенной торговли он избавился от части своей земной валюты — по курсу чуть-чуть ниже рыночного. Обед, к вящему его удивлению, оказался превосходным. Садлер прекрасно понимал, что натуральными продуктами здесь и не пахнет; то, что не синтетика, пришло на стол из дрожжевых либо хлорелловых гидропонных баков, однако вот же — чье-то кулинарное мастерство сумело справиться и с таким неблагоприятным материалом. На Земле, подумал он, считают пищу чем-то естественным, само собой разумеющимся — и редко уделяют ей должное внимание. А здесь нельзя полагаться на благосклонную щедрость Природы. Пищу нужно сделать, а перед этим — придумать, как ее сделать, а раз все это является работой, кто-то следит, чтобы работа была выполнена соответствующим образом. Ну, примерно как с той же самой грозой...

Сидеть, конечно же, хорошо, но нужно двигаться. Через два часа забирают последнюю почту. Если опоздать, Жанет-

та получит письмо чуть не на неделю позже. А она и так успела переволноваться.

Садлер вытащил из кармана незаклеенный конверт и в очередной раз перечитал письмо — не нужно ли что-нибудь добавить.

Здравствуй, любимая.

Очень хотелось бы сказать тебе, где я сейчас нахожусь, но это мне запрещено. Идея была не моя, но все равно, мне дали специальное задание, и я обязан сделать все возможное, чтобы выполнить его наилучшим образом. Со здоровьем все в порядке, связаться с тобой прямо я не могу, но ты пиши мне на почтовый ящик, номер которого я тебе давал, и твои письма дойдут до меня, раньше или позже.

Очень жаль, что я не приехал на годовщину, но честное слово, с этим абсолютно ничего нельзя было поделать. Надеюсь, ты получила мой подарок и он тебе понравился. Я искал эти бусы очень долго и никогда не признаюсь тебе, сколько они стоят.

Ты очень обо мне скучаешь? Господи, как же мне хочется вернуться домой! Я знаю, что ты очень расстроилась и обиделась, когда я уехал, но ты постарайся поверить мне и понять: я никак не мог рассказать тебе, в чем тут дело. Ты, конечно же, понимаешь, что я хочу Джонатана Питера так же сильно, как и ты. Верь мне, пожалуйста, и не смей думать, будто я поступаю так из эгоизма или потому, что не люблю тебя. У меня были очень серьезные причины, когда-нибудь я смогу тебе о них рассказать.

А самое главное — береги себя и поменьше волнуйся. Ты же знаешь, что я вернусь при первой же к тому возможности. И я тебе обещаю: как только я вернусь, мы не будем больше откладывать. Только вот знать бы, когда это будет.

Я люблю тебя, милая, никогда в этом не сомневайся. У меня сейчас очень трудная работа, и я справляюсь с ней только потому, что знаю: ты в меня веришь.

Он прочитал свое письмо очень внимательно, стараясь на момент позабыть, что для него значат все эти слова, и

читать их, словно написанные кем-то другим, чужим и незнакомым. Не слишком ли многое здесь раскрыто? Вряд ли. Возможно, это письмо и не следовало писать, но оно никоим образом не выдает ни смысл работы своего автора, ни где тот находится.

Садлер заклеил конверт, однако не стал писать на нем ни адреса, ни фамилии. Вместо этого он сделал нечто, являвшееся, строго говоря, грубым нарушением присяги. Он вложил его в другой конверт, адресованный в Вашингтон, его адвокату. Вместе с сопроводительной запиской:

Дорогой Джордж, ты бы очень удивился, узнав, где я сейчас нахожусь. Жанетта этого тоже не знает, и я не хочу, чтобы она беспокоилась. Поэтому напиши на этом конверте ее адрес и опусти в ближайший ящик. Считай сведения о моем теперешнем местонахождении абсолютно конфиденциальными. Как-нибудь я все тебе объясню.

Джордж догадается, в чем тут дело, но он умеет хранить секреты почище Планетарной разведки. Садлер не мог придумать никакого более надежного способа послать Жанетте письмо и решил немного рискнуть — для своего и, главное, ее спокойствия.

Он расспросил, где тут ближайший почтовый ящик (в Сентрал-Сити их было совсем немного), и опустил письмо. Через пару часов оно будет уже лететь на Землю, а завтра, к вот этому времени, доберется и до Жанетты. Оставалось надеяться, что она все поймет — а если не поймет, то хотя бы не будет судить его заочно, до возвращения.

Рядом с почтовым ящиком стоял газетный лоток, и Садлер купил «Сентрал ньюс». Время еще есть, несколько часов, и если в городе происходит что-нибудь интересное, местная газета обязательно напишет.

Политических новостей почти нет, возможно, тут действует что-то вроде цензуры. Пробежав глазами заголовки, даже не догадаешься, что где-то там есть какой-то там кризис. Чтобы найти серьезные сообщения, нужно тщательно просмотреть всю газету. Вот, скажем, на второй странице короткая информация, что у лайнера, прибывшего с Земли на Марс, возникли странные карантинные неприятности и ему запретили посадку — а другому, находящемуся на Ве-

нере, не дают разрешения на взлет. Садлер почти не сомневался, что эти неприятности связаны с причинами не столько медицинского, сколько политического характера: Федерация показывает зубки.

А на четвертой — пища для размышлений. В окрестностях Юпитера, на каком-то Богом и людьми забытом астероиде арестована группа исследователей. Обвиняют их в некоем нарушении правил техники безопасности. Очень похоже, что обвинение липовое — равно как и сами исследователи. Скорее всего Планетарная разведка снова лишилась нескольких своих агентов.

На развороте — довольно наивная передовица, проливающая свет на истинное положение вещей и выражающая полную уверенность, что в конечном итоге восторжествует здравый смысл. Садлер не питал особых иллюзий относительно распространенности среди людей этого самого здравого смысла, а потому отнесся к надеждам на его торжество скептически и перешел к местным новостям.

Все людские общины, где бы они ни находились, занимаются примерно одним и тем же. Люди рождаются, людей кремируют (образующиеся в результате фосфорные и азотные соединения тщательно хранятся), люди женятся и разводятся, уезжают из города, подают в суд на соседей, организуют пьянки и митинги протеста, становятся жертвами совершенно невероятных несчастных случаев, пишут «письма редактору», меняют работу... Да, тут все точно так же, как и на Земле. Такая мысль ввергала в тоску. Ну зачем, спрашивается, человек стремился покинуть родную планету, если все эти странствия и путешествия ни на йоту не изменили его природу? Сидел бы уж лучше дома, чем — ценой огромных расходов — экспортировать свою персону со всеми ее глупостями и слабостями в другие миры.

Новая работа делает тебя циником, укорял себя Садлер. Посмотрим-ка лучше, что тут есть по части развлечений.

В Четвертом куполе — теннисный турнир, идти поздно, хотя посмотреть на это зрелище, по всей видимости, стоило. На Луне играют мячами стандартных размеров и массы, однако мячи эти пронизаны бесчисленными порами, увеличивающими трение о воздух, а потому летят не дальше, чем на Земле. Если бы не это умышленное мячевредительство, хороший драйв легко послал бы мяч через весь купол.

К сожалению, траектории, избираемые пористыми мячами, весьма своеобразны и способны довести любого земного теннисиста до нервного припадка.

Циклорама (это в Третьем куполе) обещает поездку по бассейну Амазонки (комариные укусы — по желанию и за дополнительную плату). Сеансы — через каждые два часа. Садлер прибыл с Земли совсем недавно и не успел еще особенно по ней истосковаться. Кроме того, он уже видел сегодня великолепный сеанс циклорамы — ту самую недавнюю грозу. Скорее всего этот разгул стихий проецировался аналогичным образом, при помощи целой батареи широкоугольных проекторов.

В конце концов он остановил свой выбор на плавательном бассейне. Самое знаменитое и роскошное сооружение располагавшегося во Втором куполе спорткомплекса Сентрал-Сити, он пользовался у сотрудников Обсерватории большой популярностью. Одна из главных опасностей, подстерегающих человека на Луне, — это нехватка физических нагрузок и связанный с ней риск мышечной атрофии. Любой, пробывший здесь больше пары недель, испытывает заметные трудности, вернувшись на Землю, к нормальной силе тяжести. Однако совсем не профилактические соображения привели Садлера в бассейн. Ему просто захотелось испытать свои силы в сложных прыжках с вышки, слишком уж рискованных дома, где за первую же секунду падения проходишь пять метров, а к тому же врезаешься в воду с чересчур большой скоростью.

Второй купол располагался на противоположной стороне города. Садлер не хотел приходить в спорткомплекс уставшим, а потому решил воспользоваться услугами подземки; однако он проворонил выход — медленно движущийся участок дорожки, проложенный параллельно основному, быстрому и непрерывному транспортеру. Не желая делать полный круг, он вышел в Третьем куполе и вернулся коротким переходным туннелем — все купола были соединены между собой в точках соприкосновения. Двери этих туннелей открывались автоматически, только дотронься рукой — и мгновенно закрывались, если в одном из куполов падало давление.

В спорткомплексе собралась добрая половина обсерваторских. Доктор Молтон прилежно работал на гребном тре-

нажере, не спуская глаз с индикатора, фиксировавшего количество и силу взмахов веслами. Главный инженер стоял в кольце призрачно мерцающих ультрафиолетовых ламп; глаза его — в строгом соответствии с правилами техники безопасности при загаре — были зажмурены. Некий эскулап из медпункта обрабатывал боксерскую грушу с такой яростной ненавистью, что у Садлера пропало всякое желание познакомиться с его целительскими способностями. Некий плотный, крутого вида мужчина, вроде бы из ремонтников, пытался поднять ни больше ни меньше как целую тонну; при всех поправках на низкую гравитацию подобное зрелище внушало благоговейный трепет.

Все остальные бултыхались в бассейне, к ним Садлер и присоединился. Он ожидал, что лунное плавание окажется радикально отличным от земного, не совсем ясно себе представляя — в чем же именно. Однако все было как обычно, если не считать слишком уж высоких волн и того, как медленно катятся они по поверхности прозрачной, зеленоватой воды.

Первые — без особых ухищрений — прыжки прошли вполне удачно. Было очень приятно успеть за время неспешного, словно в замедленном фильме, падения осмотреться по сторонам, непрерывно осознавая, в каком положении находится корпус и что тут вообще происходит. Но затем Садлер рискнул сделать полное сальто с высоты в пять метров. А что тут такого, удар — как на Земле с метра, даже слабее...

К несчастью, он неправильно оценил время полета и сделал полуоборотом больше (или меньше), чем надо. И врезался в воду плечами, тут же — слишком, увы, поздно — вспомнив, каким неприятным может оказаться падение даже с небольшой высоты, если приземлишься неудачно. Да, невесело подумал Садлер, вот так, наверное, чувствует себя груша того кровожадного медика; чуть прихрамывая, он выбрался из бассейна, с твердым решением оставить подобные забавы тем, кто помоложе.

Усталый, но довольный, а главное — уверенный, что за сегодня ему удалось прочувствовать лунный образ жизни, Садлер присоединился к Молтону и остальным сотрудникам Обсерватории, как раз собиравшимся уходить из спорткомплекса.

Монорельс тронулся от платформы, открылись и закрылись одни огромные ворота, вторые, третьи... Голубые, с рваными клочьями облаков небеса сменились стылой реальностью лунной ночи. Все так же висела над головой Земля, ничуть за эти часы не изменившаяся. Садлер искал слепящий огонь сверхновой, но тут же вспомнил, что в этих широтах ее не видно — она где-то там, за северным краем Луны.

Темные купола, не подававшие никаких признаков кипящей в них жизни, ушли за горизонт. И тут Садлера поразила мрачная, тревожная мысль. Построенные, чтобы выдержать весь натиск враждебных сил природы, какими жалкими и хрупкими окажутся эти скорлупки, доведись им испытать на себе ярость человека.

ГЛАВА 7

-И все-таки я думаю, — сказал Джеймисон, глядя сквозь лобовой фонарь трактора на приближающуюся стену Платона, — что Старик поднимет дикий хай, как только узнает.

— А чего бы ради, — беззаботно пожал плечами Уилер. — По возвращении у него будет слишком много дел, чтобы снизойти до нас. За горючее мы заплатили, чего ж еще? Так что кончай паниковать. Развлекаешься, так развлекайся. Выходной у нас сегодня или нет?

Джеймисон не ответил; все его внимание было сосредоточено на дороге — если только это можно назвать дорогой. Единственным признаком, что здесь кто-то когда-то проезжал, были немногочисленные борозды, пропаханные в пыли. На Луне, в полном вакууме, эти борозды сохраняются навечно, их не занесет никакой ветер, так что иных дорожных знаков и не требовалось, но все равно время от времени встречались щиты с тревожными надписями: **ОПАСНОЕ МЕСТО — ВПЕРЕДИ ТРЕЩИНЫ!** или **АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС КИСЛОРОДА — 10 КИЛОМЕТРОВ.**

Лунный транспорт не отличается большим разнообразием. Основные поселки связаны монорельсовыми линиями, вагончики которых бегают быстро и точно по расписанию

и обеспечивают своим пассажирам полный комфорт. Но сеть этих линий очень редка и вряд ли когда-нибудь станет особенно густой — из-за непомерной своей дороговизны. Все прочие передвижения обеспечиваются мощными газотурбинными тракторами, известными в народе как «кэтерпилеры», или для краткости «кэты». По сути своей, это небольшие космические корабли, взгроможденные на маленькие, но очень широкие колеса, дающие им возможность пробраться куда угодно — в разумных, конечно же, пределах — даже по удивительно корявой поверхности нашего естественного спутника. На ровном месте они легко выжидают до сотни километров в час, однако в нормальных условиях скорость редко достигает даже до пятидесяти. Есть у этих машин и гусеницы, выпускаемые в случае необходимости, что позволяет им — благодаря низкому тяготению — вскарабкиваться по совершенно головокружительным склонам. Были даже случаи, когда тракторы, с помощью своих лебедок, втаскивали себя наверх по отвесным стенам. Они бывают разных размеров, в более крупных моделях можно прожить, не испытывая особых неудобств, несколько недель кряду; именно ими пользовались исследователи, проводившие подробную съемку Луны.

Джеймисон был очень опытным водителем, прекрасно знал дорогу, и все равно только через час после начала поездки Уилер перестал стучать зубами и у него опустились дыбом стоящие волосы. Не так-то просто привыкнуть к тому, что на Луне даже сорокапятиградусный склон не представляет собой опасности — если, конечно же, относиться к нему с должным уважением. Было, пожалуй, и к лучшему, что Уилер — новичок; пассажир более опытный пришел бы в полный ужас от весьма неортодоксальной техники вождения, применяемой Джеймисоном.

С чего это ради Джеймисон оказался таким блестящим, бесстрашным — этот парадокс обсуждался его коллегами много и долго. Именно парадокс — ведь при любых прочих обстоятельствах он неизменно проявлял крайнюю осторожность и скорее уж не делал ничего, чем делал что-либо без полной уверенности в последствиях. Никто и никогда не видел Джеймисона сильно раздосадованным или очень возбужденным, многие считали его лентяем, но уж это-то было явной клеветой. Он мог потратить на какое-либо наблюдение

несколько недель, добиваясь абсолютной надежности результатов — а затем отложить их на два-три месяца, чтобы перепроверить заново.

И вот, садясь за руль «кэта», этот тишайший из астрономов превращался в отчаяннейшего из водителей, установившего неофициальный рекорд чуть ли не на каждом тракторном маршруте северного полушария. Причина этого — не осознаваемая даже самим Джеймисоном — лежала в давней детской мечте стать космическим пилотом, мечте, осуществлению которой помешало больное сердце.

Из космоса — или с Земли в телескоп — стены Платона имеют вид неприступный и даже устрашающий, особенно — в косых лучах солнца. Действительная же их высота не превышает километра, и путешествие из кратера в Море Дождей не представляет особых трудностей — если правильно выбрать путь через один из многочисленных перевалов. Джеймисон проскочил горы менее чем за час — не доставив тем особой радости Уилеру, который предпочел бы езду помедленнее.

Они подъехали к краю высокого обрыва, нависшего над равниной. Прямо впереди безупречную гладкость линии горизонта нарушал треугольный выступ — ровная конусообразная вершина Пико. По правую руку на северо-восток уходили Тенерифские горы, ни в чем не похожие на своего одинокого родственника*. Большую часть этих рваных, иззубренных вершин никто еще не покорил, в основном потому, что никто не давал себе такого труда. Свет Земли красил их в призрачные зеленовато-синие тона, но пройдет неделя, и в безжалостном сиянии дня они поблекнут, станут грязно-белыми, с черными провалами теней.

После остановки трактора Уилер тщательно осмотрел местность в мощный бинокль, но не заметил ровно ничего необычного. Это его не удивило — мешавшие астрономам корабли садились где-то дальше, за горизонтом.

— Поехали, — повернулся он к лениво любовавшемуся красотами природы Джеймисону. — До Пико можно добраться за пару часов, там и пообедаем.

* Тенерифе — главный из Канарских островов, в честь него и назван этот лунный хребет. Лунная гора Пико названа по имени Тенерифского пика (Пико де Тенерифе) — горы на этом острове.

— Ну а что потом? — безучастно поинтересовался водитель.

— Если так ничего и не увидим — вернемся домой, как хорошие мальчики.

— Ладно, только дальше веселенький участок, так что держись. В этом месте спускались очень немногие тракторы, хорошо, если десяток. Но ты особенно не дрожи, наш «Фердинанд» как раз из этого десятка.

Тронув машину с места, он осторожно объехал огромную осыпь — склон, накопивший за тысячелетия толстый слой растресканной горной породы. Подобные места очень опасны — зачастую достаточно малейшего прикосновения, чтобы хлынул безудержный, сметающий все на своем пути каменный поток. Несмотря на кажущуюся безрассудность, Джеймисон не любил рисковать и старался держаться от всяческих ловушек подальше; менее опытный водитель самым жизнерадостным образом проскочил бы у подножия такого склона, и это сошло бы ему с рук — в девяноста девяти случаях из ста. Но Джеймисону приходилось видеть, что случается в этом сотом случае. Трактор, накрытый пыльной каменной волной, обречен — любые попытки спасти его только вызывают новые обвалы.

Недолгий спуск показался Уилеру бесконечным, тягостным кошмаром, а ведь можно было ожидать, что по наружному, значительно более пологому, чем внутренний, склону трактор пойдет ровнее. Однако Джеймисон решил воспользоваться легкими условиями и прибавил скорость, с тем побочным результатом, что «Фердинанд» начал ритмично раскачиваться. Дело кончилось тем, что несчастный пассажир исчез на некоторое время где-то в задней части трактора.

— Ни разу еще не слышал, — довольно обиженно сказал он по возвращении, — что на Луне может случиться приступ морской болезни.

Теперь их окружал малопривлекательный, даже угнетающий (иначе говоря — обычный для лунной равнины) пейзаж. Горизонт сошелся в тесное кольцо; через некоторое время стало казаться, что крохотный, не больше трех километров в радиусе каменистый пятачок — единственное, что осталось от мира. Иллюзия эта настолько сильна, что иногда водители даже сбавляют скорость из подсознательного страха свалиться через край Луны.

Через два часа спокойной, без всяких приключений поездки впереди появилась тройная громада Пико; когда-то он был частью стены кратера, сходного с Платоном, однако затем кипящая лава Моря Дождей смыла это огромное, пятидесятикилометровое кольцо, пощадив одну-единственную — но зато великолепную — гору.

У подножия Пико была сделана остановка, чтобы поест и сварить кофе. Одно из неудобств лунного быта состоит в том, что низкое давление повсеместно используемой здесь атмосферы (компенсируемое высоким содержанием кислорода) заставляет воду кипеть уже при семидесяти градусах Цельсия, так что о горячем питье не приходится и мечтать. Поначалу это раздражает, но проходит время — и человек привыкает. Человек ко всему может привыкнуть.

— А ты уверен, что хочешь выполнить все по полной программе? — спросил Джеймисон, убирая со стола посуду и объедки.

— Да, пока ты не скажешь, что дальше опасно. Отсюда эти склоны кажутся чуть ли не отвесными.

— Слушай меня, и никаких опасностей не будет. Я только боюсь за твое самочувствие: блеванешь в скафандр — мало не покажется.

— Со мной все в порядке, — гордо вскинулся Уилер и тут же спросил, словно что-то вспомнив: — А сколько времени мы будем снаружи?

— Ну, часа два. А может, и четыре. Так что все, что может зачесаться, почешись сейчас, авансом.

— Я совсем не об этом, — с прежней гордостью ответил Уилер и снова удалился в заднюю часть кабины.

За шесть месяцев своего пребывания на Луне он облачался в скафандр не больше десятка раз, в основном — при учебных тревогах. Необходимость выйти в вакуум возникает у астрономов крайне редко, все их приборы имеют дистанционное управление. Не будучи полным новичком, Уилер все еще находился в стадии повышенной осторожности, гораздо менее опасной, чем следующая за ней стадия излишней уверенности в своих силах.

Связавшись (через висевшую в небе Землю) с базой, они доложили о своем местоположении и дальнейших намерениях, а затем проверили друг другу скафандры. Джеймисон, а затем Уилер нараспев читали мнемонический алфавитный

список: «А — антенна, Б — батареи, В — воздух, Г — герметичность...»; сначала эта детская считалочка кажется странной и даже глупой, однако она быстро становится естественной частью лунного быта — и над ней никто никогда не смеется. Убедившись, что все оборудование находится в идеальном порядке, они открыли люк шлюза и вышли на усталую толстым слоем пыли равнину.

Подобно большинству лунных гор, с малого расстояния Пико выглядит не так устрашающе, как издали. Немногие отвесные стены было нетрудно обойти. Крутизна склонов, по которым приходилось взбираться, редко превышала пять градусов. При одной шестой земного тяготения это совсем не трудно, даже когда на тебе скафандр.

И все равно уже через полчаса непривычная нагрузка начала сказываться; Уилер взмок и сорвал дыхание, стекло его шлема запотело и не позволяло ничего толком видеть. Слишком упрямый, чтобы попросить Джеймисона сбавить темп, он очень обрадовался, когда тот остановился.

С почти километровой высоты северная часть равнины просматривалась на глубину километров в пятьдесят. Теперь молодые астрономы обнаружили цель своих поисков буквально за секунду. На полпути к горизонту стояли две транспортные ракеты; широко раскинутые лапы посадочных опор придавали им сходство с кошмарными пауками. Но даже эти необычно огромные космические корабли терялись рядом с шарообразным сооружением, ни в чем не похожим на обычный герметический купол. Оно выглядело как полная металлическая сфера, закопанная в грунт на треть своего диаметра. Через бинокль (специальные окуляры позволяли пользоваться им даже в шлеме) Уилер рассмотрел у основания купола людей и какие-то механизмы. Время от времени в воздух взмывало, тут же оседая, облако пыли — очевидно, шли взрывные работы. Еще одна лунная странность, мелькнуло у него в мозгу. По вине слабой гравитации предметы падают здесь слишком медленно — все, кроме пыли, которая падает слишком быстро. При отсутствии воздуха она опускается ровно с такой же скоростью, как и объекты более солидные.

— Ну что тут скажешь, — пожал плечами Джеймисон, также изучавший непонятное сооружение в бинокль. — Кто-то не жалеет денег.

— А что это, думаешь, такое? Шахта?

— Не исключено. — Как и всегда, лихой водитель был предельно осторожен. — Возможно, они решили перерабатывать руду на месте, и в этом шаре обогащительный завод. Но это — только предположение, я никогда не видел ничего подобного.

— Чем бы это ни было, мы сумеем доехать туда за час. Может, взглянем поближе?

— Вот так и знал, что ты загорись. Пожалуй, не стоит, чего доброго, нас попросят остаться в гостях.

— Ты читаешь слишком много детективов. Можно подумать, сейчас война, а мы с тобой — шпионы. Да чего там бояться, в Обсерватории знают, где нас искать; если мы не вернемся вовремя, директор устроит дикий скандал.

— Боюсь, он устроит дикий скандал, когда мы вернемся, так что съездим: семь бед — один ответ. Пошли, вниз это будет легче, чем вверх.

— А я и на подъем не жаловался, — не очень убедительно возразил Уилер.

Через несколько минут, уже на спуске, у него появилась тревожная, неприятная мысль.

— А вдруг они нас слушали? Вдруг за этой частотой следят — тогда они слышали каждое наше слово, ведь мы в прямой видимости.

— И ты еще обвинял меня в мелодраматичности. Никого, кроме Обсерватории, эта частота не интересует, а нашим ничего не слышно, через столько гор ни одна радиоволна не пробьется. А если бы даже и подслушали? Сколько я помню, сегодня ты не сказал ни одного такого слова, за которое мама заставляет вымыть рот с мылом.

Имелся в виду неприятный эпизод, заметно омрачивший Уилеру первые дни лунной жизни и заставивший его накрепко запомнить, что приватность частных разговоров, самоочевидная на Земле, далеко не всегда доступна человеку, одетому в скафандр — малейший его шепот слышен всем, находящимся в зоне радиосвязи.

Горизонт снова сузился, однако еще наверху они взяли азимут, так что знали, куда вести «Фердинанда». Теперь Джеймисон ехал с предельной осторожностью — местность была для него совершенно незнакомой. Прошло два часа, и только тогда из-за горизонта начал подниматься горб зага-

дочного купола, а чуть позднее — и приземистые цилиндры транспортных ракет.

Уилер снова направил наружную антенну на Землю, вызвал Обсерваторию, объяснил свои с Джеймисоном намерения и тут же прервал связь — из опасения услышать запрет. Как ни говори, подумал он, а ведь это бред какой-то — связываться с людьми, до которых рукой подать, через расстояние в восемьсот тысяч километров. Бред — не бред, но другого способа не было — все лежащее за горизонтом полностью экранировалось. В некоторых случаях отражение длинных волн от еле заметной ионосферы Луны позволяло послать сигнал на дальнейшее расстояние, однако метод этот был крайне ненадежен. Так что вся лунная связь осуществлялась на принципе «прямой видимости».

Было очень забавно наблюдать суматоху, вызванную приближением «Фердинанда». Ну совсем, подумал Уилер, как растревоженный муравейник. Буквально через несколько минут плотное кольцо тракторов, бульдозеров, грузовиков и взбудораженных людей в скафандрах вынудило их остановить «Фердинанд».

— Того и гляди, — ухмыльнулся Уилер, — позовут охранников.

Джеймисон явно не разделял его веселья.

— Не к добру такие шутки, — укорил он товарища. — Слишком уж это похоже на правду.

— Как бы там ни было, к нам приближается представитель Комитета по организации торжественного приема. Что там написано на его шлеме? БЕЗ. 2 вроде? Он, наверное, из отдела техники безопасности.

— Может, да, а может — из службы безопасности. Ладно, твоя идея — ты и расхлебывай, а я человек простой, мое дело — вести машину.

В наружный люк громко, настойчиво постучали. Джеймисон нажал кнопку, открывающую шлюз, через какую-то минуту «представитель комитета» уже сидел в кабине и снимал шлем. На худощавом лице этого сидящего господина читалась озабоченность, скорее всего — врожденная и вечная. И — ни малейших следов приветливости.

— Мы не очень привыкли к посетителям, — сказал он, задумчиво глядя на астрономов, старательно изображавших

невиннейшие, добродушнейшие улыбки. — Как вы здесь оказались?

«Не очень», подумал Уилер, это он сильно выразился. Да они ни одного посетителя никогда не видели — и надеялись никогда не увидеть.

— Мы из Обсерватории, и у нас выходной. Это — доктор Джеймисон, а я — Уилер. Мы оба астрофизики. Мы знали, что вы где-то тут рядом, и решили посмотреть.

— Откуда вы знали? — резко спросил седеющий господин. Он так и не представился, проявив по земным понятиям дурные манеры, а по лунным — невероятное хамство.

— Возможно, вы слышали, — спокойно, не выходя из себя, объяснил Уилер, — что у нас в Обсерватории есть пара довольно больших телескопов. И вы доставили нам порядочно неприятностей. У меня у самого из-за ваших ракет погибли две спектрограммы. Так что стоит ли удивляться нашему любопытству?

На тонких, плотно сжатых губах появилась легкая улыбка; она тут же исчезла, однако обстановка заметно разрядилась.

— Думаю, вам лучше пройти в контору и там подождать, пока мы организуем проверку. Это будет совсем недолго.

— Простите, я что-то не понимаю. С каких это пор на Луне есть частные владения?

— Мне очень жаль, но иначе нельзя. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Астрономы надели скафандры и вылезли из машины. Несмотря на сознание полной своей невиновности, Уилер начал ощущать некое беспокойство. В его мозгу крутились не очень ободряющие обрывки читанных когда-то историй про шпионов, одиночное заключение и кирпичные стенки на рассвете.

Открылся почти незаметный, абсолютно точно повторявший искривленную поверхность купола люк, и они оказались в промежутке между внешней сферой и внутренней, ей концентричной. Насколько достигал глаз, две эти оболочки были соединены сложным переплетением прозрачных пластиковых стержней; из того же незнакомого материала был изготовлен и пол. Все это показалось Уилеру несколько странным, однако разглядывать было некогда.

Неразговорчивый провожатый двигался почти бегом; скорее всего — чтобы астрономы увидели как можно меньше. Вскоре они вошли во второй шлюз и только здесь сняли скафандры. «Наденем ли мы их снова?» — мрачно подумал Уилер.

Судя по длине этого шлюза, внутренняя сфера имела чудовищную толщину: когда открылась ведущая в центральное помещение дверь, оба астронома мгновенно ощутили знакомый запах озона. Где-то неподалеку располагалось высоковольтное оборудование. Ничего особо странного, но запомнить все-таки стоит.

Они оказались в узком коридоре, вдоль которого тянулись двери с номерами и табличками вроде «ВХОД ВОСПРЕЩЕН», «ТОЛЬКО ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА», «ИНФОРМАЦИЯ», «АВАРИЙНЫЙ ВОЗДУХ» и «ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ». Ни Уилеру, ни Джеймисону все это ровным счетом ничего не говорило, однако, остановившись в конце концов перед дверью с надписью «СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ», они невесело переглянулись. «Ну вот, так я и думал!» — яснее всяких слов говорило лицо Джеймисона.

После недолгой паузы вспыхнула надпись «ВОЙДИТЕ», и дверь автоматически отворилась, пропуская астрономов и их провожатого в самого заурядного вида кабинет. За неоглядным столом восседал мужчина с подобающей его профессии суровой решительностью на лице. Уже сама грандиозность этого стола громко объявляла миру, что деньги здесь не считают; астрономы скорбно припомнили канцелярское оборудование Обсерватории. В углу, на отдельном столике стоял вроде бы телепринтер, но какой-то необычно сложной конфигурации, а все стены кабинета были сплошь покрыты стеллажами с картотеками и папками.

— Что это за люди? — спросил он.

— Два астронома из Обсерватории, расположенной в Платоне. Подъехали сюда на тракторе, я решил, что вы захотите на них посмотреть.

— Обязательно. Ваши фамилии?

Следующую четверть часа заняла скучная, утомительная процедура выяснения и тщательного записывания всех данных молодых астрономов и обстоятельств их поездки; затем была организована связь с Обсерваторией. Так что теперь, мрачно подумал Уилер, крику не оберешься. Раньше друзья из центра связи отмечали передвижения «Фердинанда» только

так, на случай несчастья, но теперь им придется доложить о происходящем начальству.

Выяснив окончательно, что Уилер — это Уилер, а Джеймисон — Джеймисон, хозяин грандиозного стола некоторое время хмуро их созерцал; постепенно его лицо разгладилось.

— Вы сами видите, сколько из-за вас хлопот. Нам и в голову не приходило опасаться здесь неожиданных посетителей, иначе мы поставили бы предупредительные знаки. Вы подъехали сюда прямо, не скрываясь, и это очень разумно — у нас, естественно, есть средства, позволяющие обнаружить любого гостя, сколько бы он ни прятался. Как бы то ни было, теперь вы здесь, и я думаю, в этом нет ничего особенно страшного. Как вы скорее всего уже догадались, это — правительственный проект, который пока что держится в секрете. Домой я вас отпущу, но сначала — две небольшие просьбы.

— Какие такие просьбы? — недоверчиво поинтересовался Джеймисон.

— Я хочу, чтобы вы обещали не рассказывать об этой поездке ничего, кроме самого необходимого минимума. Ваши сотрудники знают, куда вы направлялись, так что полного секрета никак не получится. Просто не вдавайтесь в подробные объяснения — вот и все.

— Хорошо, — согласился Джеймисон. — А вторая просьба?

— Если кто-либо начнет вас настойчиво расспрашивать и вообще проявит излишний интерес к этому вашему приключению — незамедлительно поставьте нас в известность. Вот, собственно, и все. Счастливого пути.

Уилер долго не мог успокоиться.

— Ну и наглец! — продолжал негодовать он, занимая свое место в тракторе. — Ведь даже закурить не предложил.

— А вот я считаю, — негромко заметил Джеймисон, — нам еще сильно повезло, что так дешево отделались. Они заняты делом и настроены весьма серьезно.

— Хотел бы я знать, каким именно делом. Неужели это действительно шахта? И чего бы, спрашивается, ради кто-то решил копать в куче шлака, именуемой «Море Дождей»?

— Думаю, шахта. Подъезжая, я заметил по другую сторону купола нечто очень похожее на бурильную установку. Непонятно только, с какой такой стати все эти шпионские страсти.

— Объяснение может быть одно — они обнаружили здесь нечто такое, о чем не должна знать Федерация.

— В каком случае и мы тоже вряд ли что-нибудь узнаем, а потому не стоит и голову зря ломать. Переходя к вещам более насущным — куда мы теперь?

— Давай держаться первоначального плана. Вполне возможно, следующая наша поездка на «Фердинанде» состоится ой как не скоро, так что используем эту на полную катушку. К тому же мне давно хочется посмотреть на Залив Радуги вблизи.

— Это же добрых три сотни километров на восток.

— Да, но ты же сам говорил, что местность довольно гладкая, если держаться подальше от гор. Доберемся часов за пять. Я вожу машину достаточно прилично, если устанешь — подменю.

— В незнакомом месте это слишком рискованно. Давай сойдемся на том, что я довезу тебя до мыса Лаплаза. Ты поглазеешь оттуда на свой драгоценный залив, а потом поведешь машину домой, дорога будет уже проложена. Только не сбивайся с колеи.

Уилер с радостью согласился; у него были сильные и, как теперь выяснилось, несправедливые опасения, что Джеймисон плюнет на все договоренности и двинет прямо в Обсерваторию.

Следующие три часа они ползли вдоль подножия Тенерифских гор, а затем свернули к Прямому хребту — совершенно изолированной полоске гор, представляющей собой нечто вроде слабого отзвука могучих Альп. Теперь Джеймисон вел трактор с предельной внимательностью — незнакомая местность не позволяла расслабляться. Время от времени он указывал на известные ориентиры, и Уилер сверял их по фотографической карте.

Километрах в десяти к востоку от Прямого хребта они сделали остановку и ознакомились с содержимым коробок, полученных на кухне Обсерватории. В одном из уголков кабины был оборудован крохотный камбуз, однако пользоваться им сегодня никто не собирался, ну разве что при каких-нибудь чрезвычайных обстоятельствах. Ни Уилер, ни Джеймисон не любили, да толком и не умели, готовить; к тому же, считал каждый из них, к чему все эти хлопоты? Выходной у нас или не выходной?

— Сид, — неожиданно начал Уилер между двумя кусками сэндвича, — а что ты вообще думаешь о Федерации? Ты встречался с этими ребятами гораздо больше моего.

— Да, и мне они нравятся. Жаль, что ты не видел последнюю команду — их было около десятка, изучали конструкцию телескопа. Они думают построить пятнадцатиметровый прибор на одном из спутников Сатурна.

— Вот это да! Я всегда говорил, что мы сидим слишком близко к Солнцу. Они избегают от влияния зодиакального света и прочего мусора, которого вокруг внутренних планет навалом. Но я не про то — было по этим ребятам похоже, что они готовы поцапаться с Землей?

— Трудно сказать. Очень дружелюбные и раскованные, но это же они с нами, ученые с учеными. Будь мы политиками или работниками государственной службы, все могло бы выглядеть совсем иначе.

— Да мы же и есть работники государственной службы! Наш драгоценный бухгалтер Садлер напоминал мне об этом только вчера.

— Конечно, но мы хотя бы научные работники государственной службы, а это — совсем другое дело. Можно с уверенностью сказать, что приезжающие к нам ребята далеко не в восторге от Земли, хотя вежливость не позволяла им об этом и заикаться. А насчет оскорбительности квот по металлам — тут уже они высказывались вслух, и неоднократно. Их главный довод состоял в том, что Федерация испытывает в освоении внешних планет значительно больше трудностей, чем мы, и что половина металлов, используемых Землей, транжируется попусту.

— Ну и кто же, ты думаешь, прав?

— Трудно сказать, ведь очень многого мы просто не знаем. Но на Земле есть уйма людей, которые боятся Федерации и не хотят, чтобы она становилась сильнее. Федералы прекрасно об этом осведомлены; не исключено, что однажды они устанут спорить и начнут попросту хапать все, до чего руки дотянутся.

Джеймисон скомкал обертки от сэндвичей и закинул их в мусорный ящик. Затем взглянул на часы и направился к водительскому месту.

— Пора двигаться. Уже выпадаем из графика.

От Прямого хребта они свернули на юго-восток, и вскоре из-за горизонта поднялся мыс Лапласа. Огибая этот огромный каменный массив, Джеймсон вдруг притормозил и показал рукой куда-то в сторону. Неожиданное зрелище располагало к печальным размышлениям: изуродованные останки трактора, а рядом с ними — гряда каменных глыб, увенчанная металлическим крестом. Судя по всему, трактор погиб от взрыва топливных баков, и очень давно — Уилер никогда не видел такой допотопной модели. Он ничуть не удивился, услышав от Джеймсона, что несчастье произошло чуть не целый век назад — и через тысячу лет и через миллион обломки останутся точно такими же, как сейчас.

Впереди показалась могучая северная стена Залива Радуг. Миллионы лет назад здесь была равнина, окруженная замкнутым кольцом гор, — кратер, один из самых больших на Луне. Однако катаклизм, сформировавший Море Дождей, разрушил попутно всю южную часть стены, превратив ее в серповидный хребет; концы этого хребта — мыс Гераклидов и мыс Лапласа — смотрят друг на друга через всю ширину залива, вспоминая о тех далеких днях, когда они были соединены цепью четырехкилометровых гор, от которых остались теперь только немногочисленные холмики.

Глядя на шеренгу каменных исполинов, развернувшихся лицом к далекой Земле, Уилер благоговейно затих. Любующийся с неба зеленоватый свет отчетливо вырисовывал каждую деталь крутых, уступчатых склонов, по которым не поднимался еще никто и никогда. Да, конечно же, со временем будут покорены и эти гордые вершины, но как еще много на Луне мест, куда не ступала нога человека, мест, в достижении которых человеку придется рассчитывать исключительно на собственные свои силы и умение.

Уилер вспомнил, как давным-давно, еще школьником, впервые увидел Залив Радуги в слабенький самодельный телескоп. Две маленькие линзы, укрепленные в картонной трубке, — вот, собственно, и все устройство, но радости от него было даже больше, чем теперь — от гигантских приборов Обсерватории.

«Фердинанд» описал широкую дугу, развернулся в обратном направлении, носом на запад, и замер. Впереди ясно виднелась прорезанная в толстом слое пыли колея, которая

пребудет здесь вечно, разве что ее затопчут колеса других, пришедших следом машин.

— Конечная остановка, — провозгласил Джеймисон. — Меняемся местами, до Платона машина в полном твоём распоряжении. Через горы снова поведу я, так что разбуди. Спокойной ночи.

«И как это он умудряется?» — удивленно думал Уилер, глядя на почти мгновенно заснувшего Джеймисона. Возможно, укачало мягким движением трактора, как ребенка в люльке. Надо и дальше обойтись без резких бросков... Он включил двигатель и повел машину к Платону, стараясь ни на сантиметр не съезжать с колеи.

ГЛАВА 8

Рано или поздно это должно было случиться, философски утешил себя Садлер и постучал в дверь директора. Сколько ни старайся, при такой работе обязательно кого-нибудь обидишь. И будет крайне интересно узнать — кто успел уже пожаловаться...

Сказать, что профессор не отличался высоким ростом, значит не сказать ничего; он был настолько миниатюрен, что некоторые люди не принимали его всерьёз — и очень потом горько каялись. Садлеру возможность подобной ошибки не грозила, он прекрасно знал, насколько часто очень низкорослые люди прилагают все старания, чтобы компенсировать свой физический недостаток (многие ли диктаторы имели хотя бы средний рост?), а вдобавок был уже наслышан, что Маклорин — один из самых своенравных обитателей Луны.

Перед Маклорином расстилалась девственно-чистая, ничем не захламленная поверхность письменного стола. Безукоризненную эту гладь не нарушали даже неперемённые блокнот с ручкой — только маленький пульт коммуникатора со встроенным динамиком. Ничего неожиданного — уникальные административные методы директора, его ненависть ко всей и всяческой писанине также были притчей во языцех. Руководство жизнью Обсерватории осуществлялось почти исключительно в устной форме. Конечно же, кто-то там делал записи, составлял рабочие графики и доклады — но

сам Маклорин только включал свой микрофон и отдавал приказы. Система работала без сучка, без задоринки, по той простой причине, что он записывал все свои указания в голове и мог мгновенно «проиграть» их нагледу (таких давно уже не осталось), который осмелился бы заявить: «Но, сэр, вы же никогда мне этого не говорили!» Ходил слушок (а скорее всего — низкая клевета), что Маклорин занимается иногда фальсификацией, меняет свои ментальные записи задним числом. Доказательств, естественно, ни у кого не было.

Директор указал на свободный стул (единственный в кабинете).

— Не знаю, чья это была блестящая идея, — начал он, не дожидаясь, пока Садлер сядет, — но меня даже не предупредили о вашем будущем приезде. Знай я заранее, я попросил бы отменить его — или хотя бы отложить. Эффективность необходима, но сейчас очень сложное, беспокойное время. У моих сотрудников есть занятия значительно более серьезные, чем объяснять вам свою работу, особенно сейчас, когда мы кладем все силы на наблюдение сверхновой.

— Мне искренне жаль, что вас не оповестили, — дружелюбно улыбнулся Садлер. — Скорее всего решение было принято уже после вашего отлета на Землю. — (Интересно, что бы сказал директор, знай он, что все это тщательно подстроено?) — Я понимаю, что, в некотором роде, путаюсь у ваших работников под ногами, однако они оказывали мне всю возможную помощь, и я не слышал ни одной жалобы. Более того, у нас установились вполне приличные отношения.

Маклорин задумчиво помял свой подбородок. Садлер с трудом оторвал взгляд от крошечной, не больше, чем у ребенка, но при этом — идеальных пропорций кисти.

— Сколько еще вы намерены здесь пробыть?

Да, усмехнулся про себя Садлер, не очень-то он бережет чужое самолюбие.

— Трудно сказать. Область моих исследований имеет довольно неопределенный характер. Следует, вероятно, предупредить вас, что я почти еще не занимался научной стороной деятельности Обсерватории — а ведь она скорее всего и представляет наибольшие трудности. Пока что я ограничивал свои интересы административной и техническими службами.

Новость явно не обрадовала Маклорина; сейчас он был похож на крошечный вулкан, готовый к извержению; предотвратить катастрофу можно было только одним способом.

Садлер встал, подошел к двери, быстро ее открыл, выглянул наружу и снова закрыл. Этот — намеренно мелодраматичный — спектакль лишил директора дара речи; тем временем Садлер обогнул стол и щелкнул тумблером коммуникатора.

— Вот теперь можно и поговорить, — начал он. — Очень не хотелось, но деваться, похоже, некуда. Скорее всего вы таких штук еще не встречали.

Ошеломленный, никогда прежде не сталкивавшийся с подобной наглостью директор увидел перед собой белую, совершенно чистую пластиковую карточку. Неожиданно на ней появились — чтобы тут же снова исчезнуть — фотография Садлера и короткий печатный текст.

— А откуда она взялась, — спросил он, немного придя в себя, — эта самая Планетарная разведка? Никогда о такой не слышал.

— Так и должно быть. — Белая карточка спряталась в кармане Садлера. — Организация у нас довольно молодая, и она совсем не рвется на первые страницы газет. Как ни печально, сотрудники Обсерватории сильно заблуждаются относительно смысла моей работы. Говоря откровенно, мне безразлична эффективность вашей организации, и я полностью согласен с тем, что бессмысленно расписывать научные исследования по графам приход-расход. Но легенда получилась хорошая — или вам так не кажется?

— Продолжайте. — В голосе Маклорина звучало опасное, ледяное спокойствие.

Сцена начинала доставлять Садлеру удовольствие, неприлично выходящее за рамки удовлетворения успешно выполненным служебным долгом. Нет, нельзя позволять себе упиваться властью...

— Я ищу шпиона. — По его голосу можно было подумать, что речь идет о чем-то совершенно будничном, заурядном.

— Вы что — серьезно? Мы же в двадцать втором столетии!

— Я говорю абсолютно серьезно. Не стоит, вероятно, и добавлять, что вы не должны сообщать об этой беседе никому, даже Уагнэлу.

— Чтобы кто-то из наших сотрудников занимался шпионажем? — презрительно фыркнул Маклорин. — Даже подумать об этом смешно.

— Об этом всегда смешно подумать, — терпеливо объяснил Садлер. — Что ничуть не меняет положения.

— А если на секунду предположить, что ваши обвинения имеют под собой хоть какую-нибудь основу — у вас есть догадки, кто же это такой?

— Если бы и были, на этой стадии я не мог бы вам ничего сказать. Однако постараюсь быть предельно откровенным. Мы не уверены, что шпион — кто-то из ваших сотрудников; в пользу этого говорит некий туманный намек, подхваченный одним из наших агентов — но никак не более. Однако наличие утечки информации где-то на Луне несомненно, и я расследую данный конкретный вариант. Теперь вам понятно, почему я выпрашиваю всех с такой дотошностью — стараюсь не выбиваться из роли, и только. К этой роли все уже привыкли, а потому остается надеяться, что и таинственный мистер Икс — если он, конечно же, существует — тоже принимает ее за чистую монету. Кстати сказать, именно поэтому мне и хочется знать, кто на меня жаловался. Такие скорее всего нашлись.

Маклорин начал издавать негодующие звуки — но тут же капитулировал:

— Если верить Дженкинсу — это который со склада, — вы отнимаете у него слишком много времени.

— Весьма, весьма любопытно, — удивленно протянул Садлер; Дженкинс заведовал складом и никогда не состоял в списке подозреваемых. — Правду говоря, именно там я провел очень мало времени — достаточно, чтобы не ставить легенду под подозрение, но никак не более. К мистеру Дженкинсу придется присмотреться.

— Все это как-то очень неожиданно, — задумчиво сказал Маклорин. — Но если и предположить, что кто-то из наших передает сведения Федерации, я не совсем понимаю, как они могут это сделать. Разве что ваш шпион — один из связистов.

— Да, — согласился Садлер, — это и есть главный вопрос.

Ему хотелось обсудить с директором именно такие, самые общие черты проблемы — возможно, удастся узнать что-либо

новое. Садлер прекрасно понимал трудность и масштаб порученного ему задания. Он никак не мог считать себя настоящим контрразведчиком, оставалось только утешаться, что гипотетический противник находится в аналогичном положении. Последний представитель экзотического — и, во все времена, малочисленного — племени профессиональных шпионов умер скорее всего сотню с лишним лет назад.

— Кстати сказать, — заметил Маклорин с деланной и не очень убедительной улыбкой, — а почему вы так уверены, что я — не шпион?

— А я и не уверен, — утешил его Садлер. — Полная уверенность — недопустимая для контрразведки роскошь. Но мы изо всех сил стараемся обеспечить максимально возможную уверенность. Надеюсь, вас не слишком тревожили на Земле?

В первую секунду Маклорин ничего не понял — но тут же взорвался возмущением:

— Так вы что — следите за мной?

— Это может случиться с любым, — пожал плечами Садлер. — Для утешения попробуйте себе представить, через что прошел я, прежде чем получить эту работу. Которой я к тому же абсолютно не хотел.

— Так что же, в конце концов, вам от меня нужно? — прорывал Маклорин; как ни странно, у этого крошечного человечка был низкий, густой голос (если верить сплетникам — приобретающий в минуты крайнего раздражения пронзительные, визгливые интонации).

— Само собой, я хотел бы, чтобы вы извещали меня обо всем подозрительном. Иногда я буду у вас консультироваться — и всегда с благодарностью выслушаю ваши советы. В остальном старайтесь меня по возможности не замечать и продолжайте относиться ко мне как к досадной неприятности, свалившейся на вашу голову.

— Вот уж это-то, — криво усмехнулся Маклорин, — не составит ровно никаких трудностей. Но можете не сомневаться — я окажу вам всю возможную помощь. Хотя бы для того, чтобы доказать беспочвенность ваших подозрений.

— Хотелось бы надеяться, что они беспочвенны, — вполне искренне откликнулся Садлер. — И большое вам спасибо за содействие.

Прикрывая за собой дверь, он начал было насвистывать, но тут же себя одернул — очень, конечно, приятно, что разговор с директором прошел так удачно, однако, сколько помнится, выходя из этого кабинета, никто никогда не проявляет особой радости. Серьезный и задумчивый, в полном соответствии с ситуацией, Садлер миновал кабинет Уагнэла, вошел в главный коридор и тут же натолкнулся на Джеймисона с Уилером.

— Вы были у Старика? — озабоченно поинтересовался Уилер. — Как он, в хорошем настроении?

— Я встречался с ним впервые, так что не могу сравнивать. Но поговорили мы вполне хорошо. А в чем дело? У вас сейчас вид как у нашкодивших мальчишек.

— Он только что нас вызвал, — объяснил Джеймисон. — Не знаю зачем; возможно, просто хочет разобраться получше, что тут делалось в его отсутствие. Он уже поздравил Кона с открытием сверхновой — может быть, захотел обсудить это дело поподробнее. Но скорее всего Старик уложили, что мы немного покатались на «кэте».

— А что тут такого?

— Вообще-то тракторы предназначены исключительно для работы, но их все берут. А чего, собственно: заплати за использованное горючее — и все в порядке, никто ничего не потерял. Вот черт, забыл, с кем разговариваю, вам-то про это лучше не знать.

Садлер настороженно вскинул глаза, но тут же с облегчением сообразил, что в данном случае имеются в виду исключительно его, им же лично разрекламированные, функции финансового сторожевого пса.

— Успокойтесь, — расхохотался он. — В худшем случае я использую эту информацию как орудие шантажа — чтобы при очередной поездке навязаться к вам в попутчики. Будем надеяться, что старик Мак... профессор Маклорин не устроит вам особенно крупной выволочки.

Они очень удивились бы, узнав, с какой нерешительностью обдумывает предстоящую беседу сам директор. При обычных обстоятельствах такие мелкие нарушения распорядка, как взятый без спросу трактор, разбирались Уагнэлом, но сегодня произошло нечто более серьезное. Еще пять минут назад ситуация была совершенно неясной; именно чтобы разобраться в ней, и пригласил к себе молодых

астрономов Маклорин. Он гордился своим умением держать руку на пульсе всего происходящего в Обсерватории — ну а персонал, естественно, старался максимально ограничить осведомленность начальника и не жалел на это ни времени своего, ни изобретательности.

Отчет о несанкционированной поездке давал Уилер — в надежде на не совсем еще исчерпавшееся доброе отношение окружающих к первооткрывателю сверхновой. Если верить его изложению, два бесстрашных, в сияющие латы облаченных рыцаря отправились в темный лес на розыски дракона, угрожающего прекрасной деве Обсерватории. Герой не скрыл ни одного существенного обстоятельства — к своему счастью, так как директор и сам их знал.

По мере того как Маклорин слушал это повествование, бессвязные вроде бы части головоломки, хранившиеся в его голове, начали складываться. Недавняя и совершенно загадочная радиограмма, строго приказывавшая не подпускать сотрудников к Морю Дождей, только пришла с Земли; можно не сомневаться, что составлена она в том куполе, куда занесло эту škодливую парочку. С тем же самым, по всей видимости, местом связана и утечка информации, которой занимается Садлер. Маклорину все еще не верилось, что кто-либо из его людей — шпион, но ведь ни один мало-мальски компетентный шпион и не будет похож на шпиона, так что...

Он отпустил Уилера и Джеймисона без всякого скандала (чем привел их в полное недоумение), а затем тяжело задумался. Возможно, тут просто совпадение — ведь к рассказу этого мальчишки не придерешься. Но если один из них охотится за информацией, он организовал поездку самым разумным для своих целей образом. Разумным — или не очень? Разве станет настоящий шпион действовать настолько откровенно, прекрасно при этом понимая, что привлекает на себя подозрения? А может, это — отчаянный двойной блеф, основанный на расчете, что такая вот лобовая атака не вызовет серьезных подозрений?

Слава тебе Господи, что не мои это проблемы. И нужно спихнуть их с рук — чем скорее, тем лучше.

Профессор Маклорин щелкнул тумблером «ПРИЕМНАЯ» и сказал, обращаясь к Уагнэлу:

— Вызовите, пожалуйста, мистера Садлера. Я хочу с ним поговорить.

ГЛАВА 9

С возвращением директора статус Садлера претерпел изменения — не очень, может быть, заметные на глаз, но все равно существенные. Садлер изо всех сил старался это предотвратить, наперед зная тщетность своих стараний. Первые дни все относилось к нему с вежливой подозрительностью; чтобы пробить лед отчуждения, потребовалась долгая, серьезная работа. Постепенно люди разговорились, стали дружелюбнее, и только тогда дело сдвинулось с места. Судя по всему, теперь они жалели о прошлой своей откровенности; работать становилось все труднее и труднее.

Он знал, в чем тут дело. Никто, конечно же, и не подозревал истинных причин его пребывания на Луне, однако все видели, что возвращение директора не только не ограничило деятельность «этого бухгалтера», но даже в чем-то укрепило его положение. В маленьком мирке Обсерватории слухи и сплетни разносятся со скоростью, мало уступающей скорости света, секреты здесь почти невозможны. Судя по всему, прошел слухок, что Садлер — птица значительно более важная, чем можно бы подумать. Оставалось только надеяться, что пройдет много времени, пока кто-либо догадается — насколько более важная...

До настоящего момента Садлер ограничивал свое внимание административным отделом; делалось это по расчету — ведь именно такого поведения от него и ожидали. Однако Обсерватория существует для ученых, а не для поваров, машинисток, счетоводов и секретарей, хотя, конечно же, не может обойтись без услуг всего этого вспомогательного персонала.

Если здесь действительно угнездился шпион, вставляли два главных вопроса. Если шпион не может переслать информацию своим хозяевам, она совершенно бесполезна. Мистеру Иксу мало иметь агентов, снабжающих его материалами, — ему необходим надежный канал внешней связи.

Выбраться из Обсерватории можно только тремя способами — на тракторе, монорельсом или пешком. Последний вариант можно не принимать в расчет. Теоретически человек мог бы пройти несколько километров и оставить записку под каким-либо заранее оговоренным камушком, однако странности его поведения обратили бы вскоре на себя внимание,

а проверить немногочисленных служащих ремонтного отдела — единственных, кто регулярно пользуется скафандром, — было бы проще простого. Каждый вход и выход через шлюзы должен фиксироваться в журнале (правда, Садлер сильно сомневался, что эта инструкция выполняется так уж безукоризненно).

Несколько интереснее выглядели тракторы, на которых можно уехать гораздо дальше. Однако их использование предполагает сговор, так как в тракторе должно находиться не менее двух человек, это — одно из тех правил безопасности, которые не нарушаются никогда. История с Уилером и Джеймисоном выглядит, конечно же, странновато. Их прошлое тщательно изучается, через несколько дней должны прислать резюме. Однако при всей безалаберности поведения этих парней слишком уж оно было откровенным, чтобы вызывать серьезные подозрения.

Оставался монорельс в Сентрал-Сити. Туда катались все, приблизительно раз в неделю. Вот уж где бесконечное количество возможностей передавать информацию; в этот самый момент целая бригада «туристов» осторожно прощупывает все контакты сотрудников Обсерватории и — скорее всего — узнает уйму пикантных подробностей их личной жизни. Но в этой пьеске Садлер не мог играть никакой роли — разве что составить список наиболее частых посетителей города.

Вот и все возможности прямой связи. Садлер не верил ни в одну из них. Существуют, и во множестве, другие, значительно более тонкие методы, не нужно забывать и о том, что мистер Икс — скорее всего — ученый. Любой из сотрудников Обсерватории может построить радиопередатчик, а найти его среди всего этого приборного хлама будет просто невозможно. Нужно признать, что до сих пор терпеливо вслушивающиеся в эфир мониторы не обнаружили ровно ничего, однако рано или поздно их работа должна увенчаться успехом.

А тем временем Садлеру предстояло выяснять, чем же это тут занимаются ученые. С жалким ускоренным курсом астрономии и физики, вбитым ему в голову за время подготовки к заданию, нелепо и надеяться понять работу Обсерватории по-настоящему, но хоть какое-то общее представление о ней получить можно и — если повезет — мож-

но будет вычеркнуть из бесконечно длинного, вселяющего тоску списка подозреваемых хоть несколько фамилий.

С вычислительным центром Садлер покончил очень быстро. В одном из его помещений царила полная тишина; безукоризненно чистые, укрытые за стеклянными панелями машины мыслили, а прислуживающие этим электронным чудовищам девушки скармливали в их ненасытные пасти одну программную ленту за другой. Соседняя, звукоизолированная комната оглушала бешеным треском принтеров, выбивающих бесконечные вереницы чисел. Глава этого отдела, доктор Мейз, попытался объяснить посетителю, что тут происходит, но задача была явно безнадежной. Его машины ушли бесконечно далеко от таких элементарных операций, как интегрирование, таких детсадовских функций, как косинусы и логарифмы. Они оперировали математическими понятиями, о которых Садлер и слыхом не слыхал, решали задачи, сама постановка которых не имела для него никакого смысла.

Это нимало его не расстроило — все, что ему нужно было увидеть, он увидел. Основное оборудование центра находилось под замком и пломбой, добраться до него могли только обслуживающие инженеры, приходившие раз в месяц. На цыпочках, чтобы не нарушать тишину, Садлер удалился из этого храма науки.

Оптические мастерские, где терпеливые мастера обрабатывали стекло с точностью до малой доли одной миллионной части дюйма, используя для этого приемы, за сотни лет не претерпевшие никаких изменений, привели Садлера в восторг, расширили его кругозор, но ни на вот столько не продвинули расследование. Он вглядывался в частоты интерференционных полос, производимых сшибающимися световыми волнами, наблюдал, как бешено они прыгают от микроскопического расширения безукоризненных стеклянных брусков, вызываемого теплом его собственного тела. Здесь наука соединялась с искусством — чтобы достичь совершенства, не имеющего себе равных во всем множестве земных технологий. Неужели же нужный ему ключ закопан здесь, среди всех этих линз, призм и зеркал? Вряд ли...

«Я нахожусь в положении человека, — мрачно подумал Садлер, — разыскивающего в темном подвале черного кота,

который то ли есть там, то ли нет». Для полной точности аналогии следовало бы добавить — человека, который даже не представляет себе, как именно выглядит этот самый кот.

Беседы с Маклорином происходили теперь регулярно и неизменно оказывались полезными. Настроение директора оставалось скептическим, однако он с готовностью оказывал любую помощь — для того, по всей видимости, чтобы поскорее избавиться от непрошеного и настырного гостя. Садлер расспрашивал обо всех технических аспектах деятельности Обсерватории — стараясь, однако, ни одним намеком не показать, какой характер приобретает расследование.

Он успел уже составить на каждого сотрудника Обсерватории по небольшому досье — достижение нешуточное, даже если принять во внимание, что всеми первичными биографическими данными его снабдили еще на Земле. Чаще всего такое досье представляло собой один-единственный лист бумаги, но были и состоявшие из нескольких страниц шифрованных записей. Точно установленные факты Садлер заносил чернилами, а догадки и предположения — карандашом, чтобы было проще их менять. Некоторые из предположений были совсем уж дикими, многие — оскорбительными; перечитывая их, Садлер краснел от стыда. И не только перечитывая — вот, скажем, узнал ты, что некий человек все свои деньги просаживает на содержание обитающей в Сити любовницы, и сделал отсюда вывод, что человека этого легко подкупить; с какими глазами будешь ты потом принимать от него по-дружески предложенную кружку пива?

Этим конкретным подозреваемым был один из инженеров строительного отдела. Он никогда не скрывал от окружающих своего положения, а наоборот — плакался на транжирские привычки своей пассии каждому встречному-поперечному и даже предостерег как-то Садлера, чтобы тот никогда не вешал себе такого камня на шею, после чего и был благополучно вычеркнут из списка возможных жертв шантажа.

Все подчиненные Маклорина были разбиты на три категории. В списке А содержались фамилии десяти, или около того, людей, которых Садлер считал наиболее реальными подозреваемыми, хотя ни против одного из них не было весомых улик. Некоторые числились здесь на том лишь осно-

вании, что имели больше всего возможностей передать информацию наружу — пожелай они это сделать. Одним из таких был Уагнэл; Садлер практически не сомневался в полной невинности секретаря, однако не вычеркивал его из списка А — на всякий случай.

Попадали в список главных подозреваемых и те, кто имел в Федерации близких родственников либо слишком уж ярко и откровенно критиковал политику земного правительства. Само собой, хорошо подготовленный шпион никогда не станет вести себя столь вызывающе, не захочет без всякой нужды вызывать к себе подозрение, однако кто же сказал, что обсерваторский шпион — профессионал? Восторженный, с горящими от энтузиазма глазами дилетант опасен ничуть не менее. Садлер внимательно изучал исследование по атомному шпионажу периода второй мировой войны, и там этот момент подчеркивался особо.

Находился в списке А и Дженкинс, заведующий складом. Насчет него Садлер не имел ничего, кроме весьма туманного и никуда не ведущего подозрения. Личность угрюмая и нелюдимая, Дженкинс не пользовался большими симпатиями остальных сотрудников. Злопыхатели утверждали, что получить с обсерваторского склада оборудование — самая трудная на Луне работа, но это попросту характеризовало Дженкинса как достойного представителя известного своей прижимистостью племени кладовщиков, и не более.

Вот еще эта интересная парочка, весьма оживляющая тусклые будни Обсерватории, — Джеймисон и Уилер. Принопамятная поездка в Море Дождей была типичным образчиком их развлечений и вполне, как заверили Садлера, соответствовала обычной схеме этих развлечений.

Заводилой всегда оказывался Уилер. Его беда — если можно считать это бедой — заключалась в избытке энергии и изобилии интересов. Ему не стукнуло еще и тридцати; придет, надо думать, время, когда годы плюс бремя ответственности заставят его малость поутихнуть, но пока что этим и не пахло. И тут нельзя было попросту отмахнуться, списать все на задержку в развитии, дескать, вот еще один пример студентика, который рос-рос, да не вырос. Он обладал первоклассным интеллектом и никогда не совершал поступков действительно глупых. Недолюбливали Уилера многие, особенно те, кому довелось стать жертвой одной из его

шуточек, однако настоящего зла к нему не испытывал никто. Он не принимал никакого участия в мелких обсерваторских дразгах и обладал неизменно располагающими добродетелями: абсолютной честностью и прямоотой. Общась с этим *enfant terrible** лунной Обсерватории, не нужно было спрашивать, что он думает о том или ином предмете — Уилер сообщал свое мнение сам, без секунды раздумий.

Джеймисон был совершенно иным; вполне возможно, именно контрастное несходство характеров и притягивало этих двух молодых людей друг к другу. Двумя годами старше Уилера, он, по всеобщему мнению, «хорошо на него влиял». Однако Садлер сильно в этом сомневался: насколько он мог судить, от присутствия Джеймисона поведение его неукротимого товарища не менялось ни на йоту. Он поделился своими наблюдениями с Уагнэлом, который на некоторое время задумался, а потом вздохнул:

— Да, конечно, но вы только подумайте, что мог бы натворить Кон, если бы Сида не было рядом?

Как бы там ни было, Джеймисон отличался значительно большей уравновешенностью, а потому и скрытностью. Далеко не такой блестящий, как Уилер, он вряд ли сделает какие-нибудь потрясающие открытия, но именно такие — надежные и здравомыслящие — люди и приводят в божеский вид новые территории, куда ворвался с налету гений.

Надежный в научном смысле — да, несомненно, но вот в политическом... Садлер пытался осторожно его прощупать, однако — увы — с нулевым успехом. Создавалось впечатление, что Джеймисона интересуют только работа и живопись (он писал маслом лунные пейзажи) — но никак не политика. При малейшей к тому возможности он выходил на поверхность, вооружившись мольбертом и специальными красками, приготовленными на основе масла с низким давлением паров; комната его успела уже превратиться в некое подобие художественной выставки. Для подбора красок, пригодных к использованию в вакууме, потребовалось долгое, мучительное экспериментирование, однако конечные результаты вряд ли стоили таких трудов. Садлер считал себя достаточно сведущим в искусстве и был вполне уверен, что у Джеймисона гораздо больше энтузиазма, чем таланта. Эту

* Ужасный ребенок (*фр.*).

же точку зрения разделял и Уилер. «Вот некоторые говорят, — признался как-то он Садлеру, — что к картинам Сиды привыкаешь, а потом они вроде и ничего. А по мне так настоящее “ничего” — в смысле пустое место — гораздо симпатичнее»

К категории В относились все остальные сотрудники Обсерватории, достаточно сообразительные для нелегкого и опасного шпионского труда. Садлер время от времени просматривал этот убийственно длинный список, пытаясь найти подходящих кандидатов для перевода в категорию А или — что было гораздо приятнее — в категорию С; к этой третьей и последней категории относились люди, полностью свободные от подозрений. Сидя в крохотной подземной клетушке, перетасовывая листы бумаги и пытаясь встать на место своих поднадзорных, Садлер иногда ощущал себя участником какой-то изощренной карточной игры, в которой большая часть правил меняется на ходу, а противники неизвестны. И это была смертельно опасная игра, ходы в ней делались со все возрастающей скоростью, а исход мог повлиять на будущее рода человеческого.

ГЛАВА 10

Бархатистый баритон звучал искренне и убедительно. Эти слова странствовали в пространстве уже много минут; пробившись через венерианские облака, они преодолели двести миллионов километров, достигли Земли, а оттуда были ретранслированы на Луну. И все же они доносились из динамика ясно и чисто, почти без искажений и помех.

«За это время ситуация здесь значительно осложнилась. Официальные источники отказываются высказывать какое-либо мнение, однако пресса и радио не отличаются подобной сдержанностью. Я прилетел из Геспера сегодня утром, и трех проведенных здесь часов более чем хватило для оценки общественного мнения.

Я буду говорить прямо и откровенно, даже с риском огорчить многих своих сограждан. Землю здесь не любят. “Собака на сене” — эти слова звучат, пожалуй, чаще любых других. Никто не отрицает ваших собственных трудностей со снабжением, однако господствует мнение, что, в то время

как молодые планеты испытывают острую нужду в самом необходимом, Земля транжирит значительную часть своих ресурсов на излишества и роскошь. Приведу вам один пример. Во вчерашних новостях появилось сообщение о гибели на меркурианской базе пяти человек. Причиной несчастного случая стал дефектный теплообменник — нарушилось охлаждение, и эти люди, попросту говоря, изжарились. Не очень приятная смерть — которой легко было бы избежать, имея изготовитель оборудования достаточное количество титана.

Я не могу согласиться с теми, кто возлагает вину за эту трагедию на Землю, но надо же было так случиться, что всего неделю назад вы снова урезали титановую квоту. Можете не сомневаться — на Венере есть силы, которые не дадут народу об этом забыть; не желая, чтобы эту передачу прекратили, я не стану называть имена, однако вы и сами легко догадаетесь, о ком идет речь.

При всем при том я не думаю, чтобы ситуация могла измениться к худшему, если только не появится какой-либо новый фактор. Предположим, например — здесь я хочу еще раз подчеркнуть, что рассматриваю чисто гипотетический вариант, — предположим, что Земля обнаружит новые месторождения тяжелых металлов. Скажем, в неисследованных океанских глубинах. Или даже на Луне — несмотря на все разочарования, которыми кончались прежние поиски.

Если такое произойдет — и Земля не захочет поделиться находкой, — последствия окажутся очень серьезными. И можно сколько угодно говорить о законном праве собственности — людям, которые сражаются с чудовищным давлением атмосферы Юпитера или пытаются растопить лед на спутниках Сатурна, все юридические аргументы покажутся легковесной чушью. Наслаждаясь своей мягкой весной, своими мирными летними вечерами, старайтесь не забывать, какое это счастье — жить в средней температурной зоне Солнечной системы, где воздух никогда не замерзает и камни никогда не плавятся.

И как же поступит при таком повороте событий Федерация? Я не знаю, а если бы и знал — не мог бы вам сказать. Но никому не возбраняется строить догадки. Мысль о какой-то там войне — в прежнем смысле этого слова — кажется мне нелепой. Ни одна из сторон не может нанести своему про-

тивнику решительного поражения — хотя и способна причинить ему тяжелейший ущерб. У Земли много ресурсов; правда, они расположены очень концентрированно, а потому легко уязвимы. Кроме того, у нее гораздо больше космических кораблей.

Преимущество Федерации состоит в рассредоточенности ее сил. Земля просто не сможет сражаться с полудюжиной планет и спутников одновременно, как бы слабо ни были они вооружены, проблема снабжения станет абсолютно безнадёжной.

И если, Господь упаси и помилуй, дело дойдет до насилия, скорее всего оно сведется к неожиданным ударам по стратегически важным точкам. Нанеся такой удар, специально оборудованные боевые корабли будут незамедлительно отходить в космос. Все разговоры о вторжении относятся к области чистой фантазии; Земля не имеет ни малейшего желания захватывать другие планеты, а что касается Федерации, то даже при — весьма гипотетическом — желании подчинить Землю своей воле ей не хватит для полномасштабного десанта ни кораблей, ни войск. Насколько я понимаю, нам угрожает нечто вроде дуэли, ни место, ни время которой еще не назначены. Каждый из противников постарается ошеломить другого своей мощью. Однако не надо рассчитывать, что эта война будет ограниченной и джентльменской — войны редко бывали ограниченными, а джентльменскими — никогда. До следующей встречи в эфире, Земля. Родерик Бейнон, Венера».

Чья-то рука выключила приемник, и в комнате повисла тишина — никто не хотел начинать неизбежное обсуждение передачи. Первым не выдержал Янсен, инженер энергетического отдела.

— Да-а, — восхищенно протянул он, — силен этот Бейнон.

— И мне кажется, — заметил Мейз, — что он во многом прав.

Медленная, размеренная речь Верховного Жреца Компьютерлэнда странным образом контрастировала с ошеломляющим быстроедействием его машин.

— А вы на чьей, собственно, стороне? — поинтересовался чей-то голос.

— Я храню дружественный нейтралитет.

— Но деньги-то вам платит Земля — так на чьей же стороне вы будете, если дело дойдет до драки?

— Ну это зависит от многих обстоятельств. Мне хотелось бы поддержать Землю. Но я оставляю за собой право принимать решение самостоятельно. Не знаю уж, кто там сказал: «Это моя планета — права она или ошибается», но только он был круглым идиотом. Если правота Земли окажется очевидной — я буду с ней и душой, и сердцем. В случае не совсем определенном я постараюсь истолковать неопределенность в ее пользу. Но я никогда не поддерживаю дело, кажущееся мне неправым.

Никто ему не ответил; люди молчали, стараясь переварить услышанное. Все это время Садлер пристально наблюдал за Мейзом; он знал, что начальник вычислительного центра известен честностью и прямоотой. Человек, занятый активной работой против Земли, никогда бы не решился выражать свое мнение с такой откровенностью. Интересно, подумал Садлер, а как бы вел себя Мейз, знай он, что в комнате находится контрразведчик? Скорее всего сказал бы ровно то же самое, слово в слово.

— Какого черта! — взорвался наконец старший инженер, по всегдашней своей привычке напрочь загораживавший синтетическое пламя псевдокамина. — Откуда тут взялась какая-то правота-неправота? Все найденное на Земле или Луне принадлежит нам, и только нам, и мы можем поступать с такими находками, как наша левая нога захочет.

— Правильно, однако не забывайте, что мы односторонне пересматриваем — в сторону снижения — ранее договоренные квоты, а ведь Федерация на них рассчитывала. Нарушай мы соглашение из-за нехватки нужных материалов — это можно было бы хоть и с трудом, но понять; совсем другое дело, если материалы у нас имеются, но мы их попросту придерживаем, намеренно ставим Федерацию в трудное положение.

— А с чего бы это мы стали?

На вопрос старшего инженера ответил, к своему и окружающих удивлению, молчавший до этого момента Джеймсон.

— Страх, — сказал он. — Наши политики безумно боятся. Они понимают, что у Федерации больше мозгов, а скоро

будет и больше силы. И тогда Земля отойдет на вторые роли.

Прежде чем кто-либо успел возразить, электронщик Чуйков сменил тему разговора на другую, не менее острую.

— А вот я все думаю, — сказал он, — про эту передачу. Мы знаем, что Бейнон — парень довольно честный, но он же, как ни говори, ведет передачи с Венеры, по их линии связи, с их разрешения. Не все здесь так просто, как кажется.

— Что ты хочешь сказать?

— Как знать, а вдруг он работает на их пропаганду? И не то чтобы сознательно, просто подсунули ему информацию — он вот и говорит то, что они хотели бы вбить нам в голову. Например, насчет рейдов. Возможно, нас хотят запугать.

— Мысль интересная. А вот что думаете вы, Садлер? Вы же совсем недавно с Земли.

Неожиданная атака застала Садлера врасплох, однако он ловко отпасовал мяч назад:

— Вряд ли Землю так уж легко запугать. А вот момент насчет возможных источников на Луне — это и вправду очень интересно. Слухи, похоже, дошли уже и до них.

Эта намеренная неосторожность даже и не была, если разобраться, неосторожностью, ибо каждый сотрудник Обсерватории знал, что а) Уилер с Джеймисоном наткнулись в Море Дождей на какие-то очень странные работы, ведущиеся по заданию правительства, и б) что им настрого приказано держать язык за зубами. Садлеру было очень интересно посмотреть на реакцию этой парочки.

Джеймисон очень натурально изобразил искреннее изумление, но зато Уилер заглотил приманку прямо с поплавком.

— А чего бы вы хотели? — вскинулся он. — В Море Дождей садятся корабли, кто же этого не знает, их же вся Луна видит. И там же у них сотни рабочих, и вряд ли все они прилетели с Земли, а те, которые местные, катаются в Сентрал-Сити, так неужели они не ляпнут лишнего своим девицам, особенно — после второй бутылки?

«Знал бы ты, — подумал Садлер, — какая это правда и какую головную боль обеспечивает службе безопасности одна уже эта маленькая проблема».

— Как бы там ни было, — продолжал Уилер, — мне это все безразлично. Пусть там делают что угодно, лишь бы меня не трогали. Что это за штука — снаружи не разберешь,

только понятно, что встала она налогоплательщикам в хорошую сумму.

Негромкое, нервное покашливание исходило от тихого, невзрачного сотрудника приборного отдела. Именно в этом отделе Садлер провел сегодняшнее утро, тоскливо разглядывая детекторы космических лучей, магнитометры, сейсмографы, часы, работающие на молекулярном резонансе, и батареи прочих устройств, которые деловито регистрировали информацию — в таких количествах, что никто и никогда не сумеет ее проанализировать.

— Не знаю уж, трогают они вас или нет, но мне они устраивают черт знает что.

— Как это? — хором спросили все присутствующие.

— Полчаса назад я взглянул на магнитометры. Поле здесь почти постоянное, если не считать магнитных бурь, но о них нас всегда предупреждают заранее. А вот тут происходило нечто странное. Поле все время прыгало вверх и вниз — не очень сильно, всего на несколько микрогауссов, но происхождение бросков явно было искусственным. Я обзвонил всю Обсерваторию, но все клялись и божились, что ничего такого с магнитами не делают. Тут я подумал: а вдруг что-нибудь выделяет эта таинственная команда из Моря Дождей, и так, на всякий случай, взглянул на другие приборы. Ну и ничего, все тихо-спокойно — пока я не добрался до сейсмографов. Они же у нас телеметрические, так вот, стрелки того, который установлен на южной стене кратера, швыряло от упора до упора. Все это выглядело очень похоже на взрывы — мы ведь всегда регистрируем толчки, приходящие из Гигинуса и со всех других шахт. Кроме того, на ленте самописца было заметно небольшое, весьма своеобразное подрагивание, практически синхронное с бросками магнитного поля. Если умножить время запаздывания на скорость звука в скальных породах, все сходится. Так что я точно знаю, откуда идет это безобразие.

— Весьма интересное исследование, — заметил Джеймсон. — Только какие же отсюда выводы?

— Истолковать можно и так и сяк, но я бы сказал, что там, в Море Дождей, кто-то генерирует импульсы магнитного поля продолжительностью примерно в секунду и совершенно невероятной силы.

— А что насчет лунотрясений?

— Просто побочный результат. Тут же много магнитных пород, при таком мощном поле их должно встряхивать. Не очень, конечно, сильно; вы бы даже там ничего не заметили, но наши сейсмографы такие чувствительные, что регистрируют падение метеора с расстояния в двадцать километров.

Разгорелась техническая дискуссия, Садлер слушал ее без особого понимания, но зато с большим интересом. Когда экспериментальные данные обсуждаются таким количеством умных людей, нельзя сомневаться, что кто-нибудь из них угадает правду — но точно так же нельзя сомневаться, что остальные участники обсуждения противопоставят ему свои хорошие теории. Все это не имело никакого значения, важно было другое — не проявит ли кто-либо слишком уж большой осведомленности. Или — слишком большого любопытства.

Ничего подобного не произошло, а потому Садлер так и остался при трех своих не вызывающих особой радости вариантах — либо мистер Икс непомерно хитер, либо мистер Икс не входит в число присутствующих, либо, наконец, мистера Икс и вовсе не существует.

ГЛАВА 11

У ставшая сиять ярче всех звезд Галактики, вместе взятых, Nova Draconis постепенно тускнела, однако она все еще оставалась значительно ярче Венеры; пройдут, вероятно, тысячи лет, прежде чем людям снова представится подобное зрелище.

Очень близкая к Земле в галактическом масштабе, эта звезда была в то же время настолько далека, что ее видимая светимость не менялась на всем протяжении Солнечной системы. Она сверкала одинаково ярко и над раскаленными скалами Меркурия, и над азотными ледниками Плутона. Ее преходящее (а каким оно еще бывает?) величие заставило людей на момент отвлечься от своих мелких дразг и задуматься о высших сущностях.

Но ненадолго. Слепящий фиолетовый свет самой яркой на памяти человека звезды пронизывал теперь разделившуюся систему — систему, планеты которой уже прекратили взаимные угрозы и готовились перейти от слов к делу.

Приготовления эти успели зайти гораздо дальше, чем могли представить себе простые люди. Ни одно из правил — что земное, что федеративное — не желало обоим откровенничать со своими гражданами. Укрывшись в секретных лабораториях, люди приспособливали силы, открывшие им дорогу в космос, к целям убийства и разрушения. Даже работая ученые обеих сторон независимо, в полной изоляции, они неизбежно создали бы примерно однотипное оружие, ибо отталкивались от одной и той же технологии.

Но и Земля, и Федерация имели достаточное количество шпионов, а потому довольно хорошо знали оружие друг друга. Определенные сюрпризы — любой из которых мог оказаться решающим — не исключались, однако в целом технический уровень противников был приблизительно одинаков.

В одном отношении Федерация имела заметное преимущество. Она могла надежно спрятать свою деятельность, все свои исследования и испытания, среди огромного количества планетных спутников и астероидов; Марс и Венера узнавали о любом старте земного корабля буквально через несколько минут.

Каждую из сторон одолевала сомнения относительно эффективности ее разведки. Надвигавшейся войне предстояло стать войной дилетантов, не профессионалов. Любая секретная служба прошлого могла похвастаться долгой — хотя, возможно, и не очень славной — традицией. Шпиона нельзя подготовить за неделю, да и вообще человек, способный стать блестящим агентом, — большая редкость, на его поиски могут уйти годы и годы.

Никто не понимал все это лучше Садлера. Иногда он задумывался — неужели каждый из его неизвестных коллег, рассеянных по просторам Солнечной системы, пребывает в такой же растерянности? Ведь полную картину — или хотя бы нечто на нее похожее — видят только люди, сидящие наверху. Прежде ему и в голову не приходило, в какой полной изоляции вынужден действовать секретный агент, насколько ужасно почувствовать, что ты один, что ты никому не можешь довериться, ни с кем не можешь разделить свое бремя. С самого момента прибытия на Луну он не беседовал ни с одним сотрудником Планетарной разведки (хотя как знать, кто из окружающих может оказаться

коллегой). Все контакты с организацией были косвенными и безличными. Его регулярные донесения (постороннему читателю они представлялись бы на удивление занудными отчетами об обсерваторской бухгалтерии) отправлялись монорельсом в Сентрал-Сити, и он не имел ни малейшего представления, кто там их получает и что с ними делают. Тем же самым путем приходили — очень редко — инструкции, а в самом экстренном случае можно было воспользоваться телепринтером.

Садлер с нетерпением ждал первой, еще на Земле обговоренной встречи со связником. Трудно было надеяться на какую-нибудь практическую пользу от этого randevu, но оно хоть немного ослабит груз одиночества.

Он успел уже, к глубокому своему удовлетворению, близко познакомиться с деятельностью административной и технической служб. Он заглянул (с почтительного удаления) в пылающее сердце микрореактора, снабжавшего Обсерваторию энергией. Он сходил посмотреть огромные зеркала солнечных генераторов. В нормальной обстановке эта техника не применялась, и было приятно сознавать, что вот она здесь, готовая при необходимости подключиться к неисчерпаемым ресурсам дневного светила.

Самым большим сюрпризом оказалась ферма. Было очень странно, что в этот век научных чудес, век искусственного того и синтетического сего, остались еще области, где превосходство природы неоспоримо. Ферма являлась составной частью системы кондиционирования воздуха и лучше всего выглядела долгим лунным днем. Садлер увидел ее ночью, с наглухо задраенными огнями, при свете флюоресцентных ламп, но вот выйдет из-за горизонта солнце, и отодвинутся тяжелые металлические ставни, и уж тогда...

Однако и сейчас зрелище впечатляло, можно было подумать, что находишься на Земле, в хорошо ухоженной теплице. Медленно текущий воздух омывал шеренги растений, отдавая им избыточный углекислый газ, приобретая взамен не только кислород, но и ту трудно определимую свежесть, скопировать которую не способна никакая химия.

Здесь Садлеру презентовали небольшое, но очень зрелое яблоко, каждый атом которого имел своим источником Луну. Он отнес драгоценный плод к себе в клетушку, чтобы насладиться им в одиночестве; становилось понятно, почему

в помещения фермы не пускали никого, кроме обслуживающего персонала, — иначе не прошло бы и недели, как все деревья оказались бы ободраны наголо.

После этого блаженного зеленого уголка центр связи казался холодным, бездушным — и опасным. Здесь, откуда осуществлялась вся связь Обсерватории с остальными лунными базами, с Землей и — при необходимости — даже с планетами, находилась самая уязвимая точка. Поэтому каждое принимаемое и отправляемое сообщение непременно регистрировалось, а связисты находились под неусыпным наблюдением службы безопасности. Двое из них были недавно переведены — без всякого объяснения причин — на менее ответственную работу. Более того (об этом не знал даже Садлер), в тридцати километрах от Обсерватории телескопическая камера каждую минуту фотографировала огромные антенные комплексы, применявшиеся для дальней связи. И если какой-либо из этих радиопрожекторов будет значительное время развернут в не предусмотренном программой направлении, служба безопасности незамедлительно примет меры.

Все без исключения астрономы рассказывали о своих исследованиях и о своем оборудовании с величайшей охотой. Даже если кого-нибудь из них и удивляли некоторые вопросы бухгалтера, виду никто не подавал. Он же старался ни на секунду не выходить из принятой на себя роли. Основным методом был прямой, откровенный разговор по душам. «Это, собственно, к работе не относится, но я всегда интересовался астрономией, а раз уж попал на Луну, то хотел бы посмотреть все, что только возможно. Ну конечно, если вы сейчас заняты...» Такая увертюра действовала как заклинание.

Все подобные визиты организовывались Уагнэлом. Секретарь оказывал любую помощь настолько охотно, что Садлер было заподозрил тут попытку отвести от себя подозрения, однако позднее понял, что это — обычная его манера. Бывают такие люди, бессознательно старающиеся произвести хорошее впечатление на всех и каждого, установить со всеми дружеские отношения. И насколько же, наверное, плохо, подумал Садлер, работаете ему с таким бесчувственным начальником, как профессор Маклорин.

Сердцем Обсерватории являлся десятиметровый телескоп — крупнейший оптический инструмент, когда-либо со-

зданный человеком. Скорее внушительный, чем изящный, он располагался на верхушке небольшого холма, чуть поодаль от жилой зоны. Сложное переплетение форм, опутывавших огромный бочонок, придавало ему нужный наклон, а для разворотов служила круговая рельсовая дорожка.

— Ничего похожего на земные телескопы, — объяснял Молтон. Они с Садлером находились в ближайшем к прибору наблюдательном куполе. — Вот, скажем, труба. Она устроена так, чтобы можно было работать и днем. Без нее солнечные блики от опорных конструкций попадали бы на зеркало и неизбежно создавали бы фон. К тому же зеркало искривлялось бы от нагрева, требовались бы часы на охлаждение и настройку. На Земле такие дела никого не беспокоят, там телескопы используются только ночью — те немногие, которые еще используются.

— Я даже и не знал, что на Земле остались действующие обсерватории, — заметил Садлер.

— Да, несколько штук еще есть. Почти все они заняты подготовкой специалистов. Там, в этой атмосфере, похожей на суп с клецками, никакие настоящие астрономические наблюдения невозможны. Вот, скажем, то, чем занимаюсь я сам — ультрафиолетовая спектроскопия. Интересующие меня длины волн полностью поглощаются атмосферой. Пока люди не вышли в космос, этих линий никто и не видел. Иногда я даже удивляюсь — как это могла на Земле появиться астрономия?

— Странно он установлен, — задумчиво заметил Садлер. — Словно на пушечном лафете, ничего похожего на телескопы, которые я видел раньше.

— Совершенно верно. Было решено не делать установку экваториальной — компьютер и без того легко отслеживает любую звезду. Но давайте спустимся и посмотрим, что из всего этого получается.

Лаборатория Молтона являла собой фантастическое нагромождение полуразобранных (а может — полусобранных) приборов, абсолютно Садлеру незнакомых, в чем тот и признался.

— И нечего вам особенно стесняться, — рассмеялся профессор. — Тут же почти сплошь самоделки, собственной конструкции — пробуем и так и сяк, пытаемся что-нибудь улучшить. А вообще дело обстоит следующим образом. Свет.

собранный большим зеркалом, проходит через эту вот трубу. Продемонстрировать его я не могу, сейчас фотографирует кто-то другой, а моя очередь чуть попозже. Но когда телескоп передадут мне, я смогу направить его на любой участок неба, дистанционно, вон с того пульта. Ну а потом — анализировать свет выбранной звезды одним из этих спектроскопов. Боюсь, нам не удастся посмотреть, что там у них внутри — кожухи совершенно глухие. Как я уже говорил, интересующее меня излучение сильно поглощается воздухом, поэтому во время работы оптические системы откачиваются.

И тут Садлера поразила неожиданная, показавшаяся ему дурацкой мысль.

— Послушайте, — сказал он, оглядывая путаницу проводов, батареи электронных счетчиков, атласы спектральных линий, — а вы смотрели когда-нибудь в этот телескоп?

— Ни разу, — улыбнулся Молтон. — Устроить это совсем нетрудно, только какой смысл? Все настоящие телескопы — не более чем гигантские фотоаппараты, никто через них не смотрит.

Имелись, однако, в Обсерватории и телескопы поменьше, вполне пригодные для визуального наблюдения; некоторые из них, снабженные телевизионными камерами, использовались для поиска комет и астероидов, чье точное местонахождение не было известно. Иногда Садлеру удавалось получить один из этих приборов в свое распоряжение, и тогда он осматривал небо, причем делал это совершенно наобум — набирал на клавиатуре пульта произвольные координаты, а затем вглядывался в телеэкран — что же за добыча попалась на этот раз. Через некоторое время он научился пользоваться Астронавтическим ежегодником, и какое же это было торжество, когда вызванный с пульта Марс повис точно в центре поля зрения.

Садлер смотрел на охристо-зеленый диск, почти заполнивший собой экран, со смешанными чувствами. Одна из полярных шапок чуть повернута к Солнцу — там у них начинается весна, иней и снег, покрывающие тундру, медленно оттаивают после долгой, жестокой зимы. Прекрасная планета — если смотреть издалека, но как же трудно строить на ней цивилизацию. Мало удивительного, что ее решительным, закаленным сынам надоело терпеть выходки Земли.

Яркое, невероятно четкое изображение стояло на экране как влитое, без малейшего подрагивания и неустойчивости; на Земле Садлеру довелось как-то посмотреть на Марс в телескоп, и теперь он мог непосредственно убедиться, какие оковы сбросила с себя астрономия, выйдя в открытое пространство. Маленький вспомогательный прибор, установленный на Луне, дает возможность за несколько часов увидеть гораздо больше, чем видели земные астрономы, десятилетиями изучавшие Марс при помощи огромных установок. И дело совсем не в расстоянии — оно фактически не меняется, да и вообще Марс сейчас очень далеко от Земли, — а в том, что исчезло дрожащее марево атмосферы.

Налюбовавшись вдосталь на Марс, Садлер набрал координаты Сатурна. От потрясающей красоты зрелища перехватывало горло, невозможно было поверить, что этот шедевр создан природой, а не руками какого-либо великого художника. Большой, чуть приплюснутый желтый шар плавал в центре сложной системы колец. Даже с расстояния в два миллиарда километров отчетливо различались неяркие полосы и пятна атмосферных возмущений, а чуть подальше, за пределами драгоценного пояса колец, Садлер насчитал по крайней мере семь спутников.

Хорошо зная, что мгновенно действующему глазу телекамеры не под силу равняться с терпеливой фотопластинкой, он все-таки взглянул на некоторые из отдаленных туманностей и звездных скоплений. Он прошелся вдоль столбовой дороги небес — Млечного Пути, задерживая поле изображения на некоторых особенно прекрасных группах звезд и сверкающих облаках алмазной пыли. Через некоторое время Садлер опьянел от беспредельной красоты небес; чтобы вернуться к низким повседневным делам, нужна была какая-нибудь более грубая закуска. Он направил телескоп на Землю.

Такую огромную, что даже при наименьшем увеличении экран не мог вместить ее целиком. Освещенные Солнцем области все еще занимали чуть больше половины диска, однако Садлер стал смотреть на темную его часть. Там, в ночи, тускло фосфоресцировали бессчетные светлячки городов, и в одном из них спала сейчас Жанетта и, может быть, видела его во сне. Он уже знал, что жена получила письмо — ее удивленный и в то же время осторожный ответ заметно приободрил Садлера, хотя от укора и одиночества,

читавшихся между строк, ему хотелось плакать. Неужели он допустил ошибку, ну зачем были все эти откладывания... Подобно большинству семейных пар этой, плывущей сейчас перед его глазами планеты, Садлеры не торопились обзавестись детьми, хотели сперва «проверить свою совместимость». В этот век на людей, ставших родителями в первые годы совместной жизни, смотрели с удивлением и даже осуждением — такое поведение считалось верным знаком пустоты и безответственности.

Оба они хотели иметь полноценную семью и намеревались начать с сына — развитие медицины позволило планировать семью заранее. А потом Садлер получил задание и впервые в жизни осознал всю серьезность межпланетной ситуации. И уже не мог бросить Джонатана Питера в неопределенное, даже страшное будущее.

В прошлом подобное рассуждение остановило бы очень немногих мужчин. Более того, угроза собственного ухода из мира зачастую заставляла их еще сильнее стремиться к единственной известной человеку разновидности бессмертия. Однако мир не знал войны уже двести лет, жизнеустройство Земли стало сложным и хрупким, вспышка насилия разорвет его в клочья. Женщина, обремененная ребенком, почти не будет иметь шансов уцелеть.

А может быть, все это — просто мелодрама, и не нужно было позволять, чтобы пустые страхи взяли верх над здравым смыслом. Знай Жанетта факты, она и секунды бы не задумалась, несмотря на весь предполагаемый риск. Но Садлер не мог говорить с ней откровенно — и не мог воспользоваться ее незнанием.

И поздно рвать на себе волосы — все, что он любит, находится сейчас на этом погруженном в сон шаре, отделенном от него бездонной пропастью пространства. Он вернулся от звезд к людям, через беспредельную пустыню космоса — к одинокому оазису человеческой души.

ГЛАВА 12

-Я не имею оснований предполагать, — сказал человек в синем костюме, — что кто бы то ни было вас подозревает, однако организовать тайную встречу в Централ-Сити

не представлялось возможным. Там слишком много людей, и все всех знают. Вы и представить себе не можете, насколько трудно там уединиться.

— А не слишком ли на посторонний взгляд странно, что я вдруг решил пойти в это место? — спросил Садлер.

— Отнюдь нет, сюда приходят почти все гости города — если им удастся. Это вроде Ниагарского водопада — зрелище, ознакомиться с которым каждый считает своей обязанностью. И ведь их можно понять, вы согласны?

Не согласиться было трудно. Вряд ли кто-нибудь уходил отсюда разочарованным, широко разрекламированная картина превосходила все ожидания. Выйдя на балкон, Садлер испытал настоящее потрясение, от которого и сейчас еще не совсем оправился. Легко поверить, что очень многие люди физически не могут дойти до этого места.

С края каньона выступал прозрачный, даже скорее прозрачный, словно и не существующий цилиндр, и он стоял в этом цилиндре над пустотой. Единственными признаками надежности, безопасности являлись металлическая дорожка под ногами да хрупкие перильца, за которые отчаянно цеплялся каждый, сюда приходящий, — в том числе и Садлер.

Разлом Гигинуса числится среди величайших чудес Луны. Длина его больше трехсот километров, а ширина достигает пяти. Это не столько каньон, сколько цепочка связанных друг с другом кратеров, расходящаяся в две стороны от огромного центрального провала. И здесь находится та самая дверь, через которую люди добрались до погребенных сокровищ богини ночи.

Садлер уже мог смотреть себе под ноги, не подавляя ежесекундного желания зажмуриться. На бесконечной, как казалось, глубине в маленьких лужицах искусственного света бестолково тыкались из стороны в сторону какие-то странные насекомые. Они походили на тараканов, внезапно появивших в луч карманного фонарика.

Каждый из крошечных жучков являлся в действительности огромной землеройной машиной, разрабатывающей дно каньона. Дно это, расположенное на многокилометровой глубине, было на удивление плоским — судя по всему, вскоре после образования разлома его затопила лава; застывая,

огненная река превратилась в ровную каменную поверхность.

Земля, повисшая прямо над головой, освещала противоположный обрыв. Каньон словно разрезал Луну пополам, ему не было конца ни слева, ни справа; в некоторых местах зеленовато-синий свет, лившийся сверху на отвесную каменную стену, создавал неожиданную иллюзию — Садлеру начинало казаться, что перед ним огромный водопад, извечно низвергающийся в недра Луны. И вдоль всего этого водопада на невидимых отсюда паутинках тросов поднимались наполненные рудой емкости, опускались пустые. Каждая такая бадня — Садлер видел их движущимися по канатной дороге к расположенным где-то вдали металлургическим заводам — имела несколько метров в высоту, но сейчас они казались крошечными, как бусинки. Как жаль, подумал он, что в этой руде есть только сера, кислород, кремний и алюминий, а не тяжелые металлы.

Однако хватит таращиться на чудеса природы, это все-таки конспиративная встреча, а не туристическая экскурсия. Садлер вынул из кармана свои записки и начал рассказывать.

Доклад занял совсем не так много времени, как хотелось бы. И было совершенно непонятно — остался слушатель доволен расплывчатыми, неопределенными выводами агента или нет.

— Хотелось бы чем-нибудь вам помочь, — заметил он после минутного раздумья, — но нам страшно не хватает людей. Дело принимает плохой оборот, ближайшие десять дней будут критическими. В окрестностях Марса что-то происходит, но мы не можем узнать точно, что именно. Федералы построили по крайней мере два корабля совершенно необычной конструкции, скорее всего они их испытывают. К сожалению, у нас нет никаких определенных сведений, одни слухи, кажущиеся бессмысленными, но в то же самое время переполошившие министерство обороны. Я рассказываю все это, чтобы вы получше представляли себе обстановку. На Луне об этом не знают, так что если кто-нибудь начнет рассуждать на подобные темы, значит, он каким-то образом получил доступ к секретной информации.

Теперь насчет списка основных подозреваемых. Я вижу в нем Уагнэла, но, по нашему мнению, он чист.

— Хорошо, я переведу его в список В.

— Затем Браун, Лефевр и Толанский — у них совершенно определенно нет в Сентрал-Сити никаких сомнительных контактов.

— Вы в этом полностью уверены?

— Почти. Они используют свое свободное время на цели, весьма далекие от политики.

— Я, собственно, так и думал. — Садлер позволил себе роскошь улыбнуться. — Уберем их совсем.

— Теперь этот кладовщик, Дженкинс. Почему вы держите его в списке?

— Он — единственный сотрудник Обсерватории, которому не нравится моя предполагаемая деятельность, вот, пожалуй, и все основания. Ничего уличающего у меня нет.

— Ну что ж, понаблюдаем за ним здесь. Дженкинс приезжает в город очень часто, правда — по вполне понятной причине: на нем лежат все закупки в местных магазинах. Теперь в списке А остается, если не ошибаюсь, пять фамилий.

— Да, но меня бы очень удивила виновность любого из них. Об Уилере и Джеймисоне мы уже говорили. Поход в Море Дождей вызвал у Маклорина сомнения относительно Джеймисона, но я не думаю, что это серьезно. Да и вообще, все задумал Уилер.

— Далее — Бенсон и Карлин. Их жены родились на Марсе, и к тому же они с очень большим жаром спорят на политические темы. Бенсон — электрик из ремонтного отдела, а Карлин — санитар. У них вроде бы есть некое подобие мотива, но все это как-то очень туманно. Да и слишком уж они бросаются в глаза.

И есть один человек, которого стоило бы переместить в ваш список А. Молтон.

— Доктор Молтон? — поразился Садлер. — А что, есть какие-нибудь основания?

— Ничего особо серьезного, но он летал несколько раз на Марс, по астрономическим делам, и имеет там друзей.

— Молтон никогда не говорит о политике; я пробовал его прошупать, но реакции не было ровно никакой. Не думаю, чтобы у профессора было много контактов в Сентрал-Сити — судя по всему, он не интересуется ничем, кроме своей работы, а в город ездит исключительно из-за спорт-

комплекса, чтобы не терять форму. Что-нибудь еще у вас есть?

— К величайшему сожалению — нет. Все остается по-прежнему, пятьдесят на пятьдесят. Утечка несомненно имеется, но как знать, вдруг она здесь, в Сентрал-Сити? А намек насчет Обсерватории вполне может оказаться намеренной дезинформацией. Очень трудно себе представить, каким образом кто-нибудь из ее сотрудников передает сведения Федерации — да вы и сами обратили на это внимание. Радиопрослушивание не обнаружило ничего, кроме нескольких не зарегистрированных, но вполне невинных переговоров личного характера.

Садлер со вздохом спрятал записную книжку и еще раз посмотрел вниз, в головокружительную бездну, над которой опасно парил этот хрупкий, еле заметный пластиковый пузырек. Тараканы поспешно расползались, освобождая довольно большую площадку около самого основания обрыва; неожиданно по залитой светом прожекторов стене начало медленно расползаться серое пятно. (Сколько дотуда? Два километра? Или три?) Пыль начала оседать, а облачко дыма быстро рассеялось в вакууме. Садлер начал считать секунды, дошел до двенадцати и только тогда сообразил бессмысленность этого занятия. Рвани там даже атомная бомба, он все равно бы ничего не услышал.

Человек в синем костюме кивнул Садлеру, поправил ремешок фотоаппарата и снова превратился в обыкновенного туриста.

— Подождите тут десять минут, — сказал он, — и ни в коем случае не приближайтесь ко мне при случайных встречах.

Садлер обиженно насупился — как ни говори, он не был таким уж зеленым новичком. Его стаж в Планетарной разведке достиг уже половины лунных суток.

Зайдя в небольшое кафе, Садлер оказался единственным его посетителем — а ведь обычно на вокзале Гигинуса не протолкнуться. Общая неопределенность ситуации отпугивала туристов; те, которых она застала на Луне, спешили домой, билеты на отбывающие корабли брались с бою. Никто ничего толком не знал, но все чувствовали — первые неприятности начнутся здесь. Вряд ли Федерация атакует саму Землю, решится на уничтожение миллионов ни в чем не

повинных людей. Подобное варварство давно ушло в прошлое — так, во всяком случае, надеялись. Но уверенности не было. Откуда знать, как пойдет война? А Земля — она же такая легкая мишень.

На какой-то момент Садлер окунулся в тоскливые, полные жалости к самому себе мысли. Догадалась ли Жанетта, где он находится? Уж лучше бы нет — это только увеличит ее страхи и беспокойство.

За чашкой кофе — неизвестно почему, но на Луне никогда не получишь хорошего кофе, так что не стоило и заказывать — он обдумал полученную от связника информацию. Информация эта не прояснила практически ничего, предстояли все те же поиски в темноте. Совет присмотреться к Молтону вызывал полное недоумение: такой честный, прямой человек — и вдруг шпион? С другой стороны, кто же не знает, насколько опасно полагаться на интуитивные соображения, а потому придется теперь уделять Молтону побольше внимания. Только можно спорить на что угодно — ни к чему это не приведет.

Садлер перебрал в памяти все известные ему сведения про начальника спектроскопического отдела. Он и сам знал про три поездки Молтона на Марс. Последняя из них состоялась больше года назад — а ведь, скажем, тот же самый Маклорин был там совсем недавно. Да и кто из межпланетного братства астрономов не имеет друзей и на Марсе, и на Венере?

Есть ли в Молтоне что-нибудь такое необычное? Разве что всегдашняя его отрешенность, странным образом контрастирующая с внутренней теплотой. Ну и еще эта забавная, даже трогательная «клумба», как называли за спиной профессора его вазу с цветами. Но много же будет работы, если начать присматриваться к таким вот невинным причудам всех и каждого.

Тут, правда, есть один момент, достойный некоторого внимания. Нужно узнать, в каком магазине Молтон покупает свои восковые цветочки (это, пожалуй, единственное — за исключением спорткомплекса — место в городе, куда он ходит), и пусть местная агентура там все проверит. Весьма довольный своей дотошностью, Садлер расплатился, покинул совершенно пустое кафе, миновал недлинный коридор и оказался на почти пустом вокзале.

Монорельсовая ветка, соединявшая Централ-Сити с Гигинусом, проходила мимо Триснекера*, по невероятно растрескавшемуся скальному плато. Вдоль ее трассы шагали столбы канатной дороги, по которой ползли огромные емкости, полные с рудника и пустые — обратно. Длинные, до километра, пролеты делали это транспортное средство самым экономичным на Луне, да, пожалуй, и самым практичным — пока дело касалось не срочных грузов. Чуть не доезжая города, канатка плавно свернула направо и ушла куда-то за горизонт, к заводскому комплексу, который — прямо либо косвенно — кормил и одевал каждого человека, живущего на Луне.

Даже удивительно, как быстро этот город перестал казаться чужим; Садлер переходил из купола в купол с уверенностью старожила. Сперва — в парикмахерскую. Один из обсерваторских поваров прирабатывал — в свободное от кухни часы — стрижкой, однако результаты его трудов выглядели весьма печально. Ну а потом, если останется время, покрутиться минут пятнадцать на центрифуге.

Как и обычно, в спорткомплексе было полно сотрудников Обсерватории, старавшихся, на случай срочного отъезда домой, сохранять приличную физическую форму. Записавшись в очередь на центрифугу, Садлер закинул одежду в шкафчик и пошел купаться; через некоторое время затихающий вой мотора просигналил, что «карусель» готова принять новую порцию пассажиров. Подойдя к ней, почти что бывалый контрразведчик с трудом подавил усмешку — он оказался в компании двух подозреваемых из списка А — Уилера и Молтона, — а также семи или около того почти подозреваемых категории В. И мало удивительного, особенно что касается категории В. В этом жутком списке, подходящим названием для которого было бы: «Лица, достаточно умные и активные для шпионской деятельности, относительно которых, однако, нет никаких сведений — ни в ту, ни в другую сторону», состояли добрые девяносто процентов персонала Обсерватории.

Центрифуга вмещала шесть человек и была снабжена каким-то хитрым предохранительным устройством, не позволявшим ей запускаться без более-менее приличной балансировки. Вот и сейчас она наотрез отказывалась вертеть-

* Небольшой кратер неподалеку от центра видимой части Луны.

ся, пока толстый сосед Садлера не поменялся местами с худощавым мужчиной, сидевшим напротив. После этого завыл мотор, и большая металлическая бочка с уравновешенными — в физическом смысле слова — людьми начала набирать обороты. И чем быстрее она вращалась, тем тяжелее становилось тело Садлера; одновременно менялось и направление «вверх» — оно поворачивалось к центру барабана. Дышать стало трудно, Садлер попробовал приподнять свою руку — и не смог, она словно налилась свинцом.

Его сосед слева — тот самый, худощавый — с видимым трудом поднялся на ноги и начал прохаживаться, аккуратно придерживаясь «своей» территории, обозначенной на полу жирными белыми линиями. То же самое делали и остальные; было чуть жутковато смотреть, как они стоят на вертикальной — с точки зрения Луны — поверхности. Пассажиров центрифуги прижимала к ней сила, в шесть раз превышающая жалкое лунное тяготение, попросту говоря — вес, который они имели бы (и будут когда-то иметь) на Земле.

Ощущение не из приятных. Садлеру казалось совершенно невероятным, что неполные две недели назад все его существование проходило в гравитационном поле такой силы. Он понимал, что, вернувшись на Землю, неизбежно привыкнет к ее тяготению, но сейчас расплывался в своем кресле, как медуза по песку. И какая же была радость, когда вой мотора стал затихать, а затем и вовсе прекратился, и появилась возможность выбраться из этого чертова колеса, вернуться в мягкие, любящие объятия Луны.

В вагон монорельса Садлер вошел усталым и расстроенным. Его не ободрил даже огненный привет наступающего дня, когда все еще прячущееся за горизонтом солнце чуть тронуло верхушки западных гор. Он пробыл здесь больше двенадцати земных суток, долгая лунная ночь подходила к концу. И было страшно подумать — что может принести с собой наступающий день.

ГЛАВА 13

У каждого человека есть какая-нибудь слабость, поищи хорошенько — и найдешь, но слабость Джеймисона не требовалось искать, она сама бросалась в глаза. Даже стыдно

как-то таким пользоваться, думал Садлер, — но сейчас щепетильность была ему не по карману. Все население Обсерватории относилось к живописным упражнениям молодого астронома с легкой насмешкой и не удостаивало их ни единым одобрительным словом. Чувствуя себя последним лицемером, Садлер начал разыгрывать роль восхищенного почитателя.

Потребовалось порядочно времени, чтобы пробить броню сдержанного, необщительного астронома и заставить его разговориться. Излишняя поспешность могла вызвать подозрение, однако Садлер заметно ускорил процесс при помощи простейшей техники — каждый раз, когда товарищи начинали подшучивать над «нашим живописцем», он бросался на его защиту. А происходило это после создания каждого нового шедевра.

Перевести разговор с искусства на политику оказалось очень просто — в эти дни о политике задумывался каждый. Кроме того, как ни странно, Джеймисон сам поднял вопрос, к которому осторожно подбирался Садлер. Собственно говоря, начиная с тех далеких времен, когда на Земле появилась атомная энергия, эта проблема — в той или иной форме — мучила практически каждого ученого. Судя по всему, Джеймисон обдумывал ее долго и со всей своей обычной методичностью.

— А что бы вы сделали, — неожиданно спросил он Садлера в первый же вечер по возвращении последнего из Сентрал-Сити, — если бы вам пришлось выбирать между Землей и Федерацией?

— А почему вы спрашиваете именно меня? — откликнулся Садлер, изо всех сил стараясь не проявить слишком уж живой заинтересованности.

— Я спрашивал уже многих, — объяснил Джеймисон. В его голосе звучала недоуменная растерянность человека, ищущего и не находящего пути в непонятном, невероятно сложном мире. — Помните этот спор в гостиной, ну, еще когда Мейз назвал полными идиотами всех, чей лозунг: «Это моя планета — права она или ошибается».

— Что-то такое припоминаю, — равнодушно кивнул Садлер.

— Я думаю, что Мейз прав. Нужно хранить верность не месту, где ты родился, а своим идеалам. Бывают моменты, когда этика и патриотизм вступают в противоречие

— А почему вы стали обо всем этом думать?

Ответ Джеймисона оказался совершенно неожиданным.

— Nova Draconis, — сказал он. — Мы только что получили данные обсерваторий Федерации, расположенных за пределами орбиты Юпитера. Данные переправлены через Марс, и кто-то присовокупил к ним письмо — Молтон мне показал. Текст очень короткий и без подписи. Просто обещание, что при любом развитии событий — «при любом» повторено дважды — они сделают все возможное, чтобы мы и дальше получали их данные.

Весьма трогательный образчик солидарности ученых, подумал Садлер. Судя по всему, на Джеймисона это письмо произвело неизгладимое впечатление. Большинство людей — во всяком случае, большинство людей, не принадлежащих ко всемирному братству ученых, сочло бы происшествие мелким и незначительным. Но в критический момент такие вот мелочи вполне способны поколебать человека — или даже склонить его в другую сторону.

— Не понимаю, — пожал плечами Садлер, чувствуя, что ступает на очень тонкий лед, — какие такие особенные выводы можно отсюда сделать. Кто же не знает, что в Федерации сколько угодно честных, порядочных и доброжелательных людей. Но эмоции — очень ненадежная опора при решении вопросов, касающихся будущего Солнечной системы. И если дело дойдет до столкновения между Землей и Федерацией — неужели вы хоть на минуту задумаетесь?

Последовало долгое молчание. Затем Джеймисон вздохнул.

— Не знаю, — сказал он убитым голосом. — Ничего я не знаю.

Ответ честный и абсолютно откровенный. По мнению Садлера, он практически выводил Джеймисона из списка подозреваемых.

А приблизительно через двадцать четыре часа в Море Дождей произошло нечто фантастическое — там был замечен прожектор. Садлер узнал новость от Уагнэла — по утрам он довольно часто заходил к секретарю выпить кофе.

— Совершенно непонятная история, — сказал Уагнэл, как только бухгалтер переступил порог кабинета. — Только что один из техников электронного отдела был в наблюдательном куполе, любовался красотами, и вдруг над горизонтом вспыхнул луч света. Голубовато-белый, ослепительно яркий, погорел около секунды и пропал. Источник совершенно очевиден — то самое место, куда залезли Уилер с Джеймисоном. Я уже наслышан, что у приборного отдела к ним большие претензии, а потому решил проверить, как там на этот раз. Ну и оказалось, что десять минут назад зашкалило магнитометры, одновременно зарегистрировано сильное лунотрясение.

— Очень странно, как все это мог наделать прожектор? — искренне удивился Садлер. И только тут до него дошел смысл услышанного. — Луч света? — ошеломленно переспросил он. — Но это же абсолютно невозможно. Луч света в вакууме? Его же не видно!

— Вот именно. — Уагнэл откровенно наслаждался произведенным на собеседника впечатлением. — Световой пучок виден только тогда, когда он проходит через воздух, желательно — пыльный. А ведь этот луч был яркий, почти ослепительный; Уильямс даже выразился следующим образом: «Он был словно твердый, словно добела раскаленный стержень». Хотите знать, что я думаю об этом самом шаре в Море Дождей?

Вопрос был риторическим и не требовал ответа, но Садлеру и вправду было очень интересно — насколько близко Уагнэл подошел к правде.

— Скорее всего там построили что-то вроде крепости, — неуверенно, словно стесняясь бредовой своей гипотезы, сообщил секретарь. — Я и сам понимаю, насколько фантастично это звучит, но вы подумайте и сами увидите, что нет никакого другого объяснения, в которое укладывались бы все факты.

Прежде чем Садлер успел что-либо ответить — или хотя бы придумать ответ, — негромко загудел зуммер, и телепринтер выкинул на стол полоску бумаги. Обычный вроде бы бланк имел одну крайне необычную особенность — в его углу ярко выделялся красный флажок, отмечающий сообщения высшей важности.

Уагнэл прочитал радиограмму вслух, с каждым словом его глаза становились шире и шире.

СРОЧНО ДИРЕКТОРУ ОБСЕРВАТОРИИ ПЛАТОН. ДЕМОНТИРУЙТЕ ВСЕ НАРУЖНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ И ПЕРЕНЕСИТЕ ВСЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ ПОД ЗЕМЛЮ. НАЧНИТЕ С БОЛЬШИХ ЗЕРКАЛ. МОНОРЕЛЬСОВОЕ СООБЩЕНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ ВПЛОТЬ ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ. ПО ВОЗМОЖНОСТИ ДЕРЖИТЕ ПЕРСОНАЛ ПОД ЗЕМЛЕЙ. ОСОБО ПОДЧЕРКИВАЮ, ВСЕ ЭТО ТОЛЬКО МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ. НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ НЕ ОЖИДАЕТСЯ.

— Ну вот, — медленно произнес Уагнэл, — похоже, начинается. Боюсь, моя догадка была абсолютно точной.

Никогда еще прежде Садлеру не доводилось видеть всех сотрудников Обсерватории собранными в одном месте. Профессор Маклорин стоял на просцениуме главного зала Обсерватории — месте для объявлений, докладов, а также музыкальных вечеров, любительских спектаклей и прочих развлечений. Сегодня о развлечениях не думал никто.

— Я хорошо понимаю, — с горечью говорил Маклорин, — в каком положении окажутся все ваши программы. Остается только надеяться, что эти перетаскивания — излишняя предосторожность, и через несколько дней мы снова приступим к работе. Но совершенно ясно, что рисковать оборудованием нельзя; оба зеркала, и десятиметровое, и пятиметровое, должны быть незамедлительно сняты и убраны под землю. Не знаю уж, в чем могут выразиться предполагаемые неприятности, но наше здесь положение заставляет желать лучшего. Если начнутся военные действия, я тотчас же свяжусь с Марсом и Венерой; необходимо им напомнить, что наша Обсерватория — научное учреждение, что многие из граждан Федерации были ее почетными гостями и что она — мирный объект, не имеющий ровно никакого военного значения. Теперь подойдите, пожалуйста, к руководителям своих групп; все их указания должны выполняться быстро и, по возможности, эффективно.

Маклорин сошел с помоста; сейчас эта маленькая фигурка словно еще больше усохла, съежилась. В зале не было ни одного человека, не разделявшего его боль — как бы ни поносили они директора в прошлом.

— А мне не найдется какого-нибудь дела? — спросил Садлер, оставшийся за пределами наспех составленных планов экстренных работ.

— Вам доводилось пользоваться скафандром? — повернулся к нему Уагнэл.

— Нет, но могу попробовать.

К вящему разочарованию Садлера, секретарь решительно покачал головой:

— Слишком опасно, с вами может что-нибудь приключиться; да и вообще на всех скафандров не хватит. Но мне и самому пригодилась бы помощь, мы отменяем текущие программы и переходим на двухвахтовую систему. Нужно пересмотреть все графики и расписания — можете принять участие.

«Вот тебе и урок — не высовывайся, — с тоской подумал Садлер. — А с другой стороны, Уагнэл прав: ну чем я там помогу техническим бригадам?»

Что же касалось его настоящей миссии, для ее целей было, пожалуй, и лучше сидеть в кабинете секретаря, фактически — в главном штабе всех ближайших операций, чем в любом другом месте.

Хотя и это, снова помрачнел приободрившийся было агент Планетарной разведки, не имеет ровно никакого значения. Если таинственный мистер Икс действительно существует и по-прежнему пребывает в Обсерватории, теперь он может отдохнуть с приятным сознанием хорошо выполненной работы.

Малыми, легкозаменяемыми приборами решили рискнуть. Операция «Убежище» — так окрестил эти авральные работы некий любитель военной терминологии — сосредоточила все свои усилия на поистине бесценных оптических элементах гигантских телескопов и коэлоостатов*.

Джеймисон и Уилер поехали на «Фердинанде» снимать зеркала интерферометра — гигантского прибора, чьи составленные на двадцать километров глаза позволяли измерять диаметры звезд. Основная же деятельность кипела вокруг десятиметрового рефлектора.

* Коэлоостат — телескоп с неподвижной трубой, осуществляющий слежение за звездой при помощи поворотного плоского зеркала.

Бригаду, занимавшуюся зеркалами, возглавил Молтон; без его подробной осведомленности в свойствах и конструкции оптической системы прибора эта работа была бы неосуществимой. Однако никакие познания не позволили бы быстро снять огромное зеркало, будь оно цельнолитым — наподобие зеркала знаменитого телескопа древности, все еще взиравшего в небо с вершины Маунт-Паломар. К счастью, зеркало Большого лунного телескопа представляло собой мозаику из сотни с лишним шестиугольных секций; каждую из них можно было снять по отдельности и унести, хотя работа эта была кропотливая и медленная, а на обратную сборку зеркала — с учетом фантастических требований по точности — предстояло убить многие недели еще более каторжного труда.

Космические скафандры не слишком приспособлены для подобных манипуляций; то ли по неловкости, то ли из-за спешки, но один из помощников умудрился выронить свой конец вынимаемой из ячейки секции. Прежде чем кто-либо успел среагировать, тяжелый шестиугольный блок плавленого кварца набрал достаточную скорость, чтобы от его края откололся небольшой кусочек. Других потерь по части оптики не было — результат, с учетом обстоятельств, весьма достойный.

Через двенадцать часов после начала операции дверь шлюза закрылась за последним из ее смертельно усталых и впавших — при виде собственными же руками осуществленного разгрома Обсерватории — в уныние участников. Была, правда, программа, работы по которой продолжались — единственный нетронутый телескоп с прежним вниманием следил за медленно угасавшей, уходившей в небытие Nova Draconis. Война — не война, но эти исследования будут идти своим чередом.

Вскоре после оповещения, что оба больших зеркала находятся в безопасности, Садлер поднялся в наблюдательный купол. Он не знал, скоро ли представится другая возможность увидеть полукруг ущербной Земли, окруженный алмазной россыпью звезд, и хотел сохранить память о них, унести ее в глубь подземного убежища.

На первый взгляд Обсерватория ничуть не изменилась. Ну разве что огромная бочка десятиметрового рефлектора глядела прямо в зенит — при вертикальном положении

телескопа его зеркало оказывалось на уровне земли, облегчая разборку. Этой массивной, способной выдержать все, за исключением прямого попадания, конструкции предстояло встретить будущие опасности без всякого укрытия. На поверхности все еще оставались несколько человек во главе, как сразу заметил Садлер, с директором. Маклорин был, пожалуй, единственным на Луне человеком, легко узнаваемым даже в скафандре; изготовленный по специальному заказу, скафандр этот увеличивал его рост до внушительной величины в полтора метра.

К телескопу, вскидывая маленькие фонтанчики пыли, спешил один из открытых грузовиков, использовавшихся для перемещения грузов в пределах Обсерватории. Он остановился рядом с кольцевой дорожкой, по которой разворачивалась титаническая конструкция, и одетые в скафандры фигурки неуклюже полезли в кузов. Затем грузовик рванул направо и вскоре исчез под землей — съехал по пандусу, ведущему к шлюзу гаража.

Теперь плато совсем опустело — а Обсерватория совсем ослепла. Нет, не совсем — один из приборов продолжал глядеть на север, в великолепном пренебрежении ко всем людским глупостям. Через несколько минут динамик вездесущей системы оповещения приказал Садлеру покинуть наблюдательный купол; он последний раз взглянул на Землю и неохотно вошел в кабину лифта. Хотелось постоять здесь еще немного, ведь буквально через несколько минут из-за горизонта появится краешек восходящего Солнца. Как жаль, что никто его не встретит.

Лицо Луны, вечно обращенное к Земле, все больше поворачивалось к Солнцу. Линия восхода медленно ползла через горы и равнины, изгоняя невообразимую стужу долгой ночи. Западная стена Апеннин уже сверкала от самых высоких, зажегшихся первыми, вершин до основания; светало и в Море Дождей. Однако Платон все еще лежал в зеленоватом полумраке.

И вдруг на западе, очень низко, у самого горизонта вспыхнуло несколько звездочек. Высочайшие из пиков кольцевой стены дождались наконец восхода — свет заливал их склоны все больше и больше, пока через несколько десятков минут ставшие ослепительно яркими звезды не слились в

сплошное огненное ожерелье. Теперь, когда солнечный свет бил почти горизонтально, начали загораться и вершины восточной части кольца. Посмотри в этот момент на Луну земной наблюдатель, Платон предстал бы его глазам как пятно густой, чернильной темноты, окаймленное тонким сверкающим кольцом. Пройдут еще долгие часы, пока наступающие армии солнечных лучей перевалят через горы и захватят последние твердыни ночи.

И никто не видел, как второй раз за эти сутки в небо ударило копье плотного, синевато-белого света. Никто не видел — к счастью для Земли. Федерация сумела узнать очень многое, и все равно ее ожидали сюрпризы.

ГЛАВА 14

Обсерватория приготовилась к долгой осаде. Новое положение вещей оказалось далеко не таким неприятным, как можно бы ожидать. Хотя все основные исследовательские программы были приостановлены, оставалась бесконечная работа по обработке результатов измерений, по проверке гипотез и написанию статей — работа, вечно откладываемая на потом из-за вечной же нехватки времени. Многие астрономы почти радовались такой редкой возможности; вынужденное безделье большого творческого коллектива привело к появлению нескольких фундаментальных работ по космологии.

Самыми удручающими обстоятельствами были общая неопределенность ситуации и отсутствие достоверных новостей. Как разворачиваются события? Можно ли полагаться на регулярно получаемые с Земли бюллетени — странную смесь попыток успокоить общественность и одновременно приготовить ее к самому худшему?

Судя по всему, ожидалось некое нападение, и Обсерватории крупно не повезло оказаться в непосредственном соседстве с опасной точкой. Земля, похоже, предугадывала возможную форму атаки и — это уже не «похоже», а совершенно точно — приготовилась к ее отражению.

Противники кружили друг возле друга, ни один не хотел нанести удар первым, каждый надеялся блефом заставить другого капитулировать. Но они зашли слишком далеко,

теперь отступление означало для любого из них полную потерю престижа.

Садлер давно опасался, что точка, за которой нет возврата, уже пройдена; окончательно его убедило сообщение, что в Гааге представитель Федерации вручил правительству Земли послание, фактически равносильное ультиматуму. Земля обвинялась в нарушении взаимно договоренных квот по тяжелым металлам, в намеренном, связанном с политическими мотивами задерживании поставок, в сокрытии появления новых источников. Если Земля не согласится на переговоры по распределению продукции этих источников, она и сама не сможет ими воспользоваться.

Прошло шесть часов, и за ультиматумом последовала радиопередача на Землю, осуществленная прямо с Марса, радиопередатчиком потрясающей, невероятной мощности. Все народы колыбели человечества получили заверения, что им никто не желает зла и что, если в результате прискорбного несчастного случая, неизбежного в период военных действий, Земле будет нанесен какой-либо ущерб, вся ответственность за это ляжет на собственное их правительство.

Обсерватория слушала обращение Федерации к землянам со смешанными чувствами. Его смысл не вызывал ни малейших сомнений — как и то, что Море Дождей официально считается ненаселенной областью. Неожиданным образом передача усилила настроения в пользу Федерации — даже среди тех, кто скорее прочих должен был пострадать от военных действий. В частности, Джеймисон стал выражать свои взгляды со значительно меньшей, чем прежде, сдержанностью, что далеко не прибавило ему популярности. Очень скоро в Обсерватории наметился раскол. На одной стороне были те ее сотрудники (по большей части — молодежь), которые, подобно Джеймисону, осуждали Землю за нетерпимость и реакционность. Против них выступали умеренные, консервативно настроенные личности, которые автоматически, почти рефлекторно поддерживали любую власть в любой ситуации, не беспокоясь насчет всяких там моральных абстракций.

Садлер наблюдал за этими спорами с большим интересом, хотя и понимал, что судьба секретной его миссии уже решена и никакие его действия ничего теперь не изменят.

Правда, всегда оставался вариант, что мифический мистер Икс утратит былую свою осторожность и, возможно, даже сделает попытку выбраться из Обсерватории. Пользуясь содействием директора, Садлер предпринял против этого определенные меры. Теперь никто не мог получить скафандр или трактор без высочайшего разрешения, так что база была закупорена наглухо. С точки зрения охранных служб жизнь в вакууме имеет вполне определенные преимущества.

Осадное состояние, в котором находилась Обсерватория, принесло Садлеру крошечный триумф, без которого он с радостью бы обошелся и который казался злой насмешкой над всеми его усилиями. В Сентрал-Сити был арестован заведующий складом Дженкинс, состоявший в привилегированном, если можно так выразиться, списке А. Приостановка монорельсового сообщения застала его в городе; он находился там по сугубо неофициальному делу и попал в руки секретных агентов, наблюдавших за ним с подачи Садлера.

Дженкинс действительно боялся прибывшего с Земли «ревизора» и имел к тому весьма серьезные основания. Однако он не продавал никаких государственных секретов, возможно, просто потому, что никогда их не имел. Подобно многим своим собратьям по профессии, главный кладовщик Обсерватории приторговывал казенным имуществом. Справедливость восторжествовала — Дженкинса выдала собственная его нечистая совесть. Садлер вычеркнул из своего списка одну из фамилий, однако это было, пожалуй, единственным удовлетворением, которое доставила ему победа — вряд ли достойная такого гордого имени.

Час тянулся за бесконечным часом, люди становились все раздражительнее. Солнце, медленно вползавшее на утреннее небо, уже поднялось выше западной стены Платона. Начальное возбуждение притупилось, оставив после себя только скуку и разочарование. Попытка организовать концерт самым блистательным образом лопнула, вогнав всех в еще большую тоску.

Никаких вражьих происков не замечалось, а поэтому люди стали потихоньку выбираться на поверхность, хотя бы затем, чтобы взглянуть на небо и убедиться, что все в порядке. Поначалу эти тайные вылазки беспокоили Садлера, однако он сумел убедить себя в полной их невинности.

В конце концов и директор согласился со сложившимся положением вещей, позволив ограниченному числу сотрудников посещать наблюдательные купола «строго в отведенное для этого время».

Один из инженеров энергетического отдела организовал тотализатор, победитель которого должен был максимально точно угадать продолжительность осадного — а скорее дурацкого — положения, в котором оказалась Обсерватория. Участниками стали абсолютно все сотрудники; по завершении списка Садлер его изучил — весьма внимательно, хотя и почти без надежды узнать что-либо интересное. Если тут, под землей, есть человек, знающий верный ответ, он постарается не выигрывать. Вероятно. Чтение не дало ровно ничего; Садлер отложил список, искренне изумляясь, какими же кривыми, неестественными путями движутся теперь его мысли. Иногда он начинал бояться, что никогда уже не сумеет думать нормальным, здравым образом.

Тупое ожидание окончилось через пять суток после первоначальной тревоги. Приближался лунный полдень, и Земля превратилась в узенький серп, висящий слишком близко к Солнцу, чтобы глядеть на него без опасности ослепнуть. Когда Уагнэл бесцеремонно вломился в комнату Садлера, тот уже спал — по обсерваторским часам была ровно полночь.

— Да просыпайтесь вы скорее, — сказал секретарь, глядя на ничего не соображающего, растерянно трущего глаза бухгалтера. — Вас хочет видеть директор.

Роль мальчика на побегушках явно его оскорбляла.

— Там что-то такое случилось, — добавил он с чем-то вроде подозрения в голосе. — Шеф даже мне не сообщил, отчего такой переполох.

— Да я тоже ничего не понимаю, — признался Садлер, торопливо натягивая халат. Это была чистая правда; по пути к директорскому кабинету он старательно — без всякого успеха — ворочал сонными мозгами, пытаясь угадать причину ночного вызова.

А ведь профессор, подумал Садлер, сильно за эти дни постарел. Теперь он совсем не похож на непоколебимого, горящего энергией человечка, железной рукой наводившего в Обсерватории порядок. Невозможная прежде вещь — на

краю девственно-чистого когда-то стола скопилась беспорядочная кipa бумаг.

Дождавшись, пока его секретарь — с видимой неохотой — закроет за собой дверь, Маклорин заговорил.

— Что понадобилось на Луне Карлу Стеффансону? — резко спросил он.

Не совсем еще проснувшийся Садлер недоуменно поморгал, а затем ответил — тоже недоуменно:

— А кто это такой? Я что, должен бы его знать?

На лице Маклорина появилось изумление, тут же сменившееся разочарованием.

— Я думал, ваши люди сообщили вам о его приезде. Он — один из самых блестящих физиков Земли в своей области. Пятнадцать минут назад звонили из Сентрал-Сити, говорят, он только что приземлился — и мы должны как можно скорее переправить его в Море Дождей, в это место, которое они называют «Проект Тор»*.

— А почему его не отправят ракетой? Мы-то здесь при чем?

— Так и собирались, но единственная, какая есть под рукой, вышла из строя. Быстрее чем через шесть часов ее не поднимешь. Поэтому Стеффансона посылают сюда монорельсом, чтобы мы доставили его на место трактором. Меня попросили отрядить на эту работу Джеймисона. Всем известно, что он — лучший на Луне водитель, а к тому же — единственный человек, посещавший «Проект Тор», что бы там ни было за этим названием.

— Ну так и поступайте.

Садлер начинал смутно подозревать, что будет дальше.

— Я не доверяю Джеймисону. И я опасаясь поручать ему задание такой важности.

— А кто еще может справиться?

— Достаточно быстро — никто. Работа эта требует очень высокой квалификации, вы даже себе не представляете, насколько легко там сбиться с пути.

— Тогда деваться некуда, поедет Джеймисон. А почему вам кажется, что тут есть какой-то риск?

— Я слышал его разглагольствования в гостинной. Да чего там рассказывать, вы же и сами прекрасно слышали. Он даже и не скрывает своих симпатий к Федерации.

* В скандинавской мифологии Тор — бог грома.

Все это время Садлер не сводил с директора глаз. Негодование — почти бешенство, — звучавшее в голосе этого человека, казалось чрезмерным, преувеличенным; сновашевельнулась давняя мысль: а не пытается ли Маклорин отвлечь внимание от себя самого?

Однако мгновенная вспышка недоверия мгновенно же и угасла. Бессмысленно искать тут какие-то скрытые мотивы. Просто Маклорин смертельно устал и вымотался — Садлер уже раньше догадывался, что при всей своей внешней крутости и энергии директор Обсерватории слаб не только телом, но и духом. А потому ведет себя словно обиженный ребенок — ведь все его планы нарушены, исследовательские программы заморожены, даже любимые его игрушки — драгоценные телескопы — находятся в опасности. И во всем этом виновата противная Федерация, и каждый с этим несогласный — потенциальный враг Земли.

Как тут не посочувствуешь; Садлер видел, что профессор стоит на грани нервного срыва и нуждается в очень бережном обращении.

— И что же вы хотите, чтобы я сделал? — спросил он самым безразличным, на какой был способен, голосом.

— Мне хотелось бы знать, согласны ли вы со мной в отношении Джеймисона. Думаю, вы изучали его весьма тщательно.

— Мне запрещено разглашать свои оценки, — развел руками Садлер. — Слишком уж часто они основываются на одних слухах и догадках. Но мне кажется, сама уже откровенность Джеймисона говорит в его пользу. Есть огромная разница между несогласием и предательством.

Некоторое время Маклорин молчал. А затем яростно встряхнул головой:

— Слишком большой риск. Я не могу брать на себя такую ответственность.

«Да, — подумал Садлер, — положение, прямо скажем, аховое». Он не имел здесь никаких официальных полномочий и уж точно не мог отменять решение директора. Никто не прислал ему никаких указаний — люди, направлявшие Стеффансона через Обсерваторию, скорее всего даже не подозревали о существовании какого-то там Садлера. Взаимодействие министерства обороны и Планетарной разведки оставляло желать много лучшего.

Однако и без указаний все было ясно. Если военные так спешат доставить Стеффансона в этот самый «Проект Тор» — значит, у них есть к тому весьма серьезные причины. И надо им помочь, даже если придется для этого расстаться с ролью пассивного наблюдателя.

— Я бы предложил вам следующее, сэр, — решился он наконец. — Поговорите с Джеймисоном, обрисуйте ему положение. Спросите, возьмется ли он за эту работу добровольно. Я буду слушать вашу беседу из соседней комнаты, а затем дам свою рекомендацию — посылать его или нет. Я уверен — если Джеймисон согласится, то сделает все как надо. Иначе он просто откажется. Не думаю, чтобы этот человек стал вас обманывать.

— И вы подпишетесь под такой рекомендацией?

— Да, — нетерпеливо кивнул Садлер. — И еще, если вы позволите вам посоветовать, не выражайте откровенно своих подозрений. Как бы вы к нему ни относились — старайтесь проявить максимум доверия и дружелюбия.

Маклорин ненадолго задумался, а затем обреченно пожал плечами и щелкнул тумблером.

— Уагнэл, — сказал он. — Притащите сюда Джеймисона.

Сидевшему в соседней комнате Садлеру казалось, что он ждет уже несколько часов. Затем из динамика послышались звуки шагов, а вслед за ними — голос Маклорина:

— Извините, пожалуйста, что пришлось вас разбудить, но тут появилась срочная работа, и как раз по вашей части. Сколько вам потребуется времени, чтобы доехать на тракторе до Перспективы?

Садлер даже улыбнулся — так отчетливо был слышен судорожный, изумленный вдох молодого астронома. «Перспективой» назывался перевал в южной части кольцевой стены Платона, выходящий в Море Дождей. Тракторы там обычно не ходили, выбирали кружной, но более легкий маршрут, проходивший несколькими километрами западнее. Зато именно через этот перевал была проложена трасса монорельса, именно оттуда пассажиры могли полюбоваться — при подходящем освещении — на один из самых знаменитых лунных пейзажей — широкую перспективу Моря Дождей с выступающим из-за горизонта огромным конусом Пико.

— Постаравшись, можно управиться за час. Тут всего сорок километров, но дорога очень плохая.

— Вот и прекрасно, — сказал голос Маклорина. — Мне только что позвонили из Сентрал-Сити, просят, чтобы я послал именно вас. Они знают, что вы — наш лучший водитель, и уже один раз там были.

— Был — это где? — спросил Джеймисон.

— «Проект Тор». То самое место, куда вы ездили ночью — хотя названия вам, конечно же, тогда не сказали.

— Продолжайте, пожалуйста, сэр, — сказал Джеймисон. — Я вас слушаю.

Садлер отчетливо ощущал звучащее в его голосе напряжение.

— Ситуация такая. Некий человек, находящийся в Сентрал-Сити, должен как можно скорее туда попасть. Предполагалось отправить его ракетой, но сейчас это невозможно. Поэтому он выезжает сюда монорельсом; для экономии времени вы встретите его в районе перевала, а затем по кратчайшему пути доставите на место. Вам все понятно?

— Не совсем. Почему эти, из «Тора», не могут забрать его сами?

«Он что, пытается увильнуть? — подумал Садлер. — Да нет, вопрос вполне естественный».

— Если вы посмотрите на карту, — объяснил Маклорин, — то увидите, что Перспектива — единственное удобное место для пересадки с монорельса на трактор. Кроме того, у них там вроде бы нет особо хороших водителей. Они высылают свой трактор, но скорее всего к тому времени как он доберется до перевала, вы уже закончите работу.

Последовала долгая тишина — очевидно, Джеймисон изучал карту.

— Я согласен попробовать, — снова заговорил Джеймисон. — Но хотелось бы знать, отчего весь этот переполох.

«Ну вот, — подумал Садлер, — начинается. Хоть бы Маклорин не забыл моего совета».

— Да, — ответил Маклорин, — пожалуй, вы имеете право узнать. Человек, направляющийся в «Тор», — это Карл Стеффансон. Его миссия жизненно важна для безопасности Земли. Большого я и сам не знаю, да здесь, собственно, и добавить-то нечего.

Наступившая тишина показалась пригнувшемуся к динамику Садлеру бесконечно долгой. Он понимал, что Джей-

мисон делает выбор. Молодому астроному предстояло неприятное открытие, насколько велика разница между критикой земного правительства, осуждением его политики в яростных, но не имеющих ровно никакого практического значения спорах и поступком, который может прямо содействовать поражению родной планеты. Сколько бы ни было в стране пацифистов, с началом войны количество их резко уменьшается, это правило действовало на протяжении всей истории человечества. Сейчас Джеймисон решает, с кем он, чью сторону велит ему принять чувство долга, если уж не логика.

— Я поеду.

Эти слова были произнесены так тихо, что Садлер их едва расслышал.

— Имейте в виду, — настаивал Маклорин, — что вы можете отказаться.

— Вы так думаете?

В голосе Джеймисона не было и тени сарказма, он просто думал вслух, говорил скорее сам с собой, чем с директором.

Судя по доносившимся из динамика звукам, Маклорин переключал бумагу.

— А кто поедет вторым? — спросил он.

— Я бы взял Уилера. Он же и тогда со мной ездил.

— Хорошо. Идите будите его, а я позвоню транспортникам. И — ни пуха ни пера.

— К черту, сэр.

Садлер подождал, пока за Джеймисоном закроется дверь, и только тогда вернулся в кабинет.

— Ну так что? — устало взглянул на него Маклорин.

— Все прошло гораздо лучше, чем можно было надеяться. Я слушал вас и восхищался.

Садлер не пытался польстить директору, его искренне восхитило, насколько удачно сумел тот скрыть свои настоящие чувства. Беседа с Джеймисоном прошла без особой сердечности — но зато и без малейшего следа враждебности.

— Хорошо, — сказал Маклорин, — что с ним поедет Уилер. Очень надежный человек.

При всей своей озабоченности Садлер с трудом сдержал улыбку. Он ничуть не сомневался, что доверие профессора к Конраду Уилеру имеет своим источником реабилитацию

Маклоринского амплитудного интегратора, последовавшую за открытием Nova Draconis. Эмоции зачастую перевешивают всякую логику, и в этом отношении ученые практически не отличаются от простых смертных.

Коммутатор коротко загудел:

— Трактор выезжает, сэр. Сейчас открываются наружные ворота шлюза.

Маклорин бросил взгляд на стенные часы.

— Быстро же управились, — пробормотал он, а затем посмотрел на Садлера:

— Ладно, мистер Садлер, что сделано, то сделано. Надеюсь, мы об этом не пожалеем.

Зачастую забывают, что ездить по Луне днем неприятнее и даже опаснее, чем ночью. Безжалостное сияние вынуждает пользоваться плотными светофильтрами, в результате чего неизбежные — за исключением тех редких случаев, когда солнце висит прямо в зените, — пятна густой, непроницаемой тени становятся еще опаснее. Зачастую в них прячутся трещины, куда легко может провалиться трактор. Ночью же вождение не требует такой осторожности и неусыпного внимания; свет Земли гораздо мягче, не дает резких контрастов.

А для полной радости Джеймисону пришлось сегодня ехать на юг, то есть почти прямо против солнца. Иногда условия становились настолько скверными, что он был вынужден выписывать нелепые зигзаги — дабы уберечься от нестерпимо ярких бликов, отбрасываемых обнаженными скалами. Засыпанные пылью участки представляли гораздо меньше трудностей, однако по мере подъема к подножию кольцевых гор участков таких становилось все меньше и меньше.

Уилер сидел, не раскрывая рта — он прекрасно сознавал, какого внимания требует от товарища эта часть пути. Затем пошел крутой подъем к перевалу — бесконечное петляние по растресканным, усеянными огромными каменными обломками склонам. Сзади расстилалась равнина; на самом ее краю из-за горизонта выглядывали хрупкие, словно игрушечные, фермы огромных телескопов. А ведь в них, с горечью подумал Уилер, вбуханы миллионы человеко-часов труда. И какой же результат? Обсерватория простаивает, теша себя надеждой на некое отдаленное будущее, когда эти велико-

лепные приборы снова начнут прошупывать дали Вселенной.

Равнина исчезла из виду, заслоненная скальной грядой, и тут же Джеймисон круто свернул направо, в узкое ущелье. Теперь, посмотрев вверх, можно было различить сверкающую паутинку рельса, огромными прыжками спускавшуюся по склону горы. Здесь трасса совершенно недосыгаема, однако после перевала к ней можно будет приблизиться практически вплотную. Дорога стала еще хуже, трещина на трещине; правда, водители, проходившие ее прежде, оставили кое-где отметки, в помощь своим последователям. Часто приходилось двигаться сквозь тень, и Джеймисон почти не выключал фары. В целом он даже предпочитал эти мощные поворотные прожекторы слепящему сиянию Солнца — в их свете дорога различалась гораздо лучше. Вскоре управление прожекторами взял на себя Уилер, которого буквально заворожили прыгающие по камням овалы света. Полная невидимость самих лучей придавала зрелищу какой-то мистический характер. Казалось, что свет приходит из ниоткуда, не имеет ровно никакого отношения к трактору.

Они поднялись на Перспективу через пятьдесят минут после выезда и сразу же сообщили об этом в Обсерваторию. До намеченной точки встречи оставалось несколько километров спуска. Трасса монорельса постепенно сближалась с их маршрутом; дальше она уходила на юг, в сторону Пико — серебряная ниточка, теряющаяся в просторах Луны.

— Ну что ж, — удовлетворенно заметил Уилер, — мы не заставили их долго ждать. Вот только хотел бы я знать, что все это такое и зачем.

— А разве не ясно? — пожал плечами Джеймисон. — Стеффансон — наш крупнейший специалист по радиационной физике. А если война и вправду начнется, можешь себе представить, какое в ней будет использоваться оружие.

— Я как-то об этом не задумывался — да я и не верил, что это может начаться. Ракеты какие-нибудь, наверное.

— Вполне возможно. Но будет, пожалуй, и что-нибудь посерьезнее. Разговоры о лучевом оружии идут уже не первую сотню лет. И вот теперь оно стало возможным.

— Ты что, веришь во всякие там лучи смерти?

— А почему бы и не верить? Вспомни учебник истории: разве не лучи смерти убили тысячи жителей Хиросимы? И это — двести лет тому назад.

— Да, но защита от таких штук не представляет ровно никаких трудностей. А вот настоящее, механическое повреждение, нанесенное лучом, — вот такое ты можешь себе представить?

— Все зависит от расстояния. Если на нескольких километрах, то да. Ведь мы можем распоряжаться практически неограниченными мощностями, Думаю, есть и способы сжать энергию в пучок и послать ее в желаемом направлении. Просто до настоящего момента в этом не было особой необходимости. Зато теперь... откуда нам знать, чем там занимались в секретных лабораториях, рассыпанных по всей Солнечной системе?

Прежде чем Уилер успел ответить, он увидел сверкающую точку. Вылетев подобно метеору из-за горизонта, она с ошеломляющей скоростью неслась прямо на них и через несколько минут превратилась в тупоносую сигару монорельсового вагона, тесно прижавшегося к единственному своему рельсу.

— Схожу-ка я помогу, — сказал Джеймисон. — Он же скорее всего и скафандром-то никогда не пользовался. Да и багаж, наверное, какой-нибудь есть.

Перебравшийся на водительское место Уилер с интересом следил за товарищем, шагающим по пологому каменистому склону. Едва Джеймисон приблизился к вагону, как открылся аварийный шлюз, и на поверхность Луны вышел человек, совершенно — судя по неуверенности его движений — непривычный к низкой гравитации.

Стеффансон передал Джеймисону свою сумку, однако наотрез отказался расстаться с раздутым портфелем и большим деревянным ящиком, в котором явно находилось что-то хрупкое; другого багажа у физика не было.

Две одетые в скафандры фигуры шли торопливо, почти бежали; Уилер открыл наружный люк и впустил их в шлюз. Тем временем выполнивший свою работу монорельсовый вагон сорвался с места и быстро исчез за горизонтом. Словно кто за ним гонится, мелькнуло в голове Уилера, никак не ожидавшего от этого серебристого цилиндрика такой прыти. У него появилось смутное опасение, что над мирной, вы-

жженной солнцем равниной Моря Дождей скапливаются грозовые тучи, и что не только «Фердинанд» спешит сейчас к стальному яйцу «Проекта Тор».

Уилер не ошибался. В свободном космосе, вдали от плоскости эклиптики, по которой кружат и Земля, и остальные планеты, командующий вооруженными силами Федерации строил свой крошечный флот в боевой порядок. Подобно ястребу, кружащему над жертвой, прежде чем сложить крылья и камнем рвануться вниз, commodор Бреннан, в недавнем прошлом профессор электротехники Гесперского университета, собрал свои корабли над Луной.

Он ждал сигнала — в отчаянной надежде, что сигнала этого не будет.

ГЛАВА 15

Доктор Карл Стеффансон даже не задумывался, храбрый он человек или нет. Никогда в жизни не испытывавший нужды в таком примитивном достоинстве, как физическая — в отличие от интеллектуальной — отвага, он был слегка удивлен своим спокойствием в критический момент, но не более того. Вполне возможно, что через несколько часов его не будет в живых — эта мысль не столько пугала, сколько раздражала; ведь остается так много невыполненной работы, непроверенных теорий. Каким счастьем было бы вернуться от всей этой суеты, на которую угроблены два года, к нормальной исследовательской работе. Мечты, пустые мечты; сейчас нужно думать о том, как бы выжить.

Открыв свой портфель, Стеффансон извлек кипу монтажных схем и список комплектующих деталей. Заметив, с каким откровенным любопытством косится на бумаги, помеченные грифом «СЕКРЕТНО», Уилер, он слегка улыбнулся. Сейчас осторожность уже ни к чему, да и кто может разобраться в этих головоломных цепях, кроме их автора?

Он снова оглянулся, проверяя, надежно ли привязан драгоценный груз. Вполне возможно, что содержимое этого невзрачного ящичка определит судьбу не только Земли, но и других миров. Многим ли людям выпадала такая ответственная миссия? Стеффансон припомнил только два случая. оба они относились ко временам второй мировой войны

Британский ученый, который перевез через Атлантику небольшой ящик с самым, как потом говорили, важным грузом, доставленным когда-либо в Соединенные Штаты. Это был первый магнетрон, главный элемент радара — оружия, сокрушившего воздушные армады Гитлера. А затем, несколькими годами спустя — самолет, летевший над Тихим океаном на остров Тиниан с грузом почти всего имевшегося в тот момент чистого урана-235.

Однако ни в одной из этих миссий — при всей их важности — счет времени не шел на минуты.

До сих пор все общение Стеффансона с Уилером и Джеймисоном ограничивалось несколькими словами благодарности за помощь. Однако он знал, что эти молодые ребята — астрономы из Обсерватории, добровольно вызвавшиеся в опасную поездку, понимал, насколько им любопытно, с какой целью прибыл на Луну знаменитый физик, а потому совсем не удивился, когда Джеймисон передал управление товарищу, а сам прошел из кабины трактора в салон.

— Дальше трясти не будет, — сообщил он. — До «Тора» доберемся минут за двадцать. Как, устраивает?

— Вполне, — кивнул Стеффансон. — Когда этот чертов корабль сломался, мы сперва даже и не надеялись, что я успею вообще. Вам, наверное, дадут теперь какую-нибудь медаль.

— Меня это не интересует, — холодно ответил Джеймисон. — Я хочу только одного — знать, что действую во имя добра. А вот вы — вы вполне уверены, что действуете во имя добра?

Стеффансон удивленно вскинул глаза, но тут же все понял. Среди его собственных сотрудников тоже попадались молодые люди, подобные Джеймисону, и все эти идеалисты терзались одними и теми же сомнениями. Ничего, подрастут и образумятся, хотя как знать — благо это или трагедия.

— Фактически вы хотите, — спокойно ответил он, — чтобы я предугадал будущее. Если рассматривать далекую перспективу, ни один человек никогда не может сказать, послужат его действия добру или злу. Но я работаю на оборону Земли и при этом уверен, что мы войну не начнем, первый удар — если он будет нанесен — совершит Федерация.

— А вам не кажется, что мы их провоцируем?

— В какой-то степени — да, но разве они лучше? Вы считаете федералов такими гордыми и мужественными первопроходцами, строящими на планетах новую и прекрасную цивилизацию, совершенно забывая при этом, насколько они бывают жесткими и неразборчивыми в средствах. Припомните хотя бы, как эти люди буквально выжили нас с астероидов, заломив за снабжение наших баз бешеные, ни с чем не соразмерные цены. И насколько это затруднило нам отправление кораблей за пределы орбиты Юпитера — они же фактически повесили знак «вход воспрещен» на трех четвертях Солнечной системы! Получив все, что им нужно, они обнаглеют окончательно. Так что ребята эти давно напрашивались на хорошую порку, и — надеюсь — они ее вскоре получают. Жаль, конечно, что все так получается, но лично я не вижу никаких других вариантов.

Он взглянул на часы и добавил:

— Вы не могли бы включить радио? Сейчас как раз будут последние известия, хотелось бы послушать, что там делается.

Джеймисон включил приемник и развернул антенну. Несмотря на сильные помехи — ведь Земля висела сейчас в небе совсем рядом с Солнцем — мощность радиостанции позволяла слышать передачу совершенно отчетливо, без малейших замираний.

Стеффансон с удивлением обнаружил, что часы трактора спешат — хотя и немного, примерно на секунду. Затем он понял, что они установлены по этому странному гибриду — лунному гринвичскому времени; сигнал, прозвучавший из динамика, пролетел почти четыреста тысяч километров — кидающее в озноб напоминание, как далеко они находятся от дома.

Затем последовала пауза, такая долгая, что Джеймисон вывел громкость на максимум, начиная уже сомневаться в исправности приемника. Диктор заговорил только через минуту; отчетливо чувствовалось, как трудно дается ему сегодня обычная бесстрастность голоса.

— Говорит Земля. Мы только что получили из Гааги следующее заявление:

«...Трипланетарная Федерация сообщила правительству Земли, что намерена захватить некоторые районы Луны и

что любая попытка воспрепятствовать этой акции будет подавлена силой.

Правительство заявляет о необходимости сохранить целостность Луны и уже предприняло все необходимые для этого меры. Вскоре будет сделано новое заявление. Следует подчеркнуть, что в настоящий момент какая-либо опасность отсутствует, так как в пределах двенадцатичасового полета от Земли нет ни одного враждебного корабля.

Говорит Земля. Ожидайте дальнейших сообщений».

И снова полная тишина, нарушаемая только негромким шипением несущей частоты да потрескиванием солнечных помех. Слушая заявление, Уилер остановил трактор; сейчас он повернулся и посмотрел на своих спутников. Стеффансон склонился над разложенными по столу схемами, но явно их не видит. Замерший после первых донесшихся из динамика слов, Джеймисон так и стоит, держась рукой за регулятор громкости. Затем он пошевелился, молча вернулся в кабину и снова занял водительское место.

Стеффансону показалось, что прошли долгие годы, пока раздалось восклицание Уилера:

— Почти приехали! Смотрите прямо по курсу!

Он прошел вперед и взглянул на изрытую трещинами, усыпанную камнями равнину. Да уж, мелькнула мысль, не очень похоже, чтобы из-за такого местечка стоило устраивать войну. Но вся эта метеоритная пыль и застывшая лава — только камуфляж, прячущий сокровища природы, на поиски которых люди потратили двести лет. А может, лучше бы эти сокровища так и лежали ненайденными...

Впереди, на расстоянии двух-трех километров в ярком солнечном свете сверкал купол «Проекта Тор». С этой стороны он выглядел очень странно, словно огромное металлическое яйцо, рассеченное ножом какого-то великана — густая тень, окутывавшая половину купола, делала ее почти невидимой. И ни одного человека, ни малейшего признака жизни. Хотя внутри его кипит сейчас лихорадочная деятельность. Стеффансон страстно надеялся, что приехавшие раньше помощники успели уже управиться с монтажом силовых и субмодуляторных цепей.

Он приладил шлем к так и не снятому за все это время скафандру, а затем подошел к Джеймисону, придерживаясь для равновесия за грузовые полки.

— Раз уж вы меня довезли, — сказал физик, — хотелось бы в благодарность хотя бы объяснить вам, как все произошло. Вот эта штука, — он указал на быстро увеличивающийся в размерах купол, — начиналась как шахта, да она и теперь шахта. Мы сумели сделать невиданную доселе вещь — пробурили в лунной коре стокилометровую скважину, добрались до богатых рудных залежей.

— Сто километров? — пораженно воскликнул Уилер. — Но это же невозможно! Такого давления не выдержит никакая дырка!

— Выдерживает, и прекрасно, — отмахнулся физик. — У меня нет времени на подробности, да я не очень-то с ними и знаком. Не забывайте, кстати, что при прочих равных условиях на Луне можно пробурить скважину в шесть раз более глубокую, чем на Земле. Но это — только часть дела. Основной секрет состоит в работе с противодавлением. По мере углубления скважина все время заполняется тяжелым силиконовым маслом, плотность которого примерно соответствует плотности окружающей породы. Поэтому при любой глубине проходки давления внутри и снаружи уравниваются, скважина не стремится схлопнуться. Есть стандартное правило — чем проще идея, тем больше труда и изобретательности требует ее воплощение; так произошло и на этот раз. Вся техника должна работать в погруженном состоянии, под невероятным давлением, но эти проблемы были постепенно разрешены, и теперь мы имеем возможность извлекать руду в промышленных масштабах.

Федерация узнала о происходящем здесь года два назад. Есть основания предполагать, что их инженеры пробовали сделать нечто аналогичное у себя, но безрезультатно. Тогда эти герои решили: раз уж лунные сокровища проходят мимо нашего носа — пусть они вообще никому не достанутся. Хотят силой вынудить нас на дележку, только ничего у них не выйдет.

Но все это только предыстория, сейчас важнее другое. Здесь установлено оружие. Кое-что из него готово и опробовано, кое-что нуждается в окончательной доводке. Я везу с собой ключевые элементы самой, вероятно, важной системы; именно поэтому Земля перед вами в неоплатном долгу. Не перебивайте, пожалуйста, мы уже почти на месте, а мне нужно сказать кое-что еще. Двенадцать часов безопасности,

про которые вы слышали по радио, — чистое вранье. Это то, в чем хотела бы убедить нас Федерация, а мы просто делаем вид, что не имеем никаких сомнений. Но мы обнаружили корабли, приближающиеся со скоростью в десять раз большей, чем все известное прежде. Похоже, их двигатели работают по какому-то совершенно новому принципу. Остается надеяться, что этот же принцип не привел заодно и к созданию нового оружия. Они появятся здесь часа через три — если не будут больше наращивать скорость. Можете, конечно, остаться с нами, но я бы вам советовал развернуться и гнать изо всех сил в свою Обсерваторию — так, пожалуй, надежнее. Если начало атаки застанет вас в пути — ищите укрытия. Забирайтесь в трещину — да, собственно, куда угодно, лишь бы спрятаться — и сидите там до самого конца. А теперь — прощайте и всякой вам удачи. Надеюсь, мы еще встретимся по окончании этих неприятностей.

Прежде чем астрономы успели что-либо ответить, Стеффансон вместе со своим загадочным ящиком исчез в люке шлюза. Теперь трактор находился в тени купола; в поисках какого-нибудь отверстия Джеймисон начал объезжать огромное металлическое яйцо вокруг. Через некоторое время он узнал то место, где входили они с Уилером, и затормозил. Хлопнула крышка наружного люка, и тут же на приборной панели вспыхнула надпись «Шлюз свободен». Они увидели, как Стеффансон подбегает к куполу, как он ныряет в открывшийся на мгновение люк, как круглая крышка люка снова встает на место.

Джеймисон с Уилером остались одни. Ничто вокруг не подавало признаков жизни, однако неожиданно металлический остов «Фердинанда» начал вибрировать со все возрастающей частотой. Стрелки установленных на панели управления приборов бешено заплесали, свет в кабине потускнел — и тут же все снова пришло в норму; некое потрясающей мощности силовое поле ушло дальше в космическое пространство, оставив после себя острое ощущение сжатой подобно пружине энергии, готовой по первому сигналу рвануться наружу. Астрономы начали смутно понимать настойчивость и озабоченность последних слов Стеффансона; весь окружающий ландшафт словно замер в напряженном ожидании.

«Фердинанд» мчался по бесплодной равнине Моря Дождей к спасительному убежищу все еще далеких гор. Окажется ли оно спасительным? Джеймисон сильно в этом сомневался. Какое страшное оружие сумела создать наука еще два века назад, а ведь современное искусство войны пойдет гораздо дальше. Вполне возможно, что эта раскаленная полуденным солнцем пустыня вскоре будет выжжена излучением, в тысячи раз более мощным.

Трактор ехал прямо по собственной тени — Джеймисон вел его на север, туда, где из-за горизонта вздымались вершины Платона, похожие сейчас на башни какой-то исполинской крепости. Но настоящая крепость осталась позади — она затихла, приготавливая неведомое свое орудие к грядущей битве.

ГЛАВА 16

Думаю Джеймисон побольше об управлении трактором и поменьше о политике, такого бы никогда не случилось, — хотя, если учесть все обстоятельства, винить его было трудно. Ведь это место казалось ровным и твердым — точно таким же, как и вся предыдущая дорога.

Ровное, конечно, но твердое? Примерно такое же твердое, как вода. Джеймисон понял, что тут происходит, мгновенно — как только двигатель «Фердинанда» яростно взвыл, а нос его исчез в огромном облаке пыли. Машину начало бросать из стороны в сторону, она сильно наклонилась вперед и потеряла — сколько ни старался помешать этому Джеймисон — скорость. Трактор начал тонуть — совсем как корабль, терпящий крушение в штормовом море. Расширившимися от ужаса глазами Уилер смотрел на клубящиеся за лобовым стеклом облака пыли; прошло несколько секунд, и стало совершенно темно. Джеймисон выключил двигатель, теперь они шли на дно в полной тишине, нарушаемой только еле слышным гудением системы циркуляции воздуха.

Джеймисон нащупал выключатель, и в кабине вспыхнул свет. Какое-то время оба астронома были слишком ошеломлены, чтобы что-либо предпринять, они просто сидели и беспомощно взирали друг на друга. Затем Уилер встал и неуверенно подошел к ближайшему иллюминатору. И не

увидел абсолютно ничего; казалось, что наружная сторона толстой кварцевой пластины затянута гладким, абсолютно черным — чернее самой глубокой ночи — бархатом.

Неожиданно пол под ногами мягко, но вполне ощутимо вздрогнул — «Фердинанд» опустился на дно.

— Слава тебе, Господи, — облегченно вздохнул Джеймисон. — Могло быть и глубже.

— А что, есть какая-нибудь разница?

Уилер не решался поверить, что не все еще пропало. Слишком уж много он наслышался об этих предательских пылевых озерах, о поглощенных ими людях и машинах.

К величайшему счастью, пылевые озера встречаются на Луне значительно реже, чем можно бы заключить из расхожих баек — они образуются только при весьма специфических, все еще не до конца понятных условиях. Если вы хотите создать такую ловушку, возьмите неглубокий кратер в скальном грунте вполне определенной природы, а затем подождите несколько сотен миллионов лет, пока температурные перепады между днем и ночью не превратят поверхностные слои камня в пыль. Чем дольше протекает этот неспешный процесс, тем тоньше становится образовавшаяся пыль; наступает момент, когда она приобретает способность течь, подобно жидкости, и собирается на дне кратера. И почему, собственно, «подобно»? — во многих отношениях она действительно является жидкостью; если набрать ведро этой невероятно тонкой пыли, она будет плескаться в нем на манер не очень вязкой нефти. Ночью в ней циркулируют — и это подтверждается прямыми наблюдениями — конвекционные потоки: верхние слои остывают и опускаются на дно, откуда навстречу им поднимаются струи теплой пыли. В результате пылевые озера очень легко обнаружить — инфракрасные детекторы видят их аномальное тепловое излучение за несколько километров. Но это — только ночью, в дневное время все подобные эффекты напрочь забиваются солнечным жаром.

— Не стоит впадать в панику, — сказал Джеймисон, хотя собственное его лицо и не выдавало при этом особой уверенности. — Думаю, мы отсюда выкарабкаемся. Озеро скорее всего совсем маленькое — иначе его успели бы уже обнаружить. Считается, что эти места обследованы очень подробно.

— Достаточно большое, чтобы мы в нем утонули.

— Да, но ты не забывай, что такое эта самая пыль. Пока движки не заглохли, остается шанс выползти наружу — примерно как подводный танк вылезает на берег реки. Меня вот только одно беспокоит — идти ли нам вперед или попробовать задним ходом.

— Вперед мы можем еще глубже забраться.

— Совсем не обязательно. Как я уже говорил, озеро скорее всего маленькое, и мы могли по инерции пролететь за его середину. Как ты думаешь, в какую сторону наклонен пол?

— Спереди вроде как чуть повыше.

— И мне так кажется. Пошли-ка мы вперед, к тому же при заднем ходе и тяга слабее.

Осторожно, очень осторожно Джеймисон включил самый малый ход; трактор протестующе задрожал, дернулся на несколько сантиметров вперед и снова замер.

— Вот этого я и боялся, — сказал Джеймисон. — Непрерывно идти не получается, придется такими вот рывками. Моли Бога, чтобы выдержали двигатели, о передаче я уж и не говорю.

Рывок-остановка, рывок-остановка... Они пробивались вперед с мучительной медлительностью, а затем Джеймисон и вовсе заглушил моторы.

— Чего это ты? — озабоченно спросил Уилер. — Мы же вроде двигались.

— Да, но заодно и перегревались. Эта пыль — почти идеальный теплоизолятор. Нужно немного остыть.

Кабина была ярко освещена. А ведь она, подумал Уилер, вполне может стать нашей могилой. Такая обстановка совсем не располагала его к разговорам, да и Джеймисона тоже. Стремиться к спасению и нарваться по пути на такую вот неприятность — в этом была какая-то мрачная насмешка.

— Ты слышишь звуки? — настороженно поднял голову Джеймисон. Он включил циркуляцию воздуха, и в кабине повисла гробовая тишина.

Снаружи доносился легчайший, еле различимый шорох. Легкое потрескивание, причины которого Уилер не мог себе и представить.

— Пыль начинает подниматься. Она же очень нестабильна, чуть-чуть тепла — и тут же образуется конвекционный поток. Думаю, на поверхности образуется небольшой, но

вполне заметный гейзер. При случае он поможет нас найти. Какое ни на есть, а все-таки утешение. И воздуха и пищи им хватит надолго — все тракторы снабжены солидным неприкосновенным запасом — а в Обсерватории знают примерный маршрут «Фердинанда». К сожалению, вполне может случиться, что в самое ближайшее время у Обсерватории своих-то забот будет по самые уши, так что никто не сможет заниматься поисками двух пропавших астрономов...

Джеймисон снова запустил двигатели, и мощный трактор начал снова пробиваться сквозь поглотившую его сухую зыбь. Было невозможно определить, насколько быстро он движется, а что случится, если двигатели откажут — об этом Уилер боялся и подумать. Траки гусениц скрежетали по скальному дну пылевого озера, вся машина сотрясалась и стонала от невыносимой нагрузки.

Нечто вроде уверенности, что они действительно куда-то движутся, появилось только через час. Нос трактора вполне определенно задрался, хотя, как и прежде, оставалось совершенно непонятно, насколько далека поверхность этой квазижидкости, покажется ли благословенный свет лунного дня через секунду, или впереди лежат еще сотни метров пути, долгие часы медленного, черепашого хода.

Джеймисон делал все более продолжительные остановки, что уменьшало нагрузку на машину — но никак не на экипаж. Во время одной из таких пауз Уилер наконец не выдержал и прямо спросил, что они будут делать, если трактор тем или иным образом застрянет.

— Тут есть две возможности, — задумчиво ответил Джеймисон. — Можно сидеть и не рыпаться в надежде на спасательную команду: найти нас будет совсем не трудно, ведь следы гусениц ведут прямо к этой луже. Ну а другой вариант — выбираться наружу.

— Как? Но это же невозможно!

— Ничего подобного. Я знаю случай, когда именно так и сделали. Выбираются же из затонувших подводных лодок — вот и здесь примерно то же самое.

— Плавать в этой гадости — да у меня от одной такой мысли мурашки по коже.

— Давно, еще ребенком, я как-то попал в снежную лавину и могу себе примерно представить, на что это будет похоже. Самое тут страшное — утратить ориентировку и

ходить кругами до полного изнеможения. И все-таки лучше бы нам обойтись без подобных экспериментов.

«Я бы сказал посильнее», — усмехнулся про себя Уилер.

Кабина поднялась над поверхностью примерно через час, и вряд ли хоть один солнцепоклонник встречал когда-нибудь своего бога с такой радостью, как Джеймисон с Уилером сегодня. Однако до полной безопасности было еще далеко — хотя уменьшившееся сопротивление и позволяло «Фердинанду» развивать большую, чем прежде, скорость, впереди могли скрываться новые глубокие места.

Уилер смотрел, как струится эта отвратительная субстанция мимо трактора, как в ней образуются вихри — и не мог оторвать глаз. Временами было невозможно поверить, что это — не жидкость, и только натуга, с которой пробивался вперед «Фердинанд», портила немного иллюзию. А не стоит ли предложить, чтобы тракторам придавали более обтекаемую форму, ведь тогда им будет проще выбираться из подобных положений... Ну кто же на Земле мог предположить, что тут потребуется такое?

В конце концов «Фердинанд» оказался на сухом месте — не более, собственно говоря, сухом, чем страшное озеро, из которого он выбрался. Выжатый как лимон, Джеймисон бесильно опустил голову на приборную панель; Уилера била крупная дрожь, но он этого даже не замечал, поглощенный одной ликующей мыслью — спаслись!

Он совсем забыл, что они покинули «Проект Тор» уже три часа тому назад и отъехали от него меньше чем на двадцать километров.

Даже и так можно было успеть, но как только они двинулись дальше и начали переправляться через невысокую, совсем пологую гряду, как раздался скрежет рвущегося металла, и «Фердинанд» резко повернул направо с очевидным намерением завертеться волчком. Джеймисон мгновенно вырубил двигатели, и не выдержавший непосильной работы трактор замер боком к первоначальному своему курсу.

— А вот это, — негромко сказал Джеймисон, — уже серьезно. Хотя вряд ли мы имеем право жаловаться. Полети правая передача в то время, когда мы еще бултыхались в этой отраве...

Не закончив фразы, он повернулся к правому иллюминатору, смотревшему сейчас назад — туда, где тянулась

пропаханная ими в пыли колея. Уилер проследил за его взглядом.

Огромный купол все еще вздымался над горизонтом. Возможно, их везение уже кончилось, и как жаль, что они не успели загородиться от назревающего — и неведомого — шторма спасительной кривизной лунного шара.

ГЛАВА 17

Даже к настоящему дню системы оружия, использовавшиеся в битве при Пико, держатся в значительной степени под секретом. Известно, что управляемые снаряды играли там очень незначительную роль: в космической пустоте все, кроме прямого попадания, практически бесполезно — нет среды, передающей энергию ударной волны. Атомная бомба, разорвавшаяся на расстоянии в сотню метров, не причинит никаких механических повреждений, а от ее радиации не так уж трудно защититься. Кроме того, как Земля, так и Федерация создали вполне эффективные средства отражения и увода в сторону обычных снарядов.

Основной упор был сделан на лучевое и полевое оружие, оно оказалось и наиболее эффективным. Простейший его образец — ионные излучатели, разработанные на основе двигателей космических кораблей. Первую радиолампу изобрели чуть не три века назад, и все это время люди учились оперировать все более мощными корпускулярными потоками. В конце концов работы ученых увенчались изобретением ионного ракетного двигателя, который создавал тягу, выбрасывая мощный, концентрированный пучок электрически заряженных частиц. Смертельная опасность таких пучков привела к многочисленным несчастным случаям в космосе — и это при всех стараниях намеренно их расфокусировать для снижения эффективного радиуса действия.

Средства защиты от ионного оружия были очевидны. Те же самые электромагнитные поля, которые генерируют ионный пучок, могут использоваться и для его рассеяния, могут превратить всесжигающую струю частиц в редкий безобидный дождичек.

Более эффективными — но одновременно и более трудными в изготовлении — являются системы оружия, исполь-

зующие чистое излучение. Трудности не оказались непреодолимыми; как Земля, так и Федерация отлично с ними справились. Оставалось только убедиться на практике, что обеспечило больший успех — научное превосходство Федерации или промышленная мощь Земли.

Коммодор Бреннан, чья маленькая эскадра с разных сторон сходилась к Луне, прекрасно все это знал. Подобно любому полководцу прошлого, он начинал военные действия со значительно меньшими силами, чем хотелось бы. А больше всего ему хотелось вообще не начинать никаких военных действий.

Переоборудованный лайнер «Эридан» и почти наново перестроенный грузовик «Лета» — числившиеся когда-то в лloydовском регистре под именами «Утренняя звезда» и «Ригель» — находятся сейчас между Землей и Луной, несутся по тщательно продуманным траекториям. Бреннан не знал, удалось ли им сохранить фактор внезапности, но даже если Земля и заметила что-то, вряд ли она подозревает о существовании третьего — и самого большого — корабля, «Ахерона». Интересно, какой это сдвинутый на мифологии романтик придумал такие названия, скорее всего — комиссар Черчилль, везде, где только возможно, подражающий своему знаменитому предку. И очень получилось к месту. Многим, очень многим людям принесут эти корабли смерть и забвение — и скоро, уже сегодня.

Лейтенант Кертис, один из немногих членов команды, проработавших значительную часть своей жизни в космосе, поднял голову от пульта связи:

— Радиограмма с Луны, сэр. Адресована нам.

Бреннан был потрясен. Даже если их и обнаружили — неужели земляне относятся к своим противникам с таким презрительным высокомерием, что спокойно признают этот факт? Пробежав глазами бланк, он облегченно вздохнул.

ОБСЕРВАТОРИЯ — ФЕДЕРАЦИИ. ХОТИМ ВСЕМ НАПОМНИТЬ О НАЛИЧИИ В ПЛАТОНЕ УНИКАЛЬНЫХ ПРИБОРОВ. ЗДЕСЬ ЖЕ НАХОДИТСЯ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ И ВЕСЬ ПЕРСОНАЛ ОБСЕРВАТОРИИ. МАК-ЛОРИН, ДИРЕКТОР.

— Ты меня больше так не пугай, — сказал коммодор. — Я уж было решил, что это прямо нам, направленным пучком. Не хотелось бы думать, что они способны заметить нас с такого расстояния.

— Простите, сэр. Это всего лишь общее оповещение. Обсерватория повторяет его раз за разом на своей частоте.

Бреннан передал радиограмму начальнику штаба капитану Мертону:

— Ну и что вы скажете? Вы же вроде там работали?

Мертон прочитал текст и улыбнулся:

— Маклорин во всей своей красе. Сперва приборы, а люди уж потом. Думаю, ничего страшного. Постараемся в него не угодить. Сотня километров — вполне приличное расстояние, чтобы тихо отсидеться. Обсерватории ничто не угрожает — разве что прямое попадание сбившегося с курса снаряда. К тому же они очень прилично закопались.

Безжалостная стрелка хронометра отсчитывала последние минуты. Все в той же уверенности, что окутанный непроницаемым коконом ночи «Ахерон» так и не обнаружен противником, коммодор Бреннан смотрел на штурманскую сферу, по которой, следуя намеченным траекториям, ползли три искорки. Три корабля эскадры Федерации. Разве мог себе представить мирный университетский профессор, что однажды на его долю выпадет держать в своих руках судьбу миров?

Но Бреннан совсем не думал сейчас о мощи, таящейся в реакторах и ждущей только его сигнала, чтобы рвануться наружу. Его совсем не занимало место, которое займет он в истории, когда люди оглянутся на сегодняшний день. Подобно каждому солдату, впервые идущему в бой, он пытался угадать, где он будет в этот же час завтра.

Меньше чем в миллионе километров от него Карл Стеффансон сидел у пульта управления и смотрел на изображение Солнца, передаваемое одной из телекамер — многочисленных глаз «Проекта Тор». Его окружала группа еле живых от усталости техников: к приезду своего шефа они почти уже закончили монтаж оборудования; теперь были подключены и дискриминаторные блоки, в такой спешке привезенные с Земли.

Стеффансон повернул ручку, и Солнце погасло. Он переключил монитор на другую камеру, на третью... Все глаза крепости ослепли. Защита была полной.

Слишком усталый, чтобы ощущать хоть какой-нибудь подъем, он откинулся на спинку и махнул рукой в сторону пульта:

— Ну а дальше вы сами. Пусть пропускает часть видимого света — смотреть-то надо, — но начиная с ультрафиолета и вверх — полное отражение. Точно известно, что все пучки, с которыми нам придется иметь дело, — жесткие, ни один из них не несет заметной энергии на длинах волн меньше тысячи ангстрем. Вот уж удивятся федералы, когда эти «лучи смерти» начнут отскакивать от нас, как солнечные зайчики. Жаль, мы не можем направить их туда, откуда они пришли.

— Интересно, а как выглядит включенный экран снаружи? — спросил один из инженеров.

— Как идеальное зеркало. Пока оно отражает, мы можем не опасаться никакой радиации. Вот, собственно, и все, что я могу обещать.

Стеффансон взглянул на часы:

— Если верить данным разведки, у нас осталось еще минут двадцать. Но я бы не очень на это рассчитывал.

— Во всяком случае, — сказал Джеймисон, выключая рацию, — теперь Маклорин знает, где мы засели. И трудно осуждать старика, что он не стал никого сюда посылать.

— А что же нам делать?

— Перво-наперво поесть, — ответил Джеймисон, направляясь к камбузу. — Думаю, мы вполне этого заслужили, к тому же не исключено, что нам предстоит прогулка, и очень неблизкая.

Уилер нервно вскинул глаза на далекий, но, к сожалению, очень ясно различимый купол «Проекта Тор». Затем он разинул рот и только через несколько секунд смог поверить, что все так и есть, ничего ему не мерещится.

— Сид! — крикнул он. — Иди-ка посмотри.

Джеймисон бросил свои хозяйственные дела, подбежал к товарищу — и испытал такое же потрясение. Частично затененная полусфера купола претерпела разительное изменение. Там, где раньше виднелся узкий блестящий полумесяц, теперь висела ослепительно сверкающая точка,

похожая на отражение Солнца от идеального сферического зеркала.

Подзорная труба подтвердила это впечатление. Самого купола не было видно вовсе — его место занял какой-то фантастический серебряный призрак. Словно, подумал Уилер, большая капля ртути, уложенная на горизонт.

— И как они только это сделали? — совершенно спокойно, хотя и с любопытством, заметил Джеймисон. — Защита, похоже, какая-то. Фокусы с интерференцией.

— Нам бы поторопиться, — озабоченно сказал Уилер. — Что-то мне все это не нравится. А мы здесь торчим на самом виду.

Джеймисон начал быстро открывать ящики и вытаскивать оттуда припасы.

— Начинай жевать. — Он кинул Уилеру несколько плиток шоколада и пакетов сублимированного мяса. — Толком поесть уже не удастся. И попей, если хочешь, но не слишком старайся. В этих скафандрах нет особых удобств, а мы надеваем их надолго.

Уилер прикинул в уме. Восемьдесят километров пути, не говоря уж о том, что придется переваливать через стену Платона. Да, прогулочка получится еще та — лучше уж остаться здесь. Стоит ли бросать «Фердинанд», верой и правдой служивший им сегодня, все-таки он — вполне приличная защита.

Джеймисон задумался, но затем отбросил эту идею.

— Ведь что говорил Стеффансон? — напомнил он Уилеру. — Чтобы мы залезали под землю, и как можно скорее. А уж он-то знает обстановку получше нашего.

Удобная трещина нашлась метрах в пятидесяти от трактора, на склоне гряды, противоположном крепости. Чуть меньше человеческого роста в глубину, она позволяла выглядывать наружу, а дно ее было достаточно ровным, чтобы лежать на нем без особых неудобств. Находка очень обрадовала Джеймисона — настоящий, словно по заказу вырытый окоп.

— Вот только меня беспокоит, — сказал он, — сколько придется тут ждать. Возможно, ничего вообще не будет. Но с другой стороны — вдруг мы решим, что все тихо, и пойдем. Тут-то и начнется, а мы на открытом месте.

После некоторого обсуждения астрономы выбрали компромиссный вариант. Они вернутся в кабину «Фердинанда», где есть хоть какие удобства, но скафандров снимать не будут. Если что — можно добежать до окопа буквально в несколько секунд.

Все началось без малейшего предупреждения. Неожиданно в серые, пыльные камни Моря Дождей плеснул ослепительный свет, невиданный ими за всю их миллионлетнюю историю. Уилеру на мгновение показалось, что кто-то включил рядом с трактором огромный прожектор, но он тут же понял: этот затмевающий солнце взрыв произошел за много километров от них. Высоко над горизонтом образовался сгусток яростного фиолетового пламени, идеально сферический и быстро теряющий, по мере расширения, свою яркость. Через несколько секунд от него осталось только большое облако фосфоресцирующего газа. Облако это быстро опускалось и вскоре — словно некое фантазмагорическое солнце — ушло за горизонт.

— Это же надо быть такими придурками, — мрачно заметил Джеймисон. — Вполне возможно, что мы с тобой уже покойники.

— Ерунда, — без особой уверенности возразил Уилер. — Тут же километров пятьдесят, не меньше, так что плотность гамма-излучения не должна быть большой, а стенки «Фердинанда» — экран не хуже любого другого.

Джеймисон не ответил, он уже входил в шлюз. Уилер двинулся было следом, но тут же вернулся и схватил с полки дозиметр. Что бы еще могло пригодиться? Повинуясь внезапному импульсу, он выдернул из пазов штангу занавески, отгораживавшей туалетную нишу, а затем бросился к раковине и сорвал висевшее над ней зеркало.

Догнав в шлюзе нетерпеливо переминавшегося Джеймисона, Уилер сунул ему в руки дозиметр, не утруждая себя объяснениями касательно остальной добычи; для чего нужны эти несколько неожиданные предметы, стало ясно через несколько минут, в окопе, которого они достигли без всяких дальнейших приключений.

— Разве же можно, — проворчал запасливый звездочет, — пропустить такое зрелище.

Он расстегнул один из многочисленных карманов скафандра, вытащил моток проволоки и начал привязывать зеркало

к палке. Через пару минут в его руках оказалось грубое подобие перископа.

— Ну вот, купол виден, — с удовлетворением сообщил Уилер. — И ничего с ним вроде не случилось.

— Так и должно быть, — откликнулся Джеймисон. — Похоже, они как-то сумели взорвать эту бомбу за много миль от себя.

— А может, это просто предупредительный выстрел?

— Вряд ли — кто же станет разбрасываться плутонием на фейерверки? Эти ребята стреляли вполне серьезно. Ладно, подождем, что они там еще придумают.

Ждать пришлось долго, минут, наверное, пять. А затем, почти одновременно, в небе полыхнули еще три слепящие звезды. Они двигались с разных сторон по траекториям, сходящимся к куполу, однако далеко не достигли цели, превратившись по пути в реденькие, прозрачные облака.

— Первый и второй раунды за Землей, — прокомментировал Уилер. — Интересно, откуда летят все эти снаряды?

— Взорвись один из них не в той стороне, а над нами, — остудил его Джеймисон, — нам был бы верный конец. Не забывай, что атмосферы здесь нет, так что все гамма-излучение будет нашим.

— Что показывает дозиметр?

— Совсем немного, а вот сколько мы схватили при первом взрыве, когда еще в тракторе сидели, — это одному Богу известно.

Уилер не ответил — он внимательно оглядывал небо. Где-то там, в этой россыпи звезд (из трещины, куда не достигали прямые лучи Солнца, они свободно различались) кроется изготовившаяся к очередной атаке эскадра Федерации. Увидать корабли надежды мало, но должно же хоть как-то проявить себя их оружие.

Откуда-то из-за Пико в небо метнулись шесть снопов пламени — купол выпустил первые свои снаряды; они неслись с колоссальным ускорением, прямо в сторону Солнца. «Лета» и «Эридан» использовали трюк, древний, как самое война — с этого направления их противник будет частично ослеплен, большие трудности возникнут даже у радара (коммодор Бреннан числил в ряду своих союзников два больших пятна).

Отсюда, из трещины, казалось, что Солнце проглотило ракеты без всякого для себя вреда, но затем, через несколько минут (или секунд?) томительного ожидания, его блеск сто-кратно возрос. Отличное зрелище для землян, подумал, по-правляя светофильтр скафандра, Уилер. А атмосфера, так сильно мешающая астрономам, надежно прикроет их от лю-бого излучения.

Было невозможно сказать, причинили снаряды какой-нибудь ущерб противнику или нет. Скорее всего огромная энергия ослепительного — и совершенно безвредного — взры-ва бесцельно рассеялась в пространстве. Странная это будет битва, продолжал рассуждать про себя Уилер. А корабли Федерации скорее всего выкрашены в черный цвет, так что увидеть их не удастся.

И тут с куполом стало происходить нечто странное. Если прежде в зеркальной полусфере отражалось только Солнце, то теперь она расплескивала свет во всех направлениях — свет, яркость которого нарастала ежесекундно. Откуда-то сверху, из космоса, на крепость лились потоки энергии — затерявшиеся среди звезд корабли Федерации скрестили на ней лучи чудовищной, в бессчетные миллионы киловатт, мощности. Но даже и теперь Уилер не различал в небе ничего, кроме привычных созвездий — вакуум, в котором ничто не оставляет следа, не позволял определить, откуда идет атака.

Сверкание слепило глаза, и он снова отрегулировал свето-фильтр. Странно, почему сама-то крепость ничем не отве-чает? Или просто не могут, пока находятся под таким об-лучением... И тут он увидел вокруг купола трепещущую корону, нечто вроде тлеющего разряда.

— Гляди, Кон, прямо наверху! — ударил по ушам голос Джеймисона.

Уилер задрал голову — и впервые увидел корабль Феде-рации. Он не мог знать, что смотрит на «Ахерон», единст-венный в истории человечества космический корабль, по-строенный специально для военных целей. Низко зависший над поверхностью Луны флагман коммодора Бреннана раз-личался совершенно отчетливо. Между ним и крепостью парил плоский, дискообразный сгусток света. Прямо на гла-зах этот призрачный, нематериальный щит из тускло-крас-ного стал ярко-голубым, а еще через несколько секунд

засверкал ослепительно фиолетовым пламенем самых горячих звезд. Он дрожал и колебался, словно под действием двух огромных, уравнивающих друг друга сил. Через некоторое время совершенно забывший обо всех возможных опасностях Уилер заметил, что и весь корабль окружен тусклым световым нимбом, накалявшимся в тех местах, куда вгрызалось неведомое оружие крепости.

Чуть позже он обнаружил среди звезд еще два корабля, каждый — в таком же сверкающем нимбе. Картина сражения начала проясняться: каждая из сторон опробовала свое оружие и свою броню, и только теперь они начинают меряться силами всерьез.

Словно замороженные, смотрели Джеймисон с Уилером на мечущиеся в небе огненные шары. Они понимали, что видят нечто несравненно более важное, чем любое оружие — новый, даже не двигатель, а способ передвижения, способ, который сделает ионную ракету музейным экспонатом, вроде паровой машины. Корабли Федерации были способны зависать абсолютно неподвижно, а затем двигаться в любую сторону с огромным ускорением. Далеко уступая крепости по огневой мощи, они могли сражаться с ней только благодаря своей маневренности и скорости. Беззвучная, как в немом кино, битва достигла апогея. Крепость окуталась облаками светящегося раскаленного пара — вся ярость бесильного пробить ее экран оружия обрушивалась на беззащитные камни Моря Дождей, превращала их в раскаленную лаву — точно такую же, какой они были миллионы лет тому назад. Было невозможно понять, какая из сторон наносит своему противнику больший ущерб. Время от времени какой-нибудь экран ярко вспыхивал; когда это случалось с одним из кораблей, тот с невероятным ускорением уходил в сторону, после чего фокусирующим устройствам крепости требовалось несколько секунд, чтобы снова нащупать цель.

Странное обстоятельство: сражение велось на совсем короткой дистанции; по большей части противников разделяли немногие десятки километров; для смерти, несущейся со скоростью света, а точнее, для смерти, которую несет свет, такие расстояния — чистая ерунда.

Почему космическая битва шла почти врукопашную, астрономы сообразили только потом, когда все уже закончилось. Любое радиационное оружие связано серьезным огра-

ничающим фактором — законом обратных квадратов. Это — не снаряды, в равной степени эффективные на любом расстоянии; если в тебя попала атомная бомба, не имеет никакого значения, пролетела она перед этим десять километров или десять тысяч.

Но удвой расстояние до оружия, поражающего радиацией, и его эффективность уменьшится в четыре раза из-за рассеяния луча. Поэтому мало удивительного, что командир федеральной эскадры подходил к противнику почти вплотную — только опасность мешала ему подойти еще ближе.

Не имея возможности увернуться, крепость принимала на себя каждый наносимый кораблями удар. Уже после нескольких минут сражения глядеть на юг незащищенными глазами стало невозможно. Снова и снова взмывали к небу облака испарившегося камня, взмывали, чтобы тут же раскаленной, сверкающей росой упасть на землю. Прошло еще какое-то время, и Уилер, продолжавший манипулировать своим неуклюжим перископом, увидел сквозь плотный светочехол скафандра зрелище совсем уже невероятное. Вокруг основания крепости медленно расплывалось кольцо лавы; словно сделанные из воска, плавилась в нем не только мелкие неровности грунта, но даже отдельные холмы.

Он содрогнулся, еще острее ощутив ужасающую мощь невидимых, нематериальных мечей, скрестившихся в немногих километрах от жалкого окопчика астрономов. Случайное отражение бесконечно малой части этих энергий — и они исчезли бы так же быстро и бесследно, как мошка в пламени кислородной горелки.

Три корабля выписывали в небе узоры какой-то сложной тактической схемы, предназначенной, по всей видимости, для того, чтобы подвергать крепость максимальной бомбардировке, уменьшая при этом ее возможность отвечать ударом на удар. Иногда какой-нибудь из кораблей проходил прямо над головой, и тогда Уилер забивался в спасительную трещину поплотнее, опасаясь случайных «зайчиков» отраженной энергетическим щитом радиации. Джеймисон, оставивший уже безуспешные попытки убедить своего коллегу не высовываться без нужды, выбрал себе место чуть поодаль — в той же трещине, но на большей глубине и с солидным каменным карнизом над головой. Малость расстояния позволяла поддерживать радиосвязь, и Уилер вел для

товарища непрерывный репортаж о том, что происходило на поверхности — и над ней.

Трудно поверить, но битва продолжалась всего еще каких-то десять минут. Осторожно оглядывая разверзшийся на юге ад, Уилер обратил внимание, что полусфера вроде бы утратила свою симметрию. Сперва он подумал, что отказал один из генераторов защитного поля, но затем перевел взгляд на озеро раскаленной лавы, достигшее уже километра в поперечнике и, судя по всему, подмывшее фундамент крепости. Вполне возможно, ее защитники даже и не подозревали, что находятся на плаву — термоизоляция, рассчитанная на защиту от опаляющего жара вражеского оружия, вряд ли обратит внимание на такую ерунду, как расплавленный камень.

Происходила еще одна неожиданная вещь. Оружие, которым сражались противники, утратило свою невидимость — крепость больше не находилась в вакууме. Кипящий вокруг нее камень выделял огромное количество газов; в раскаленном этом мареве несущие смерть лучи различались совершенно четко, как прожектора в ночном тумане. Вскоре Уилер заметил, что с неба непрерывным дождем сыплются крохотные пылинки; после секундного недоумения он сообразил, что это — сконденсировавшийся каменный пар. Каменные снежинки — или градинки? — были недостаточно тяжелыми, чтобы представлять собой какую-либо опасность, а потому вряд ли стоило говорить о них Джеймисону — ну зачем зря беспокоить товарища? Скафандр — вполне достаточная защита, во всяком случае до тех пор, пока пыль валится не слишком густо. Да и вряд ли она такая уж горячая — вон с какой высоты падает.

При всей своей разреженности и недолговечности атмосфера, окутавшая купол, производила еще один неожиданный эффект. Между землей и небом периодически пробегали извилистые дорожки молний — вырывались на свободу огромные электрические заряды, скопившиеся вокруг осажденной крепости. В другой обстановке некоторые из этих вспышек могли бы произвести большое впечатление, но сейчас, на фоне раскаленных облаков — которые их и порождали — они были едва заметны.

При всей своей привычности к вечному молчанию Луны Уилер не мог отделаться от ощущения некоторой нереаль-

ности разворачивающегося перед его глазами зрелища — смертельная схватка двух огромных, умом непостижимых сил происходила в полной тишине. Время от времени камни под ногами слегка вздрагивали, но по большей части все это походило на телевизор с выключенным звуком.

Уже через несколько часов молодой астроном схватится за голову — это же надо быть таким идиотом, подвергать себя такому огромному — и ненужному! — риску. Но сейчас никакого страха не было — только любопытство и острое возбуждение. Сам того не подозревая, он был пленен мрачным, смертоносным великолепием войны. В характере почти каждого мужчины присутствует некая фатальная черта, заставляющая сердце его сжиматься и ускорять свой бег при виде развевающихся знамен, при звуках древней, как мир, барабанной дроби. И никакому рассудку с этим не совладать.

Станным образом Уилер не болел ни за одного из противников. Виной тому было крайнее переутомление или еще что, но он воспринимал происходящее как грандиозный спектакль, устроенный сугубо для его личного удовольствия — и смотрел на Джеймисона, в жалкой заботе о собственной безопасности проворонившего столь роскошное зрелище, с чем-то вроде презрения.

Скорее всего только что избежавший огромной опасности Уилер находился в экзальтированном состоянии, когда сама мысль о какой-то там опасности кажется абсурдной; словно пьяному, ему было море по колено. Он же сумел выкарабкаться из пылевого озера — а значит, наглядно продемонстрировал полную свою неуязвимость.

У Джеймисона не было подобного утешения; он почти не видел битву, однако ощущал ее ужас и величие гораздо глубже, чем неотрывно смотревший в привязанное к палке зеркало товарищ. Жалеть, конечно же, было поздно, однако ему снова и снова приходилось сражаться с собственной совестью. Он проклинал судьбу, поставившую его перед выбором, в значительной степени определившим будущее миров. Точно так же он проклинал Землю и Федерацию, своим ослиным упрямством загнавших себя в такое положение. И главная, самая мучительная мысль — так что же теперь будет с человечеством? Куда оно идет?

Уилер не знал — и никогда уже не узнает, — почему крепость так долго не пользовалась главным своим оружием. Возможно, Стеффансон — или кто уж там сидел главным — ждал, когда же нападающие немного ослабят напор, чтобы в этот момент отключить защитный экран — совсем ненадолго, на какую-то миллисекунду, необходимую для решающего удара.

Неуклюжий самодельный перископ не помешал увидеть, как оно взметнулось в небо — раскаленное копье, словно пытающееся пронзить звезды. Сразу припомнились ходившие по Обсерватории слухи — так, значит, вот что тогда видели, вот что сверкало над горизонтом. Непонятное оружие диким, грубейшим образом нарушало законы оптики, но думать об этом некогда — Уилер смотрел на космический корабль, убитый чуть не прямо у него над головой. Крепость пронзила «Лету» насквозь с такой же легкостью, как энтомолог протыкает бабочку булавкой.

Вряд ли нашелся бы человек — вне зависимости от его политических пристрастий, — способный без боли смотреть, как экраны огромного корабля мгновенно померкли, оставив его беззащитным и беспомощным. И тут же вступило в действие остальное оружие крепости, оно рвало «Лету» на куски, слой за слоем прожигало его броню. Даже под этими безжалостными ударами корабль сохранил нечто вроде достоинства — он не перевернулся, а только начал медленно, словно нехотя, опускаться к поверхности Луны. Неизвестно, что прервало его падение, скорее всего — какое-нибудь короткое замыкание в управляющих цепях, ведь нет никаких сомнений, что команда корабля к этому моменту уже погибла. Во всяком случае «Лета» вздрогнула и по плавной, снижающейся траектории ушла на восток. Большая часть ее обшивки успела сгореть, обнажив ребра шпангоутов. Развязка наступила через несколько минут, когда корабль перевалил через Тенерифские горы и исчез из виду. Над горизонтом встало, чтобы тут же снова погаснуть, призрачно-голубое сияние; Уилер начал ждать толчка.

И тут, по-прежнему глядя на восток, он заметил вдали сплошную линию вздымающейся пыли; словно гонимая мощным ветром, она надвигалась прямо на него. Проносясь сквозь скальный грунт, ударная волна швыряла лежащую на поверхности пыль в небо. Быстрое, неотвратимое приближе-

ние серой стены, несущейся со скоростью нескольких километров в секунду, могло бы вселить полный ужас в сердце любого наблюдателя, не понимающего его природы. Но никакой опасности не было и в помине; пылевая завеса, снизившая видимость до нуля, через несколько секунд осела, а прокатившийся под ногами фронт ударной волны был похож на слабенькое, еле заметное лунотрясение.

Когда Уилер снова взглянул в небо, он едва различил там уцелевшие корабли, они ушли далеко в зенит, превратились в крошечные клубки огня. Но не успел он подумать, что федералы отступили, как эти клубки стали быстро увеличиваться — корабли шли в атаку, пикировали прямо вниз, с колоссальным ускорением. Огненные жала лучей впились в окружающее купол озеро; навстречу им, словно щупальца бьющегося в агонии чудовища, вздымались столбы раскаленной лавы.

«Ахерон» и «Эридан» вышли из пике примерно в километре над крепостью; на какое-то мгновение они зависли совершенно неподвижно и опять рванулись в небо. Но «Эридан» получил уже смертельную рану, хотя внешне это выражалось только в том, что один из огненных клубков уменьшался в размерах значительно медленнее другого, потом застыл — и начал снова увеличиваться. С беспомощной жалостью и одновременно с лихорадочным возбуждением Уилер следил глазами, как падает подбитый корабль. Интересно, воспользуется ли крепость своим загадочным оружием, или они там решили, что в этом больше нет необходимости?

Километрах в десяти над поверхностью Луны экраны «Эридана» словно взорвались, и он остался совершенно беззащитным — черная тупоносая сигара, почти неразличимая в черном же небе. И сразу же эту черноту начали кромсать направленные крепостью лучи; огромный корабль сделался сперва вишнево-красным, а затем раскалился добела. Он клюнул носом и пошел в последнее свое пике, направляясь, как на мгновение показалось Уилеру, прямо к трещине, в которой прятались они с Джеймисоном. Но все оказалось иначе — исполняя последнюю волю своего капитана, «Эридан» падал на купол «Проекта Тор».

Прицел оказался почти точным. Умиравший корабль врезался в озеро лавы и мгновенно взорвался, накрыв всю крепость огромной, быстро расширяющейся полусферой

пламени. А вот это, подумал Уилер, уж точно конец. Он снова увидел бегущую по равнине — теперь на север — серую стену и приготовился к приходу ударной волны. Мощный толчок, пришедший вместе с облаком пыли, сбил астронавта с ног; вряд ли можно было надеяться, что кто-нибудь из защитников крепости остался в живых. Уилер отложил зеркало, давшее ему возможность проследить за ходом сражения, и осторожно выглянул из трещины. Он не знал, что заключительный аккорд еще впереди.

Невероятно, но купол, хотя и лишившийся большого куска своей оболочки, все еще стоял на прежнем месте. Но теперь это была слепая, безжизненная груда металла — защитный экран исчез, оружие бездействует, гарнизон, вне всякого сомнения, погиб. Ну что ж, задачу свою они выполнили.

Последний корабль Федерации исчез из виду; с вышедшим из строя оружием, на полуживых двигателях он пытался вернуться домой, на Марс. Первое сражение оказалось для «Ахерона» и последним, его часы сочтены, однако и в эти последние часы ему предстоит еще сыграть некую роль.

— Все, Сид, конец! — крикнул Уилер. — Вылезай и посмотри, теперь уже можно.

Появившийся — метрах в пятидесяти поодаль — из трещины Джеймисон держал перед собой дозиметр.

— Светит тут, как не знаю что, — сообщил он скорее самому себе, чем товарищу. — Уходить отсюда надо. И чем скорее, тем лучше.

— А может, — начал Уилер, — залезем снова в «Фердинанд» и свяжемся по радио... — Он не закончил фразу. С куполом снова что-то происходило.

Казалось, Море Дождей вспомнило свою бурную молодость; яростный, словно извержение проснувшегося вулкана, взрыв вспорол его равнину, на месте в клочья разлетевшейся крепости встал чудовищный гейзер, окутанный грозовой тучей пара и брызг, швырявший обломки скал на многокилометровую высоту. Словно невероятное, пытающееся достать до небес дерево, проросшее на бесплодной почве Луны, он тянулся все выше и выше, но затем на мгновение замер и рассыпался, превратился в темное облако, тут же поглощенное пустотой, быстро и без следа.

Тысячи тонн тяжелой жидкости, распиравшей стенки самой глубокой когда-либо пробуренной человеком скважины,

дошли до точки кипения, разогретые энергией сражения, просочившейся наконец сквозь скалы. Скважина фонтанировала — как это делают иногда нефтяные скважины на Земле, — попутно доказав, что даже и без помощи атомной энергии можно организовать вполне пристойный взрыв.

• ГЛАВА 18

Обсерватория восприняла прошедшую битву как серию слабых отдаленных сейсмических толчков, как еле заметные вибрации грунта, потревожившие покой наиболее тонких и чувствительных приборов, но не причинившие никому и ничему ровно никакого материального ущерба. Психологический же ущерб — дело особое. Знать, что в этот самый момент, и совсем неподалеку, происходят грандиозные, решающие судьбу мира события, и оставаться в полном неведении относительно их исхода — трудно представить себе более угнетающую ситуацию. По Обсерватории гуляли дичайшие слухи, сотрудники осаждали центр связи — но информации не было даже там. Земля перестала передавать выпуски новостей, человечество затаило дыхание, ожидая, когда же стихнет грохот битвы и определится ее победитель. Мало кому приходило в голову, что победителя не будет.

Как только сейсмографы успокоились, а по радио объявили, что вооруженные силы Федерации отступили, Маклорин разрешил всем желающим выходить на поверхность. Сообщения первых добровольцев оказались успокаивающими, атмосфера напряженного ожидания, царившая последние часы в Обсерватории, заметно разрядилась. Радиоактивность грунта немного возросла, но никаких разрушений не наблюдалось. Не вызывало сомнений, что по другую сторону гор обстановка совсем иная.

Известие, что Уилер с Джеймисоном целы и невредимы, вызвало всеобщий вздох облегчения. Частичное нарушение связи заставило их убить на попытки связаться с Землей, а через нее — с Обсерваторией чуть не целый час; эта задержка довела астрономов, не знавших, цела ли Обсерватория, до ярости и отчаяния. Прежде чем возвращаться домой пешком, нужно было выяснить — а есть ли куда

возвращаться. «Фердинанд» же стал настолько радиоактивным, что не мог больше служить убежищем.

В тот момент когда телефонная линия Море Дождей—Земля—Обсерватория была наконец налажена, Садлер находился в центре связи, пытался разобраться в событиях. Судя по голосу, Джеймисон валился с ног от усталости; он дал краткое описание битвы и спросил, что им делать дальше.

— Каков уровень радиации в кабине? — спросил Маклорин.

Джеймисон продиктовал числа; Садлеру все еще казалось диким, что с людьми, до которых какая-то сотня километров, приходится разговаривать через Землю, и он не мог привыкнуть к шестисекундной (четыре дистанции Земля—Луна) задержке.

— Я поручу медикам прикинуть, насколько это опасно, — сказал Маклорин. — Так вы говорите, на открытом месте раза в четыре меньше?

— Да. Мы залезали сюда только раз в десять минут, чтобы попробовать связаться с вами, а так все время сидим снаружи.

— Сделаем, пожалуй, так. Мы сейчас же посылаем за вами трактор, а вы идите навстречу. Может быть, назначите какую-нибудь точку встречи?

Джеймисон секунду подумал.

— Скажите водителю, чтобы держал на пятикилометровую отметку по эту сторону перевала — мы доберемся туда приблизительно тогда же, когда и он. И мы не будем включать рации скафандров, так что никак уж не разминемся.

Садлер осторожно поинтересовался, не найдется ли в спасательном тракторе места для пассажира, он хотел расспросить Уилера и Джеймисона прямо на обратном пути, иначе такая возможность представилась бы нескоро. Астрономы и сами еще не знали, что сразу же по возвращении в Обсерваторию лягут в лазарет, лечиться от лучевой болезни. Хотя состояние их здоровья и не вызывало особых опасений, Садлер не сомневался, что врачи по всегдашней своей привычке ограничат доступ посетителей.

Маклорин не возражал.

— Но в таком случае, — добавил он, — вам придется сказать им, кто вы такой. А через десять минут об этом будет знать вся Обсерватория.

— Понимаю, — кивнул Садлер. — Теперь это не имеет никакого значения.

А возможно, добавил он про себя, и никогда не имело.

Получасом позже агент Планетарной разведки на собственной своей шкуре познавал разницу между быстрым, плавным бегом монорельса и тракторной болтанкой. Постепенно он привык к головокружительным подъемам, которые с легким сердцем брал водитель, и перестал раскаиваться, что по собственной своей воле напросился в эту поездку. Кроме него и двоих водителей в тракторе находился и главный врач Обсерватории, желавший как можно скорее взять у пострадавших кровь на анализ и сделать им уколы.

Завершение экспедиции было лишено какой-либо драматичности; взобравшись на перевал, спасатели сразу же связались с идущими навстречу астрономами. Через пятнадцать минут на горизонте показались крошечные фигурки; вся церемония встречи ограничилась крепкими до боли рукопожатиями.

Был организован небольшой привал, чтобы дать врачу возможность спокойно заняться своими делами.

— Следующую неделю вы проведете в постели, — сообщил он Уилеру, изучив результаты анализов, — но в общем — ничего страшного.

— А я? — поинтересовался Джеймисон.

— С вами все в порядке, доза совсем маленькая. Хватит и пары дней.

— Оно того стоило, — с преувеличенной жизнерадостностью сообщил Уилер. — Армагеддон из первого ряда партера — да за такое что хочешь отдать можно.

Но первой, немного истерической реакции на ободряющее сообщение врача хватило ненадолго.

— А что там говорят по радио? — в голосе астронома звучала озабоченность. — Были еще какие-нибудь атаки?

— Нет, — покачал головой Садлер. — Федерация нигде больше не нападала и вряд ли сможет в будущем. Но главной своей цели она достигла — помешала нам использовать эту шахту. Так что дальше все в руках политиков.

— Послушай, — прищурился Джеймисон, — а ты-то что здесь делаешь?

— Все то же самое, — улыбнулся Садлер. — Расследую ваши обсерваторские дела. Только, как бы это сказать, в более широком плане, чем это считалось.

— А ты, случаем, не радиореporter? — с подозрением спросил Уилер.

— Ну... не совсем. Я бы предпочел...

— Понимаю, — перебил его Джеймисон. — Ты имеешь какое-то отношение к органам безопасности. Ну, тогда все в порядке.

Понимаешь, раздраженно покосился на него Садлер, ну и понимай себе потихоньку, а вслух орать нечего. Ну что у этого парня за способность ставить людей в неприятное положение?!

— Это не имеет значения, — сказал он вслух. — Но мне нужно составить подробный доклад обо всем, что там происходило. Ведь вы — единственные живые свидетели, если не считать команды третьего корабля Федерации.

— Чего и следовало ожидать, — кивнул Джеймисон. — Так, значит, «Проект Тор» уничтожен вчистую?

— Да, но и он выполнил свою задачу.

— Задача — задачей, а вот они все погибли, и Стеффансон, и остальные. Если бы не я, он бы, возможно, остался в живых.

— Профессор Стеффансон знал, на что идет, — сухо бросил Садлер, — и сам сделал свой выбор, никто его не принуждал.

(Да, не очень-то удобный получится из этого упрямого астронома герой.)

Следующие тридцать минут, пока возвращающийся домой трактор перебирался через горы, он расспрашивал Уилера. Издалека, с одной точки зрения и без всяких приборов молодой астроном видел совсем немного, однако когда сидящие где-то там на Земле штабные генералы будут ставить свой посмертный диагноз, даже эта ограниченная информация окажется бесценной.

— А вот чего я совсем не понимаю, — заключил Уилер, — так это того оружия, которым крепость уничтожила первый корабль. Похоже на какой-то луч, но это же невозможно. Лучей, видимых в вакууме, не бывает. И почему его использовали только один раз? А вот ты — ты что-нибудь об этом знаешь?

— Боюсь, что нет, — с невиннейшим видом соврал Садлер. Как раз это оружие — в отличие от остального оснащения крепости — он представлял себе очень хорошо. Струя

расплавленного металла, брошенная в пространство самыми мощными из когда-либо построенных электромагнитов и летящая со скоростью сотен километров в секунду, — ее и вправду легко принять за мгновенный проблеск светового луча. И он знал, что это — оружие ближнего боя, способное пробивать защитные поля, отражающие любой метательный снаряд. Применимо оно только при идеальных условиях, а для перезарядки гигантских конденсаторов, питающих магниты, требуется много минут.

Но пускай ребята разберутся сами; вряд ли у них уйдет на это слишком много времени — раскинут мозгами, и все станет ясно.

Трактор осторожно сползал с крутого склона; на горизонте уже показались решетчатые фермы телескопов. Со всем, подумал Садлер, как две фабричные трубы, одетые в леса. Несмотря на всю краткость своего пребывания на Луне, он успел проникнуться к этим огромным приборам нежностью, они стали для него — как и для любого сотрудника Обсерватории — личностями. И он вполне понимал, почему так тревожатся астрономы за свои исполинские глаза, заглядывающие в самые глубины пространства, на расстояния в сотни миллиардов световых лет.

Высокий, отвесный обрыв загородил солнце, и все вокруг погрузилось во тьму. В небе начали вспыхивать звезды — зрение Садлера автоматически адаптировалось к перемене освещенности. Он взглянул на север, краем глаза заметив, что и Уилер сделал то же самое.

Nova Draconis все еще оставалась ярчайшей звездой небосклона, однако быстро тускнела. Через несколько дней она будет примерно как Сириус, через несколько месяцев ее не различишь невооруженным глазом. Все это имело какой-то скрытый смысл, какое-то символическое значение, недоступное разуму, но наполовину угадываемое фантазией, интуицией. Наука узнает от Nova Draconis очень много, но чему научит эта звезда обычных, живущих своей повседневной жизнью людей?

Только вот этому, подумал Садлер. В небесах могут сверкать какие угодно знамения, Галактика может возжигать маячные огни взрывающихся звезд, а человек, как и прежде, будет заниматься своими делами — с полным безразличием ко всем космическим фейерверкам. У него и с планетами-то

дел хватает по горло, так что звезды подождут. Все их выходы не преисполняют человека каким-то чрезмерным благоговением — всему свое время, когда-нибудь он разберется и с этим небесными светильниками.

На последнем, равнинном участке обратного пути ни спасатели, ни спасенные почти не разговаривали. Руки Уилера мелко дрожали — наступила запоздавшая реакция на пережитое. Джеймисон просто сидел и смотрел на приближающуюся Обсерваторию, словно видел ее впервые. Когда трактор пересекал длинную тень десятиметрового телескопа, он повернулся к Садлеру и спросил:

— А как они там, все успели убраться?

— Вроде бы все, — откликнулся Садлер. — Я не слышал ни о каких повреждениях.

Джеймисон рассеянно кивнул, не проявляя ни особого облегчения, ни радости. Потрясающие события сегодняшнего дня просто не оставили в нем места для новых эмоций.

Как только трактор остановился в подземном гараже, Садлер распрощался со спутниками и бросился в свою клетушку составлять донесение. Собственно говоря, это выходило за рамки задания, но ведь как приятно сделать наконец хоть что-нибудь по-настоящему полезное.

Его охватило огромное спокойствие — чувство, словно страшная гроза прошла стороной, растратила всю свою яростную мощь и никогда больше не вернется. Сейчас, по завершении битвы, полностью исчезла депрессия, мучившая Садлера последние дни. Ему казалось, что и Земля, и Федерация должны были испытать одинаковое потрясение; узрев воочию, на что способны развязанные ими силы, они должны в равной степени стремиться к миру. Он даже рискнул задуматься о будущем — впервые после отъезда с Земли. Всякое, конечно, бывает, но опасность атаки на Землю казалась теперь практически нулевой. Жанетте ничто не угрожает, и скоро он снова с ней увидится. И сможет наконец рассказать, где он был все это время и чем занимался — ну какие там могут быть тайны после того, что произошло?

И все равно Садлер испытывал острую, грызущую неудовлетворенность. Он ненавидел бросать какую-нибудь ра-

боту на полпути — и вот, судя по всему, этой его миссии суждено остаться незавершенной. Так был, в конце концов, шпион среди сотрудников Обсерватории, или нет?

ГЛАВА 19

К тому моменту когда началась — чтобы тут же и завершиться — война, лайнер «Пегас» (шестьдесят человек экипажа, триста пассажиров) удалился от Земли всего на четыре суточных перехода. Маловразумительные сводки, передаваемые Землей и Федерацией, ничего не проясняли, а только усиливали вспыхнувшую на борту панику. Капитан Холстед принял решительные меры: пассажиров, опасавшихся попасть на Марсе в лагерь для военнопленных, а потому требовавших немедленного возвращения, пришлось временно изолировать. Положа руку на сердце, их было трудно винить; сквозь иллюминаторы ясно виднелся прекрасный серебряный полумесяц все еще близкой Земли, сопровождаемый вторым, меньшим по размеру и более тусклым. Даже отсюда, с расстояния в миллион километров, ослепительное пламя только что отгремевшей на Луне битвы различалось с полной, пугающей отчетливостью, что также мало способствовало укреплению морального духа.

К сожалению, законы небесной механики непреложны, вынесенный ими приговор не подлежит ни обжалованию, ни пересмотру. Да, «Пегас» едва еще отошел от Земли и находился во многих неделях пути от намеченной цели, однако он достиг уже орбитальной скорости и летел, подобно брошенному камню, управляемый всесильным тяготением Солнца, по тропе, неизбежно ведущей к Марсу. О повороте назад не могло быть и речи, такой маневр потребовал бы совершенно нереального количества отбрасываемой массы. В баках «Пегаса» оставалось вполне достаточно пыли, чтобы в конце пути уравнять его скорость со скоростью Марса, а также для не очень значительных коррекций траектории — но никак не более того. Энергии, которую могли произвести его реакторы, хватило бы и на десяток полетов, но на одной энергии, без отбрасываемой массы, много не полетаешь. Волей-неволей «Пегас» мчался к Марсу; при всей кажущейся свободе космического пространства он мог отклониться

от своего пути ничуть не больше, чем следующий точно по расписанию железнодорожный поезд. Капитан Холстед не ожидал от этого рейса ничего хорошего.

Долетевший по радио призыв МЭЙДЭЙ! МЭЙДЭЙ!* сразу же отодвинул все прочие заботы на второй план. Триста уже лет звучит это слово на море, в воздухе и в космосе; повинувшись ему, поднимаются по тревоге спасательные отряды, капитаны меняют курс и спешат на помощь своим терпящим бедствие товарищам. Но как же мало может сделать командир космического корабля; за всю историю астронавтики было всего лишь три случая успешных спасательных операций в космосе.

Это связано с двумя основными причинами, хотя пассажирские компании предпочитают говорить только об одной. Серьезные неприятности в открытом космосе — большая редкость, почти все несчастные случаи происходят при взлете или посадке. Выйдя в космос и встав на орбиту, которая без всяких усилий доведет его до цели, корабль оказывается в полной безопасности от всех бед — за исключением внутренних механических неполадок. Неполадки эти происходят сплошь да рядом, чаще всего они весьма тривиальны, а потому устраняются быстро и без излишнего шума — ну зачем же попусту тревожить пассажиров? В соответствии с законом, все космические корабли состоят из нескольких независимых отсеков; в случае необходимости любой из них может стать убежищем. Худшее, что грозит пассажирам, — это провести в тесноте и без особых удобств несколько часов, пока разъяренный капитан тяжело дышит своему главному механику в затылок.

Вторая причина, почему космические спасательные операции столь редки, состоит в том, что они почти неосуществимы. Космический корабль перемещается с огромной скоростью по точной, заранее рассчитанной, не позволяющей больших изменений орбите — факт, который начал понемногу доходить до пассажиров «Пегаса». Более того, постоянно меняющаяся расстановка планет делает эти орбиты уникальными, ни один корабль не повторяет пути другого. В космосе нет «судоходных линий», случайное сближение

* Международный радиотелефонный сигнал бедствия (в отличие от радиотелеграфного сигнала SOS). Происходит от искаженного французского *m'aidez* (помогите мне).

двух кораблей до миллиона километров — редкость необычайная. Но даже если такое и происходит, о непосредственном контакте обычно нет и речи, мешает разность скоростей.

Взяв из рук связиста радиограмму, капитан Холстед сразу же обратил внимание на координаты и курс терпящего крушение судна. Так, скорость с перепугу наврали, столько не бывает. И сделать тут, конечно же, нельзя ничего — расстояние такое, что и за неделю не доберешься.

Теперь название... Холстед всегда считал, что знает каждый корабль Солнечной системы, но тут было что-то новенькое. В полном изумлении он перечитал радиограмму — и вдруг понял, кто именно вызывает к нему о помощи.

Когда люди терпят бедствие — хоть на море, хоть в космосе — враждебность к ним исчезает. Капитан Холстед наклонился к своему пульта и скомандовал:

— Связь! Дайте мне их капитана.

— Он на связи, сэр. Можете говорить.

Капитан Холстед неловко откашлялся. Ситуация незнакомая и не из приятных. Он должен был сообщить врагу, что ничем не сможет ему помочь, — и не испытывал от этого ни малейшей радости.

— Говорит «Пегас», капитан Холстед. Вы находитесь слишком далеко для прямого контакта. Наш оперативный резерв меньше десяти километров в секунду. Невозможность очевидна, нет даже смысла проводить расчеты. У вас есть какие-нибудь предложения? Подтвердите, пожалуйста, свою скорость — там какая-то ошибка.

Четырехсекундная пауза, и в обычной-то обстановке способная довести до белого каления. А затем — ответ, неожиданный и ошеломляющий:

— Коммодор Бреннан, федеральный крейсер «Ахерон». Подтверждаю полученную вами скорость. Мы можем сблизиться с вами через два часа, все коррекции курса осуществим сами. Мы на ходу, однако должны покинуть корабль не позже чем через три часа. Мы лишились радиационной защиты, главный реактор нестабилен. Управляем им вручную, продержимся до момента сближения и приблизительно час еще. Дальше нет никаких гарантий.

Капитана Холстеда бросило в холодный пот. Он не понимал, как реактор может стать нестабильным, но зато прекрасно представлял себе, чем такие вещи кончаются. Да и

вообще, непонятного здесь больше, чем понятного — вот, скажем, откуда у «Ахерона» такая скорость? — но все это может подождать; Бреннан должен узнать самое главное обстоятельство.

— «Пегас» — «Ахерону». У меня на борту триста пассажиров. Если имеется опасность взрыва, я не могу рисковать своим кораблем.

— Опасности нет — я это гарантирую. Мы сможем дать пятиминутное предупреждение — за это время вы успеете отойти.

— Согласен. Я прикажу приготовить шлюзы, вам перекинут конец.

Долгота этой паузы явно не была связана с медлительностью радиоволн.

— Вот тут-то как раз и главная наша трудность, — произнес наконец Бреннан. — Мы находимся в переднем отсеке. Здесь нет внешних шлюзов, а у нас всего пять скафандров. На сто двадцать человек.

Капитан Холстед присвистнул и, прежде чем ответить, повернулся к стоявшему рядом штурману.

— И ведь мы не сможем здесь помочь, — сказал он. — Чтобы выбраться, им придется проломить обшивку, а тогда всем конец — кроме пятерых, которые будут в скафандрах. Свои скафандры мы передать не можем, без разгерметизации этого не сделаешь.

Он снова включил микрофон.

— «Пегас» — «Ахерону». Чем мы могли бы вам помочь?

Дикое это ощущение, когда говоришь с обреченным человеком, фактически — уже мертвецом. В космосе традиции те же самые, что и на море, и выполняются они столь же неукоснительно. Пять человек покинут борт «Ахерона» живыми — но капитана среди них не будет.

Холстед не знал, что коммодор Бреннан совсем не считает себя мертвецом, что он отнюдь не расстался еще с надеждой — каким бы отчаянным ни казалось положение. План спасения придумал главный корабельный врач, он же и объяснял теперь свою идею команде.

— Вот что нам придется сделать, — говорил невысокий смуглый человек, в недавнем прошлом — один из лучших хирургов Венеры. — До шлюзов нам не добраться, со всех сторон вакуум, а у нас только пять скафандров. Эту посу-

дину строили не для перевозки пассажиров, а для драки; очень похоже, что у ее конструкторов голова болела о чем угодно, кроме стандартных норм и правил космоплавания. Как бы там ни было, положение у нас веселенькое, и нужно из него выпутываться.

Через пару часов мы подойдем к «Пегасу». К счастью для нас, это судно оборудовано большими грузовыми и пассажирскими шлюзами — в каждый из них можно поместить от тридцати до сорока человек — если они ужмутся поплотнее и будут без скафандров. Не шумите, я прекрасно понимаю, что перспективка не из приятных, но это — отнюдь не самоубийство. Вы окунетесь в вакуум — и вынырнете из него целенькими. Удовольствие, мягко говоря, среднее, но зато вам будет чем хвастаться до конца жизни.

Слушайте теперь внимательно. Первым делом я докажу вам, что вы можете прожить пять минут не дыша, более того — вам даже не захочется вдохнуть. Трюк предельно простой, многие уже столетия входящий в арсенал йогов и разных колдунов, причем никакой мистики в нем нет, все основано на самой тривиальной физиологии.

Прежде чем продолжить, врач достал из кармана секундомер.

— Когда я скамандую «Начали!», каждый из вас сделает полный выдох — выдавит из легких весь воздух, до последнего кубика, — а затем посмотрим, сколько вы сможете выдержать. Только не старайтесь из последних сил, станет трудно — сразу начинайте дышать. Чтобы вы знали свой результат, я буду отсчитывать секунды вслух, начиная с пятнадцатой. Тем, кто не выдержит и четверть минуты, я бы рекомендовал сразу же подавать рапорт об отставке.

Смех заметно разрядил всеобщее напряжение (на что, собственно, и была рассчитана последняя фраза). Врач поднял руку, крикнул «Начали!» — и резко ее опустил; последовал громкий, всеобщий выдох, а затем — полная тишина.

— Пятнадцать.

Те, кто еле-еле справился даже с минимальным нормативом, судорожно перевели дыхание. Счет продолжался до шестидесяти, под аккомпанемент шумных, взрывоподобных вздохов — члены экипажа один за другим прекращали сопротивление. Но даже и по завершении минуты осталось несколько упрямцев.

— Достаточно, — объявил врач. — А вы, герои, прекращайте — вы мне весь эксперимент портите.

И снова по переполненному отсеку пробежали смешки — впавшие было в отчаяние люди заметно приободрились. Все еще ничего не понимая, они поверили, что есть некий план, дающий надежду на спасение.

— Теперь посмотрим, как у нас все это получилось, — продолжил знаменитый венерианский хирург. — Сперва поднимите руки те, кто продержался от пятнадцати до двадцати секунд... Теперь от двадцати до двадцати пяти... Теперь от двадцати пяти до тридцати. А у тебя-то, Джонс, совесть какая-нибудь есть? Ты же на пятнадцати сломался! Теперь от тридцати до тридцати пяти...

По окончании переклички выяснилось, что примерно половине команды «Ахерона» удалось задержать дыхание на тридцать и более секунд.

— Примерно то, чего я и ожидал, — кивнул врач. — Можете рассматривать этот эксперимент как контрольный, а теперь займемся делом. На всякий случай напомним вам, что мы тут дышим чистым кислородом под давлением в триста миллиметров. Поэтому, хотя давление на корабле составляет меньше половины нормального, ваши легкие получают в два раза больше кислорода, чем на Земле — о Марсе и Венере я уж и не говорю. Если кто-нибудь из вас пытался, несмотря на запреты, покурить в гальюне, он должен был заметить, что сигареты хватает буквально на несколько секунд — такая мощная здесь атмосфера. И я это не просто так языком чешу — понимая происходящее, вы будете чувствовать себя более уверенно. Сейчас все вы промoeте себе легкие и до предела насытите свои организмы кислородом. Делается это при помощи гипервентиляции — то есть, говоря нормальным языком, глубокого, интенсивного дыхания. По моему сигналу каждый из вас начнет вдыхать глубоко, как только возможно, а затем выдыхать полностью, и вы будете продолжать это занятие, пока я не скажу остановиться. Для первого раза хватит и минуты — кое-кто почувствует к концу легкое головокружение, но вы не бойтесь, это пройдет. С каждым вдохом забирайте в себя как можно больше воздуха, расширяйте грудную клетку до предела, поднимайте руки, это тоже поможет. Через минуту я дам команду выдохнуть, вы перестанете дышать, а я снова начну

отсчитывать секунды. Обещаю вам большую неожиданность. Поехали!

Следующую минуту переполненные отсеки «Ахерона» являли собой фантастическое зрелище. Сто с лишним членов его экипажа вразнобой вскидывали и опускали руки; широко раскрытые рты хватали воздух с такой жадностью, словно каждый глоток был последним. Кое-кто из людей хотел бы дышать еще глубже, но не мог — мешала теснота; буквально всем им приходилось за что-нибудь цепляться, чтобы не взмыть от резких движений под потолок.

— Хватит! — крикнул врач. — Кончайте дышать — полный выдох. Теперь посмотрим, сколько вы выдержите. Я снова буду считать, но на этот раз — только с тридцатой секунды.

Результат оказался ошеломляющим. Нашелся, правда, человек, немного не дотянувший до минуты, но большинство остальных выдержало почти две, причем без особого напряжения. Более того, чтобы вдохнуть раньше этого времени, нужно было сделать над собой усилие. Кое-кто чувствовал себя вполне хорошо и через три, даже четыре минуты, а последний прекратил эксперимент только в начале шестой, да и то по приказанию врача.

— Именно это я и пытаюсь вам доказать. Когда легкие тщательно промыты кислородом, первые минуты попросту не хочется дышать — примерно так же, как не хочется есть после сытного обеда. И тут не требуется никаких мучительных усилий — ведь тебе не приходится удерживать себя от вдоха. Ну а когда на карту будет поставлена жизнь, вы покажете такие результаты, что сами потом ахнете, уж это я вам обещаю.

Мы пришвартуемся к «Пегасу» вплотную; чтобы перебраться на него, потребуются не больше тридцати секунд. Ребята с лайнера нас подстрахуют, если кто потеряет сознание или уйдет в сторону, они отловят его и затолкнут в шлюз; как только все будут внутри, люк закроется. Ну а затем пустят воздух, и вы окажетесь в безопасности, целенькие и невредимые, ну разве что у кого-нибудь носом кровь пойдет.

Врач отчаянно надеялся, что говорит этим людям правду. Игра предстояла смертельно опасная и беспрецедентная, но никакой альтернативы ей не было. Во всяком случае, они

получат возможность бороться за свою жизнь — и хоть какой-то шанс на успех.

— А теперь, — продолжил он, — вы, вероятно, задумываетесь о броске давления. Трудно отрицать, что декомпрессия — вещь неприятная, но пребывание в вакууме будет слишком кратким, чтобы нанести вам существенный вред. Разгерметизация люков будет производиться в два этапа: сперва мы медленно сбросим давление до одной десятой атмосферы, затем резко откроем их полностью и — вперед. Полная декомпрессия болезненна, но не опасна. Выкиньте из своей головы всю эту чушь про людей, взрывающихся в вакууме. Человеческое тело — вещь очень прочная, к тому же последний перепад от одной десятой атмосферы до нуля значительно меньше того, что выдерживали добровольцы при лабораторных экспериментах. Держите рты широко открытыми и не стесняйтесь пускать ветры — там вы ничье обоняние не оскорбите. Кожу будет покалывать, но за прочими делами вы сможете этого и не заметить.

Врач замолк и оглядел свою притихшую, внимательную аудиторию. Реакция отменная, иного трудно было ожидать. Ведь у каждого из здесь присутствующих великолепная подготовка, тут собраны сливки инженеров и техников Федерации.

— А теперь, — продолжил он с улыбкой, — я перейду к самой главной опасности, только вы, пожалуйста, не смейтесь. Это — солнечные ожоги. Вы окажетесь под прямым воздействием солнечного ультрафиолета, никакая атмосфера защищать вас не будет. Тридцати секунд такого облучения более чем достаточно, чтобы покрыться крайне неприятными волдырями, поэтому пересадка будет организована на теневой стороне «Пегаса». Если вы вдруг окажетесь на свету, прикрывайте лицо ладонью. У кого есть перчатки — не забудьте их надеть.

Вот, в общем-то, и все. Сам я пойду с первой группой, чтобы показать вам, насколько это просто. Теперь разбейтесь на четыре группы, и я проведу с каждой из них тренировку.

Бок о бок «Пегас» и «Ахерон» мчались к далекой планете, но лишь одному из двух кораблей суждено было ее достигнуть. Лайнер открыл свои шлюзы; настежь распахнутые люки зияли в каких-то метрах от доживающего последние

свои минуты крейсера. Среди многочисленных тросов, натянутых между кораблями, парили одетые в скафандры люди, готовые мгновенно прийти на помощь, если кто-либо из недавних врагов Земли станет терять сознание.

К счастью, три переборки «Ахерона» сохранили герметичность, так что можно было разделить его на независимые отсеки и выпускать команду в космос четырьмя отдельными группами — шлюзы «Пегаса» не вместили бы всех сразу.

Решающие эпизоды спасательной операции капитан Холстед наблюдал с мостика. От корпуса крейсера отделился, чтобы тут же сразу раствориться в пустоте, ватный клуб пара; через несколько секунд в том же месте резко распахнулся аварийный люк (вряд ли его конструкторы предвидели такую аварийную ситуацию). Первую секунду вырвавшееся из отверстия облако не давало ничего видеть, однако Холстед буквально собственной кожей ощущал, каково этим людям сейчас, когда уносящийся в пространство воздух пытается унести их с собой, оторвать от перил.

Когда облако рассеялось, оказалось, что часть первой группы уже выбралась наружу. Одетый в скафандр человек — по всей видимости, командир — держал в руках концы трех тросов, к которым были пристегнуты все остальные. Мгновенно подлетевшие члены команды «Пегаса» выхватили у него два троса и бросились каждый к своему шлюзу. Холстед с облегчением заметил, что люди с «Ахерона» не только не потеряли сознание, но и стараются по возможности помогать своим спасителям.

Казалось, что прошли столетия, пока последняя из болтающихся на тросах фигур не исчезла в люке «Пегаса». Затем прозвучала команда: «Закрывайте третий!». Через секунду закрылся и первый шлюз, но со вторым вышла какая-то долгая, томительная проволочка. Капитан Холстед не видел, что там происходит, скорее всего кто-то оставался еще за бортом и задерживал остальных. В конце концов все наружные люки были закрыты. Времени заполнять шлюзы нормальным образом — из баллонов и постепенно — не было; резкий поворот аварийных ручных вентилях — и в них хлынул воздух прямо из корабля.

Коммодор Бреннан и девяносто человек его команды, распределенные по остальным трем герметичным отсекам «Ахерона», ждали. Каждая группа уже связалась в три цепочки

по десять человек, командиры не выпускали тросов из рук. Все было спланировано и отрепетировано, оставалось только выяснить, не впустую ли пошли их старания.

И тут динамики корабля ожили.

— «Пегас» — «Ахерону». — Голос капитана Холстеда звучал спокойно, почти буднично. — Все ваши люди вышли из шлюзов. Потерь нет. У нескольких кровотечения. Через пять минут мы будем готовы к приему следующей партии.

И все-таки без потерь не обошлось. При четвертом, последнем переходе один из спасаемых отвязался и ударился в панику; чтобы не подвергать риску три десятка жизней, пришлось закрыть шлюз без него. Случай, конечно же, при-
скорбный, однако, положив руку на сердце, остальные члены экипажа «Ахерона» слишком радовались собственному спасению, чтобы горевать по погибшему товарищу.

Оставалось последнее. Коммодор Бреннан, единственный теперь человек на борту умирающего крейсера, установил таймер, включающий двигатели, на тридцать секунд. Вполне достаточно: даже в неуклюжем скафандре он успеет выскочить из заранее открытого люка и за половину этого времени, а опасность взрыва возрастала ежесекундно. Никто, кроме Бреннана и его главного механика, так никогда и не узнал, насколько близко подошли они в этот день к критической черте.

Бреннан щелкнул тумблером и бросился к люку. Едва он успел добраться до «Пегаса», как боевой корабль, бывший недавно гордостью Федерации и все еще заряженный миллионами киловатт-веков энергии, отправился в последний свой путь, бесшумно двинулся в направлении звезд Млечного Пути.

Взрыв был отчетливо виден на всех внутренних планетах Солнечной системы. Последние честолюбивые надежды Федерации и последние страхи Земли разлетелись вдребезги.

ГЛАВА 20

Каждый вечер когда Солнце медленно уходит за одинокую громаду Пико, тень величественной горы накрывает выкованный из металла обелиск, который будет стоять в Море Дождей миллионы лет, пока существует само это мо-

ре. На обелиске, в алфавитном порядке, написано пятьсот двадцать семь фамилий. Никакие знаки не отличают здесь тех, кто погиб за Федерацию, от погибших за Землю — лучшее, пожалуй, доказательство, что умерли они не напрасно.

Битва при Пяко покончила с господством Земли и возвестила о приходе эры планет. Земля слишком устала от долгой и бурной своей жизни, от усилий, потраченных на завоевание ближайших миров — миров, столь неожиданно против нее восставших, в точности так же, как некогда американские колонии подняли оружие против своей прародительницы Британии. В обоих случаях действовали сходные причины, в обоих случаях все закончилось благоприятно для человечества.

Одержимая любая из сторон однозначную, не вызывающую сомнений победу, результат мог бы оказаться катастрофическим. Федерация вряд ли упустила бы шанс навязать Земле унижительные условия мира — не имея никакой возможности добиться их выполнения. Земля же была бы вполне способна обескровить своих непокорных детей, полностью прекратить их снабжение, что задержало бы колонизацию планет на десятки, даже на сотни лет.

Но игра окончилась вничью, привела к патовому положению, каждый из противников получил полезный, хотя и весьма болезненный урок; в первую очередь они научились относиться друг к другу с уважением. Каждому из правительств предстояло трудное и малопривлекательное занятие — объяснить своим гражданам, что и почему делалось от их имени...

Взрывы, несколько часов сотрясавшие Луну, смолкли, но тут же, далеким их отзвуком, на Земле, Венере и Марсе загремели взрывы политические. Когда пыль улеглась и дым рассеялся, оказалось, что многие весьма амбициозные личности куда-то исчезли (навсегда или только на время — это вопрос особый), а оставшиеся у власти захвачены одной главной задачей — восстановить дружеские отношения и, сколько возможно, загладить воспоминания об эпизоде, не принесшем чести никому.

Случай с «Пегасом», перекинувший мостик через порожденную войной пропасть, напомнивший людям, что все они — одного племени, значительно облегчил политикам их

задачу. По выражению одного историка, Фобосский договор был подписан в атмосфере пристыженного примирения. Стороны пришли к соглашению почти мгновенно — каждая из них имела нечто, жизненно необходимое другой.

Превосходящий научный потенциал дал Федерации то, что теперь широко известно под броским, хотя и неточным названием «ускорение без ускорения»; в то же время Земля готова была поделиться своей лунной добычей. Проникнув сквозь нищенски бедную кору, люди добрались наконец до сокровищ, так долго сберегавшихся в ядре нашего спутника. Содержащиеся там металлы с лихвой обеспечат все нужды человечества на многие столетия вперед.

Прошло несколько лет, и картина расселения людей по планетам стала совершенно иной, лицо Солнечной системы изменилось до неузнаваемости. Самой быстрой и разительной из этих перемен оказалось превращение Луны из бедной приживалки при скаредной старухе Земле в богатейшую и самую влиятельную из держав. Уже через десять лет после битвы при Пико Суверенная Лунная Республика будет с равной беспристрастностью диктовать условия коммерческих поставок как Федерации, так и Земле.

Но будущее — оно когда еще будет, сейчас главным было другое: война закончилась.

ГЛАВА 21

Да, подумал Садлер, Централ-Сити малость подрос. Под любым из его теперешних куполов с легкостью уместился бы весь город, каким он был тридцать лет назад. Если дело и дальше так пойдет, скоро Луну подведут под одну большую крышу. Ему не хотелось до этого дожить.

Теперешний вокзал не уступал размерами любому из старых куполов, а платформ на нем оказалось не пять, как раньше, а тридцать. Однако конструкция монорельса осталась практически прежней, да и скорость вроде бы тоже. Вагон, доставивший Садлера из космопорта, был почти неотличим от того, в котором он четверть жизни назад пересек впервые Море Дождей.

Четверть среднего жизненного срока, отпущенного гражданину Луны, — но только треть жизненного срока, если

ты проводишь все свои дни и часы в борьбе с земным тяготением.

Машин на улицах заметно прибавилось — в таком большом городе, как Централ-Сити, без пассажирского транспорта просто не обойтись. Зато вот это ничуть не изменилось — над головой голубело земное, усеянное ватными клочьями облаков, небо. И дождь, конечно же, идет точно по расписанию, совсем как тридцать лет назад.

Садлер сел в авто такси, набрал адрес и откинулся на спинку сиденья; машина тронулась с места и побежала по незнакомым, живущим какой-то своей — и очень активной — жизнью улицам. Багаж уже уехал в гостиницу, но сам Садлер не торопился за ним последовать. Попадешь туда — сразу увязнешь в делах и, вполне возможно, упустишь последний шанс завершить свою миссию.

Землян — туристов и бизнесменов — было на улицах немногим меньше, чем местных. Они отличались от рожденных «лунатиков» не столько одеждой и поведением, сколько неумением ходить при низкой гравитации. Хотя Садлер пробыл на Луне всего несколько часов, к приятному его изумлению, автоматическая мускульная адаптация, приобретенная десятилетия назад, вернулась быстро и без всяких усилий. Оказалось, что это вроде езды на велосипеде — раз научившись, не разучишься уже никогда.

Вот у них теперь, значит, как. Настоящее озеро, с островами да лебедями. Про этих лебедей он уже читал, им подрезают крылья, иначе птички могут улететь слишком далеко — или взлететь слишком высоко — и врезаться в «небо». Громкий, неожиданный всплеск, это выпрыгнула из воды здоровенная рыбина. Интересно, нравится ли ей, что здесь можно прыгать так высоко?

Машина сумела каким-то образом выбрать из путаницы направляющих полос нужную и нырнула в туннель, уходящий под край купола. При такой совершенной имитации неба не сразу поймешь, переехал ты из одного купола в другой или нет, но Садлер не сомневался — он заметил посередине туннеля, в самой низкой его точке, массивные металлические створки. Говорят, такие ворота могут закрыться за две секунды — и сделают это автоматически, если с какой-нибудь из сторон давление начнет падать. Интересно, доводят ли подобные мысли кого-нибудь из обитателей

Сентрал-Сити до бессонницы? Вряд ли, ведь сколько людей живут рядом с вулканами и плотинами и даже не думают о них, не проявляют ни малейших признаков нервного расстройства. До сих пор был всего один случай, когда население какого-то из куполов эвакуировали, да и в тот раз течь была пустяковой, прошло еще много часов, прежде чем давление заметно снизилось.

Туннель вышел на поверхность в жилом куполе, абсолютно непохожем на предыдущий, деловой и развлекательный. Купол этот не прикрывал сверху множество маленьких домов, а сам по себе являлся одним огромным домом с движущимися коридорами вместо улиц. Машина остановилась и вежливо сообщила своему пассажиру, что может подождать его здесь тридцать минут за скромное вознаграждение в размере полутора кредитов. Садлер считал, что никак не меньше времени уйдет на одни только поиски нужного ему места, а потому предложение отклонил; машина попрощалась и двинулась искать других клиентов.

В нескольких метрах от стоянки красовалась большая объемная схема здания. На взгляд Садлера, оно сильно смахивало на те муравейники, в которых селились люди несколько веков назад; он видел нечто подобное на картинках старой энциклопедии. Не вызывало сомнений, что найти здесь дорогу до дури просто — если ты знаком со структурой этого лабиринта, но кто же так сразу разберется в бесчисленных его этажах и коридорах, зонах и секторах...

— Ищите кого-нибудь, сэр? — негромко спросил его кто-то сзади.

Садлер повернулся; снизу вверх на него смотрели умные, живые глаза мальчика лет шести-семи. Как раз такого же возраста, подумал он, как внук, Джонатан Питер-второй; Господи, как же время-то летит.

— Редко видим тут землян, — доверительно сообщил мальчик. — Заблудились?

— Пока еще нет, — улыбнулся Садлер. — Но скоро заблужусь.

— Куда идете?

Они тут что, вообще местоимениями не пользуются? Просто поразительно, с какой скоростью образуются языковые различия — и это несмотря на межпланетную радиовещательную сеть. Вот этот, к примеру, мальчик наверняка умеет

говорить на вполне приличном земном английском, но скорее — как на иностранном языке, в повседневной жизни он пользуется местным лунным диалектом.

Садлер вынул записную книжку и прочитал вслух довольно-таки замысловатый адрес.

— Пошли, — скомандовал столь счастливо подвернувшийся под руку юный доброволец; Садлер охотно подчинился.

Короткий пандус перешел в широкую, медленно движущуюся дорожку, которая буквально через несколько метров сменилась другой, более быстрой. Проехав на ней мимо входов в бесчисленные поперечные коридоры по крайней мере километр, они снова перешли на медленную секцию, после чего оказались в огромном шестиугольном зале. Здесь было очень много людей, они выходили из одних коридоров, ныряли в другие, что-то покупали в многочисленных ларьках. Посередине зала винтом извивались два спиральных пандуса с движущимися дорожками. Руководимый мальчиком, Садлер встал на дорожку, бегущую вверх, и поднялся на шесть этажей. Стоя на внутреннем краю пандуса, он перегнулся через перила и увидел, что здание уходит на огромную глубину. Далеко внизу виднелось нечто вроде страховочной сетки; прикинув в уме, Садлер решил, что она, пожалуй, способна спасти дурака, который умудрится упасть в шахту. Легкомыслие, с каким относились к тяготению лунные строители, привело бы на Земле к весьма печальным последствиям.

Верхний зал оказался в точности таким же, как и предыдущий, однако людей здесь толпилось меньше, да и выглядели эти люди слегка иначе. Суверенная Лунная Республика гордилась своей демократичностью, однако и в ней — как и в любой созданной человеком культуре — возникали тонкие классовые различия. Аристократы по праву рождения или богатства давно стали достоянием истории, однако аристократия духа, ответственности будет существовать всегда. Не возникало сомнений, что на этом уровне живут люди, определяющие судьбу своей державы. У этих людей было чуть-чуть больше собственности и неизмеримо больше забот, чем у их сограждан с нижних этажей; кроме того, места на верхнем или нижнем этажах не являлись чем-то раз и навсегда заданными, кто-то переселялся снизу вверх, а кто-то и сверху вниз.

Маленький проводник уверенно направил Садлера в очередной движущийся коридор, а оттуда в неподвижный и не совсем обычный — с узкой полоской газона посередине и с фонтанами по обоим концам. Подойдя к одной из дверей, он произнес: «Вот то место». Краткость и грубоватость этого заявления вполне компенсировались гордой мальчишеской улыбкой, словно говорившей: «А ведь здорово у меня получилось!» Садлер замялся — какой суммой следует ему отблагодарить своего спасителя? А вдруг тот откажется от денег, да еще и обидится?

Социальная дилемма разрешилась очень просто; по всей видимости, мальчик правильно понял нерешительность землянина.

— Больше десяти уровней, итого пятнадцать.

Так, значит, удивленно подумал Садлер, у них и стандартная такса есть. Он вытащил из кармана монету в четверть кредита и — к еще большему своему удивлению — был вынужден взять сдачу. Судя по всему, знаменитые лунные добродетели — честность, справедливость и предприимчивость — прививались здешним детям чуть не с грудного возраста.

— Подожди немного, — сказал Садлер, нажимая кнопку звонка. — Если никого нет дома, тебе придется проводить меня назад.

— Так вы что, — изумленно уставился на него практичный сын Луны, — не догсвсрились по телефону?

Оправдываться было бессмысленно; причуды бестолковых, старомодных землян не вызывали у энергичных колонистов ничего, кроме насмешки. (Кстати сказать — упаси тебя Бог назвать их «колонистами».)

К счастью, предосторожность оказалась излишней; нужный Садлеру человек открыл дверь, мальчишка весело попрощался и побежал по коридору, насвистывая свеженький, только-только с Марса мотив.

— Не знаю, — неуверенно начал Садлер, — помните вы меня или нет. Я познакомился с вами в Платоновской Обсерватории, во время битвы при Пико. Бертрам Садлер.

— Садлер? Садлер? Извините, что-то никак не могу припомнить. Но вы заходите, заходите — мне всегда приятно встретиться со старым товарищем.

Садлер с любопытством озибался — в личную квартиру обитателя Луны он попал впервые. Как и легко было ожидать, она ничем не отличалась от привычных, земных. Являясь всего лишь одной из ячеек огромного улья, квартира эта все равно была домом; с той поры когда многие люди жили еще в отдельных, изолированных друг от друга домах, миновало уже два столетия, за это время слово «дом» сильно изменило свое значение.

И все же была здесь некая вещь, чересчур старомодная для любого земного жилища. Половину одной из стен гостиной покрывала подвижная, меняющаяся роспись, каких Садлер не встречал много уже лет. Заснеженный горный склон, а внизу его — крошечная альпийская деревушка. Несмотря на удаленность пейзажа, каждая его деталь — и кукольные домики, и игрушечная церковь — выступали с кристальной ясностью и отчетливостью, как в перевернутом бинокле. По другую сторону деревушки тянулся новый склон; он поднимался все круче и круче, переходя в величественный пик, увенчанный белым вымпелом сдуваемого ветром снега.

Судя по всему, пейзаж был самый настоящий, записанный лет двести назад. Хотя — как знать, на Земле и сейчас всякое можно встретить.

Садлер сел на предложенный ему стул и сумел наконец толком разглядеть человека, ради встречи с которым он, подобно нерадивому школьнику, сбежал от важных и срочных дел.

— Так вы меня не помните?

— Боюсь, что нет; к сожалению, у меня вообще очень плохая память на имена и лица.

— Удивительного мало, ведь я постарел с того времени чуть не в два раза. А вот вы, профессор Молтон, совсем не изменились. Вы были первым человеком, который заговорил со мной по пути в Обсерваторию. Мы ехали из Сентрал-Сити монорельсом и смотрели, как солнце прячется за Апеннины. Это было незадолго до битвы при Пико, в первый мой приезд на Луну.

Садлер видел, что хозяин дома искренне озадачен. (Так ведь тридцать лет прошло, и не суди обо всех по себе — редко у кого бывает такая, как у тебя, фотографическая память.)

— Ничего, — сказал он, — трудно было бы и ожидать, что вы меня вспомните, я ведь не из ваших коллег. Я не работал в Обсерватории, а только заезжал туда, и совсем ненадолго. Я не астроном, а бухгалтер.

— Да?

Было видно, что Молтон силится вспомнить — и не может.

— Однако меня привели в Обсерваторию совершенно другие дела — хотя я и притворялся бухгалтером. В тот момент я был правительственным агентом, расследовал утечку информации.

По лицу Молтона скользнуло удивление, и ответил он не сразу.

— Да, что-то такое припоминаю. Но вот фамилия — фамилия совсем из головы вылетела. Это же так давно было.

— Да, конечно, — откликнулся Садлер, — но есть вещи, которые вы никак не могли забыть. Прежде чем продолжать, я хотел бы подчеркнуть один существенный момент. Мой к вам визит носит сугубо неофициальный характер. Теперь я не имею никаких побочных занятий, я только бухгалтер, и вполне процветающий. Более конкретно, я один из партнеров фирмы «Картер, Харгривз и Тиллотсон» и прибыл сюда для аудирования нескольких крупных лунных корпораций. Если хотите, можете проверить в вашей Торговой Палате.

— Я не совсем понимаю... — начал Молтон.

— Какое это имеет к вам отношение? Ну что ж, придется мне освежить вашу память. Меня командировали в Обсерваторию, чтобы расследовать нарушение режима секретности. Каким-то не совсем понятным образом Федерация получала с Луны нужные ей сведения. Если верить одному из наших агентов, утечка была связана с Обсерваторией — вот меня к вам и направили.

— Говорите, говорите, — кивнул Молтон.

— К сожалению, — чуть горько улыбнулся Садлер, — шпионаж и бухгалтерия — вещи совершенно разные, а потому контрразведчик из меня получился аховый. Я подозревал очень многих людей, но так ничего толком и не узнал — хотя и разоблачил по чистой случайности одного мошенника.

— Дженкинса, — неожиданно откликнулся Молтон.

— Совершенно верно. А ведь не такая у вас, профессор, и плохая память. Короче говоря, никакого шпиона я не нашел; я не смог даже доказать, что таковой существует — хотя и расследовал все мыслимые варианты. Затем эта история перестала кого бы то ни было интересовать, ее спустили на тормозах, так что через несколько месяцев, к превеликой своей радости, я смог вернуться к нормальной работе. И все же эта история продолжала меня мучить, она была чем-то неправильным, незаконченным, этакой неувязкой в балансной ведомости — а я не терплю подобных вещей. Однако надежды разобраться не было никакой — до тех пор, пока я не прочитал книгу коммодора Бреннана. Вам она, кстати, еще не попадалась?

— Нет, к сожалению, но я о ней слышал.

Садлер вынул из портфеля увесистый том и передал его Молтону:

— Вот, возьмите, пожалуйста. Я уверен, что вам будет очень интересно. Книга сенсационная, недаром о ней сейчас говорит вся Система. Многие весьма влиятельные люди из Федерации пришли в полное бешенство — он ведь тут рубит все напрямую, ничего не причесывает. Но меня заинтересовало совсем другое — описание им событий, приведших к битве при Пико. Коммодор Бреннан пишет, ясно и недвусмысленно, что из Обсерватории поступала важнейшая информация. Можете себе представить, с каким удивлением прочитал я следующую фразу: «Изумительная по изобретательности техническая уловка позволила одному из ведущих астрономов Земли непрерывно сообщать нам о ходе работ по “Проекту Тор”. Вряд ли будет уместным называть здесь этого человека по фамилии; могу только добавить, что он вышел в почетную отставку и живет теперь на Луне».

В комнате повисла долгая тишина. Морщинистое лицо Молтона закаменело, не выдавало ни малейшего следа эмоций.

— Поверьте, профессор Молтон, — продолжил наконец Садлер. — Я даже не знаю, как вас убедить, что привело меня сюда исключительно личное любопытство. Кроме того, вы — гражданин Республики, и теперь я не могу сделать с

вами ровно ничего, даже при желании. Но я знаю, что агентом были вы. Описание вполне к вам подходит, я просмотрел все другие варианты и все их отверг. Более того, у меня есть в Федерации друзья, они заглянули в архивы — опять же сугубо неофициально. Так что нет никакого смысла притворяться, будто вы ничего об этом не знаете. Если вы не расположены к беседе — я уйду. Но ведь мы говорим сейчас о делах прошлых, утративших теперь всякое значение — а я отдал бы буквально что угодно, чтобы узнать, как вы это сделали.

Молтон открыл книгу профессора — в прошлом коммодора — Бреннана, начал просматривать указатель, а затем раздраженно покачал головой:

— Ну зачем было все это писать?

Он ни к кому не обращался и явно не ждал ответа; предвидя дальнейшее, Садлер замер в ожидании. Неожиданно профессор отложил книгу и посмотрел ему прямо в глаза:

— Предположим, я вам расскажу; что будет с этой информацией дальше?

— Ничего, я могу в этом поклясться.

— Кое-кто из моих коллег мог бы оскорбиться, даже по прошествии такого времени. Все это очень и очень не просто. И не доставляло мне никакого удовольствия. Но Землю нужно было остановить — так что я поступил правильно.

— Нынешний директор Обсерватории, профессор Джеймисон, думал примерно так же — но ведь он-то не стал претворять в жизнь свои идеи.

— Знаю. Был момент, когда я чуть ему не признался — и хорошо, наверное, что не признался.

Молтон задумчиво смолк, затем его лицо сморщилось в улыбке.

— Это я вспомнил, — объяснил он. — Я же водил вас по своей лаборатории. Были у меня тогда некоторые подозрения — чего это вы всюду ходите, все высматриваете. Поэтому я показывал вам абсолютно все, пока не заметил, что вы впали в полную тоску и только и мечтаете, чтобы поскорее уйти.

— К сожалению, — сухоvalo заметил Садлер, — так случилось довольно часто, не только у вас. Слишком уж много в Обсерватории оборудования.

— Да, но среди моего было нечто уникальное. Не то что вы, никто из моих собратьев по профессии не смог бы догадаться, для чего предназначена эта техника. И вы, и ваши коллеги искали скорее всего какие-нибудь там припрятанные радиопередатчики и прочее в этом роде, так ведь?

— Да. Было организовано круглосуточное прослушивание эфира, но оно ничего не дало.

По лицу Молтона скользнуло что-то вроде самодовольной улыбки. А ведь он, подумал Садлер, тоже, наверное, мучился все эти тридцать лет. Мучился невозможностью похвастаться, как здорово он провел все секретные службы Земли.

— Самая прелесть тут в том, — продолжил старый профессор, — что я никуда и не прятал свой передатчик. Более того, он торчал в Обсерватории на самом виду. Это же был наш десятиметровый прибор.

Глаза Садлера изумленно расширились:

— Простите, что-то я не понимаю.

— А вы задумайтесь на секунду, что именно делает телескоп. — В голосе Молтона появились типичные интонации университетского профессора, каковым он и был после ухода из Обсерватории. — Этот прибор собирает свет, идущий с крошечного участка неба, а затем точно фокусирует его на фотографической пластинке либо на щели спектрографа. Но неужели же вам не понятно, что телескоп может работать и в другую сторону?

— Кажется, начинаю улавливать.

— Моя программа предусматривала использование десятиметрового прибора для исследования слабых звезд. Я работал в невидимой части спектра, в далеком ультрафиолете. И вот, достаточно было заменить обычные приборы на ультрафиолетовую лампу, как в моих руках оказался невиданной мощности и точности прожектор; посылаемый им пучок света мог быть зарегистрирован только на крошечном участке неба. Ну а наложить на пучок сигнал — задача и вовсе тривиальная; я мог бы прямо работать на ключе, но предпочел спаять автоматический модулятор.

Садлер понемногу переваривал услышанное. После объяснения идея казалась до глупости простой. Да, конечно же, любой телескоп, если подумать, способен работать в

обе стороны — собирать свет, приходящий от звезд, или посылать практически параллельный луч к ним — достаточно только посветить с того конца, куда обычно смотрят. Молтон сделал из самого крупного в истории телескопа самый мощный в истории электрический фонарик.

— А куда вы посылали свои сигналы? — поинтересовался он без особого уже интереса.

— Примерно в десяти миллионах километров от нас крейсировал корабль Федерации. Даже на таком расстоянии мой пучок оставался очень узким, так что требовалась чрезвычайно точная навигация. Мы договорились, что корабль будет всегда стоять на линии между Обсерваторией и одной слабенькой северной звездочкой, никогда не уходящей у нас за горизонт. При необходимости передать сообщение — у нас, конечно же, были определенные договоренные часы — я попросту набирал на пульте координаты этой звезды и был совершенно уверен, что сигнал дойдет. На борту корабля имелся небольшой телескоп с ультрафиолетовым детектором. А уж дальше они связывались с Марсом по самому обычному радио. Я иногда задумывался, до чего же, наверное, им там скучно — торчать на одном месте, ничего не делая, и только ждать, когда же я сообразоволю послать свою ультрафиолетовую телеграмму. А ведь я, случалось, по многу дней ничего не передавал.

— Но есть и другой интересный момент, — заметил Садлер. — Каким образом вся эта информация поступала к вам?

— О, тут был даже не один способ, а два. Само собой, мы получали все, какие есть, астрономические журналы. Мы договорились, что я буду просматривать в некоторых из них — вот, кстати, припоминается «Обсерватория» — определенные страницы. Тайнопись флюоресцировала только в далеком ультрафиолете, никакая обычная ультрафиолетовая лампа ее не обнаруживала.

— А второй способ?

— Каждую неделю я выезжал в Централ-Сити и обязательно посещал спорткомплекс. Раздеваясь, ты запираешь свою одежду в шкафчик, но сверху двери этих шкафчиков прилегают неплотно, там такие щели, что можно просунуть что угодно; иногда поверх моего хозяйства оказывалась пробитая перфокарта. Вещь вполне невинная и заурядная, они

валяются не только у вычислителей, но и в каждой комнате Обсерватории. Для отвода глаз я взял за привычку всегда иметь при себе пару этих карт. Вернувшись домой, я читал карту и при первой же связи отсылал ее текст. Я даже не знал, что именно посылаю — все сообщения шли шифром. И я так и не узнал, кто же именно мне их подкидывал.

Молтон замолк и несколько секунд с интересом оглядывал Садлера.

— В целом, — заключил он, — я не думаю, чтобы у вас были какие-нибудь шансы. Единственная опасность состояла в том, что ваши люди поймают кого-нибудь из информаторов и выйдут через него на меня. Но ведь и в таком случае я бы скорее всего выкрутился. Каждый элемент использовавшегося мной оборудования имел и другое, самое нормальное назначение, даже модулятор являлся частью неудачного анализатора спектров, который и пора было вроде бы разобрать, но все никак руки не доходили. А каждый сеанс связи продолжался всего какие-то минуты — за это время я успевал передать очень много, а потом переходил к работам по программе.

Садлер смотрел на старого астронома с нескрываемым восхищением. Сам он чувствовал себя гораздо лучше — наконец-то удалось справиться с застарелым комплексом неполноценности. Вряд ли нашелся бы гениальный сыщик, способный поймать Молтона за руку, — во всяком случае, пока тот ограничивал свою деятельность пределами Обсерватории. Так что вся вина лежит на контрразведчиках из Централ-Сити и «Проекта Тор», которые не сумели обнаружить — и перекрыть — утечку информации.

Однако Садлер хотел и никак не решался задать еще один вопрос. Вопрос, собственно говоря, никаким боком его не касавшийся. Как именно передавалась информация — перестало быть тайной, но вот почему...

Ответы тут могли быть самые разные. Вся прошлая история наглядно свидетельствовала, что люди, подобные Молтону, не становятся шпионами ради денег или власти, или по иным, столь же тривиальным причинам. Не подлежало никаким сомнениям, что ступил он на этот путь под влиянием сильного эмоционального побуждения и следовал ему с глубокой внутренней уверенностью в собственной правоте. Была, конечно же, и некая логика, подсказавшая

профессору, что необходимо поддержать Федерацию против Земли, но в случаях, подобных этому, одной логикой не обойдешься.

Ну что ж, пусть этот секрет так и остается секретом.

Судя по всему, Молтон прочитал мысли Садлера; поднявшись из-за стола, он подошел к большому книжному шкафу и отодвинул в сторону деревянную панель.

— Как-то, — сказал он, не оборачиваясь, — я натолкнулся на одну цитату, доставившую мне большое утешение. Не знаю уж, следует считать эти слова циничными или нет, но в них много правды. Принадлежат они Талейрану, французскому политику, жившему лет четыреста назад. И сказал он следующее: «Что можно считать предательством? Это полностью зависит от даты». Попробуйте задуматься над этим, мистер Садлер.

Молтон вернулся к столу с двумя рюмками и объемистым графином.

— Мое хобби, — сообщил он Садлеру. — Гесперское, урожай прошлого года. Французы, конечно же, смеются, но я считаю, что оно не уступит ни одному земному сорту вина.

Их рюмки слегка соприкоснулись.

— За мир между планетами, — провозгласил Молтон. — И пусть ни одному человеку не придется больше заниматься тем, чем занимались мы тридцать лет назад.

Перед пейзажем, удаленным от них в пространстве на четыреста тысяч километров, а во времени — на два столетия, шпион и сыщик кивнули друг другу, улыбнулись и выпили. Каждого из них переполняли воспоминания, но теперь в этих воспоминаниях не было ни капли горечи. Больше говорить было не о чем, для них эта история закончилась.

Молтон проводил своего гостя по коридору мимо тихо плещущего фонтана и указал ему дорожку, бегущую к пересадочному залу. На обратном пути он задержался около клумбы и чуть не был сбит с ног толпой хохочущих детей, со всех ног мчавшихся в направлении игровой площадки девятого сектора. На какое-то время коридор заполнился их веселым криком, и затем дети исчезли, словно неожиданный порыв ветра, и снова стало тихо.

Глядя, как они уносятся навстречу своему яркому, беззаботному будущему, профессор Молтон улыбнулся — он

тоже внес свой вклад в создание этого будущего. Он имел много оснований гордиться прожитой жизнью, но самым важным было, наверное, именно это. Никогда впредь, ни в какие представимые разумом времена род человеческий не разделится, не восстанет сам против себя. Потому, что где-то там, вверху, над крышами Сентрал-Сити, неисчерпаемые богатства Луны широкими потоками текли ко всем планетам, которые человечество превращало в части огромного своего дома.

Содержание

От издательства	5
Конец детства , роман, <i>перевод Норы Галь</i>	7
Земной свет , роман, <i>перевод М. Пчелинцева</i>	209

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА
Собрание фантастических произведений

ЗЕМНОЙ СВЕТ

Составитель *Д. Смушкович*
Редактор *В. Генкин*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

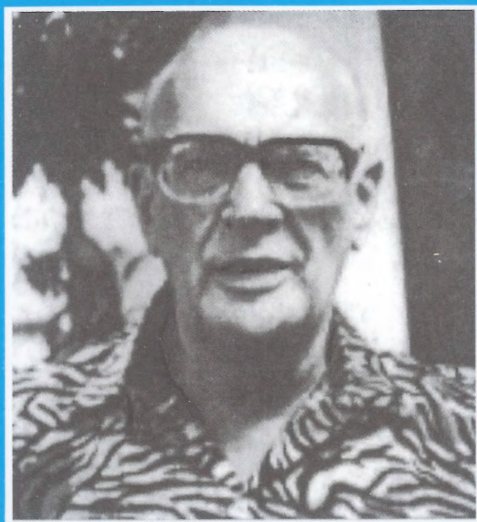
ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 12.02.98. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Антиква. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 7000 экз. Заказ № 2193.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтамт а./я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

КОНЕЦ ДЕТСТВА

Когда корабли загадочных Сверхправителей зависают над Землей, рождаются мириады теорий о природе пришельцев. Но никто не поверил бы страшной правде. Потому что хотя человечеству уготовано блистательное будущее, лишь одному человеку суждено увидеть его...

ЗЕМНОЙ СВЕТ

Земля и внешние планеты стоят на грани войны за редкие минералы. Только один человек может вовремя раскрыть предателя, скрывающегося в одной из лунных обсерваторий. Но схватка умов не может предотвратить космического боя, в котором Земля вынуждена применить свое самое страшное оружие.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1998